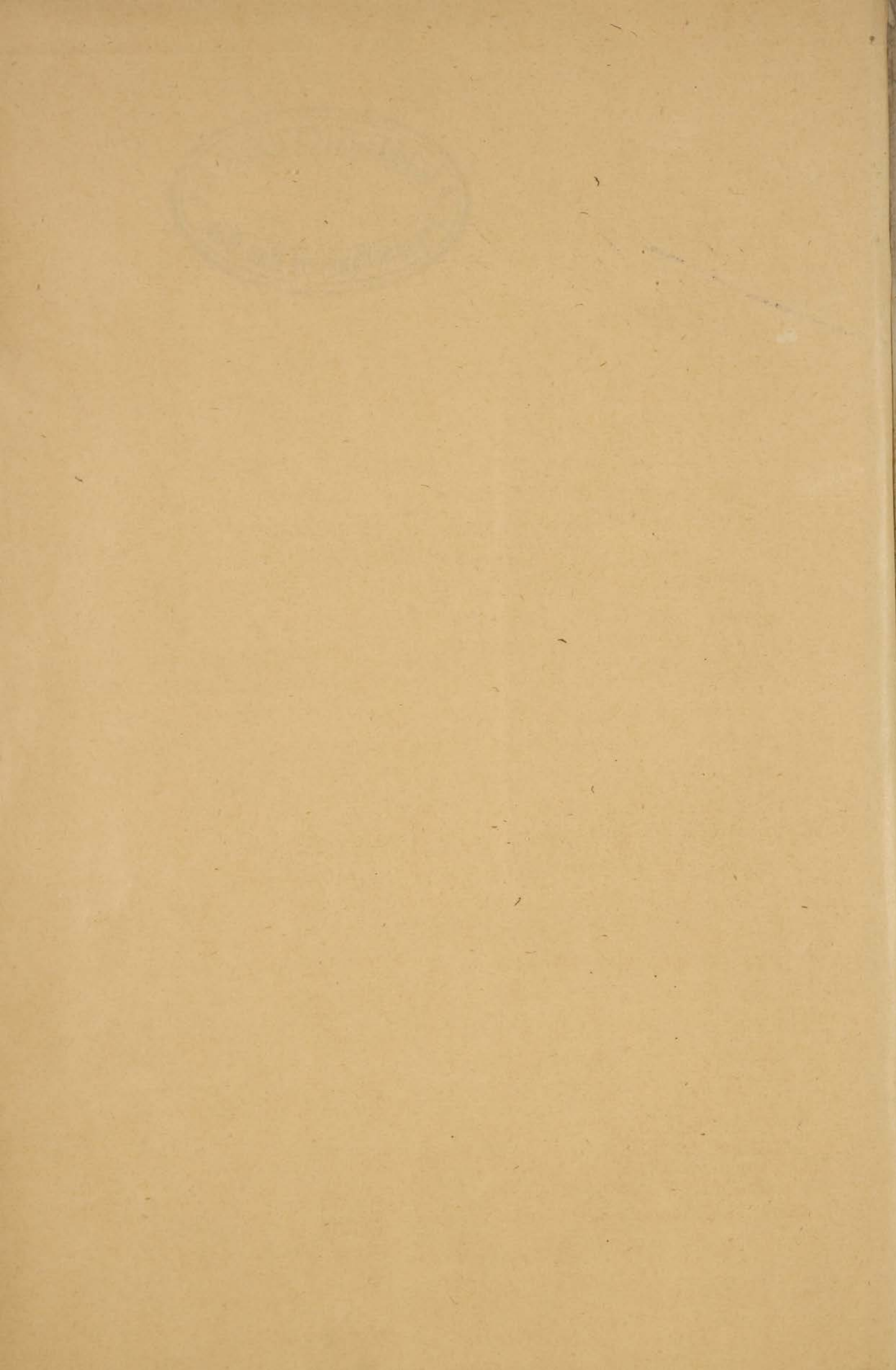

No.

7977
7977.

~~21903.~~

ВЛАДѢНІЕ И ПОЛЬЗОВАНІЕ ЗЕМЛЕЙ

7977

ВЛАДѢНІЕ И ПОЛЬЗОВАНІЕ

~~21903.~~

ЗЕМЛЕЙ

ВЪ РАЗЛИЧНЫХЪ СТРАНАХЪ

СОБРАНІЕ СТАТЕЙ ИЗВѢСТНЫХЪ СОВРЕМЕННЫХЪ ЭКОНОМИСТОВЪ

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

Въ Типографіи М. Хана, Болотная № 5

1871

Н. К. Ц.

39

~~1100~~

ЗЕМЛЕН

ВЪВЕДЕНИЕ

72629

КАМЕННИ

ВЪВЕДЕНИЕ

1877

1100

ОТЪ ПЕРЕВОДЧИКА.

Книга, переводъ которой мы представляемъ русской публикѣ, издана Кобденскимъ клубомъ въ Лондонѣ и составляетъ собраніе отдѣльныхъ, совершенно независимыхъ по взгляду, изслѣдованій, англійскихъ, французскихъ, германскихъ и американскихъ экономистовъ по вопросу о владѣніи и пользованіи земель въ различныхъ странахъ.

„Мы приступили къ составленію настоящей книги, говоритъ комитетъ Кобденскаго клуба въ предисловіи къ второму изданію: — въ той увѣренности, что нельзя лучше содѣйствовать къ достиженію цѣли столь пламенно преслѣдованной Кобденомъ, какъ собраніемъ, чрезъ посредство компетентныхъ авторовъ, вѣрныхъ свѣденій о законодательствахъ и практическихъ приемахъ различныхъ образованныхъ странъ по вопросу о землевладѣніи. Этимъ путемъ мы будемъ содѣйствовать образованію справедливаго, общественнаго мнѣнія по столь важному, животрепещущему вопросу и бросимъ правильный свѣтъ на существующее нынѣ въ Англии и Ирландіи поземельное законодательство, вредное вліяніе котораго на народное хозяйство такъ блестяще выставлено было Кобденомъ въ послѣдней его публичной рѣчи.“

Въ виду второй изъ приведенныхъ цѣлей всѣ статьи книги припоровлены къ практическому разрѣшенію поземельнаго вопроса въ Англии, и особливо въ Ирландіи, какъ самаго жизненнаго вопроса для англичанъ въ настоящее время. Такъ какъ для русской публики весь интересъ представляемыхъ изслѣдованій заключается въ теоретической, общечеловѣческой ихъ сторонѣ, то мы нашли необходимымъ сократить и измѣнить нѣкоторыя изъ статей, въ которыхъ слишкомъ преобладаетъ характеръ практическихъ указаній на необходимыя измѣненія мелкихъ мѣстныхъ поземельныхъ отношеній Англии и

Ирландіи. Мы даже вовсе замѣнили статью объ Ирландіи, какъ слишкомъ спеціальную, великолѣпнымъ очеркомъ поземельнаго ирландскаго вопроса и послѣдняго парламентскаго билля поэтому предмету, вышедшимъ изъ подъ пера извѣстнаго бельгійскаго экономиста Емиля де-Лавелея, статья котораго о поземельной системѣ Бельгіи и Голландіи составляетъ одно изъ лучшихъ украшеній изданія Кобденскаго клуба. Кромѣ того для большей полноты и ясности, мы въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дополнили англійскій текстъ примѣчаніями, заимствованными изъ лучшихъ сочиненій по этому предмету, какъ на примѣръ изъ трудовъ Лаверна, Емиля де-Лавелея, Рошера, Лесли и другихъ. Особенно мы многимъ пользовались только что вышедшимъ сочиненіемъ професора лондонскаго университета по кафедрѣ политической экономіи Е. Клифа Лесли „Land Systems and Industrial Economy of Ireland, England and Continental countries. London 1870.—Въ конецъ книги мы приложили статью Джона Стюарта Милля „О поземельномъ вопросу,“ написанную по поводу книги Лесли.

I

ПОЗЕМЕЛЬНАЯ СИСТЕМА

БЕЛЬГИИ И ГОЛЛАНДИИ

Статья Эмиля де Лавелея.

СОДЕРЖАНИЕ.

- 1) Постановка вопроса.
- 2) Естественное невыгодное положение Фландрии и средства принимаемые против этого жителями.
- 3) Усовершенствованное земледѣліе издавна существуетъ во Фландрии.
- 4) Земледѣльцы—лучшій рынокъ для произведеній земледѣлія.
- 5) Дробленіе земли въ Бельгии.
- 6) Поселяне, собственники въ Бельгии, пользуются ссудами на выгоднѣйшихъ условіяхъ, чѣмъ крупные землевладѣльцы.
- 7) „Мелкое хозяйство“ (la petite culture) во Фландрии создаетъ свой собственный капиталъ.
- 8) Поземельная собственность крестьянъ не исключаетъ употребленія машинъ, даже самыхъ дорогихъ.
- 9) Только при поземельной собственности крестьяне въ состояніи обрабатывать дурную почву.
- 10) Поземельная собственность крестьянъ способствуетъ увеличенію всѣхъ элементовъ земледѣльческаго богатства.
- 11) Отличительныя черты фламандской системы земледѣлія.
- 12) Земледѣльческій трудъ въ Бельгии.
- 13) Подраздѣленіе земли во Фландрии не влечетъ за собою чрезмѣрнаго увеличенія народонаселенія.
- 14) Справедливое положеніе и ложное заключеніе Артура Юнга.
- 15) Лопата «Versus» плугъ.
- 16) Аренды въ Бельгии.

- 17) „Beklem-regt“ въ Гренингенѣ, и Aforamento въ Португаліи.
- 18) „Pachtes-regt“ во Фландріи.
- 19) Положеніе земледѣльцевъ въ Бельгіи.
- 20) Преграда къ благосостоянію поселянъ въ Бельгіи состоитъ не въ количествѣ мелкихъ собственниковъ, но въ количествѣ мелкихъ арендаторовъ.
- 21) Положеніе голландскихъ фермеровъ гораздо лучше положенія бельгійскихъ.
- 22) „Latifundia perdidere Italiam.“
- 23) Свобода торговли землей.
- 24) Если подраздѣленіе собственности способствуетъ увеличенію народнаго богатства, то оно еще болѣе способствуетъ поддержанію общественнаго порядка.
- 25) Неизбѣжное развитіе идеи равенства должно грозить опасностью поземельной собственности въ тѣхъ странахъ, гдѣ она сосредоточена въ рукахъ немногихъ семействъ.

1) Я не намѣренъ представить здѣсь очерка современнаго состоянія земледѣлія въ Бельгіи и Голландіи, что исполнено мною въ другомъ сочиненіи; но моя цѣль указать относительно обѣихъ странъ на факты, которые бросаютъ свѣтъ на слѣдующій вопросъ:—Какое аграрное законодательство (т. е. система владѣнія и пользованія землею) болѣе всего способствуетъ развитію земледѣлія и благосостоянія человѣчества?

Прежде всего необходимо небольшое предварительное замѣчаніе. Тридцать лѣтъ тому назадъ экономисты обыкновенно принимали въ соображеніе только производство народнаго богатства, не обращая почти никакого вниманія на его распредѣленіе, которое они полагали устанавливается неизмѣнными, естественными законами; при этомъ конечно лучшей системой считалась та, которая приводила къ ббльшему производству. Но современныя усовершенствованія въ машинахъ удвоили или утроили производство, не увеличивая нисколько благосостоянія тѣхъ, которые своимъ трудомъ вполнѣ этого заслужили; по этому нынѣ разыскиваютъ средства лучшаго распредѣленія производства; нынѣ многіе полагаютъ, что изъ двухъ системъ аграрной организациі той надо отдать предпочтеніе, которая справедливѣе распредѣляетъ производство.

Напримѣръ производство извѣстнаго пространства земли равняется тысячѣ и распредѣлено такъ:

Одинъ землевладѣлецъ	200	частей
Одинъ арендаторъ	100	„
Четырнадцать работниковъ каждый по 50	700	„
	<hr/>	
	1000	частей.

Представимъ себѣ съ другой стороны, что производство того же пространства земли, обрабатываемаго шестнадцатью мелкими собственниками, равняется только 960, но каждый получаетъ 60 частей; по моему мнѣнію, вторая система гораздо выше первой.

Не должно желать ни чрезмѣрной нищеты, ни чрезмѣрнаго богатства. Пауперизмъ и дивитизмъ одинаково поражаютъ развратъ въ частной жизни и революцію въ общественной.

2) Въ Англіи часто противоплагаютъ Фландрію Ирландіи, говоря что первая пользуется земледѣльческими преимуществами, неизвѣстными въ Ирландіи, какъ на примѣръ, большими рынками, лучшимъ климатомъ, изобиліемъ удобренія и бѣльшимъ количествомъ мануфактуръ. Этотъ вопросъ требуетъ разсмотрѣнія.

Фландрія дѣйствительно пользуется нѣкоторыми преимуществами, но они одинаково доступны и ирландцамъ, такъ какъ проистекаютъ отъ человѣческой дѣятельности; а напротивъ преимущества, которыми пользуется Ирландія, какъ проистекающія отъ природы, не доступны фламандцамъ.

Посмотримъ прежде всего на климатъ и почву. Климатъ Ирландіи сырѣе и не такъ тепелъ лѣтомъ, но за то, не такъ холоденъ зимою. Во Фландріи 175 дней дождливыхъ въ году, а въ Ирландіи 220. На этомъ основаніи ирландскій климатъ болѣе способствуетъ разведенію кормовыхъ травъ и кореньевъ, но менѣе пригоденъ для созрѣванія злаковъ; однако фламандецъ былъ бы очень счастливъ имѣть такой климатъ, ибо злаки для него имѣютъ второстепенное значеніе и часто употребляются въ пищу скотины. Онъ ищетъ только изобильной пищи для своихъ коровъ, зная, что цѣнность на скоть постоянно увеличивается, тогда какъ цѣнность злаковъ остается одна и таже. Масло, ленъ, сурѣница и цикорій главные предметы его богатства, и климатъ Ирландіи также, если не болѣе, способствуетъ ихъ произрастанію, какъ климатъ Фландріи.

Что же касается до почвы Ирландіи, то она производитъ прекрасныя, *самозараждающіяся* пастбища, тогда какъ почва Фландріи едва дозволяетъ естественно рости вереску и дикому терну. Это худшая почва всей Европы: бесплодный песокъ какъ въ Ла-Кампинѣ и Бранденбургѣ. Въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Антверпена земля продается по 20 франк. за акръ и всякій покупающій ее съ цѣлью воздѣлыванья непременно разоряется. Почва эта, удобренная десятью вѣками самаго дѣятельнаго земледѣльческаго труда, не даетъ и одного года урожая безъ удобренія, фактъ единственный въ Европѣ.

Еслибъ въ фламандской фермѣ въ 25 акръ было бы 5 или 6 акровъ ирландской земли, представляющей хорошее естественное пастбище, то цѣна этой фермы увеличилась бы на треть. Во Фландріи не растетъ безъ удобренія ни одна травка, а ирландскую землю можно было бы покупать для удобренія фламандской почвы. Идеаль, мечта фламандскаго фермера имѣть нѣсколько акровъ хорошей травы. Въ Ирландіи природа даетъ траву въ изобиліи.

Но могутъ сказать, что Фландрія хорошо снабжена удобреніемъ. Конечно это правда, но оно приобрѣтается возвращеніемъ земли всего что добыто изъ нея. Фламандскій фермеръ старательно собираетъ каждый атомъ городскихъ нечистотъ; онъ сохраняетъ удобреніе, какъ сокровище и возводитъ надъ нимъ крышу для предохраненія отъ дождя и солнечныхъ лучей. Онъ собираетъ илъ изъ рѣкъ, грязь изъ каналовъ, пометъ животныхъ по большимъ дорогамъ; а кости ихъ превращаетъ въ фосфорнокислую соль. Коровьей мочей, собираемой въ ведрахъ, онъ поливаетъ рѣпу, которая безъ того тутъ никогда не произрастала бы, и расходуетъ неимоверныя суммы на гуано и искусственныя удобренія.

Конечно могутъ сказать, что для этого нужны деньги, а у ирландца ихъ нѣтъ. Но откуда же деньги являются у фламандца? Отъ воздѣлыванія льна, сурѣпицы, хмѣля и цикоріи, которые онъ продаетъ по 600 и 1500 франковъ за десятину; а отчего ирландецъ не можетъ дѣлать тогоже? Мы можемъ отвѣтить, что ирландецъ долженъ воздѣлывать поля для своего пропитанія. Но тоже дѣлаетъ и фламандецъ, ибо за исключеніемъ специальныхъ производствъ, о которыхъ мы говорили, онъ производитъ хлѣбъ,

котораго хватило бы на прокормленіе народонаселенія вдвое большаго народонаселенія Ирландіи. Утверждаютъ, что спеціальныя производства, которыми Фландрія славится, были бы невозможны, еслибы не было подъ рукою рынковъ, что не мыслимо въ Ирландіи (¹); но этотъ аргументъ мнѣ кажется не основательный. Главный рынокъ земледѣльческихъ произведеній Бельгіи — Англія. А развѣ Лондонъ ближе Антверпена или Остенде, чѣмъ Дублинъ и Коркъ отъ Ливерпуля и Манчестера? Фрисландія и Гольштейнъ посылаютъ рогатый скотъ и масло въ Англію, а Галиція вывозитъ быковъ изъ Виго черезъ опасный Бискайскій заливъ; отчего Ирландія не можетъ дѣлать тогоже?

Фландрія вывозитъ приготовленный цикорій въ Германію, Голландію, во всѣ части свѣта, а цикорій корнями посылаетъ даже въ Варшаву; она вывозитъ хмѣль въ Парижъ, Лондонъ и Шотландію, ленъ во Францію, Англію и даже самую Ирландію, табакъ въ Америку, сурѣнное и маковое масло въ южную Францію; а съ другой стороны Фландрія получаетъ рожь изъ Венгрии сухимъ путемъ, изъ Іовы и Висконсина черезъ озера, каналы, желѣзныя дороги и океанъ. Ясно поэтому, что производство въ три или четыре раза большее всегда имѣло бы сбытъ въ Англію. Но говорятъ, во Фландріи есть фабрики, а въ Ирландіи ихъ нѣтъ, развѣ только въ Ульстерѣ. Въ этомъ отношеніи необходимо сдѣлать подраздѣленіе. Фландрія дѣйствительно имѣетъ большее количество мѣстныхъ, мелкихъ мануфактуръ, но это слѣдствіе, а не причина ея успѣшнаго земледѣлія; любая страна, пользующаяся послѣднимъ, пользовалась бы и первымъ. Знаменитые мануфактурные центры Бельгіи находятся въ землѣ Валлоновъ, а не во Фландріи. Безспорное доказательство этого представляетъ нижеслѣдующая таблица:

1866.	Паровыя машины.	Лошадиныя силы.
Западная Фландрія	307	3,110
Восточная Фландрія	806	12,984
Геннегау	2,546	73,157
Литихъ	1,608	39,929
	4,154	113,086

(¹) См. Irish Tenure by lord Dufferin. p. 167.

Такимъ образомъ двѣ промышленныя провинціи страны Валлоновъ имѣютъ въ семь разъ болѣе паровыхъ силъ, чѣмъ Фландрія. Потомъ во Фландріи только одинъ мануфактурный центръ Гентъ съ 120.000 жителей, тогда какъ Бельфасть считаетъ 150,000 жителей и развивается гораздо быстрѣе столицы Фландріи.

Однимъ словомъ, для возведенія земледѣлія на высшую степень совершенства, Ирландія пользуется гораздо большими преимуществами, чѣмъ Фландрія, такъ какъ земля тамъ гораздо лучше, климатъ одинаково способствуетъ хорошему урожаю и рынки также близки. Но по несчастью ирландскій фермеръ не имѣетъ земледѣльческихъ преданій фламандца; а конечно эти благодѣтельные преданія дѣло вѣковъ и не могутъ быть приобрѣтены въ одинъ день. Въ каждой странѣ развитіе земледѣлія идетъ медленно, потому что поселяне мало образованы и всѣ земледѣльческія приспособленія не могутъ быть просто заимствованы, какъ улучшенія въ мануфактурахъ; ихъ надо измѣнить согласно почвѣ и климату; а это *искусство*. Знаніе и практическое примѣненіе этого искусства уже издавна существуютъ во Фландріи и здѣсь будетъ умѣстно сказать нѣсколько словъ о первоначальной исторіи ея земледѣлія.

3) Самые древніе историческіе памятники доказываютъ, что земледѣліе во Фландріи было всегда на высокой степени совершенства. Во времена римлянъ, судя по надписямъ на курганахъ, жители береговъ Шельды добывали изъ Англіи мергель для удобренія ихъ неплодородныхъ полей. Изъ одного письма Эгингарда, мы узнаемъ, что въ IX вѣкѣ, въ окрестностяхъ Гента разводили ленъ и виноградъ; въ то же время тамъ производили сукно. Многочисленные документы, напримѣръ монастырскіе списки и акты, дарственные и арендные обнаруживаютъ, что въ средніе вѣка существовали способы земледѣлія почти стольже совершенные, какъ въ наше время; удобреніе было въ изобиліи, поля окружены великолѣпными изгородами, система обработки была плодотворная, для скотины разводили кормовыя травы и коренья (1). Сельская промышленность возникла отъ развитія земле-

(1) См. *Economie Rurale de la Belgique* par Emile Laveleye, Ch. 1, ap. 1.

дѣлія; полотняныя и шерстяныя фабрики мало по малу достигли извѣстности и славы. Сначала ткачи жили въ деревняхъ, а потомъ стали стекаться въ города; вывозъ товаровъ за границу развилъ городскую промышленность и привелъ къ громадному увеличенію городского населенія. Народное богатство, обязанное своимъ происхожденіемъ хорошей обработкѣ земли, создало большіе города, какъ Гентъ, Брюгень, Ипръ, Лувенъ, Брюссель и Антверпенъ. Въ свою очередь богатство городовъ содѣйствовало развитію земледѣлія и сельской цивилизаціи.

Одного факта достаточно, чтобъ показать ту степень прогресса, которую достигла фламандская деревня въ средніе вѣка. Въ такое отдаленное время, какъ 1400 годъ, въ деревняхъ происходили драматическія представленія и самыя пьесы писались и игрались исключительно лицами сельскаго населенія (1). Въ большей части деревень было свое *Реторическое Общество*, служившее фокусомъ умственной жизни. Въ XVI вѣкѣ, эти общества приняли идеи реформаціи и потому были уничтожены испанцами. Промышленность была убита войной и религіозными гоненіями, а земледѣліе и цивилизація были остановлены, даже пошли назадъ. По счастью преданія прошедшаго пустили слишкомъ глубокіе ростки, и имъ то Фландрія обязана своимъ настоящимъ богатствомъ.

Является вопросъ можетъ ли искусство, столь давно существующее во Фландріи, распространиться въ странѣ, не имѣющей тѣхъ же преданій и той же подготовки? Этотъ вопросъ чрезвычайно трудно разрѣшить. Конечно, можно было бы многое сдѣлать для развитія земледѣлія, еслибъ всѣ вліятельныя лица, какъ административныя власти, землевладѣльцы, пасторы стали бы заботиться о распространеніи земледѣльческихъ познаній и представляли бы на практикѣ примѣры новѣйшихъ усовершенствованій. Но еще болѣе вѣскимъ примѣромъ для мелкихъ фермеровъ было бы зрѣлище ихъ собственныхъ братіевъ, обогащающихся

(1) См. статью Вандерстретена въ „Annales de la Société historique d'Ypres, T. IV.

введеніемъ у себя усовершенствованныхъ системъ земледѣлія. Еслибъ двое или трое умныхъ фермеровъ въ каждомъ округѣ Ирландіи, сдѣлавшись землевладѣльцами или наслѣдственными арендаторами переняли у фламандцевъ тѣ способы земледѣлія, которые могутъ быть примѣнены къ почвѣ и климату Ирландіи, то конечно произошло бы совершенное превращеніе въ ирландскомъ фермерствѣ. Въ бельгійской провинціи Генегау, примѣра одного фермера, перенявшаго у фламандцевъ плодoperемѣнную систему, достаточно было, чтобъ уничтожить во всей странѣ обычай оставлять поля подъ паромъ (1). Развѣ подобный же примѣръ, не могъ дать такого же результата въ Ирландіи? (2).

4) Одинъ изъ важныхъ фактовъ при разсмотрѣніи поземельныхъ системъ, состоитъ въ томъ, что сельское населеніе, а не городское, естественно служить главнымъ рынкомъ для земледѣльческихъ произведеній. Громадное заблужденіе полагать, что для процвѣтанія земледѣлія необходимъ рынокъ для земледѣльческихъ произведеній въ большихъ городахъ. Напротивъ земледѣльцы могутъ составить рынокъ сами для себя. Пускай они производятъ въ изобиліи рожь, скоть разнаго рода, молоко, масло, сыръ, зелень, пускай они мѣняются между собою этими произведеніями и прежде всего они будутъ хорошо питаться. Но кромѣ того они будутъ имѣть возможность пріобрѣтать и другія удобства жизни; такимъ образомъ они могутъ имѣть хорошія жилища, хорошую мебель и одежду безъ помощи всякаго внѣшняго рынка. Но для этого они должны быть собственниками воздѣлываемой ими земли и пользоваться всѣми ея плодами. Если они только арендаторы, обязанные платить ренту и не имѣютъ никакого интереса въ землѣ, то конечно, имъ нуженъ рынокъ для наживанія денегъ. Въ странѣ, гдѣ всѣ земледѣльцы арендаторы, необходимъ внѣшній рынокъ для земледѣльческихъ произведеній, но не то бываетъ въ странѣ свободныхъ собственниковъ; послѣдняя требуетъ только, чтобъ земледѣ-

(1) *Economie Rurale de la Belgique*, p. 148.

(2) Я никогда не встрѣчалъ отвѣта на важный вопросъ: изнуряетъ ли землю ирландскій мелкій собственникъ, также какъ мелкій арендаторъ?

ліемъ занимались съ энергіей и умомъ, что непремѣнно должно быть въ странѣ, гдѣ народное богатство распространено между многими.

Провинція Гренингенъ была лучшей обработанной страной въ Голландіи, прежде чѣмъ ея произведенія стали вывозиться въ Англію, и однако въ ней нѣтъ большихъ городовъ; но благодаря ея особой системѣ наслѣдственныхъ арендъ, фермеры могли сами вполне пользоваться своимъ трудомъ.

Представимъ себѣ, что мановеніемъ волшебнаго жезла, всѣ арендаторы и фермеры въ Фландріи стали бы собственниками своей земли; какой былъ бы результатъ? Они тогда стали бы сами потреблять то молоко, масло и говядину, которыя они обязаны теперь продавать, и вслѣдствіе того довольствоваться исключительно одной растительной пищей; тогда имъ не было бы необходимо посылать на англійскіе рынки свои произведенія. Были ли бы они отъ этого въ худшемъ положеніи?

Посмотрите на Швейцарію. Пропорціоально народонаселенію въ ней болѣе рогатаго скота, чѣмъ во Фландріи; въ Швейцаріи на 100 жителей 35 головъ, а во Фландріи 24. Однако послѣдняя вывозитъ во Францію и Англію масло, воловъ, кроликовъ и т. д., а Швейцарія получаетъ изъ другихъ странъ масло, рогатый скотъ, хлѣбъ и пр. Слѣдствіемъ этого то что Швейцарія употребляетъ вдвое болѣе животной пищи, чѣмъ Фландрія; именно на каждого человѣка приходится ежегодно 22 килограмма мяса, 12 сыра, 5 масла и 182 молока. О швейцарцахъ можно по справедливости сказать то что говорилъ Цезарь о древнихъ бритахъ: *lacte et carne vivunt*.

Отчего швейцарскій поселянинъ питается гораздо сытнѣе и лучше фламандскаго? Потому что первый почти всегда собственникъ обрабатываемой земли, а послѣдній слишкомъ часто только временный пользователь ея. Швейцарскій рынокъ не имѣетъ ненасытнаго желудка лондонскаго рынка, котораго кормить помогаетъ бѣдный фламандецъ; у него лучшій рынокъ — собственный желудокъ.

Такимъ образомъ Швейцарія и Гренингенъ доказываютъ, что

для развитія земледѣлія не требуется большаго заграничнаго рынка. Поселянинъ-собственникъ лучшей изъ всѣхъ рынковъ (1).

5) Перваго января 1865 года въ западной Фландріи на пространствѣ 323,466 гектаровъ было 89,297 землевладѣльцевъ и 693,904 „участковъ“ земли, въ восточной Фландріи—155,381 землевладѣльцевъ и 845,220 „участковъ“, въ томъ числѣ города и села; во всемъ бельгійскомъ королевствѣ было 1,069,327 собственниковъ и 6,207,512 участковъ земли. Въ 1846 году было всего 758,512 собственниковъ и 5,500,000 надѣловъ. Такимъ образомъ очевидно, что число поземельныхъ собственниковъ и участковъ значительно возрасло.

Въ Бельгіи я никогда не слыхалъ жалобъ на настоящее положеніе вещей или опасеній на счетъ будущаго, подобно тѣмъ, которыя слышались во Франціи прежде чѣмъ знаменитые экономисты какъ Воловскій, Лавернь и Пасси взяли на себя трудъ доказать всю нелѣпость опасенія, что земля будетъ раздроблена на мелкія крохи.

Относительно Бельгіи и спеціально Фландріи, иностранцы не должны быть введены въ заблужденіе большимъ количествомъ участковъ. Эти участки *кадастровые* и разбиты для цѣлей межеванья; часто земля не представляетъ ни малѣйшихъ слѣдовъ такихъ подраздѣленій. Не только многіе участки принадлежатъ одному и тому же владѣльцу, но помѣстье или ферма въ 10 или 12 гектаровъ обыкновенно состоитъ изъ многихъ участковъ. Земля раздѣлена на фермы различныхъ величинъ, пропорціонально капиталу воздѣлывателя земли; напримѣръ 50 гектаровъ соотвѣтствуютъ четыремъ лошадямъ, двадцать два—двумъ лошадямъ, двѣнадцать—одной лошади, пять или шесть—семейству не имѣющему вьючнаго скота съ мелкимъ кускомъ земли—одному работнику. Когда большія фермы дѣлятся, то это лишь на экономи-

(1) Требуется ли еще доказательство? Нигдѣ не такъ хорошо ухаживаютъ за виноградниками, какъ въ Водскомъ кантонѣ, гдѣ виноградники составляютъ земледѣльческое чудо женевского озера. Вывозится ли въ чужіе края производимое тамъ вино, какъ шампанское, бургонское или портвейнъ? Нѣтъ; жители Водскаго кантона сами его пьютъ. И не приносятъ ли имъ это гораздо болѣе пользы?

ческих основаніяхъ, именно потому что земля продается по высшей цѣнѣ отдѣльными участками; но онѣ почти никогда не дѣлятся вслѣдствіе закона о наслѣдствѣ. Поселяне слишкомъ цѣнятъ естественныя очертанія полей, чтобы разбить ихъ на части; они скорѣе продаютъ ихъ цѣликомъ.

До сихъ поръ слѣдствіемъ прогрессивнаго подраздѣленія земли во Фландріи было возвышеніе ренты, валоваго дохода и цѣнности земли; въ одно и тоже время число землевладѣльцевъ увеличилось и положеніе землевладѣльцевъ улучшилось.

Во Фландріи вы не найдете такого раздѣленія земли, какъ существуетъ въ Ирландіи по словамъ лорда Дюферина, который выставилъ все зло, происходящее отъ подобнаго раздѣленія (1). Судя по его описанію, въ Ирландіи по смерти каждаго арендатора или даже во время его жизни дѣти дѣлятъ между собою землю и каждый строить свою хижину, или если арендаторъ не имѣетъ дѣтей, то онъ отдаетъ землю нѣсколькимъ фермерамъ и дозволяетъ имъ селиться, не смотря на условія своей аренды. Подобная ломка земли на мелкія крохи, должна конечно вести къ самой несчастной системѣ фермерства и къ пауперизму арендаторовъ. Пока ирландскій фермеръ не будетъ лучше понимать своего собственнаго интереса и требованій здравой экономической теоріи, никакая земледѣльческая система, ни закрѣпленіе арендъ, ни даже полное владѣніе землей не могутъ улучшить его положенія. Хотя народонаселеніе во Фландріи вдвое гуще, чѣмъ въ Ирландіи, но фламандскій поселянинъ никогда не подумалъ бы дѣлить ферму имъ обрабатываемую между своими дѣтьми, а мысль дозволить чужому человѣку поселиться на его землѣ, выстроить себѣ домъ и обрабатывать часть его полей, показалась бы ему совершенно чудовищной. Напротивъ, онъ готовъ принести чрезвычайныя жертвы, чтобы придать своей фермѣ требуемыя очертанія и величину.

Отчего это ирландецъ и фламандецъ имѣютъ такіе противоположныя взгляды? Я полагаю, что это происходитъ частью отъ различія расъ, а частью отъ обстоятельствъ. Кельты, отличаясь

(1) См. On Irish Tenure, by lord Dufferin, ch. III.

42639

общественнымъ характеромъ, думаютъ болѣе о потребностяхъ членовъ своего семейства, тогда какъ тевтонцы думаютъ болѣе о требованіяхъ почвы и хорошей системы земледѣлія. Нигдѣ, на сколько мнѣ извѣстно, кельты не выказали себя первостепенными обработывателями земли; германцамъ, фламандцамъ и англичанамъ обязано земледѣліе своими величайшими усовершенствованіями. Кельты въ нѣсколькихъ странахъ раздѣлили землю на мелкія части ради своего семейства, не обращая никакого вниманія на требованія народнаго хозяйства. Во всей Германіи ⁽¹⁾ законъ и обычай одинаково всегда сопротивлялись подраздѣленію фермъ. Въ Верхней Баваріи это даже доведено до того, что почти вся земля находится въ рукахъ богатыхъ поселянъ, которые поддерживаютъ нѣчто въ родѣ субституціи, завѣщая всегда все свое имѣніе одному изъ сыновей, а остальнымъ давая только небольшую долю въ доходахъ. Но предположимъ, что ирландецъ сдѣлается полнымъ собственникомъ своей фермы, научится ли онъ требованіямъ земли и будетъ ли имъ слѣдовать? Сынъ фламандскаго фермера всегда желаетъ имѣть свою собственную хорошую ферму и не удовольствовался бы временнымъ шалашемъ на картофельномъ полѣ. Еслибъ ирландца можно было довести до занятія земледѣліемъ какъ искусствомъ, а не какъ средствомъ къ полученію изъ земли способа существованія, то онъ скоро бы бросилъ несчастную систему подраздѣленія земли, которой онъ такъ долго придерживался. Но какъ вселить въ него эту любовь къ земледѣлію какъ къ искусству? Для уничтоженія вліянія инстинктовъ или стремленій цѣлаго народа, врожденныхъ въ немъ или служащихъ историческимъ плодомъ многихъ вѣковъ, развѣ достаточно ввести въ Ирландію аграрныя учрежденія, подобныя Фландріи или еще лучше Швейцаріи? Это вопросы, на которые признаюсь, я не въ состояніи отвѣтить; но ихъ должны имѣть въ виду изучая поземельную систему Фландріи тѣ, которымъ предстоитъ разрѣшить поземельный ирландскій вопросъ.

Я полагаю полезнымъ приложить таблицу количества фермъ или

(1) См. W. Roscher «Nationalökonomik des Ackerbaues,» 229.

хозяйствъ и ихъ сравнительной величины. Эти цифры относятся къ 1846 г. такъ какъ съ тѣхъ поръ не напечатано никакихъ статистическихъ свѣденій по этому предмету:

Провинции.	Сравнительное количество фермъ.									
	Отъ 50 аръ и менше т. е. $\frac{1}{4}$ гектара.	Отъ 51 ара до 1 гектара.	Отъ 1 до 5 гектаровъ.	Отъ 5—10 гектаровъ.	Отъ 10—15 гектаровъ.	Отъ 15—20 гектаровъ.	Отъ 20—25 гектаровъ.	Отъ 25—50 гектаровъ.	Отъ 50—100 гектар.	Отъ 100 гект. и болше.
Антверпенъ	43.53	8.62	26.90	10.38	4.97	2.26	1.18	1.52	0.14	0.05
Брабантъ	34.11	17.24	36.20	6.18	2.30	1.15	0.17	1.42	0.53	0.17
Фландриѣ Западная	57.42	7.35	19.24	6.27	2.66	2.10	1.72	2.72	0.53	0.02
Фландриѣ Восточная	44.68	10.08	31.50	7.63	2.77	1.38	0.81	1.02	0.12	0.01
Лен гау	53.46	11.99	23.92	4.83	2.06	1.09	0.66	1.32	0.56	0.11
Литихъ	45.72	13.81	25.76	7.10	2.91	1.35	0.73	1.40	0.91	0.26
Тимбургъ	30.41	11.97	32.62	13.34	5.64	2.50	1.13	1.78	0.47	0.14
Люксембургъ	18.92	12.75	41.88	12.67	5.28	2.75	1.48	2.78	1.10	0.97
Нямюръ	33.87	18.97	32.92	6.26	2.40	1.19	0.76	1.60	1.44	0.77
Бельгія	43.24	12.30	28.99	7.46	3.04	1.59	0.98	1.64	0.58	0.17

6) Часто утверждаютъ, что поселяне собственники во Фландриѣ обременены большими долгами и что займы на ихъ земли совершаются на разорительныхъ процентахъ.

Слѣдующая таблица показываетъ, что въ дѣйствительности происходитъ совершенно противоположное. Въ замѣчательномъ отчетѣ о народной переписи 1846 года, правительство напечатало эту любопытную таблицу, показывающую въ какихъ провинціяхъ Бельгіи совершаются заклады земли на самыхъ высокихъ процентахъ.

Такимъ образомъ въ восточной Фландриѣ 5% всего количества займовъ подъ землю совершается на лихвинныхъ процентахъ, а въ Люксембургѣ 82%.

Еслибъ была составлена подобная таблица долговъ, которыми обременена поземельная собственность въ различныхъ странахъ Европы, то оказалось бы, что большія помѣстья гораздо болѣе обременены долгами, чѣмъ мелкія.

Провинціи.	Сравнительное количество закладовъ земли по 5% и выше изъ 100 заклад.	
Антверпенъ	} мелкія фермы {	15
Фландрія Западная		23
Фландрія Восточная		5
Брабантъ	} среднія фермы {	33
Лимбургъ		40
Генегау	} большія фермы {	71
Литтихъ		39
Намюръ		76
Люксенбургъ		82

Въ Англіи считается закладовъ на сумму 50% всей стоимости земли, во Франціи только 10%, согласно изысканіямъ Пасси и Воловскаго. Въ Пруссіи, восточныя провинціи, въ которыхъ распространено крупное землевладѣніе, болѣе заложенныхъ земель, чѣмъ въ западныхъ провинціяхъ, гдѣ распространены мелкія фермы (1). Въ Ломбардіи весь поземельный долгъ составляетъ 25% цѣнности земли, а въ провинціи Сондрія, гдѣ введены мелкія фермы, онѣ представляютъ не болѣе 1½% этой стоимости.

7) Всякій знаетъ башню Лафонтена о Перетѣ, идущей покупать яйца; въ ея воображеніи изъ яицъ выходятъ цыплята, цыплята производятъ свинью, потомъ теленка, а теленокъ превращается въ корову. Эти мечты Переты ежедневно осуществляются фламандскимъ мелкимъ фермеромъ.

Часто говорятъ, что земледѣліе нуждается въ капиталѣ, что недостаетъ учрежденій для поддержанія земледѣльческаго кредита: я отвѣчаю на это, что хорошо веденное сельское хозяйство само рождаетъ необходимый капиталъ.

Въ сельскомъ хозяйствѣ самый необходимый капиталъ—скотъ для удобрення, которымъ обезпечиваются богатая жатвы.

Мелкій фламандскій фермеръ собираетъ по дорогамъ траву и удобреніе. Онъ разводитъ кроликовъ и на вырученныя деньги покупаетъ сначала козленка, потомъ свинью, наконецъ теленка, который со временемъ превращается въ корову, приносящую въ свою

(1) См. прекрасное сочиненіе президента Адольфа Летте: „Die Vertheilung des Grundeigenthums.“

очередь телятъ. Конечно онъ долженъ найти имъ кормъ и онъ достигаетъ этого, помѣщая все свое достояніе въ кормовыя травы и коренья; такимъ образомъ богатѣетъ фермеръ и богатѣетъ также земля. Учрежденіе, способствующее во Фландріи земледѣльческому кредиту—это продавецъ удобренія, который основалъ кредитъ въ лучшей его фермѣ; полученныя въ заемъ деньги можно прогулять въ кабакѣ; но полученное въ заемъ удобреніе должно быть положено въ землю.

Бѣдный земледѣлецъ идетъ съ своею тачкой къ продавцу удобренія въ селѣ и покупаетъ у него одинъ или два мѣшка гуано, обязуясь уплатить деньги послѣ жатвы. Купецъ довѣряетъ ему и дѣлаетъ кредитъ, получая какъ бы въ закладъ жатву, которая произойдетъ, благодаря проданному имъ удобренію. Въ ноябрѣ онъ получаетъ свои деньги; производство удвоилось и земля улучшилась. Мелкій фермеръ дѣлаетъ тоже что земледѣлецъ; каждый открываетъ себѣ текущій счетъ у продавца удобреній, который для него лучший изъ банкировъ.

Крупные фермеры Генегау и Намюра не покупаютъ удобренія, полагая, что они разорились бы подобной покупкой. Но мелкіе фламандскіе фермеры помѣщаютъ ежегодно въ гуано капиталъ отъ 15 до 20 миліоновъ франковъ и такую же сумму расходуютъ на другіе роды удобренія. Гдѣ крупныя хозяйства дѣлаютъ подобныя авансы?

8) Главный доводъ противъ *мелкой культуры* или мелкаго хозяйства (*la petite culture*), состоитъ однако въ томъ, что эта система земледѣлія не допускаетъ употребленія машинъ и должна довольствоваться для воздѣлыванія земли самими первобытными орудіями, слѣдовательно не можетъ возвыситься надъ первоначальной ступенью земледѣльческаго искусства. Этотъ доводъ выставился, какъ безспорная аксіома, не допускающая никакихъ возраженій; и я полагаю, что до сихъ поръ въ Англіи держатся этого мнѣнія.

Для опроверженія этой аксіомы, я не буду указывать, что Фландріи сельское хозяйство обязано лучшими формами лопаты, бороны, плуга и телѣги, что брабантскіе плуги, въ продолженіе долгаго времени вывозились изъ Фландріи въ Англію. Мнѣ могутъ отвѣтить, что эти орудія первобытныя и недорогія. Для самаго

вѣскаго опроверженія, я скажу только: посмотрите что дѣлается во Фландріи въ настоящее время.

Самая дорогая земледѣльческая машина, находящаяся въ общемъ употребленіи въ Англіи — паровая молотилка. А эту машину вы можете вездѣ встрѣтить во Фландріи. Или нѣсколько фермеровъ соединяются вмѣстѣ и купивъ машину употребляютъ ее по очереди; или одинъ изъ поселянъ, обыкновенно мельникъ заводитъ машину и ѣздитъ съ ней отъ одного мелкаго фермера къ другому, молотя на мѣстѣ зерно по столько то за день или за сто килограмовъ зерна. Тоже самое происходитъ и съ паровымъ плугомъ, какъ только употребленіе его дѣлается производительнымъ.

Для полученія хорошаго хмѣля необходима пресовка его чрезвычайно дорогими машинами. Въ Поперингенѣ, въ центрѣ страны производящей хмѣль *община* купила машины и фермеры платятъ положенный налогъ за пресовку своего хмѣля, что въ одно и тоже время приноситъ выгоду имъ и доходъ городу.

По этому примѣру Фландріи доказываетъ, что раздѣленіе земли не представляетъ преграды къ употребленію машинъ въ сельскомъ хозяйствѣ. Къ тому же подраздѣленіе земли можетъ идти рука объ руку съ методами *крупной культуры* (*la grande culture*), или крупнаго хозяйства; земледѣліе можетъ производиться на большой ногѣ, а земля въ тоже время можетъ быть собственностью большаго количества людей, какъ напримѣръ акціи желѣзныхъ дорогъ. Я не вижу никакой практической помѣхи для подобнаго разрѣшенія вопроса, какъ согласить поземельную систему Фландріи, съ современными усовершенствованіями земледѣлія.

9) Часто утверждаютъ, что скудная земля можетъ быть обработана только крупными, богатыми собственниками. Это совершенно противорѣчитъ истинѣ; по крайнѣй мѣру относительно неплодородной почвы.

Въ Бельгіи есть земли столь бесплодныя по природѣ, что половина капитала потраченнаго на нихъ или вовсе потеряна или даетъ такой доходъ, что не въ интересахъ капиталиста употреблять деньги на такое предпріятіе. Напримѣръ въ Кампинѣ всѣ пытавшіеся завести большія фермы, какъ бы хорошо онѣ не управлялись, разорились или по крайней мѣру потеряли много денегъ.

Только мелкій землевладѣлец съ лопатой въ рукѣ можетъ воздѣлать безплодное пространство и совершить чудеса, доступныя только ему и его любви къ землѣ. Тяжелый ежедневный трудъ онъ считаетъ ни во что, онъ не жалѣетъ ни усилій, ни заботъ и работая вдвое онъ производитъ вдвое болѣе, чѣмъ еслибъ трудился по найму. Такимъ образомъ онъ превратилъ въ плодоносныя поля дюны и пески окаймляющіе наши опасныя берега. Углубитесь въ эти дюны въ окрестностяхъ Нейпорта и вы увидите маленькія фермы, окруженныя полями картофеля и ржи. Ихъ владѣльцы содержатъ нѣсколько коровъ, которыхъ пасутъ дѣти вездѣ, гдѣ только проглядываетъ былинка соленой травы. Къ навозу, получаемому отъ этихъ коровъ, они примѣшиваютъ все что выбрасываетъ море и благодаря такому удобренію получаютъ превосходный картофель и другіе корни. Страна Велювъ, Кампина Голландіи, такимъ же образомъ воздѣлана поселянами вершокъ за вершокъ. Въ одномъ изъ моихъ предыдущихъ моихъ сочиненій я описалъ происхожденіе въ послѣдніе годы подобной деревни на пескѣ (1).

Въ Савоѣ, въ Швейцаріи и Ломбардіи, во всѣхъ гористыхъ странахъ, земля воздѣлана системой мелкаго хозяйства, ибо крупныя землевладѣльцы не могли бы взяться тамъ за дѣло безъ большихъ потерь. Въ этихъ гористыхъ странахъ, человекъ создаетъ самъ почву. Онъ строитъ терасы вдоль крутыхъ скатовъ, обноситъ ихъ оградой изъ большихъ камней, потомъ таскаетъ туда землю на сани и на этой-то землѣ садитъ виноградную лозу, орѣшникъ и тутовое дерево, или сѣетъ жито и маисъ (2). Всякій, кто заплативъ за приготовленіе этой земли взялъ бы ее на аренду, не получилъ бы и поль-процента на свой капиталъ, поэтому не одинъ капиталистъ не пустится на такое предпріятіе. Но мелкій землевладѣлецъ производитъ эту работу съ выгодой для себя и такимъ образомъ горы, утесы превращаются въ плодородныя поля. Точно также, благодаря системѣ мелкаго хозяйства,

(1) См. *Economie Burale de la Neerland* par Emile de Laveleye, p. 212.

(2) См. *Economie Rurale de la Suisse et de la Lombardie* par Emile de Laveleye, p. 71.

даже не собственники земли, а только пользователи ея на условіи *emphyteusis*, т. е. аренды на долгій срокъ, обработали самую неблагоприятную почву Фландріи. Подобный арендаторъ, увѣренный въ будущемъ пользованіи землей, строитъ домъ, очищаетъ мѣстность, удобряетъ и оплодотворяетъ бесплодную почву; и хотя онъ не получаетъ того дохода, который получалъ бы поселянинъ собственникъ, но все же выручаетъ болѣе, чѣмъ крупный фермеръ или крупный собственникъ могъ бы выручить.

10) Не смотря на всѣ аргументы первѣйшихъ англійскихъ экономистовъ, особенно Джона Стюарта Милля, англичане по видимому считаютъ поземельную собственность поселянина синонимомъ дурно обработанной земли, а крупное землевладѣніе синонимомъ богатого, усовершенствованнаго хозяйства. Причина подобнаго мнѣнія очевидна; англичане привыкли сравнивать состоянія земледѣлія въ своемъ стечествѣ и въ Ирландіи. Въ сущности же Англія и Ирландія представляютъ исключенія, первая съ хорошей стороны, вторая съ дурной. Въ Англіи существуетъ классъ состоятельныхъ и разумныхъ арендаторовъ, фермеровъ, которыхъ вы не найдете ни въ какой другой странѣ. Напротивъ, въ Ирландіи, нѣтъ вовсе поселянъ собственниковъ, а существуютъ только большія помѣстья съ мелкими арендаторами, и часто съ посредниками — между собственниками и земледѣльцами, однимъ словомъ въ Ирландіи существуетъ самая несчастная аграрная система. Прибавьте къ этому, что многіе вѣка притѣсненій и дурнаго правленія сдѣлали ирландскій народъ самымъ безпечнымъ народомъ въ образованномъ мірѣ; такимъ образомъ благодаря наихудшей поземельной системѣ и общему историческому положенію страны, Ирландія представляетъ конечно печальное исключеніе. На всемъ же континентѣ Европы, мелкія фермы обладаютъ бѣльшимъ количествомъ скота, имѣютъ въ обращеніи бѣльшіе капиталы и получаютъ болѣе произведеній и доходовъ, чѣмъ крупныя помѣстья.

Посмотрите напримѣръ на Фландрію. Почва въ ней, какъ мы уже видѣли, самая неблагоприятная и по несчастью эта страна, гдѣ множество мелкихъ фермъ находится, какъ въ Ирландіи, въ рукахъ арендаторовъ, но по счастью рядомъ съ мелкимъ арендаторомъ существуетъ и поселянинъ собственникъ.

Оборотный капитал фермы, считаемый въ Англии отъ 10 — 12 фунтовъ стерлинговъ, во Фландрии достигаетъ 500 франковъ (20 фун. стер.). Валовой доходъ съ гектара можно опредѣлить въ 600 фран. (24 фун. стер.). Что же касается до скота, то въ 1846 году, на каждые 100 гектаровъ приходилось 55 головъ рогатаго скота, 12 лошадей и 8 овецъ.

Для Англии (не включая Ирландіи и Шотландіи) Лавернь выводитъ въ томъ же году слѣдующія цифры — 33 головы рогатаго скота, 6 лошадей и 200 овецъ на каждые 100 гектаровъ земли.

Сводя эти цифры къ общей средней цифрѣ крупнаго скота ⁽¹⁾, мы будемъ имѣть въ Англии 64 головы, а во Фландрии 68 на 100 гектаровъ земли, которая во Фландрии хуже любой мѣстности Англии. Средняя рента съ земли во Фландрии 100 фр. за гектаръ, а стоимость земли или продажная цѣна колеблется отъ 3500 — 4000 фр. за гектаръ. При этомъ надо замѣтить, что рента и продажная цѣна удвоились съ 1830 года.

11) Фактъ добыванія фламандскимъ земледѣльцемъ такой обильной жатвы изъ столь бесплодной по природѣ почвы объясняютъ слѣдующія причины:

I) Совершенство работы лопатой и плугомъ.

II) Каждому полю придана та форма, которая лучше всего способствуетъ земледѣлію и дренажу.

III) Чрезвычайно акуратное распредѣленіе удобренія, такъ что ничего не теряется ни въ городѣ, ни въ деревняхъ и всѣ фермеры даже самые бѣдные арендаторы покупаютъ удобреніе у торговцевъ.

IV) Большое разнообразіе посѣвовъ, особливо растеній употребляемыхъ въ промышленности, то есть ленъ, табакъ, хмѣль, цикорій, сурѣница и т. д., которые приносятъ большой доходъ и вывозятся въ отдаленныя страны.

V) Вторые или „краденныя посѣвы,“ какъ на примѣръ рѣпы

⁽¹⁾ Приводя цифру овецъ къ цифрѣ крупнаго скота, мы приняли пропорцію 8:1, вмѣсто обыкновенной 10:1, такъ какъ англійскія овцы необыкновеннаго достоинства по мясу и шерсти.

и моркови послѣ злаковъ, англійскаго клевера и т. д. что увеличиваетъ на треть пространство обрабатываемой земли.

VI) Изобиліе корма для скота, такъ какъ не смотря на неудобство почвы для постоянныхъ луговъ, благодаря вторымъ посѣвамъ половина обрабатываемой земли посвящена на содержаніе скота; отсюда увеличанье ренты, хотя цѣна хлѣба едва возвысилась.

VII) Домашнее прокормленіе скота, почему коровы даютъ болѣе молока и болѣе навоза.

VIII) Вездѣ принятый обычай полоть тщательно поля (1).

Многіе изъ этихъ земледѣльческихъ обычаевъ возможны только тамъ, гдѣ существуетъ большое земледѣльческое населеніе. Но съ другой стороны эти самые обычаи доставляютъ работу подобному населенію.

12) Слѣдующая таблица показываетъ количество труда, употребляемаго на воздѣлываніе почвы въ Бельгіи. Она заимствована изъ официальныхъ статистическихъ свѣденій, обнародованныхъ бельгійскимъ правительствомъ въ 1850 году. Статистическія свѣденія, напечатанныя въ 1861 году, и относящіяся до 1856 года, не такъ подробны.

(1) См. мою книгу, *Economie Rurale de la Belgique*. Читатель извинитъ меня, что я отошлю его для дальнѣйшихъ подробностей къ моему предыдущему труду. Даже въ сочиненіяхъ лучшихъ иностранныхъ авторовъ встрѣчаются ошибки относительно Бельгіи. Такъ Стюартъ Миль въ его „*Основахъ политической экономіи*“ приводитъ отрывокъ изъ Макъ-Кулока, въ которомъ говорится о Генегау и двухъ Фландріяхъ, какъ объ одинаковыхъ странахъ, тогда какъ онѣ во всѣхъ отношеніяхъ отличны другъ отъ друга.

Провинціи.	Пространство въ акрахъ на каждае 100 жит.	Число полевыхъ рукъ на 100 жителей ⁽¹⁾ .	Число женщинъ ⁽²⁾ на 100 мужчинъ.	Число женщинъ между владѣльцами на 100 мужчинъ ⁽³⁾ .	Число работниковъ на 100 гект. обработанной земли.	Число выючнаго скота на 100 гект. обработанной земли.	Число гектаровъ на каждаго владѣльца.	Число собственниковъ, фермеровъ и арендаторовъ.	Число рабочихъ обоого пола свыше 12 лѣтъ.
Антверпень	70	26	74	84	83	17	4.76	47,935	106,080
Брабантъ	47	27	64	78	86	18	3.46	83,130	183,522
Фландрія Западная	50	23	57	56	65	13	3.86	78,498	149,668
Фландрія Восточная	38	26	60	57	103	14	2.76	88,305	203,561
Генегау.	52	22	70	57	67	23	3.14	105,977	157,071
Литтихъ.	64	17	64	69	46	20	4.49	55,347	76,290
Люксембургъ . . .	237	37	77	71	51	30	11.35	36,244	69,537
Лимбургъ	130	37	55	61	58	19	6.72	32,170	69,158
Намюръ	68	26	50	57	42	19	7.42	44,944	68,714
Вся Бельгія	68	25	61	65	97	19	4.55	572,550	1,083,601

(1) Въ томъ числѣ сами фермеры, фермерскіе работники и собственно рабочіе.

(2) Пропорція женщинъ предыдущихъ трехъ классовъ на 100 мужчинъ.

(3) «Владѣльцы» заключаетъ въ себѣ фермеровъ-собственниковъ и арендаторовъ.

	Фландрія Западная		Фландрія Восточная		Люксембургъ		Намюръ		Вся Бельгія		
	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	Итогъ
Землевладѣльцы, арендаторы, управляющіе и директора фермъ.	32,647	28,132	79,207	35,812	19,223	4,671	15,226	982	300,437	122,630	423,103
Садовники, огородники, садо- водцы, разводители деревьевъ, шелководы и винодѣлы	1,727	546	1,478	360	62		308		8,681	1,462	10,323
Пастухи, скотоводы, табун- щики	304	4	432		532	46	627	5	4,811	396	5,207
Пахари, поденщики, фермер- скіе работники обоого пола . . .	63,957	39,139	63,174	31,802	14,445	7,227	28,621	11,347	388,312	288,115	616,427
Дровосѣки и другіе лѣсные ра- бочіе, лѣсники и пр	673	137	980	1	580	3	1059	2	6,757	298	7,055
	99,278	67,958	145,271	67,975	34,842	11,947	45,841	12,836	709,214	352,901	1062,115

Во второй таблицѣ я привелъ цифры, относящіяся до двухъ Фландрій, Намюра, Люксембурга и вообще всего королевства; эти цифры заимствованы изъ тѣхъ же статистическихъ свѣденій. Хотя эти двѣ таблицы составлены по различному плану, но результаты почти одни и тѣже, что еще болѣе удостовѣряетъ насъ въ достовѣрности самыхъ цифръ.

13) Часто утверждали, основываясь на примѣрѣ Ирландіи, что подраздѣленіе земли должно привести къ чрезмѣрному увеличенію народонаселенія. Артуръ Юнгъ предсказывалъ, что дробленіе земли превратитъ Францію въ кроличій загонъ.

Однако во Фланціи теперь увеличеніе народонаселенія идетъ гораздо медленнѣе, чѣмъ во всѣхъ другихъ странахъ, за исключеніемъ тѣхъ, которыя находятся въ совершенномъ упадкѣ. Тоже самое можно сказать о Фландріи, гдѣ народонаселеніе увеличивается гораздо медленнѣе, чѣмъ въ остальныхъ провинціяхъ Бельгіи; а земля во Фландріи раздроблена на мелкіе участки, какъ видно изъ предыдущей таблицы (5).

	Народонаселеніе. Пропорціо- нальное уве- личеніе,		
	1846	1866	
Фландрія западная.	643,004	659,938	2.6%
Фландрія восточная	793,265	824,175	3.8%
Вся Бельгія	4,337,196	4,984,351	15.1%

14) Для доказательствъ превосходства большаго хозяйства, Артуръ Юнгъ дѣлалъ слѣдующій расчетъ:

Для воздѣлыванія пространства земли въ 4000 гектаровъ, раздѣленного на одноплужныя фермы, необходимо 666 человѣкъ и 1000 лошадей; тогда какъ то же пространство земли, раздѣленное на трахилужныя фермы, требовало бы только 545 человѣкъ и 681 лошадь; такимъ образомъ была бы экономія въ 121 человѣкъ и въ 319 лошадей, которыхъ можно было бы употребить на другую полезную работу на мануфактурахъ. Поэтому округъ, гдѣ большія фермы, въ лучшемъ положеніи, чѣмъ округъ съ мелкими фермами, и слѣдовательно крупное хозяйство предпочтительнѣе мелкаго.

Расчетъ Юнга совершенно вѣренъ самъ по себѣ, по одного замѣчанія достаточно для опроверженія его вывода, именно мелкія

фермы производятъ болѣе и приносятъ болѣе доходъ, чѣмъ крупныя; а это фактъ, встрѣчающійся вездѣ въ Европѣ (на сколько мнѣ извѣстно безъ исключенія) гдѣ только крупная и мелкая собственность вступаютъ въ соперничество, „Въ настоящее время, говоритъ Ипполитъ Пасси:“ (1) на одномъ и томъ же пространствѣ земли и при одинаковыхъ условіяхъ болѣе доходъ приноситъ мелкое фермерство, которое кромѣ того, увеличивая сельское населеніе, открываетъ вѣрный рынокъ произведеніямъ промышленности.“ Какія провинціи во Франціи самыя богатыя и производительныя? Именно тѣ, въ которыхъ мелкіе землевладѣльцы составляютъ большинство, особливо во Фландріи и Альзасѣ. Въ этомъ отношеніи, мнѣ только стоитъ отослать читателя къ извѣстнымъ трудамъ Леонса-де-Лаверна.

Въ восточныхъ провинціяхъ Пруссіи (собственно Пруссія и Позень) почти исключительно большія помѣстья и земледѣліемъ занимаются сами собственники. Въ Вестфаліи и Рейнскихъ провинціяхъ есть поселяне-собственники и мелкіе фермеры. Восточныя провинціи стоятъ гораздо ниже западныхъ даже въ отношеніи количества скота, какъ ясно видно изъ слѣдующей таблицы.

Провинціи.	Метры до- рогъ.	Жители.	Головы
			крупнаго скота.
	На квадратной милѣ.		
Позень.	5,000	} 3,000	} 2,980
Пруссія	4,000		
Вестфалія.	14,000	} 6,000	} 3,569
Рейнскія пр.	17,000		

Въ западныхъ провинціяхъ, плата за земледѣльческій трудъ вдвое больше, чѣмъ въ восточныхъ; тогда какъ въ послѣднихъ въ каждомъ домѣ 9 обитателей, въ первыхъ только 5¹/₂.

Относительно Саксоніи, извѣстные статистическіе труды доктора Энгеля ясно показываютъ, что мелкія фермы содержатъ вдвое больше скота, чѣмъ крупныя (2).

(1) См. Mémoire de l'académie des Sciences morales et politiques dans la séance du 4. Janvier, 1845.

(2) См. „Zeitschrift des Statistischen Bureau's des K. Sächsischen Ministeriums des Innern.“ № 1, Februar, 1857.

Что касается Италіи, то г. Кей говорит слѣдующее въ своихъ „Замѣткахъ Путешественника“: — „Въ 1836 году, въ Тосканѣ было 130,190 поземельныхъ владѣній. Въ Церковной области отъ неаполитанской до тосканской границы вся земля раздѣлена была на 600 помѣстій. Въ Тосканѣ сельское хозяйство на высокой степени совершенства, вездѣ наилучшій дренажъ, какъ на примѣръ на берегахъ Арно, гдѣ проведены трубы между каждыми двумя грядами земли и потомъ соединены въ одну общую трубу, поля отличаются чистотой, скотъ круглый годъ кормится дома самыми разнообразными кормовыми травами, удобрение собирается вездѣ самымъ тщательнымъ образомъ, вся страна воздѣлывается словно садъ. Сравните все это съ пустынной, бесплодной землею римскихъ Маремъ или страной вокругъ Фолиньо и Перуджіо, имѣющей столь же плодородную почву, какъ долина Арно, сравните хорошо одѣтыхъ работающихъ поселянъ Тосканы, красивыхъ молодыхъ дѣвушекъ, весело приготавливающихъ кормъ своимъ коровамъ или очищающихъ тутовые деревья, съ оборваннымъ, нищенскимъ, лѣнливымъ населеніемъ Папской области, умирающимъ съ голода и отъ нечего дѣлать въ крупныхъ помѣстьяхъ. Нѣтъ, пойдемъ далѣе; сравните земледѣльческую дѣятельность въ этой странѣ мелкихъ фермъ съ лучшими земледѣльческими округами Англии, Твидсайдомъ или Истъ-Лотьяномъ, въ которыхъ процвѣтаютъ крупныя помѣстья и вы махнете рукой на всю мудрость нашихъ писакъ о земледѣліи, которые, какъ стадо барановъ блеютъ одинъ за другимъ торжественную нелѣпность, что мелкія фермы несовмѣстны съ высокой степенью земледѣлія.“

Въ Ломбардіи, въ провинціи Комо, гдѣ преобладаетъ мелкое хозяйство, цѣнность скота въ земледѣліи равняется 161 фр. на каждый гектаръ, тогда какъ въ Мантуанской провинціи съ ея крупными помѣстьями и великолѣпными лугами, эта цѣнность равняется 94 фр. (1).

Въ Португаліи, въ провинціи Алемтего, гдѣ большія помѣстья,

(1) См. мою книгу: *Etudes d'économie Rurale Lombardie*, p. 112, и великолѣпное сочиненіе синьора Тачини «*La Proprieta fondiaria in Lombardia.*»

всего жителей 329,277 на пространствѣ 2,454,062 гектаровъ, а ежегодный доходъ, за исключеніемъ скота, простирается до 54,762,500 фр. или 22-72 фр. на каждый гектаръ. Напротивъ въ провинціи Миньо, гдѣ мелкія фермы — 915,400 жителей на пространствѣ 749,994 гектара, а доходъ простирается за исключеніемъ скота до 37,756,250 фр. или 50-34 фр. на каждый гектаръ; такимъ образомъ эта провинція производитъ вдвое болѣе Алемтего (1).

Въ Испаніи сравните Эстремадуру, Кастилію и даже Андалузію съ Валенсіей и Нижнею Каталоніей. Вездѣ гдѣ преобладаютъ мелкія фермы, земля обработана, какъ садъ; вездѣ, гдѣ крупныя помѣстья, простирается неплодная пустыня.

Въ Бельгіи, провинціи съ мелкими фермами какъ Фландрія производятъ болѣе, имѣютъ больше скота, лучше обработаны и обладаютъ бѣльшимъ земледѣльческимъ капиталомъ, чѣмъ тѣ провинціи, въ которыхъ преобладаютъ крупныя помѣстья. Все это очевидно доказывается слѣдующей таблицей, въ которой я сравнилъ Восточную Фландрію съ Намюромъ. При этомъ надо замѣтить, что въ первой провинціи земля гораздо бѣднѣе, чѣмъ въ послѣдней.

(1) Относительно Португаліи см. отличное сочиненіе «Compendio de Economiá Rural», А. Ребелло Де-Тильва теперешняго министра колоній въ Португаліи и книгу Форестера: «Portugal and its capabilities». Форестеръ между прочимъ говоритъ: «Миньо по справедливости называется садомъ Португаліи. Алемтего, самая большая, и быть можетъ по природѣ самая богатая изъ португальскихъ провинцій. Нѣкогда житница всего королевства, эта провинція нынѣ самая дурно обработанная и мало населенная во всей Португаліи. Причина этой перемены заключается въ слѣдующемъ фактѣ: Плодородіе Алемтего вошло въ пословицу съ давнихъ временъ и люди съ состояніемъ перебравшись сюда съ сѣвера и соединили много мелкихъ фермъ въ нѣсколько крупныхъ помѣстій, которыя переходили отъ отца къ сыну, не уменьшаясь въ величинѣ, и которыя отъ дурнаго, небрежнаго управленія представляютъ нынѣ неплодныя пустыни, а ихъ собственники сами не имѣютъ средствъ для воздѣлыванья земли, а другимъ не хотятъ этого дозволить. Велѣдствіе этого, не имѣя работы, транстеганы разсѣялись по всемъ остальнымъ провинціямъ, оставивъ феодальныхъ владѣтелей пользоваться на свободѣ своей землей, гордостью и нищетой.» (стр. 102). О сѣверѣ Португаліи можно также сказать: *latifundia perdidere Lusitaniam.*

	Намюръ.	Фландр. Вост.
Головы скота на 100 гектаровъ	35	68
Оборотнаго капитала на гектаръ	250 фр.	450 фр.
Производство на гектаръ	300 —	600 —
Рента на гектаръ	50 —	93 —
Средняя цѣна на землю за гектаръ	1,804 —	3,218 —
Число жителей на 100 гектаровъ	138	263

15) Продолжимъ паралель, выведенную Артуромъ Юнгомъ, между результатами мелкаго и крупнаго хозяйства и поставивъ рядомъ лопату и плугъ посмотримъ на чьей сторонѣ перевѣсъ.

Во Фландріи и особливо въ странѣ Вэсъ лопата часто употребляется для приготовленія земли къ посѣву. Чтобъ вскопать лопатой одинъ гектаръ земли, считая пять аръ въ день, требуется 20 дней и это будетъ стоить 30 фр.; а таже самая работа плугомъ стоила бы 6 или 7 фр. Такимъ образомъ работа лопатой стоитъ въ пять разъ дороже работы плугомъ, что составляетъ громадный балансъ въ пользу послѣдняго.

Однако фламандецъ упорно называетъ лопату золотой рудой (*De Spa is de Goudmyn der Boegen*), а въ Ломбардіи существуетъ подобная же пословица: *Se l'aratro ha il vomere di ferro, la vanga ha la punta d'oro*. Какъ же это объяснить? Рутинна это или ложный расчетъ? Ни то, ни другое; поселянинъ хочетъ только сказать этими фразами, что увеличеніе дохода заслуживаетъ и увеличенія расхода.

Сдѣланъ расчетъ, что въ Ломбардіи два одинаковыя по почвѣ и удобренію поля, одно обработанное лопатою, а другое плугомъ, относятся первое къ послѣднему какъ 66 къ 28. Предположимъ, что производство будетъ только вдвое и оно покроетъ вдвойнѣ излишекъ расхода.

Во Фландріи это различіе не очень велико для злаковъ, но фламандецъ производитъ не одинъ только хлѣбъ. Въ томъ же году, въ которомъ онъ сѣетъ хлѣбъ, онъ имѣетъ еще второй посѣвъ, который самъ по себѣ покрываетъ въ три или четыре раза излишнюю цѣну работы лопатой, именно 25 фр.; и если послѣ этого онъ получаетъ отъ льна, цикорія, табаку или сурьницы по 600—1200 фр. съ гектара, то излишекъ въ первоначальномъ расходѣ превращается въ ничто. Юнгъ и большинство англичанъ, писавшихъ послѣ него о сельскомъ хозяйствѣ, разсуждаютъ точно кромѣ хлѣба ничего другаго не сѣялось и не собиралось; это

ошибка относительно самаго существа и цѣли мелкаго хозяйства дѣлаетъ ложными ихъ заключенія.

Я конечно знаю, что эти вторые посѣвы можно произвести и посредствомъ плуга, что дѣйствительно и дѣлается многими фламандскими фермами; но во первыхъ земля лучше готовится лопатой для посѣва, и во вторыхъ полоть и собирать подобныя посѣвы чрезвычайно мѣшкато и на это требуется много труда, а слѣдовательно и болѣе значительное населеніе, которое можетъ произвести и работу лопатой. Все это идетъ рука объ руку, ибо существуетъ близкая связь между такими экономическими фактами, какъ большое народонаселеніе, тщательная работа, богатое производство, мелкая сельская промышленность въ родѣ вымачиванія и тренанья льна, приготовленіе табаку, цикоріи и хмѣля, пресовка масла и т. д. Эту систему надо разсматривать цѣликомъ и благодаря ей страна, которая можно сказать была присуждена природой къ вѣчному безплодію, стала садомъ Европы.

Такимъ образомъ примѣръ Фландріи показываетъ, что насколько дѣло касается производства и дохода надо отдать перевѣсъ лопатѣ передъ плугомъ. Я конечно признаю, что хорошо было бы еслибъ земледѣлецъ, работающій лопатой, могъ производить свою работу лошадьми и паровой машиной; я признаю, что его трудъ тяжелѣе и менѣе прибыленъ, чѣмъ бы слѣдовало. Но былъ ли бы онъ счастливѣе и богаче при другой поземельной системѣ, которая превратила бы его въ наемнаго работника, безъ малѣйшей надежды на улучшеніе своей судьбы? И особливо было ли бы ему лучше въ новомъ положеніи на бесплодныхъ пескахъ Фландріи?

16) Обыкновенныя системы пользованья землею въ Бельгіи — аренда. Въ средніе вѣка существовала форма пользованья, извѣстная подъ названіемъ *métayage*, слѣды котораго встрѣчаются еще доселѣ въ нѣкоторыхъ *полдерсахъ* на берегу Нѣмецкаго моря. Воздѣлыванье земли при постороннемъ вмѣшательствѣ чиновника или управляющаго, столь обыкновенное въ Восточной Европѣ, составляетъ исключеніе въ Бельгіи.

Аренды обыкновенно очень кратковременны, не болѣе десяти лѣтъ; чрезвычайно рѣдко онѣ доходятъ до восемнадцати лѣтъ. Но съ другой стороны годовыя и безсрочныя аренды также очень

рѣдки. Всѣ занимающіеся сельскимъ хозяйствомъ даже сельско-хозяйственныя общества, состоящія исключительно изъ землевладѣльцевъ, признають, что сроки арендъ слишкомъ кратковременны. Арендаторовъ ничто не поощряетъ дѣлать какія бы то ни было улучшения, а если они таковыя и производить, то плоды собирають не они. Землевладѣльцы не соглашаются на болѣе продолжительныя аренды потому, что желаютъ во-первыхъ держать въ рукахъ своихъ арендаторовъ, а во-вторыхъ возвышать ренту при совершеніи каждой новой аренды. Можно сказать, что въ Бельгии подобное повышеніе ренты совершается правильно и періодично.

Слѣдующая таблица представляетъ наглядно это постоянное увеличеніе ренты съ 1830 года:

Провинціи.	Увеличеніе ренты.					Цѣна за гектарь.	
	отъ 1830 до 1835	отъ 1835 до 1840	отъ 1840 до 1846	отъ 1846 до 1850	отъ 1850 до 1856	1830	1856
	проц.	проц.	проц.	проц.	проц.	Фран. сант.	Фран.
Антверпенъ	7.06	10.22	6.32	8.33	15.38	47—50	75
Брабантъ	7.62	12.48	5.05	2.41	17.65	66—27	100
Фландрія Западная . .	8.10	6.93	5.20	4.05	16.90	60—00	83
Фландрія Восточная .	13.96	11.39	2.85	0	71.84	21—40	106
Генегау	8.94	15.58	7.48	1.05	14.58	69—97	110
Литтихъ	7.50	14.72	8.11	7.41	16.09	62—35	101
Лимбургъ	10.28	13.02	1.90	0	17.00	46—80	62
Люксембургъ	5.14	7.73	4.17	3.03	14.71	28—78	39
Намюръ	9.87	15.35	7.67	10.00	16.36	36—77	64
Вся Бельгія	9.10	12.74	5.90	2.94	17.14	57—25	82

Съ 1856 года, ренты пропорціонально возвышались еще болѣе, чѣмъ въ предыдущій періодъ. Можно утвердительно сказать, что въ 1830 году, цѣна земли и ренты удвоились. Это одно изъ дополнительныхъ доказательствъ справедливости положенія, столь ясно выставленнаго Милемъ, что въ развивающейся общинѣ цифра прибыли и процентовъ постоянно уменьшается, а напротивъ цифра ренты постоянно увеличивается. Такимъ образомъ землевладѣльцы фактически пользуются всеми плодами прогрессивной дѣятельности всей общины въ различныхъ направленіяхъ. Часть этого прогрессивнаго возвышенія ренты зависитъ отъ усовершенствованій, введенныхъ фермерами въ земледѣліи. Возвышая ренту землевладѣлецъ пользуется этимъ увеличеніемъ цѣнности земли.

Увеличеніе дохода получаемого землевладѣльцемъ земли — не результатъ сдѣланныхъ имъ улучшеній; и этотъ фактъ общій всемъ странамъ и встрѣчается вездѣ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣйствительно землевладѣльцы производятъ какія либо улучшенія, то они получаютъ процентъ на израсходованный капиталъ въ видѣ прибавочнаго увеличенія дохода.

По этому я полагаю, что такъ какъ возвышеніе ренты обязано своимъ существованіемъ прогрессу всего общества, а не дѣятельности землевладѣльцевъ, то это возвышеніе не должно по справедливости приносить пользу однимъ землевладѣльцамъ. Слѣдовало бы дѣлить эту выгоду. Часть ея должна идти въ руки арендатора, что можетъ быть совершенно увеличеніемъ сроковъ аренды; другая часть прибыли должна бы идти въ пользу всего общества, въ видѣ увеличенія поземельнаго дохода.

Въ настоящее время, поземельный налогъ (*impôt foncier*) въ Бельгіи постоянный неизмѣнный и равняется 16.000.000 франковъ. Но по справедливости онъ долженъ увеличиваться пропорціонально возвышенію ренты, однако такъ чтобы не помѣшать доходу, служащему наградой за улучшенія.

Все это относится съ одинаковой силой къ Великобританіи, хотя съ нѣкоторыми важными измѣненіями, ибо во первыхъ англійскіе и ирландскіе землевладѣльцы не возвышаютъ постоянно ренту съ безжалостностью бельгійскихъ владѣльцевъ. Во вторыхъ мѣстные налоги въ Англіи высоки и прогрессивно поднимаются. Въ

третьихъ ренты возвысились въ Англіи не въ такой пропорціи, какъ въ Бельгіи.

Однако что касается до возвышенія ренты, то поземельная система Бельгіи гораздо выше англійской. Въ обѣихъ странахъ часть чистой прибыли цивилизаціи въ видѣ возвышенной ренты секвеструется землевладѣльцемъ и приспокойно кладется имъ въ карманъ даже когда онъ ничего не дѣлаетъ и не живетъ въ своихъ помѣстьяхъ, но гдѣ много землевладѣльцевъ тамъ большое количество жителей должно пользоваться долей прибыли отъ возвышенія ренты. Напротивъ, если землевладѣльцы не многочисленны, то они захватываютъ въ свои руки всю общественную прибыль. Въ первомъ случаѣ слѣдствія экономическаго закона гораздо жесточе, чѣмъ въ послѣднемъ и однако эти слѣдствія будутъ встрѣчаться безропотно, потому что многіе имѣютъ пользу отъ этого закона; тогда какъ рано или поздно должна подняться сильная оппозиція, когда законъ этотъ дѣйствуетъ лишь на пользу нѣсколько привилегированныхъ семействъ. Система полной ренты, то есть ренты равняющейя всему доходу, столь осуждаемая въ Англіи, обыкновенно встрѣчается въ Фландріи и однако арендаторы платятъ ее съ покорностью, не смотря на всѣ претерпѣваемые страданія. Въ Великобританіи, землевладѣлецъ посовѣстился бы стричь какъ овецъ, своихъ арендаторовъ по примѣру Фландріи и однако онъ неизбѣгаетъ самыхъ горькихъ упрековъ; это легко объясняется тѣмъ фактомъ, что на одного землевладѣльца въ Англіи приходится двѣсти пятьдесятъ во Фландріи. Однако вообще система пользованія землею во Фландріи далеко не заслуживаетъ подражанія. Въ ней слишкомъ много арендаторовъ фермеровъ и слишкомъ мало поселенъ собственниковъ, аренды слишкомъ долгосрочны, а ренты слишкомъ высоки.

Артуръ Юнгъ сказалъ:—*Дайте фермеру въ аренду на десять лѣтъ садъ, и онъ превратитъ его въ пустыню.* Честь и слава мелкимъ фермерамъ Фландріи и системѣ мелкаго хозяйства, что они доказали ложность этой аксіомы.

17) Между различными системами пользованія землею въ Бельгіи и Голландіи нѣтъ интереснѣе для всякаго изучающаго сельское хозяйство, какъ *Veklem-regt* въ провинціи Гренингенъ. Это нѣчто въ родѣ

наслѣдственной аренды или закрѣпленія права пользованія. Землевладелецъ не можетъ никогда возвысить ежегодной ренты, платимой арендаторомъ. Напротивъ арендаторъ (называемый *Beklem-meuer*) можетъ завѣщать, отчуждать и закладывать свое право пользованья землей подъ условіемъ только не уменьшать цѣнности земли. *Beklem-regt* не дѣлимъ и можетъ принадлежать только одному человѣку. При каждомъ переходѣ изъ однѣхъ рукъ въ другія, землевладелецъ имѣетъ право получить извѣстную сумму денегъ (называемую *proripen*) и равняющуюся по предворительному условію годичной или двухгодичной рентѣ. Эта система представляетъ остатокъ среднихъ вѣковъ и до сихъ поръ постоянно примѣняется въ Гренингенѣ даже на земляхъ недавно воздѣланныхъ, какъ напримѣръ на польдерахъ и торфяникахъ. Происхожденіе подобнаго права пользованья имѣетъ мѣсто слѣдующимъ образомъ: землевладельцы нуждаясь въ деньгахъ и не желая заложить своихъ земель отдають ихъ за извѣстную сумму, въ наслѣдственную аренду, оставаясь такимъ образомъ номинальными собственниками; они никогда не расстаются съ своимъ правомъ собственности и при продажѣ земли эти права и *Beklem-regt* продаются отдѣльно, такъ что цѣна помѣстья значительно увеличивается.

Всѣ голландскіе экономисты вполне цѣнятъ выгоды *Beklem-regt*. Главнѣйшія изъ этихъ выгодъ слѣдующія:

I) *Beklem-regt* вполне обезпечиваетъ арендатора на счетъ будущаго и поощряетъ его сколь возможно болѣе улучшить воздѣлываніе земли.

II) Арендаторъ покупая право пользованья землей платитъ менѣе, чѣмъ за право собственности, а трудъ его одинаково обезпеченъ. Чѣмъ выше рента, тѣмъ онъ менѣе платитъ денегъ. Въ Ирландіи напротивъ покупая право аренды (*good-will*) арендаторъ не пріобрѣтаетъ никакого дѣйствительнаго права, а долженъ платить ту же аренду, какъ и другіе. Въ Гренингенѣ пріобрѣтается право наслѣдственнаго пользованія и платимая рента умѣренна и неизмѣнна.

III) *Beklem-regt* не дѣлимъ и потому не допускаетъ насильственнаго или злонамѣреннаго подраздѣленія земли. Если это подраз-

дѣленіе благодѣтельно, то землевладѣлец соглашается на него подѣ условіемъ получать долю изъ вырученной прибыли.

IV) *Beklem-regt* отвращаетъ чрезмѣрное увеличеніе народонаселенія. Потому что съ одной стороны ограничивается число фермъ, а съ другой — фермеръ находится въ такихъ хорошихъ обстоятельствахъ, что сыновья его наврядъ ли доведутъ себя до разоренія.

V) Благодаря этой системѣ пользованья землей, значительное число достаточныхъ *quasi* собственниковъ живутъ въ деревняхъ и посвящаютъ воздѣлыванію земли капиталы и научныя знанія; тогда какъ, еслибъ сами собственники владѣли землей, то они жили бы въ городахъ и отдавали бы свои помѣстья арендаторамъ на разорительныхъ условіяхъ.

Такимъ образомъ вмѣсто арендаторовъ, постоянно боящихся потерять обрабатываемую землю, и разоряемыхъ вѣчно возрастающей рентою, эта система, завѣщанная средними вѣками создала классъ полусобственниковъ, независимыхъ, гордыхъ, простыхъ людей, которые жадно ищутъ знаній, цѣнятъ всѣ выгоды образованія и занимаются земледѣліемъ не изъ слѣпой рутинѣ и какъ необходимымъ, низкимъ дѣломъ, но какъ благороднымъ ремесломъ, приносящимъ имъ богатство, вліяніе и уваженіе согражданъ. Этотъ классъ людей готовъ всегда на всевозможныя пожертвованія для осушенія своей земли и улучшенія фермы или полевыхъ орудій; онъ рассчитываетъ только на себя и видитъ залогъ своего благосостоянія лишь въ своей собственной дѣятельности и энергіи.

Системы пользованья землей, подобныя *Beklem-regt*, существовали нѣкогда на Ламанскихъ островахъ и въ Бретани подѣ названіемъ *domaine congéable*, въ Ломбардіи подѣ названіемъ *contratto di livello*, а въ Португаліи подѣ названіемъ *aforamento* (1).

(1) Слѣдующія крайне интересныя свѣденія о формѣ пользованья землей, извѣстныя въ Португаліи подѣ названіемъ *aforamento*, сообщены мнѣ португальскимъ экономистомъ Вененсіо Десландесомъ.

Aforamento чрезвычайно похоже на *Beklem-regt* Гренингена. Это наследственная аренда, по которой право пользованія даруется на безграничное время подѣ условіемъ платежа ежегодной ренты, цифра которой однажды опредѣленная не можетъ быть никогда возвышена землевладѣльцемъ. Это право переходитъ къ наследникамъ, которые од-

Пока наслѣдственные арендаторы воздѣлываютъ землю сами, *Beklem-regt* приводитъ только къ благодѣтельнымъ результатамъ, но какъ только они начинаютъ сами отдавать въ наемъ это право пользованія, то немедленно оно дѣлается предметомъ всѣхъ неудобствъ обыкновенныхъ арендъ съ тою только разницею, что въ этомъ случаѣ второй арендаторъ долженъ платить двойную ренту: одну опредѣленную землевладѣльцу, а другую подлежащую измѣненіямъ, первому, то есть наслѣдственному, арендатору.

Еслибъ ирландская система аренды называемая *goodwill* могла быть превращена въ *Beklem-regt* или *aforamento*, то Ирландія бы могла быть освобождена. Но прежде всего въ такомъ случаѣ ирландскимъ поселянамъ пришлось бы уважать *недѣлимость* арендъ и арендуемыхъ фермъ. Кромѣ того имъ надо будетъ пла-

нако не могутъ дробить землю, такъ какъ *aforamento* недѣлимо; по этому о инъ изъ наслѣдниковъ беретъ всю землю и уплачиваетъ другимъ ихъ доли. Гдѣ это невозможно и наслѣдники не кончатъ дѣла миролюбиво, *aforamento* продаютъ и покупатель держитъ землю на тѣхъ же условіяхъ, какъ и продавецъ. Если не остается никакихъ родственниковъ или наслѣдниковъ, то *aforamento* дѣлается выморочнымъ имуществомъ и собственникъ входитъ снова во всѣ права владѣнія. Съ другой стороны если наслѣдственный арендаторъ дозволитъ землѣ потерять свою цѣнность на одну пятую сверхъ капитализированной ренты, то землевладѣлецъ также въ правѣ вступить въ пользование землей безъ всякаго вознагражденія арендатору.

Кромѣ ежегодной ренты, землевладѣлецъ въ прежнее время получалъ пошлину при переходѣ *aforamento* изъ рукъ въ руки; это называлось *luctuosa*, если перемѣна происходила по причинѣ смерти и *landemium*, если перемѣна происходила вслѣдствіе продажи. Новый гражданскій кодексъ, введенный въ іюль 1867 года, и обнаруживающій во многихъ отношеніяхъ подобно своему французскому прототипу вражду ко всему принадлежащему къ старинѣ уничтожилъ это право на пошлину какъ остатокъ феодальныхъ отношеній. Другой и еще ужаснѣйшій ударъ нанесъ *aforamento* новый кодексъ, запретивъ арендатору завѣщать послѣ своей смерти право пользованія землей любому изъ своихъ сыновей. Раздѣленіе собственности на равныя части признано обязательнымъ и такъ какъ *aforamento* по своему существу недѣлимо, то очевидно является неизбежно борьба между обоими принципами. *Aforamento* тогда продаютъ и отнимаютъ у семейства, которое пользовалось имъ быть можетъ цѣлыя столѣтія.

Aforamento существуетъ съ первыхъ временъ Португальской монархій. Оно введено монастырскими орденами, преимущественно бенедиктинскимъ на принадлежавшихъ имъ земляхъ и потомъ мало по малу распространилось по всей Португаліи къ сѣверу отъ Таго. Даже до сихъ

тить деньги за наследственную аренду, не выходящимъ арендаторамъ, а самимъ землевладѣльцамъ. При этомъ надо замѣтить, что по всей вѣроятности будетъ очень трудно заставить ихъ понять и оцѣнить эту систему пользованія землей. Даже въ провинціяхъ сосѣднихъ съ Гренингеномъ, гдѣ вполнѣ оцѣняются всѣ полезные результаты этой системы, она не принята.

Законовѣдцы, одушевленные идеями уравниенія и упрощенія, введенными французской революціей, возстаютъ также противъ системы нѣкогда преобладавшей въ большей части Европы. Она одинаково исчезла во многихъ странахъ, потому что утратила свою первоначальную форму или къ ней были присоединены какія либо неправильныя постановленія. Такъ въ Ломбардіи *contratto di livello* требовало извѣстной части платы натурой и мѣшало наследственному фермеру сѣять что онъ желалъ; такимъ образомъ оставалась очевидная преграда къ прогрессу земледѣлія. Но вмѣсто того, чтобъ пытаться уничтожить эту систему лучше было бы ее сохранить и ввести въ общее употребленіе, сдѣлавъ необходимыя улучшенія въ ея формѣ.

поръ подобныя контракты совершаются частными лицами и даже общины отдавая въ аренду городскія земли, часто прибѣгаютъ къ системѣ *aforamento*. Частныя лица отдаютъ землю въ аренду подъ условіемъ опредѣленныхъ рентъ и въ виду закрѣпленія пользованья они получаютъ извѣстную сумму, которая представляетъ цѣну постояннаго пользованія арендаторомъ землей безъ возвышенія ренты; принося временную жертву, арендаторъ получаетъ вѣрное обезпеченіе своихъ трудовъ въ будущемъ. Народъ въ прежнее время и даже теперь имѣетъ особое пристрастіе къ подобнаго рода контрактамъ; и фермеры и землевладѣльцы одинаково оцѣняютъ великія выгоды этой системы. Эти выгоды особливо очевидны въ провинціи Миньо, которая такъ славится земледѣліемъ, благодѣнствіемъ жителей и великолѣпно обработанной почвой. Тамъ всѣ земли находятся въ арендѣ по системѣ *aforamento* и этой-то формѣ пользованья землею приписываютъ все ея благоденствіе.

Я часто встрѣчалъ *aforamento* въ окрестностяхъ Лиссабона, особливо въ великолѣпной странѣ, окружающей *Cintra Road*. По несчастью современное законодательство, побуждаемое французскими идеями, объявило войну этой великолѣпной системѣ пользованія землей съ цѣлью достигнуть такъ называемаго освобожденія земли, то есть возстановленія абсолютной собственности и принятія одной общей формы аренды. Это заблужденіе. Каждое учрежденіе хорошо, если оно только обезпечиваетъ владѣніе землей тому кто ее воздѣлываетъ.

18) Фламандскій *Pachters-regt* или право фермера заключается въ обязанности входящаго арендатора уплатить выходящему цѣнность соломы и удобрения на арендуемой землѣ, кромѣ цѣны заготовленнаго удобрения и посѣва; это вознагражденіе за улучшеніе почвы, но гораздо систематичнѣе, чѣмъ въ Англіи.

Этотъ обычай во Фландріи существовалъ еще въ средніе вѣка что доказываетъ высокую степень развитія этой страны, даже въ такія отдаленныя времена. Нынѣ *Pachters-regt* измѣняется по мѣстностямъ и эти различія по видимому совпадаютъ съ территоріями древнихъ германскихъ племенъ. Въ окрестностяхъ Ипра и Куртре платится не болѣе одной трети цѣнности удобрения съ котораго уже была снята одна жатва; близъ Гента, это вознагражденіе достигаетъ половинной цѣнности, а въ странѣ Вэсъ платится опредѣленная сумма 21 фр. съ гектара за удобрение положенное на поля въ продолженіе двухъ предыдущихъ лѣтъ. Общій итогъ вознагражденія измѣняется согласно состоянію обработки земли и того времени, когда вступаешь въ пользованіе землею.

Въ южныхъ округахъ, гдѣ аренды начинаются съ октября, *Pachters-regt* относится только до полу-истощеннаго удобрения, а также до удобрения сохраняемаго въ чанахъ и цифра не превышаетъ 70 или 80 фр. съ гектара; въ окрестностяхъ же Гента, гдѣ фермера вступають въ пользованье землею съ Рождества или съ 1 марта, вознагражденіе платится одинаковаго за зерно, находящееся въ землѣ и за удобрение, всего отъ 400—500 фран. съ гектара, засѣяннаго хлѣбомъ (1).

Въ „Письмахъ объ англійскомъ земледѣліи“ г. Кэрдъ говоритъ, что въ графствахъ Суррей и Эсексъ обыкновенно составляется инвентарь неистощенныхъ земледѣльческихъ улучшеній подобно фламанд-

(1) Въ интересномъ руководствѣ для оцѣнки вознагражденій, платимыхъ выходящимъ арендаторамъ. „*Het-Pachters-regt; door L. Delaruge en van Boekel*“ нахожу, что за поля, посѣянные ячменемъ, сурѣпицей и пшеницей, платится отъ 400 до 800 фр. съ гектара, изъ этой суммы около 300 фр. платится за удобрение.

скому *prizu*. Однако Кэрдъ не расположенъ въ пользу подобнаго обычая, который по его мнѣнію имѣетъ два большихъ неудобства:

I) Онъ влечетъ за собою дорогую оцѣнку, процессы и судебныя издержки.

II) Вознагражденіе за инвентарь истощаетъ небольшія средства новаго арендатора.

Эти неудобства не существуютъ во Фландріи и не должны существовать въ Англіи. Инвентарь составляется экспертами, часто мѣстнымъ нотаріусомъ за незначительную плату, а процессы чрезвычайно рѣдко возникаютъ изъ подобной оцѣнки. Тамъ гдѣ оцѣнивается посѣвъ въ землѣ какъ въ окрестностяхъ Гента, эта операція дѣйствительно представляетъ нѣкоторыя затрудненія, но тамъ гдѣ новый арендаторъ вступаетъ въ права пользованія землей въ октябрѣ, какъ въ окрестностяхъ Куртрэ, оцѣняется только навозъ на скотномъ дворѣ (кубическую мѣру, которую очень легко опредѣлить) и полуистощенное удобреніе на поляхъ; подобный инвентарь очевидно составляется очень легко.

Что касается до истощенія средствъ новаго арендатора, то это совершенно неосновательно и напротивъ *prizu* увеличиваетъ его капиталъ. Онъ платитъ за удобреніе на мѣстѣ, тогда какъ иначе ему пришлось бы покупать его издалека. Благодаря этой системѣ старый, выходящій фермеръ не обращается небрежно съ землей даже въ послѣдній годъ своего пользованія и входящій арендаторъ находитъ ее въ совершенномъ порядкѣ, а не истощенной, заросшей плевелами. Никакой расходъ такъ мало не сожалѣется фламандскимъ фермеромъ, какъ расходъ на инвентарь. Онъ говоритъ *hoe hooger hoe beter*, чѣмъ выше тѣмъ лучше.

Въ Фландріи всѣ авторитеты по сельскому хозяйству согласны, что *Pachters-regt* необходимъ для хорошей обработки земли. Они идутъ далѣе и требуютъ въ интересахъ сельскаго хозяйства, чтобъ мѣстные обычаи касающіеся этого права были приведены въ систему положительнымъ закономъ. Дѣйствительно земля во Фландріи по природѣ такъ бѣдна, что если выходящій арендаторъ заброситъ ее въ теченіи двухъ послѣднихъ лѣтъ своего пользованія то, ферма будетъ совершенно разорена и потребуются большіе расходы для приведенія ея въ прежніе положеніе.

Фламандскій *Pachters-regt*, вполне заслуживаетъ, чтобъ его ввели повсюду на основаніи слѣдующихъ причинъ:

I) Этотъ обычай справедливъ, такъ какъ онъ вознаграждаетъ фермера за всѣ произведенныя имъ улучшенія въ обработкѣ земли.

II) Этотъ обычай предотвращаетъ истощеніе земли въ послѣдніе два года аренды.

III) Этотъ обычай даетъ удобреніе входящему фермеру. Фламандцы и китайцы совершенно правильно полагаютъ, что нѣтъ лучшаго помѣщенія денегъ для земледѣльца какъ покупка удобренія.

19) Земледѣльцы, бываютъ или собственники, или арендаторы, или работники. Взглянемъ теперь на положеніе каждаго изъ этихъ классовъ во Фландріи.

Если воздѣлыватель земли въ тоже время и ея собственникъ, то его положеніе такое же счастливое въ Бельгіи, какъ и въ другихъ странахъ; развѣ участокъ земли недостаточенъ для его поддержанія и онъ обязанъ сдѣлаться также арендаторомъ или работникомъ. Но вообще поселянинъ собственникъ находится въ хорошемъ положеніи, потому что во первыхъ, онъ можетъ употребить на себя все что производитъ земля, а такъ какъ земля производитъ много, особливо въ Фландріи, то его существенныя потребности удовлетворяются съ избыткомъ. Во вторыхъ, онъ независимъ, и ему нечего бояться въ будущемъ; его нельзя выгнать изъ фермы и нельзя заставить платить болѣе соразмѣрно съ бѣльшимъ улучшеніемъ земли, благодаря его трудамъ.

Однако образъ жизни землевладѣльца не *джентельмэна*, а челоѣка работающаго, какъ поселянинъ, мало отличается отъ образа жизни фермера арендатора. Пища употребляемая имъ почти одинакова; только онъ чаще ѣстъ свинину и пьетъ пиво. Его одежда, привычки и жилище совершенно сходны, только онѣ обнаруживаютъ большій достатокъ. Онъ откладываетъ деньги на покупку земли и округленія своей фермы; благодаря соперничеству поселянъ собственниковъ цѣнность поземельной собственности быстро возвышается.

Остается желать не увеличенія потребностей поселянина собственника или большей утонченности ихъ, такъ какъ успѣхъ ци-

визации не совпадаетъ съ успѣхомъ эпикурьялизма ⁽¹⁾; но чтобъ онъ обращалъ болѣе вниманія на свое умственное развитіе и посвящалъ на то часть ежегодно откладываемыхъ имъ денегъ.

Положеніе мелкаго арендатора въ Фландріи, надо признаться, нѣсколько грустное, благодаря кратковременности аренды онъ постоянно находится подъ опасеніемъ, что ренту возвысятъ или отнимутъ его ферму. Ничѣмъ не обезпеченный на счетъ будущаго, онъ постоянно живетъ въ страхѣ и безпокойствѣ. Этотъ страхъ возвышенія ренты такъ великъ, что онъ боится отвѣтить вамъ, на какіе бы то ни было вопросы касательно его фермы, предполагая, что непремѣннымъ слѣдствіемъ его отвѣтовъ будетъ возвышеніе ренты.

Полная или равняющаяся доходу рента едва оставляетъ фермеру достаточно средствъ для существованія. Я не полагаю, чтобъ его оборотный капиталъ приносилъ ему три процента, а онъ трудится какъ простой работникъ. Не смотря на это онъ всегда одѣтъ опрятно, а по воскресеньямъ его не отличишь отъ горожанина. Его жена и дѣти работаютъ цѣлую недѣлю босикомъ, а по воскресеньямъ, онѣ наряжаются, надѣваютъ кринолины, различныя цюбрякушки и цвѣты на голову.

Надо замѣтить, что всѣ необходимыя строенія на фермѣ обыкновенно возводятся землевладѣльцемъ, а поддерживаются чрезвычайно хорошо арендаторомъ; это давнишній обычай во Фландріи и существуетъ до сихъ поръ. Всѣ одинаково цѣнятъ и уважаютъ хорошую обработку земли. Помѣстья, обрабатываемыя самими владѣльцами, хотя и не многочисленны, но представляютъ образецъ, которому всѣ стараются подражать и поселяне считаютъ для себя стыдомъ, если они далеко отстанутъ отъ этого образца. Вліяніе собственниковъ въ этомъ отношеніи

(1) По моему мнѣнію большая ошибка принимать за критерій цивилизации утонченность потребностей и роскошь въ частной жизни. Въ лучшіе дни древней Греціи, объ удобствахъ частной жизни не было никакого понятія. Въ древней Индіи и въ Іудее люди жили первобытною жизнью, а въ умахъ этихъ людей зародились мысли, на которыхъ зиждится вся наша нравственная жизнь.

чрезвычайно рѣзко выставлено въ замѣчательной статьѣ профессора Лесли „о фермахъ и поселянахъ въ Бельгіи“ (1). „Какъ Фальстафъ, говоритъ онъ, хвалится что онъ не только самъ остроумень, но возбуждаетъ остроуміе въ другихъ людяхъ, такъ и поселянинъ собственникъ можетъ хвалиться, что онъ не только самъ хорошій фермеръ, но побуждаетъ и другихъ быть хорошими фермерами.“

Ничто не даетъ такой прелестной идеи о сельской жизни, какъ маленькія фермы въ Фландріи, особливо въ странѣ Вэсъ. Впереди каждой фермы лужокъ, на которомъ пасутся коровы въ тѣни яблонь, вокругъ идетъ хорошо содержанная изгородь, самый домъ часто выбѣленъ снаружи, косяки дверей и окнъ выкрашены въ зеленую краску, на подоконникахъ виднѣются цвѣты, вездѣ порядокъ, чистота, нигдѣ не валяется соръ или навозъ, на всемъ отпечатокъ достатка и благосостоянія.

Причина почему мелкіе фермеры разоряются *полными* рентами заключается въ томъ, что ихъ слишкомъ много. На пространствѣ 100 гектаровъ въ Западной Фландріи 200 жителей, въ Восточной 270; тогда какъ во Франціи 76, а въ Ломбардіи 136. По несчастью фламандскіе поселяне не хотятъ покинуть своей провинціи и излишнее соперничество при наймѣ фермъ увеличиваетъ ренты самымъ для нихъ разорительнымъ образомъ.

Надъ мелкими фермерами находится классъ мелкихъ землевладѣльцевъ, которые пользуются безъ зазрѣнія совѣсти этимъ соперничествомъ. Имѣя лишь достаточно для своего собственнаго прокормленія, они не заботятся о положеніи фермера, а думаютъ только о томъ какъ „поддержать свое положеніе въ свѣтѣ“ согласно ихъ собственному выраженію.

Невозможно провести паралели между бельгійскими и англійскими землевладѣльцами. Послѣдніе, я полагаю, дѣйствуютъ на такихъ сображеніяхъ, которыя невѣдомы континенту и потому невозможно вывести никакого сравненія изъ такого исключительнаго случая. Я не хочу этимъ сказать, чтобы англійскій земле-

(1) Land Systems and Industrial Economy of Ireland, England and Continental Countries by T. E. Cliffe Leslie 1870. London.

владѣлецъ былъ *intus et in cute* лучшимъ человѣкомъ, чѣмъ другіе, но какъ человѣкъ гораздо богаче и подверженный высшему общественному мнѣнію, онъ не такъ склоненъ выжать послѣдній грошъ изъ своего фермера. Поэтому положеніе англійскаго арендатора гораздо лучше, чѣмъ фламандскаго.

Какъ общее правило, поземельная собственность поселянина хороша тамъ, гдѣ онъ самъ обрабатываетъ землю, но гдѣ она существуетъ рядомъ съ арендной отдачей фермъ, въ слишкомъ населенной странѣ, то арендаторъ фермеръ находится въ худшемъ положеніи, чѣмъ еслибъ помѣстья были крупныя. Но чрезвычайно важно имѣть въ виду при сравненіи земледѣльческаго населенія Англии и Фландріи, что мелкій фермеръ обрабатывающій землю своими руками равняется не англійскому арендатору фермы, но англійскому фермерскому работнику. Нашъ же мелкій фермеръ хотя онъ питается не лучше англійскаго работника, имѣетъ рѣшительныя преимущества надъ нимъ; конечно онъ имѣетъ больше заботъ и отвѣтственности, благодаря своему высшему положенію, но за то, онъ отличается предусмотрительностью, самообладаніемъ и развитіемъ умственныхъ способностей.

Взглянемъ теперь на положеніе землевладѣльца работника въ Фландріи. Получаемая имъ плата чрезвычайно низка, отъ 1 фр. 10 сант. до 1 фр. 20 сант. въ день безъ харчей. Въ странѣ Валоневъ, гдѣ находятся всѣ большіе центры промышленности, заработная плата увеличивается вдвое благодаря соперничеству копей и мануфактуръ съ землею на рабочемъ рынкѣ. Нѣкоторые факты, относительно этого предмета, почти не вѣроятны. Въ окрестностяхъ Литтиха земледѣлецъ работникъ получаетъ 2 фр. въ день, а близъ Гассельта на разстояніи 4 миль, онъ получаетъ только 1 фр.; послѣдняя страна фламандская, и различіе языковъ мѣшаетъ ему перейти въ Валонской округъ, гдѣ онъ могъ бы заработать гораздо болѣе.

Утромъ завтракъ фламандскаго работника-земледѣльца, состоитъ въ хлѣбѣ съ масломъ и кофе съ цикоріемъ и молокомъ; къ обѣду, онъ ѣстъ картофель, зелень и хлѣбъ; въ четыре часа снова хлѣбъ съ масломъ, а ужинъ заключается въ повтореніи обѣда; очень рѣдко онъ ѣстъ свинину, а говядина появляется за

его столомъ только четыре или пять разъ въ годъ; тѣ изъ работниковъ, которые живутъ у фермеровъ, чаще ѣдятъ свинину.

Съ другой стороны работники на фермахъ обыкновенно пользуются хорошимъ жилищемъ. Для себя и семейства они всегда имѣютъ отдѣльный домъ съ двумя, а часто съ четырьмя комнатами. Домикъ этотъ содержится чрезвычайно опрятно, а передъ нимъ всегда находится кусокъ земли въ полъ-акра, на которомъ разводится картофель, другія овощи и рожь; кромѣ того тутъ же пасется коза, дающая молоко для семейства.

Число семействъ на каждые 100 домовъ.

	1846	1856
Фландрія западная	103	101
— восточная	104	102
Вся Бельгія	104	104

Такимъ образомъ число домовъ въ Фландріи увеличилось въ сравненіи съ сельскимъ населеніемъ, которое благодаря этому, получило лучшія жилища.

Излишне говорить о полезномъ вліяніи хорошаго жилища на нравственность и чувство самоуваженія каждаго человѣка. Этотъ фактъ относится одинаково къ селамъ и къ городамъ и объясняетъ, почему фламандцы, дурно питающіеся и плохо образованные, имѣютъ внѣшній видъ благосостоянія и цивилизаціи.

Иностранецъ, посѣщающій Фландрію, не долженъ выводить невѣрныхъ заключеній изъ нѣкоторыхъ фактовъ, объясняемыхъ мѣстными обычаями. Напримѣръ Валонь, видя женщинъ, работающихъ босикомъ въ полѣ, легко приметъ это за доказательство нищеты. И онъ совершенно ошибется: это ничто болѣе, какъ мѣстный обычай. Дочери достаточнаго фермера, разодрѣтыя по воскресеньямъ, работаютъ всю недѣлю босикомъ. Тоже замѣчаніе можно сдѣлать относительно ржаного хлѣба, который фламандцы ѣдятъ только потому, что ихъ отцы такъ дѣлали вѣками, а не потому, чтобы они не имѣли средствъ ѣсть пшеничный; впрочемъ этотъ послѣдній хлѣбъ въ настоящее время сильно входитъ въ употребленіе.

20) Въ моемъ изслѣдованіи сельскаго хозяйства въ Бельгіи, я сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній о нелестномъ положеніи фламандскихъ поселянъ и изъ этихъ замѣчаній выведены были заключе-

нія противъ поземельной собственности поселянъ. Эти заключенія какъ нельзя болѣе ложны. Зло, на которое я указывалъ, происходитъ отъ того факта, что между фламандскими поселянами слишкомъ мало мелкихъ собственниковъ и слишкомъ много мелкихъ арендаторовъ.

Если вы хотите видѣть въ Бельгii округъ, гдѣ поселяне живутъ хорошо, то поѣзжайте въ Нижнiй Люксембургъ. Тамъ земля раздѣлена между множествомъ поселянъ-собственниковъ, которые почти безъ исключенiя обрабатываютъ сами свои участки. Каждый изъ нихъ самъ управляетъ своей фермой и подъ тѣнью фруктовыхъ деревьевъ пользуется плодами своего тяжелого труда. Эти сельскiе богачи обязаны своимъ счастливымъ положенiемъ, не обладанiю крупныхъ капиталовъ, но изобилiю сельскихъ произведенiй. Никто не достаточно богатъ, чтобъ жить въ праздности и никто не достаточно бѣденъ, чтобъ терпѣть нужду. Поселянинъ тамъ также образованнѣе и независимѣе, чѣмъ во Фландрiи. Положенiе эго соотвѣтствуетъ положенiю поселянъ въ кантонѣ Граубинденъ въ Швейцарiи.

Нѣсколько цифръ докажутъ лучше всего различiе между Фландрiей и Люксембургомъ; при этомъ я выберу въ этихъ провинцiяхъ самые нормальные округа.

Фландрiя. Округъ св. Николая, въ странѣ Вэсъ. Заработная плата фермерскаго работника—1 фр. 10 сент. въ день.

Пространство обработанной земли	}	собственниками	6,556 гект.
		арендаторами	31,689 гект.

Люксембургъ. Округъ Бульонъ и Пализеаль. Заработная плата фермерскаго работника—2 фр. въ день.

Пространство обработанной земли	}	собственниками	10,699 гект.
		арендаторами	1,563 гект.

Такимъ образомъ въ Нижнемъ Люксембургѣ заработная плата сельскаго работника вдвое больше, чѣмъ во Фландрiи, хотя боль-

шинство питательныхъ продуктовъ, особливо мясо и картофель, дешевле въ первой изъ этихъ провинцій.

21) Голландскіе фермеры ведутъ жизнь достаточную и приятную. Они отличаются хорошими жилищами и хорошей одеждой. У нихъ въ шкапахъ фарфоровая посуда и серебро, у нотаріусовъ хранятся цѣлые тоны золота, въ сундукахъ у нихъ государственныя бумаги, а въ конюшняхъ отличныя лошади. Ихъ жены носятъ золото и коралы. Они не работаютъ до изнеможенія. На льду зимой и на кирмесахъ лѣтомъ, они веселятся съ тѣмъ одушевленіемъ, которое отличаетъ людей не имѣющихъ никакихъ заботъ.

Мы только что показали, что бельгійскій фермеръ не такъ богатъ, какъ его сосѣдь голландецъ и не можетъ предаваться такъ веселымъ препровожденіямъ времени.

Одна изъ причинъ такого благопріятнаго положенія поселянъ въ Голландіи заключается въ томъ, что горожане всегда помѣщали свои накопленные гроши въ государственные фонды, а не гонялись за поземельной собственностью, которая такимъ образомъ осталась исключительно въ рукахъ поселянъ. Въ Бельгіи напротивъ, дворянство сохранило большія помѣстья, а капиталисты съ любовью покупали землю. По этому значительное число поселянъ превратилось въ простыхъ арендаторовъ.

Чтобъ отыскать идеаль сельской жизни, надо посѣтить Гренингенъ или Верхнюю Баварію.

22) Выраженіе Плинія *latifundia perdidere Italiam* звучало изъ вѣка въ вѣкъ какимъ-то роковымъ предостереженіемъ. *Latifundia* римской аристократіи, сначала поглотила мелкую поземельную собственность, а потомъ и мелкихъ собственниковъ и когда явились варвары, имперія представляла одну громадную пустыню.

Estados испанскихъ грандовъ также уничтожили мелкихъ землевладѣльцевъ, мѣсто которыхъ заняли разбойники, контрабандисты, нищіе и монахи.

Тиверій Грахъ былъ единственный римлянинъ, понимавшій экономическое положеніе своей родины. Еслибъ предложенные имъ законы были бы приняты, то быть можетъ они спасли бы республику отъ паденія.

Честь и слава Англии, что она избѣгла обычныхъ послѣдствій системы крупнаго землевладѣнія. Въ Великобританіи существуетъ классъ землевладѣльцевъ и арендаторовъ живо сочувствующихъ всѣмъ нуждамъ земледѣлія, а ея гигантская торговля дала занятіе тѣмъ мелкимъ собственникамъ, земля которыхъ была поглощена крупными землевладѣльцами. Но на континентѣ дѣло совершенно иное, и причина тому можетъ быть найдена въ фактахъ, приведенныхъ нами относительно Бельгіи.

Тутъ большія фермы вообще не такъ хорошо обработаны, какъ мелкія, и это легко себѣ объяснить. Для воздѣлыванія фермы въ 200 гектаровъ, съ такимъ капиталомъ, какъ тотъ который употребляется мелкими фермерами, потребовалось бы 100,000 фран. Человѣкъ же имѣющій, такую сумму, не сдѣлается фермеромъ; онъ поселится въ городѣ и пойдетъ въ чиновники или пуститъ въ коммерческой оборотъ свои деньги; поэтому оборотный капиталъ большихъ фермъ обыкновенно недостаточенъ и получаемый доходъ, а слѣдовательно и ренты меньше. Такимъ образомъ дается лишній поводъ къ подраздѣленію земли.

Если все это вѣрно для Бельгіи, то конечно тотъ же фактъ долженъ повторяться въ тѣхъ странахъ, гдѣ земледѣліе менѣе развито. Въ восточной Европѣ, то есть, въ Венгріи, Польшѣ и Пруссіи, крупныя фермы обрабатываются самими собственниками, за недостаткомъ арендаторовъ съ необходимыми капиталами.

Даже въ Англии не была ли бы земля лучше воздѣлана, еслибы число поселянъ собственниковъ было бы больше? Предположимъ что мелкихъ фермеровъ было бы на 200,000 болѣе, чѣмъ теперь то не уменьшилось ли бы количество нищихъ на 500,000 человѣкъ? Я только предлагаю эти вопросы, не считая себя компетентнымъ отвѣчать на нихъ.

23) *Свобода торговли землей.* Я заимствую это названіе изъ интереснаго сочиненія В. Фаулера, члена англійскаго парламента. Въ нашемъ западномъ мірѣ, мнѣ кажется необходимо, чтобъ не было никакихъ преградъ для перехода земли изъ рукъ въ руки; такимъ образомъ только земля будетъ раздѣлена согласно

законамъ политической экономіи и сдѣлается собственностью тѣхъ, которые могутъ извлечь изъ нея наибольшую пользу.

Съ этою цѣлью во-первыхъ необходимо уничтожить всѣ ограниченія, благодаря которымъ поземельная собственность закрѣпляется за извѣстными семействами, какъ на примѣръ право первородства, субституты и т. д. Во-вторыхъ, каждый долженъ имѣть возможность купить участокъ земли, безъ тягостныхъ расходовъ, и съ полнымъ обезпеченіемъ своего права владѣнія. Если покупка земли влечетъ за собою процессы, споры по документамъ или значительные расходы, то одни лишь богатые могутъ дозволить себѣ удовольствіе быть землевладѣльцами. Существованіе гдѣ бы то ни было такого невыносимаго порядка вещей, можно объяснить только тѣмъ фактомъ, что въ интересахъ юристовъ и богатыхъ поддерживать этотъ порядокъ; первымъ онъ даетъ хлѣбъ путемъ размноженія процессовъ, а вторымъ выгодно имѣть исключительно въ своихъ рукахъ всю торговлю землею.

Что касается до перехода и заклада земли, то Бельгія можетъ считаться образцовой землей. Вотъ краткій очеркъ нынѣ дѣйствующаго законодательства по этому предмету:

Со времени изданія акта 16 декабря 1852 года, измѣнившаго тогда существовавшій законъ, продажа земли совершается посредствомъ крѣпостнаго акта у нотариуса или посредствомъ домашняго акта, засвидѣтельствованнаго судебнымъ порядкомъ. Домашніе акты въ прежнее время возбуждали много затрудненій и были чрезвычайно шатки, въ случаѣ отказа отъ подписи. Слѣдующія обязательныя формы установленныя закономъ, вполне обезпечиваютъ покупателя относительно закладныхъ на покупаемую землю. Его нотариусъ обязанъ получить свидѣтельство (*étas négatif*) отъ хранителя (*conservateur*) ипотекъ, которое доказывало бы, что нѣтъ никакихъ запрещеній на землѣ. Нотариусъ лично отвѣчаетъ, за неисполненіе этой прямой его обязанности и хранитель ипотекъ также подвергается себѣ отвѣтственности въ случаѣ не представленія имъ свѣденій о наложенныхъ запрещеніяхъ. Если существуютъ такого рода обязательства на землю, то они могутъ быть вычтены изъ продажной цѣны и въ такомъ случаѣ покупатель

принимаетъ на себя долгъ или покупатель уплачиваетъ сразу кредитору и долгъ уничтожается.

Законъ 1852 года уничтожилъ окончательно такъ называемыя *Hypothèques tacites ou légales*. Все закладныя, не внесенныя въ офиціальныи списокъ, считаются недѣйствительными и не могутъ составить преграды для покупателя помѣстья.

Вмѣстѣ съ свидѣтельствомъ о закладныхъ нотаріусъ долженъ достать другое свидѣтельство (*état des mutations*) о всѣхъ переходахъ означенной земли изъ рукъ въ руки съ опредѣленнаго времени, предшествовавшаго продажѣ; этотъ документъ представляетъ доказательство правъ продавца на продаваемую землю. Нотаріусъ кромѣ того обязанъ навести справку въ *matrice cadastrale* то есть получить выписку изъ офиціальныхъ межевыхъ книгъ. О каждомъ переходѣ поземельной собственности изъ однихъ рукъ въ другія извѣщается директоръ Кадастра чиновниками регистратуры и его собственными землемѣрами, которые періодически удостовѣряются лично въ происшедшихъ перемѣнахъ въ землевладѣніи. Хорошій землемѣръ знаетъ участки своего округа также хорошо, какъ пастухъ знаетъ овецъ своего стада.

Нотаріусъ пишетъ купчую и ее подписываютъ кромѣ его обѣ стороны и два свидѣтеля. Подлинную купчую (*minut*) передаютъ чиновнику регистратуры (*receveur de l'enregistrement*), который вноситъ выписку изъ акта въ свои книги. Этой формальностью покупка и время ея дѣлаются безспорными; но главная цѣль этой процедуры заключается въ томъ, что правительство беретъ пошлину въ 4% и еще такъ называемыя *30 centimes additionnels*, всего 5 фр. 20 сант. со 100 фр. продажной цѣны.

Послѣ этого купчая подвергается записи (*transcription*); и хранителю ипотекъ передается засвидѣтельствованная копія. Купчая переписывается вполнѣ и эта переписка представляетъ законное доказательство перехода земли въ отношеніи третьихъ лицъ. Въ прежнее время, при *code civile* этой записи не требовалось для узаконенія купли и продажи. При нынѣ существующемъ законодательствѣ, покупатель, который прежде всѣхъ успѣлъ подвергнуть записи свою купчую, считается законнымъ собственникомъ

земли. За эту запись платится пошлина въ 1 фр. 30 сант. со 100 и еще нѣсколько centimes additionnels. Плата нотаріусу соразмѣряется съ цѣною покупаемой земли.

Главные черты этой процедуры можно резюмировать слѣдующимъ образомъ:

I) Актъ передачи совершается передъ государственнымъ чиновникомъ (нотаріусомъ), который отвѣтственъ за законность его формы. Подлинный актъ остается въ рукахъ нотаріуса и такимъ образомъ частныя лица обезпечены отъ потери документа на владѣніе.

II) Этотъ актъ записывается въ казенныя книги вмѣстѣ съ справкой о закладныхъ, если таковыя находятся на переданной землѣ. Выписка изъ этихъ книгъ можетъ быть получена за нѣсколько франковъ, и такимъ образомъ всякій можетъ удостовѣриться кому принадлежитъ данное помѣстье, по какому праву и есть ли на немъ какія обязательства; и всѣ эти свѣденія будутъ вполнѣ вѣрны и точны.

III) Офиціальныя землемѣры составляютъ планъ каждой общины (commune) съ означеніемъ всѣхъ участковъ, пространства, ежегодной оцѣнки и другими подробностями; въ каждой общинѣ находится копія съ плана всей земли и каждый изъ жителей можетъ постоянно обращаться за справками къ этому плану и даже получать съ него копіи.

Въ Бельгіи пошлина съ купчихъ (которая чрезвычайно велика, около $7\frac{1}{2}\%$ съ продажной цѣны) взимается съ проданной земли; но этотъ налогъ дурной и мѣшаетъ свободѣ торговли землей. Въ Пруссіи, гдѣ существуетъ такое же законодательство, этотъ налогъ составляетъ только $1\frac{1}{2}\%$ и плата нотаріусу чрезвычайно мала. Если правительству необходима сумма собираемая этимъ налогомъ, то лучше прямо получить эти деньги съ земли, увеличивъ поземельный налогъ. Въ обоихъ случаяхъ налогъ падаетъ на собственниковъ земли, но въ последнемъ случаѣ свободная продажа земли служила бы большимъ вознагражденіемъ. Въ другихъ отношеніяхъ система эта совершенна. Кадастръ или офиціальное межеваніе опредѣляетъ пространства, границы и свойства по-

мѣстья; нотаріусъ придаетъ акту о переходѣ земли изъ однѣхъ рукъ въ другія законную форму, а запись въ казенную книгу опредѣляетъ время перехода земли и объявляетъ этотъ фактъ къ общему свѣденію. Однимъ словомъ этой системой достигается полнѣйшая точность, законность и публичность перехода земли изъ однѣхъ рукъ въ другія, и все это крайне необходимо. Обязанность государства обставить этотъ переходъ подобными формальностями, такъ какъ тутъ замѣшанъ интересъ, не только частныхъ лицъ, но и всего государства.

Для государства чрезвычайно важно, во первыхъ, чтобъ поземельная собственность могла легко перейти въ тѣ руки, которыя могутъ извлечь изъ нея на большую пользу; во вторыхъ, чтобы право на владѣніе было бы безспорно и обезпечено; въ третьихъ, чтобы не было никакихъ законныхъ преградъ къ раздѣленію земли, если естественныя условія того требуютъ, то есть, чтобъ число мелкихъ землевладѣльцевъ не было искусственно ограничено несовершенствами законодательства.

Бельгійская система только усовершенствованная французская, которая постепенно была принята во всѣхъ континентальныхъ странахъ, въ виду ея очевидной полезности.

До тѣхъ поръ пока Англія не введетъ у себя публичности, обезпеченности и легкости перехода земли, однимъ словомъ не введетъ свободы торговли относительно всего что касается поземельной собственности, — всегда будутъ существовать непреодолимыя препоны для установленія такой аграрной системы, которая удовлетворяла бы потребностямъ современнаго общества. Реформа въ этой отрасли англійскаго законодательства, по моему мнѣнію, всего необходимѣе.

24) Мы видѣли, что вездѣ гораздо выгоднѣе воздѣлываніе земли системой мелкаго хозяйства, чѣмъ системой крупнаго. Это конечно большое благодѣяніе, но еще не самое большое.

Чѣмъ многочисленнѣе количество землевладѣльцевъ въ странѣ, тѣмъ большее число свободныхъ и независимыхъ гражданъ заинтересовано въ поддержаніи общественнаго порядка. Собственность

составляетъ необходимое дополненіе свободы, безъ собственности человѣкъ не можетъ быть истинно свободенъ. Какія бы права политическая конституція ему не давала, коль скоро онъ арендаторъ, онъ человѣкъ зависимый. Политически онъ свободный человѣкъ, соціально онъ невольникъ.

Въ Бельгіи большинство арендаторовъ-фермеровъ участвуетъ въ муниципальныхъ и парламентарныхъ выборахъ. Но это право ни мало не возвышаетъ ихъ въ соціальномъ отношеніи, а напротивъ служитъ для нихъ источникомъ униженія и страданія, такъ какъ они обязаны подавать голосъ по приказанію землевладѣльца, а не по своимъ собственнымъ убѣжденіямъ или наклонностямъ. Какую привязанность могутъ они питать къ конституціи, которая, давая имъ новое право, въ сущности прибавляетъ новое звено къ сковывающей ихъ цѣпи? Избирательное право только насмѣшка и западня для поселянъ, не пользующихся правомъ собственности или долговременной арендой.

Быть можетъ покажется удивительнымъ, что не смотря на это во Фландріи никогда не выказываются чувства, враждебныя общественному порядку и не производятся аграрные беспорядки какъ въ Ирландіи, хотя я убѣжденъ, что вслѣдствіе излишняго соперничества фламандскій фермеръ гораздо болѣе терпитъ отъ своего землевладѣльца, чѣмъ ирландскій арендаторъ. Тотъ фактъ, что во Фландріи, какъ во всѣхъ странахъ, гдѣ поземельная собственность раздѣлена между большимъ числомъ лицъ, идеи такъ называемыя соціалистическія, въ дурномъ значеніи этого слова ⁽¹⁾, не пускаютъ корней — можно объяснить слѣдующимъ образомъ:

Фламандскій арендаторъ, хотя угнетенъ постояннымъ возвышеніемъ ренты, живетъ посреди ровныхъ себѣ людей, такихъ же,

(1) По моему мнѣнію чрезвычайно жаль, что этому слову приписываютъ дурное значеніе. Развѣ тѣ, которые посвящаютъ себя изученію соціальной науки, не соціалисты? Когда въ 1848 году, въ люксембургской комиссіи у Прудона спросили: «что такое соціализмъ?», то онъ отвѣчалъ: «Общее желаніе реформы». «Такъ мы все соціалисты», замѣчаетъ предѣдатель комиссіи.

какъ онъ поселянъ, которые обходятся съ своими арендаторами точно также, какъ крупные землевладѣльцы съ своими. Его отецъ, братъ, а быть можетъ и онъ самъ владѣютъ участкомъ земли, который они отдаютъ въ аренду, за возможно бѣльшую цѣну. Въ кабакѣ, поселяне-собственники хвастаются высокою рентой, получаемой ими съ земли, точно также, какъ они хвалились бы тѣмъ, что дорого продали свинью или картофель. Поэтому аренда земли, отданная ему за дорогую, цѣну кажется ему совершенно естественнымъ фактомъ и онъ никогда не думаетъ упрекать въ этомъ землевладѣльцевъ или принципъ поземельной собственности. Онъ нисколько не возстаетъ противъ касты землевладѣльцевъ, „кровожадныхъ тирановъ“, ничего не дѣлающихъ и тучиющихъ отъ труда своихъ арендаторовъ; землевладѣльцы, налагающіе на своихъ арендаторовъ самыя тяжелыя ренты, не крупные собственники, а его же братья. Такимъ образомъ распредѣленіе нѣкотораго количества мелкихъ помѣстій между поселянами представляетъ нѣчто въ родѣ оплота крупнымъ землевладѣльцамъ; и поземельная собственность поселянъ можетъ быть безъ преувеличенія названа спасительнымъ клапаномъ, ограждающимъ общество отъ опасностей, которыя могли бы иначе привести къ ужаснымъ катастрофамъ.

Сосредоточеніе земли въ рукахъ немногочисленнаго числа семействъ представляется какимъ-то вызовомъ къ возстанію противъ законодательныхъ мѣръ. Положеніе Англіи, какъ оно не завидно во многихъ отношеніяхъ, въ этомъ случаѣ кажется мнѣ грозить большими опасностями въ будущемъ (1).

25) Идея всеобщаго равенства, положенная въ основѣ всѣхъ новыхъ конституцій, признаваемая аксіомой, во всемъ свѣтѣ идея новая и ея благодѣтельное или вредное вліяніе невозможно точно предсказать. Евангеліе провозгласило равенство и братство людей; но для христіанъ это былъ небесный идеаль, котораго они не счи-

(1) См. замѣчательную статью Клифа Лесли о поземельной системѣ Англіи въ его книгѣ: *Land Systems and Industriel Economy of Irland England and continental countries.*

тали возможнымъ примѣнить на землѣ. Реформація, сѣверо-американская конституція и французская революція сдѣлали этотъ идеаль земнымъ идеаломъ, послѣдствія котораго должны быть логически доведены до конца; остается только изслѣдовать до чего доведутъ эти послѣдствія.

Токвиль въ своей книгѣ о *Демократіи* великолѣпно показаль вліяніе принципа равенства на политику, но не указаль съ такою же ясностью на экономическія послѣдствія этого принципа; а эти послѣдствія въ настоящее время сосредоточиваютъ на себѣ все вниманіе видящихъ и разумѣющихъ.

Идея, что всѣ люди равны и имѣютъ равныя права, хотя провозглашена вездѣ, но не пустила еще достаточныхъ корней, чтобъ превратиться во всеобщее, истинное, живучее убѣжденіе, побуждающее къ энергической дѣятельности. Для верхнихъ слоевъ общества, эта идея кажется смутной угрозой висящей надъ ними; для нижнихъ слоевъ, это проблескъ надежды на отдаленное будущее, но постоянно повторяемая на рабочихъ конгрессахъ и митингахъ эта идея конечно векорѣ распространится по всѣмъ классамъ, особливо по тѣмъ, прямой интересъ которыхъ признавать ее за истину.

Представимъ себѣ, что эта идея повсемѣстная и съ пламенной энергіей принята въ странѣ, гдѣ земля находится въ рукахъ немногихъ привилегированныхъ семействъ, какое чувство проявится въ народной массѣ? „Она скажетъ:— Если мы всѣ равны, то почему одна каста вѣчно владѣть землей, а мы вѣчно обязаны содержать эту касту своимъ трудомъ? Развѣ Богъ создалъ землю, для того, чтобы ею пользовались немногіе, привилегированные люди? Говорятъ, что собственность плодъ труда, но какимъ же образомъ мы всегда видимъ съ одной стороны праздность и богатство, а съ другой трудъ и нищету? По естественнымъ законамъ, кто живетъ праздно, тотъ долженъ голодать, кто работаетъ, тотъ долженъ собирать плоды земли, а развѣ совершенство соціальныхъ законовъ заключается въ томъ, чтобъ пчелы терпѣли нужду, а трутни жили въ довольствѣ?“

Я не буду продолжать далѣе этого аргумента, послѣдствія его очевидны. Это именно говорили поселяне, возмущившіеся въ Герма-

ни, когда Лютеръ проповѣдывалъ евангельское равенство феодальному обществу XVI вѣка. Конечно эти идеи можно потопить въ потокахъ крови, какъ это было сдѣлано въ Германіи и во Франціи во время Жакери; но онѣ всегда воскреснутъ и усилятъ опасность для общества въ тѣхъ странахъ, гдѣ неравенство является очевиднымъ для всѣхъ государственнымъ учрежденіемъ.

Роковой признакъ грядущей опасности представляетъ тотъ фактъ, что эти идеи уже не чужды высшимъ классамъ. Одинъ извѣстный членъ англійскаго парламента, которому я замѣтилъ, что нѣкоторыя изъ предлагаемыхъ мѣръ для Ирландіи очень походятъ на „конфискацію,“ отвѣчалъ мнѣ: — „Безъ сомнѣнія, но почему же не быть и конфискаціи? Развѣ несправедливо, чтобы всякій имѣлъ свою очередь?“ И дѣйствительно, если уже суждено только немногимъ участвовать на пиру жизни, то зачѣмъ же пирующими быть все однимъ и тѣмъ же? Эта мысль поневолѣ должна войти въ голову каждому человѣку. Хорошо доказывать законникамъ и экономистамъ нелѣпость этой идеи, но одинъ и тотъ же аргументъ производитъ различныя впечатлѣнія на человѣка, сидящаго за роскошнымъ обѣдомъ и на человѣка прислуживающаго за этимъ же столомъ; что можетъ казаться нелѣпымъ человѣку, которому улыбается судьба при настоящемъ порядкѣ, можетъ казаться совершенно справедливымъ и правильнымъ тому, къ которому судьба поворачивается спиной.

Въ прошломъ году, путешествуя по Андалузіи, я однажды увидалъ поселянъ, жавшихъ хлѣбъ на землѣ испанскихъ грандовъ, которую они подѣлили между собою. „Зачѣмъ, сказали они мнѣ:—оставлять эти громадныя помѣстья въ рукахъ людей, которые не нажили, не улучшили ихъ, но только разоряютъ землю проживая вдали всѣ доходы?“ Я убѣжденъ, что еслибъ земля была болѣе раздроблена въ тѣхъ округахъ Андалузіи, гдѣ преобладаютъ нынѣ комунистическія идеи, то не было бы тамъ ихъ сторонниковъ. Въ Бельгіи социализмъ распространяется въ рабочихъ классахъ промышленныхъ округовъ, но не проникаетъ въ деревни и села, гдѣ мелкіе землевладѣльцы не даютъ хода подобнымъ идеямъ.

Вслѣдствіе всего сказаннаго мною я полагаю, что слѣдующія положенія могутъ быть признаны вполне доказанными и очевидными истинами: Нѣтъ болѣе консервативныхъ и поддерживающихъ порядокъ въ обществѣ, мѣропріятій, какъ тѣ, которыя даютъ возможность пріобрѣтать въ собственность землю воздѣлывающимъ ее поселянамъ; съ другой стороны нѣтъ болѣе опасныхъ въ будущемъ мѣропріятій, какъ тѣ, которыя сосредоточиваютъ землевладѣніе въ рукахъ немногочисленныхъ, привилегированныхъ семействъ.

II.

ПОЗЕМЕЛЬНАЯ СИСТЕМА

ФРАНЦІИ.

Статья Т. Клифа Лесли,

Профессора Политической Экономіи въ Лондонскомъ Университетѣ.

Цѣль настоящаго очерка разсмотрѣть поземельную систему Франціи относительно раздѣленія поземельнаго владѣнія въ этой странѣ и естественнаго его слѣдствія сельской организаціи, а также опредѣлить причины и вліяніе этой системы. Изучая ея причины, мы конечно будемъ принуждены главнымъ образомъ заняться разсмотрѣніемъ законовъ и обычаевъ, относящихся до права наслѣдованія, перехода собственности изъ рукъ въ руки и различныхъ формъ пользованія землею; но эта юридическая сторона вопроса такъ тѣсно связана съ экономической, что не разсматривая въ то же время экономическихъ причинъ и условій, мы не только не достигли бы ясности въ изложеніи, но напротивъ затемнили бы самый вопросъ. Необходимо также замѣтить, что хотя политическія причины, въ томъ узкомъ значеніи этого слова, которое разумѣетъ только конституцію и дѣятельность государства, не под-

ходятъ подъ предметъ настоящаго очерка, но фактъ ихъ существованія не можетъ быть пройденъ молчаніемъ. Эти причины существуютъ и явленіе ихъ чрезвычайно могуче. Поразительный примѣръ этого мы видимъ въ томъ фактѣ, что Леонсъ де Лавернь въ своемъ знаменитомъ сочиненіи „L'économie Rurale de la Grande Bretagne“ относитъ развитіе земледѣлія въ Англіи въ послѣднія двѣсти лѣтъ главнымъ образомъ, непосредственно или посредственно къ политическимъ учрежденіямъ, политической свободѣ и политическому спокойствію страны. Такимъ образомъ вліяніе и результаты французской поземельной системы не могутъ быть справедливо оцѣнены, не принимая въ соображеніе и тѣхъ сторонъ вопроса, которыя по неполитическому характеру настоящихъ странъ въ сущности, не подлежатъ нашему разсмотрѣнію. Съ другой стороны будетъ вполне соотвѣтственно и фактически важно для цѣли настоящаго очерка доказать, что многое обыкновенно приписываемое политическимъ причинамъ (въ томъ широкомъ значеніи этого слова, которое разумѣетъ все учрежденія страны, особливо относяшіяся до поземельной собственности), какъ примѣръ главныя причины, обуславливающія раздѣленіе земли во Франціи, и способы ея воздѣлыванія, объясняется въ сущности естественнымъ дѣйствіемъ экономическихъ силъ, которымъ конечно оказываетъ содѣйствіе французское законодательство, но не обыкновенно предполагаемая его часть.

Контрастъ между поземельными системами Франціи и Англіи, двухъ сосѣднихъ странъ, находящихся во главѣ современной цивилизаціи, представляетъ въ европейскомъ обществѣ, можно сказать безъ всякаго преувеличенія, самое удивительное зрѣлище для всѣхъ изучающихъ политическую, и социальную философію. По переписи 1861 года, въ Англіи было 30,766 поземельныхъ собственниковъ и 249,461 фермеръ (1). Съ другой стороны по послѣднимъ официальнымъ статистическимъ свѣденіямъ (2), именно

(1) Въ числѣ фермеровъ считается: мужчинъ 224,066, женщинъ 22,916, скотоводовъ 2,449

(2) Statistique de la France, Agriculture 1868 (Resultats Généraux de l'Enquête Décennale de 1862.)

1851 года (слѣдовательно представляемыя цифры менѣ чѣмъ въ дѣйствительности) во Франціи считалось 7,845,724 собственника, въ томъ числѣ и владѣльцы домовъ въ городахъ; эта цифра нынѣ возвысилась и можетъ быть смѣло признана въ 8,000,000. Изъ числа этихъ собственниковъ, по расчету Лаверна около 5,000,000 сельскихъ землевладѣльцевъ, а изъ нихъ почти 4,000,000 сами обрабатываютъ землю. По официальнымъ свѣденіямъ цифра собственниковъ, воздѣлывающихъ землю определена въ 3,799,759, изъ которыхъ 57,639 воздѣлываютъ землю черезъ посредство управляющихъ или прикащиковъ, а 3,740,793 собственника воздѣлываютъ землю *своими руками*. Эта послѣдняя цифра опять подраздѣляется: 1,754,934 собственника воздѣлываютъ только свою землю; 852,934 арендатора кромѣ своей обрабатываютъ еще и чужую, арендуемую ими землю; наконецъ 1,134,190 работаютъ также и по найму, какъ простые земледѣльцы. Эти цифры какъ мы уже сказали не соотвѣтствуютъ современному положенію вещей, и мы можемъ признать приблизительно вѣрнымъ слѣдующій расчетъ Лаверна: „Изъ 5,000,000 мелкихъ сельскихъ собственниковъ — 3,000,000 владѣютъ среднимъ числомъ по гектару земли, а 2,000,000 — по 6 гектаровъ... Приблизительно наше сельское населеніе состоитъ изъ 2,000,000 независимыхъ сельскихъ собственниковъ, 1,000,000 арендаторовъ (*métayers*) и 2,000,000 фермеровъ и работниковъ, которые большею частью также землевладѣльцы“ (1).

Контрастъ между этими статистическими цифрами и нашими ни мало не уменьшился бы, еслибъ мы, вмѣсто цифры приводимой въ нашей переписи, именно 31,000 землевладѣльцевъ приняли бы цифру 250,000, выставленную Лаверномъ въ его *Economie Rurale de la Grande Bretagne* на основаніи словъ одного неофициальнаго члена англійскаго парламента; эта цифра часто приводится теперь въ Англійи въ силу авторитета самаго Лаверна, но по всей вѣроятности въ нее вкралась ошибка отъ непониманія технического термина „свободнаго пользователя“ (*freeholder*) и отъ

(1) *Economie Rurale de la France*, par Leonce de Lavergne.

того, что въ эту цифру вошли собственники предмѣстій, слѣдовательно городскіе, а не сельскіе, тѣмъ менѣе дѣйствительные воздѣлыватели своей земли.

Тотъ фактъ, что 4,000,000 землевладѣльцевъ воздѣлываютъ пространство земли на треть болѣе, чѣмъ въ Великобританіи, можетъ показаться людямъ знакомымъ съ большими хозяйствами и большими фермами, какъ *reductio ad absurdum* поземельной французской системы. Тѣ же напротивъ, которые изучали положеніе французскихъ земледѣльцевъ не только въ книгахъ, но на дѣлѣ, и которые видѣли всѣ улучшенія, вводимыя годъ отъ году во французскомъ земледѣліи, конечно, смотрятъ на эту цифру съ удовольствіемъ и сочувствіемъ. Во всякомъ случаѣ, она доказываетъ, что землевладѣніе во Франціи національное учрежденіе, что народная земля принадлежитъ народу и никакая народная революція не можетъ произойти съ цѣлью уничтоженія частной собственности.

Но для цѣли настоящаго очерка мы должны изслѣдовать во первыхъ причины такого широкаго раздѣленія поземельной собственности во Франціи, и во вторыхъ экономическое скорѣе чѣмъ политическое вліяніе этого раздѣленія. При подробномъ изученіи окажется, что экономическое вліяніе служитъ фактически, главнѣйшей причиной подобнаго подраздѣленія. Однако, въ Англіи, обыкновенно полагаютъ, что происходя отъ конфискацій французской революціи, подраздѣленіе земли не только сдѣлано постояннымъ, но увеличено въ геометрической прогрессіи закономъ о наследствѣ Наполеоновскаго кодекса. Тотъ фактъ, что это подраздѣленіе земли не началось со времени революціи и что большое количество крестьянъ собственниковъ существовало во Франціи за долго до 1789 года, хорошо извѣстенъ всѣмъ изучавшимъ социальную исторію Франціи; а тѣ, которые не обращали вниманія на эту сторону исторіи, найдутъ подробныя свѣденія объ означенномъ фактѣ въ извѣстной книгѣ Лаверна *Economie Rurale de la France*. Мы же теперь укажемъ лишь на то обстоятельство, что за нѣсколько столѣтій до революціи 1789 года, одна изъ причинъ подраздѣленія земли во Франціи (эта же причина главнѣйшая и въ наше время, какъ мы увидимъ впоследствии) заключа-

лась въ покункѣ французскими поселянами земли мелкими участками.

„У меня въ рукахъ, говоритъ Мони де Морне въ его отчетѣ о результатахъ недавней комиссіи по изслѣдованію современнаго положенія земледѣлія во Франціи (Enquête Agricole)—находятся документы XVI столѣтія на покупку поселянами участковъ земли менѣе чѣмъ въ 20 аръ (то есть менѣе полу акра). Не отсутствіе поземельной собственности привело французскихъ поселянъ къ совершенному разоренію и побудило ихъ двѣсти лѣтъ спустя жестоко отомстить за всѣ ихъ страданія, а недозволеніе пользоваться этой собственностью, благодаря ужасному управленію страны и феодальнымъ притѣсненіямъ, которыя безжалостными налогами лишали поселянъ всѣхъ плодовъ ихъ труда. Въ Англіи также число мелкихъ землевладѣльцевъ въ концѣ XVI вѣка было все еще велико, хотя нѣкогда оно было больше; даже въ эпоху французской революціи, ихъ число было значительно, а въ 1815 году (когда во Франціи было 3,805,000 землевладѣльцевъ) цифра эта, хотя постоянно уменьшалась, была гораздо болѣе, чѣмъ нынѣ. Во Франціи напротивъ число земледѣльцевъ, занятыхъ обработкою земли, достигла до 4,000,000, не считая 1,000,000 мелкихъ сельскихъ собственниковъ, которые владѣютъ по крайней мѣрѣ своимъ домомъ и огородомъ. Здѣсь не мѣсто изслѣдовать причины уменьшенія и можно сказать совершеннаго исчезновенія мелкихъ землевладѣльцевъ въ Англіи, но контрастъ между постояннымъ движеніемъ Франціи въ этомъ отношеніи впередъ, а Англіи назадъ придастъ еще добавочный интересъ изслѣдованію французской аграрной системы и ея причинъ.

Мы уже замѣтили, что причину постоянного подраздѣленія земли во Франціи англичане обыкновенно приписываютъ французскому закону о наслѣдствѣ, по которому отецъ имѣетъ право распоряжаться по завѣщанію лишь той частью своего имущества, которая соотвѣтствуетъ долѣ одного изъ его дѣтей, а все остальное дѣлится по ровну между всѣми дѣтьми. Вредное послѣдствіе этого закона относительно дробленія отдѣльныхъ участковъ не подлежитъ сомнѣнію и мы впоследствии на это укажемъ. Но гораздо важнѣе тотъ фактъ, что нельзя понять дѣйствительнаго

вліянія французскаго закона о наслѣдствѣ, не принявъ въ соображеніе другой причины подраздѣленія земли во Франціи, которое хотя отчасти и поражается французскими законами, но не закономъ о наслѣдствѣ; мы говоримъ о постоянно увеличивающихся покупкахъ поселянами мелкихъ помѣстій или участковъ земли. На счетъ этого предмета авторъ настоящей статьи слышалъ отъ нотаріусовъ въ различныхъ частяхъ Франціи много поразительныхъ фактовъ и вообще это обстоятельство въ послѣдніе годы стало обращать на себя всеобщее вниманіе, даже бросается въ глаза путешественникамъ по желѣзнымъ дорогамъ. Мони де Морне говоритъ въ главѣ своего отчета о раздѣленіи земли: — „Всего яенѣе выражается фактъ глубокаго и постояннаго измѣненія въ распредѣленіи земли между различными классами населенія. Въ большей части департаментовъ можно легко перечестъ всѣ помѣстья въ 100 гектаровъ, а въ общей сложности они составляютъ лишь незначительную часть всей французской территоріи. Отношенія этого нельзя выразить цифрами, потому что оно измѣняется смотря по департаментамъ; можно вообще сказать, что на югѣ и западѣ большихъ помѣстій болѣе, чѣмъ на сѣверѣ и востокѣ.“ Онъ могъ бы прибавить, что сѣверъ и востокъ самыя богатая и хорошо обработанная полосы Франціи, хотя югъ быстро развивается съ точки зрѣнія земледѣлія и народнаго богатства, причемъ постоянно увеличивающееся подраздѣленіе земли идетъ рука объ руку съ прогресомъ. Указавъ на исчезновеніе помѣстій даже средней величины Морне продолжаетъ: — „Все что потеряно большими помѣстьями, все что ежедневно теряется помѣстьями средней величины пріобрѣтается мелкой собственностью. Не только съ каждымъ годомъ мелкіе землевладѣльцы округляютъ свои маленькіе участки, но рядомъ съ ними постоянно обогащается классъ сельскихъ работниковъ, благодаря возвышенію заработной платы, и они также въ свою очередь становятся землевладѣльцемъ. Въ бѣльшей части департаментовъ изъ 100 подобныхъ работниковъ, по крайней мѣрѣ 75 стали собственниками. Такимъ образомъ поселяне владѣютъ большей частью земли и эта часть постоянно все увеличивается, вслѣдствіе чего цѣна участковъ земли, которые доступны дѣятельному и бережливому поселянину, увеличивается съ замѣчательною быстротою. Соперничество

между покупателями очень велико и продажа мелкихъ участковъ совершается на выгодныхъ для продавца условіяхъ, если отъ послѣдней продажи прошелъ промежутокъ времени достаточный для накопленія новыхъ сбереженій.“ Это въ нѣкоторой степени официальное свѣденіе, а официальные свѣденія во Франціи часто преувеличиваютъ благосостояніе націи; но самый фактъ подтверждается многими неофициальными и бесспорными авторитетами.

Въ страницахъ, посвященныхъ этому предмету въ его *Economie Rurale de la France* и въ другихъ сочиненіяхъ, Леонсъ де Лавернь между прочимъ говоритъ:— „Мелкіе землевладѣльцы, достигавшіе по словамъ Рубишона:—въ 1815 году цифры трехъ съ половиною миліоновъ, нынѣ гораздо многочисленнѣе; они повсюду распространились и нельзя этому не радоваться, ибо успѣхъ ими достигнуть трудомъ и бережливостью.“ А въ одномъ изъ послѣднихъ его писемъ къ автору этой статьи (6 ноября 1869 года), Лавернь замѣчаетъ:— „Лучшая обработка земли во Франціи производится вообще поселянами собственниками и подраздѣленіе земли, постоянно увеличивается. Прогрессъ въ обоихъ отношеніяхъ былъ задержанъ на нѣсколько лѣтъ послѣ 1848 года политическими причинами, но въ послѣдніе годы сталъ быстро распространяться. Вокругъ города, изъ котораго я вамъ пишу (Тулуза), снова стало выгодно покупать землю для перепродажи ея мелкими участками... Я только что провелъ двѣ недѣли близъ Безьера; вы не можете себѣ представить, какъ воздѣлыванье винограда обогатило эту страну, а поселяне имѣютъ не малую долю этого богатства. Рыночная цѣна на землю учетверилась въ десять лѣтъ. Еслибъ не пошлина, платимая при переходѣ земли изъ однѣхъ рукъ въ другія (*impôt des mutations*), и не тяжелѣйшій еще гнетъ конскрипціи, то благосостояніе сельскаго населенія Франціи было бы велико. Оно развивается не смотря на все, благодаря возвышенію цѣнъ на сельскія произведенія.“

На ряду съ постояннымъ увеличеніемъ подраздѣленія поземельной собственности замѣчается движеніе въ пользу увеличенія крестьянскихъ владѣній, закрѣпленія мелкихъ участковъ и даже въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ пользу того, что во Франціи считается крупнымъ помѣстьемъ; точно также рядомъ съ дробленіемъ

фермъ и мелкой обработкой земли существуетъ противоположное движеніе въ пользу увеличенія мелкихъ фермъ и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ пользу даже развитія крупнаго хозяйства (*la grande culture*). И такъ, намъ прежде всего предстоитъ рассмотретьъ какія причины экономическія и юридическія обусловливаютъ постоянное подраздѣленіе земли во Франціи путемъ покупки. Читатель долженъ помнить, что тутъ дѣло вовсе не идетъ объ одномъ подраздѣленіи существующихъ владѣній поселянъ, а мелкое землевладѣніе распространяется въ буквальномъ смыслѣ этого слова и не только увеличивается число поземельныхъ участковъ, но и общее пространство всей земли, которой владѣютъ мелкіе собственники. А постоянныя покупки земли французскими поселянами и вообще рабочими классами могутъ быть ясно объяснены совершенно естественнымъ и благодѣтельнымъ движеніемъ, которое происходитъ во первыхъ отъ естественныхъ стремленій сельскаго хозяйства, отъ взаимныхъ интересовъ покупателей и продавцевъ, отъ постоянно возрастающаго развитія и богатства Франціи, по мѣрѣ улучшенія земледѣлія, распространенія желѣзныхъ дорогъ, внѣшней и внутренней торговли, промышленности, горнаго промысла, обогащенія городовъ и селъ, наконецъ отъ естественной и здоровой системы законовъ, которые облегчаютъ всѣ поземельныя сдѣлки въ виду интересовъ, счастья и однимъ словомъ добра всего общества.

Прежде всего представляется одно соображеніе, на которое однако не надо обращать слишкомъ большаго вниманія, именно что Франція по почвѣ и климату способна производить нѣкоторые сельскіе продукты, какъ напримѣръ виноградную лозу, воздѣлываніе которыхъ почти исключительно соотвѣтствуетъ мелкому хозяйству и ручному труду, хотя мы увидимъ впоследствии, что мелкое хозяйство вовсе не ограничивается однимъ ручнымъ трудомъ. Но какъ мы уже сказали на этотъ фактъ не слѣдуетъ очень опираться, ибо количество обработанной земли подъ такими произведеніями не превышаетъ одной пятнадцатой части всей территоріи; но все же на этотъ фактъ слѣдуетъ указать съ одной стороны какъ на доказательство несправедливости преобладающихъ въ Англіи мнѣній о вредныхъ послѣдствіяхъ для земледѣлія подраздѣленія французской земли, а съ другой стороны, какъ на отдѣльный при-

мѣръ общаго очень важнаго факта, именно, что на тѣ произведенія, воздѣлыванью которыхъ соотвѣтствуетъ мелкое хозяйство (исключительно ли оно одними занимается, или вмѣстѣ съ крупнымъ), запросъ постоянно увеличивается по мѣрѣ развитія народнаго богатства, торговли, земледѣлія и благосостоянія жителей городовъ и сель, въ томъ числѣ и самихъ мелкихъ землевладѣтелей.

Лавернь замѣчаетъ въ своей *Economie Rurale de la Grande Bretagne* (и это замѣчаніе не лишено важнаго и поучительнаго значенія), что „такъ какъ капиталъ болѣе раздробленъ во Франціи, чѣмъ въ Англии, то полезно имѣть мелкія фермы, соотвѣтствующія оборотному капиталу.“ „Впрочемъ“, продолжаетъ онъ далѣе: — „величина фермъ зависитъ и отъ другихъ причинъ; отъ почвы, климата и рода посѣва. Почти вездѣ во Франціи можно заставить землю вознаградить человѣка за его трудъ и почти вездѣ для пользы всего общества необходимо чтобъ ручной трудъ дѣятельно былъ посвященъ воздѣлыванію земли. Перенесемъ въ богатая равнины Фландріи, или на берега Рейна, Гаронны, Шаранты или Роны, вездѣ найдемъ распространеннымъ мелкое хозяйство, которое чрезвычайно производительно и богато. Всѣ способы для увеличенія производительности земли тамъ извѣстны и примѣняются даже самыми мелкими фермерами. Не смотря на естественное плодородіе почвы, народъ постоянно подновляетъ ее и увеличиваетъ ея производительность большимъ количествомъ удобренія, покупаемаго по дорогой цѣнѣ; порода домашнихъ животныхъ тамъ высокая, а жатвы великолѣпны. Въ одномъ округѣ мы находимъ маисъ и ячмень, въ другомъ табакъ, ленъ, сурепицу и марену, въ третьемъ виноградную лозу, маслину и тутовое дерево, которыя нуждаются въ дѣятельномъ уходѣ. Не мелкому ли хозяйству мы также обязаны большею частью огородныхъ продуктовъ, производимыхъ въ окрестностяхъ Парижа, цѣною такихъ большихъ расходовъ“? И далѣе Лавернь (не смотря на его сочувствіе ко всему въ Англии, вслѣдствіе его пламенной любви къ политической свободѣ и порядку) говоритъ: — Наше земледѣліе можетъ найти въ Англии много полезныхъ примѣровъ, но я ни мало не совѣтую слѣдовать имъ какъ образцу. Такъ югу Франціи, почти нечего заимствовать у Англии; будущность его земле-

дѣлія великолѣпно обезпечено.“ Эти слова были написаны шестнадцатъ лѣтъ тому назадъ, а вышеприведенный отрывокъ изъ недавняго письма Лаверна доказываетъ, какъ вѣрно осуществляются передъ глазами автора его предсказанія о славной будущности юга Франціи и системы мелкаго хозяйства. Но не только въ южной половинѣ Франціи земледѣлецъ встрѣчаетъ постоянно возрастающій запросъ на всѣ самыя выгодныя сельскія произведенія. Въ отчетѣ земледѣльской комиссіи (Enquête Agricole) мы находимъ свѣденія, что воздѣлываніе виноградной лозы увеличивается не только на югѣ, но на западѣ, востокѣ и въ центрѣ страны; тогда какъ на сѣверѣ, гдѣ виноградная лоза уступаетъ преимуществу другимъ растеніямъ, которымъ болѣе благоприятствуетъ климатъ, запросъ на садовыя, огородныя и мелочныя произведенія представляетъ вполне достаточное вознагражденіе. Стоитъ при этомъ замѣтить, что мелкіе сады и огороды, окружающіе домики поселянъ собственниковъ, вслѣдствіе старательнаго и щедрого воздѣлыванія, составляютъ большую часть того класса земли, который во французской земледѣльской статистикѣ называется *почвой высшаго разряда* (terrain de qualité supérieure). Мелкое хозяйство съ его усидчивымъ, старательнымъ трудомъ какъ нельзя болѣе соотвѣтствуетъ производству молочныхъ продуктовъ и Лавернъ даже въ отношеніи Англіи говоритъ: — „Хотя все въ Англіи клонится къ уничтоженію мелкаго хозяйства, которое не имѣетъ поддержки, какъ во Франціи, отъ мелкой собственности и дробленія капитала, хотя преобладающія теоріи и системы земледѣлія прямо ему противурѣчатъ, оно все же существуетъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и по всей вѣроятности удержится навсегда. Напримѣръ мелкому хозяйству отлично соотвѣтствуетъ производство сыра, этой отрасли домашней промышленности.“ Далѣе онъ прибавляетъ и это замѣчаніе тѣмъ важнѣе, что касается не только прибыли и грошей: — „Ничего не можетъ быть очаровательнѣе внутренности этихъ скромныхъ хижинъ, тамъ видны повсюду чистота, порядокъ и самый воздухъ дышетъ миромъ, трудомъ, счастьемъ; пріятно думать, что эти жилища не исчезнутъ.“

Разведеніе и откармливаніе скота на убой составляетъ другую крупную отрасль сельскаго хозяйства, которая почти всецѣло при-

надлежитъ во Франціи мелкому хозяйству; однако надо признаться, что хотя въ этой вѣтви земледѣлія и замѣтенъ прогрессъ, но она не достигла того же совершенства какъ на примѣръ во Фландріи, и система откармливанія скота въ стойлахъ, составляющая основаніе фламандскаго мелкаго хозяйства, еще находится въ самомъ дѣтствѣ во многихъ французскихъ округахъ; впрочемъ этотъ фактъ открываетъ только мелкому хозяйству болѣе блестящую будущность. По этому мы можемъ *a fortiori*, на основаніи съ одной стороны того факта, что система мелкаго хозяйства утвердилась какъ на почвѣ Франціи, такъ и въ умахъ ея жителей, а съ другой стороны развитія мануфактуръ, торговли и путей сообщенія — примѣнить къ Франціи то, что сказалъ Кэрдъ относительно Англіи: — „Производство овощей, мяса и корма для молочнаго скота по необходимости распространится соразмѣрно съ увеличеніемъ числа городовъ и ихъ населенности. Въ этомъ отношеніи также будетъ содѣйствовать и улучшеніе путей сообщенія. Постоянно возрастающее промышленное населеніе съ каждымъ годомъ распространяетъ предѣлы той области, внутри которой производство свѣжей пищи, растительной и животной, а также кормъ для скота необходимы для ежедневнаго существованія жителей; въ виду же количества и необходимой свѣжести всѣхъ этихъ произведеній, они не могутъ быть привозимы изъ отдаленныхъ странъ. Свѣжее мясо, молоко, масло, овощи и тому подобные предметы входятъ въ разрядъ произведеній о которыхъ мы говоримъ; также предвидится, что въ скоромъ времени ленъ сдѣлается важнымъ предметомъ запроса и слѣдовательно обратитъ на себя вниманіе фермеровъ. Производство всѣхъ этихъ продуктовъ требуетъ значительнаго труда, старательныхъ заботъ, умѣнья и бѣльшаго капитала, чѣмъ требуется на производство хлѣба. Необходимымъ слѣдствіемъ этого будетъ постепенное уменьшеніе большихъ фермъ и постепенное сосредоточеніе капитала и труда фермера на меньшемъ пространствѣ“ (1). Такимъ образомъ на тѣ предметы потребленія, производству которыхъ специально соотвѣтствуетъ мелкое хозяйство, постоянно увеличивается запросъ

(1) English Agriculture, by M. Caird.

съ открытіемъ каждой новой желѣзной дороги, мануфактуры или копи, вообще съ развитіемъ народнаго богатства; и то возвышеніе цѣнъ на сельскія произведенія во Франціи, которое, какъ доказалъ Викторъ Боне, происходитъ отъ экономическаго развитія страны, возвышаетъ въ тоже время по экономической лѣтвицѣ мелкое хозяйство и землевладѣніе поселянъ. Изъ всего этого слѣдуетъ: что подраздѣленіе земли во Франціи, служившее предметомъ чистосердечнаго сожалѣнія столькихъ извѣстныхъ англійскихъ писателей и невѣжественнаго презрѣнія одностороннихъ политиковъ — въ сущности представляетъ причину и вмѣстѣ послѣдствіе увеличившагося богатства cadaго класса населенія, продавцевъ и покупателей земли, землевладѣльцевъ, фермеровъ и работниковъ, жителей городовъ и сель. Вмѣсто того, чтобъ быть, какъ предполагалось, причиной низкой заработной платы, подраздѣленіе земли во Франціи было послѣдствіемъ высокой заработной платы, позволявшей земледѣльцу-работнику сдѣлаться собственникомъ — и даже причиной возвышенія заработной платы, чрезъ уменьшеніе соперничества на рабочемъ рынкѣ и доставленіе работнику въ нѣкоторой степени независимаго положенія, при которомъ онъ можетъ торговаться съ хозяевами. Вмѣсто уменьшенія земледѣльческаго капитала, какъ утверждаютъ многіе англійскіе агрономы, подраздѣленіе земли во Франціи служитъ, говоря словами Адама Смита, причиной и слѣдствіемъ: — „бережливости и хорошаго поведенія, постояннаго и неустаннаго усилія cadaго человѣка улучшить свое положеніе, отчего увеличивается частное и общественное богатство и благодаря чему часто поддерживается естественный ходъ прогресса, не смотря на безумную расточительность инаго правительства и величайшія ошибки администраціи.“

Но признавъ доказаннымъ, что подраздѣленіе земли во Франціи составляетъ главнымъ образомъ результатъ естественныхъ, благотворныхъ экономическихъ причинъ, не подлежитъ также сомнѣнію, что подобный результатъ не произошелъ бы безъ содѣйствія юридическихъ причинъ, то есть, безъ помощи законодательной системы, благодаря которой всѣ сдѣлки по отчужденію и переходу земли просты, безопасны и въ сравненіи съ англійскою системою недороги. За отсутствіемъ естественныхъ экономическихъ стремленій къ под-

раздѣленію земли путемъ покупки ея мелкими участками, самая лучшая законодательная система о переходѣ земли изъ рукъ въ руки только привела бы къ сосредоточенію ея въ немногихъ рукахъ; съ другой стороны при такой юридической системѣ какъ въ Англіи, каковы бы не были естественныя стремленія рынка, дороговизна, трудность и рискъ покупки мелкихъ помѣстій дѣлали бы непрактическимъ и невыгоднымъ подобное помѣщеніе капитала, нажитаго трудомъ поселянина или работника. Даже при существованіи такого закона о наслѣдствѣ, какъ во Франціи, бѣдные люди не имѣли бы въ Англіи подобной возможности покупать землю; помѣстья, раздѣленные по наслѣдству, быстро присоединились бы къ владѣніямъ крупныхъ землевладѣльцевъ и миліонщиковъ, способныхъ вести сложные процессы и нанимать хорошихъ адвокатовъ. Во Франціи каждая продажа и каждый закладъ земли немедленно записываются въ спискахъ, хранящихся въ главномъ городѣ округа, и каждый имѣетъ право обзрѣвать эти списки и удостовѣриться въ принадлежности того или другаго участка земли и въ тяготѣющихъ надъ нимъ долгахъ. Кромѣ того, начальникъ регистратуры обязанъ выдать каждому желающему, за самую незначительную плату, свидѣтельство о правѣ владѣнія на каждое помѣстье или участокъ земли. Плата за содѣйствіе нотариуса при совершеніи покупки чрезвычайно различна и соразмѣрно гораздо выше для мелкихъ участковъ, чѣмъ для крупныхъ помѣстій. Кромѣ того, при каждой покупкѣ земли платится пошлина, на которую всѣ такъ жалуются во Франціи и равняющаяся около 6 %⁽¹⁾. Но операція эта проста, быстра и безопасна, а тотъ фактъ, что не смотря на сравнительную дороговизну, высокую пошлину и соперничество государственныхъ займовъ и другихъ выгодныхъ помѣщеній капитала поселяне болѣе всѣхъ другихъ классовъ покупаютъ землю во Франціи, только подтверждаетъ наше заключеніе, что подраздѣленіе земли во Франціи путемъ покупки мелкихъ помѣстій составляетъ естественное и нормальное стремленіе

(1) 6 франковъ 0.5 сан. на 100 франк.; въ томъ числѣ считается и такъ называемый *décime de guerre*.

рынка, происходящее отъ большой прибыльности мелкаго хозяйства и оттого счастья и независимости, которыя пріобрѣтаются по мнѣнію большинства народа поземельнымъ владѣніемъ. Это доказываетъ также ошибочность общаго мнѣнія въ Англіи, что гораздо лучше земледѣльцу арендовать большую ферму, чѣмъ имѣть маленькое свое собственное помѣстье. Если англійская политическая экономія истина, то покупщики земли во Франціи лучшіе судьи своихъ интересовъ; а мы имѣемъ фактическое свидѣтельство всей націи, что мелкая собственность лучше крупной аренды, какъ помѣщеніе капитала и труда. Кромѣ того, при здравой законодательной системѣ купли и заклада земли, поселянинъ-собственникъ не лишенъ возможности увеличить объемъ своей фермы; онъ можетъ быстро и вполне безопасно занять денегъ подъ свою собственность и арендовать сосѣднюю землю, если найдетъ это для себя выгоднымъ. Французская поземельная система даетъ мелкому покупщику земли способъ доставать капиталъ подъ вѣрное обезпеченіе и то такимъ путемъ, который не создаетъ никакихъ затрудненій для послѣдующей продажи. Подобная система не только не увеличиваетъ повинностей, лежащихъ на землѣ, но во первыхъ способствуетъ переходу земли въ руки тѣхъ, которые извлекутъ изъ нея наибольшую пользу, и во вторыхъ даетъ имъ возможность развить всю производительную силу земли съ помощью добавочнаго капитала и тѣмъ освободиться отъ всѣхъ тягостей ее обременяющихъ.

Количество долговъ, обременяющихъ поземельную собственность во Франціи, вообще много преувеличиваютъ. Лавернь опредѣляетъ это число въ 5⁰/₀ общей цѣны всей земли; а замѣтное улучшеніе въ пищу, одеждѣ, жилищѣ и въ внѣшнемъ видѣ всего сельскаго населенія служитъ безспорнымъ доказательствомъ, что поселяне не бѣдный классъ, а напротивъ, быстро возвышаются по экономической и соціальной лѣствицѣ. Самъ Лавернь приходитъ къ тому заключенію, что принимая за единицу акръ земли, крупныя помѣстья въ Англіи болѣе обременены повинностями и долгами, чѣмъ поземельная собственность поселянъ во Франціи; а Кэрдъ оканчиваетъ свое описаніе земледѣлія въ Англіи слѣдующимъ образомъ: „Громадная преграда къ улучшенію настоящаго

положенія земледѣлія въ Англіи заключается въ значительномъ обремененіи земли закладами и на это необходимо обратить вниманіе законодательства. Въ какомъ бы графствѣ вы не нашли запущенное помѣстье, вы можете тотчасъ объяснять себѣ, что это произошло отъ невозможности со стороны собственника ввести необходимыя улучшения по причинѣ гнетущихъ его долговъ. Мы не имѣемъ статистическихъ данныхъ для опредѣленія количества земли въ каждомъ графствѣ, находящейся въ такомъ плачевномъ положеніи, но по собраннымъ нами свѣденіямъ, это количество гораздо больше, чѣмъ обыкновенно полагаютъ; даже когда помѣстья не находятся въ безнадежномъ положеніи отъ залоговъ и перезалоговъ, то собственники часто имѣютъ долги, отъ которыхъ они могли бы освободиться, еслибъ имѣли возможность продать часть земли или еслибъ эта часть земли могла быть продана безъ тѣхъ трудностей и расходовъ, которые нынѣ неизбежны. Будь переходъ земли изъ рукъ въ руки также легокъ и дешевъ, какъ переходъ фондовъ, то цѣнность земли въ Англіи громадно возрасла бы. Подобная реформа упростила бы всѣ сдѣлки между собственниками и арендаторами. Тогда только тѣ землевладѣльцы, которые имѣютъ возможность исполнить всѣ обязанности землевладѣльца, считали бы благоразумнымъ оставаться въ этомъ положеніи. Капиталистамъ было бы выгодно покупать неулучшенную землю съ цѣлью улучшить ее и продать съ барышемъ. Такая законодательная мѣра, которая не только дозволила бы продажу заложенныхъ помѣстій, но упростила и облегчила бы переходъ земли изъ однихъ рукъ въ другія, была бы благодѣяніемъ для всѣхъ собственниковъ, пользователей и воздѣльвателей земли; такая мѣра была бы для земледѣлія полезнѣе всѣхъ мѣръ доселѣ сосредоточивавшихъ на себѣ вниманіе законодательства. Благодѣльнымъ вліяніемъ подобной мѣры уже давно пользуются собственники, арендаторы и воздѣльватели земли во Франціи, а тотъ фактъ, что не смотря на легкость переселенія и на постоянно возвышающуюся заработную плату, сельскій работникъ во Франціи всего болѣе покупаетъ землю — доказываетъ всю выгоду мелкаго хозяйства, а также благосостояніе самыхъ скромныхъ и бѣдныхъ классовъ французскихъ поселянъ. Представьте себѣ, что англійскіе сельскіе ра-

ботники покупаютъ въ значительной степени землю и въ тоже время ссужаютъ государство не малыми суммами денегъ! При этомъ необходимо помнитъ различное прошедшее этихъ обѣихъ странъ и положеніе, къ которому тиранія, дурное управленіе и войны предъидущихъ столѣтій привели сельское населеніе Франціи полстолѣтія тому назадъ, не говоря уже о послѣднихъ политическихъ бѣдствіяхъ. Ни мало не думая возставать противъ подраздѣленія земли, которому содѣйствовали законы, облегчающіе ея переходъ и закладъ, первѣйшіе французскіе авторитеты по этому предмету требуютъ на противъ уничтоженія преградъ, создаваемыхъ высокой пошлиной на переходъ земли по наслѣдству и продажѣ. „Вмѣсто того, чтобъ ставить преграды переходу собственности изъ рукъ въ руки, говоритъ Лавернь: слѣдовало бы всячески его поощрять. Кромѣ прямого поземельнаго налога (*impôt foncier*), поземельная собственность подвергается еще болѣе тяжелому гнету пошлины при перемѣнѣ собственника. Цѣнность ежегодно покупаемаго недвижимаго имущества можетъ быть опредѣлена въ 80,000,000 фунтовъ, а цѣнность недвижимаго имущества переходящаго изъ однихъ рукъ въ другія по наслѣдству — въ 60,000,000; пошлина же взимаемая въ томъ и другомъ случаѣ будетъ равняться 8,000,000 фунтовъ. Такой налогъ противенъ всякому научному принципу, такъ какъ онъ падаетъ на капиталъ, а не на доходъ.“ Здѣсь не мѣсто обсуждать взиманіе пошлины съ наслѣдства, но во французской системѣ заслуживаетъ вниманія одна безспорная несправедливость: именно наслѣдникъ платитъ пошлину съ общей цѣнности имущества безъ всякаго вычета изъ этой суммы долговъ, лежащихъ на землѣ, такъ что часто онъ фактически платитъ болѣе, чѣмъ дѣйствительно стоитъ его наслѣдство. Эта чудовищная система оцѣнки представляетъ конечно большую преграду къ добыванію капитала для улучшенія земли, а напротивъ увеличиваетъ уже и то значительную сумму долговъ (новые долги дѣлаются для уплаты пошлины), которые къ тому же совершенно не производительны.

И такъ во французскомъ законодательствѣ заключаются двѣ причины подраздѣленія земли; законъ о переходѣ земли и законъ о наслѣдствѣ. Но фактъ, что подраздѣленію земли способствуетъ одинъ изъ этихъ законовъ, законъ перехода, вполне согласуется съ интересами всѣхъ сторонъ, а естественное стремленіе земледѣлія въ государствѣ, благосостояніе котораго постоянно возрастаетъ, приводитъ насъ къ важному заключенію относительно другаго закона, закона о наслѣдствѣ. При этомъ мы замѣчаемъ, что послѣдній законъ не производитъ того фактическаго зла, которое предполагали многіе англійскіе писатели. Дѣло въ томъ, что (за исключеніемъ вліянія этого закона на отдѣльные участки, зло легко поправимое по мнѣнію первѣйшихъ французскихъ авторитетовъ) французскій законъ о наслѣдствѣ главнымъ образомъ ведетъ къ тому же результату, какъ естественный ходъ земледѣлія и свободная торговля землей, именно къ подраздѣленію земли. Во вторыхъ дѣйствіе хорошаго закона о переходѣ земли исправляетъ то зло, которое можетъ дѣйствительно произойти отъ дробленія земли закономъ о наслѣдствѣ, такъ какъ на поземельномъ рынкѣ постоянно находятся въ продажѣ мелкіе участки земли, переходящіе такимъ образомъ въ руки тѣхъ, которые могутъ извлечь изъ земли наибольшую выгоду. Наконецъ, безспорно доказано, что поземельная собственность поселянъ удерживаетъ излишнее дробленіе земли между дѣтьми, ставя преграду слишкомъ большому увеличенію народонаселенія. „Законъ о наслѣдствѣ, замѣчаетъ Лавернь, до селѣ служитъ предметомъ многихъ нападокъ, которыя не могутъ однако его пошатнуть. Нельзя сказать, чтобы земля была слишкомъ подраздѣлена въ странѣ, гдѣ существуетъ 50,000 помѣстій въ 200 гектаровъ и болѣе. Достаточно слѣдить за объявленіями въ газетахъ, чтобы убѣдиться въ значительномъ еще количествѣ помѣстій въ нѣсколько сотъ и тысячъ гектаровъ. Такихъ помѣстьевъ даже слишкомъ много въ томъ смыслѣ, что собственники сами выиграли бы отъ ихъ раздѣленія. На счетъ мелкихъ имѣній среднимъ числомъ въ 6 гект. (которыхъ онъ считаетъ 2,000,000) тотъ же авторъ говоритъ: „Собственники этихъ поземельныхъ владѣній живутъ въ довольствѣ. Ихъ земли дѣлятся закономъ о наслѣдствѣ, но многіе изъ нихъ постоянно поку-

паютъ новыя земли и вообще, они скорѣе возвышаются, чѣмъ понижаются по лѣстницѣ богатства.“ Въмѣсто предложенія радикальныхъ измѣненій въ законѣ о наслѣдствѣ, Лавернь, подобно большинству французскихъ экономистовъ, предлагаетъ только признать нѣкоторыя исключенія, напримѣръ въ случаѣ большого количества отдѣльныхъ участковъ и значительно уменьшить пошлину при ихъ мѣнѣ, которая нынѣ обложена такой же пошлиной, какъ продажа. Рациональные противники въ Англіи французскаго закона о наслѣдствѣ (то есть тѣ, которые стоятъ за большую свободу завѣщанія, а не тѣ, которые защищаютъ нашу варварскую систему первородства и субститутовъ) должны принять въ соображеніе, что французскій законъ о наслѣдствѣ дѣйствительно приводитъ главнымъ образомъ къ тѣмъ самымъ результатамъ, которыхъ достигло бы защищаемое ими право завѣщанія; это очевидно доказывается фактомъ, что громадное большинство отцовъ во Франціи не пользуются нынѣ принадлежащей имъ ограниченной властью распоряжаться частью недвижимаго имущества, равняющеюся долѣ одного изъ дѣтей. Но важнѣе всего, какъ мы уже указали, что хорошій законъ о переходѣ земли изъ однѣхъ рукъ въ другія исправляетъ погрѣшности неудовлетворительнаго закона о наслѣдствѣ. Не только поземельная собственность мелкихъ поселанъ постоянно увеличивается покупкой сосѣднихъ участковъ, наибольшіе капиталы постоянно и естественно притекаютъ къ землѣ. Поэтому Мони де Морне замѣчаетъ, что не смотря на большое уменьшеніе общаго количества крупнаго землевладѣнія и на постоянное умноженіе мелкихъ участковъ путемъ покупки земли поселянами и рабочими, въ послѣдніе годы замѣтно движеніе со стороны людей съ состояніемъ и капиталистовъ, нажившихся торговлей въ городахъ къ помѣщенію своихъ денегъ въ поземельной собственности. И такъ, крупное и мелкое землевладѣніе соперничаютъ во Франціи при болѣе естественныхъ и справедливыхъ условіяхъ, чѣмъ въ Англіи; крупные также какъ мелкіе покупатели земли во Франціи освобождены отъ того гнета, который тяготитъ въ Англіи надъ всѣми ихъ усиліями достигъ удовлетворенія ихъ интересовъ и наибольшаго счастья.

Изъ всего этого слѣдуетъ, что крупное и мелкое хозяйство,

точно также какъ крупная и мелкая собственность, имѣютъ во Франціи болѣе полное развитіе, чѣмъ въ Англіи; поэтому ихъ слѣдуетъ изучать въ первой странѣ, а не въ послѣдней, такъ какъ лишь при свободномъ соперничествѣ можно судить объ естественномъ стремленіи сельскаго хозяйства къ той или другой системѣ. Дѣло въ томъ, что пока мелкое хозяйство распространяется, развивается и совершенствуется, крупное хозяйство также достигло значительнаго прогреса во Франціи. Не только существуетъ громадная область сельскаго хозяйства, въ которой исключительно преобладаетъ мелкое хозяйство, но есть и общая область, въ которой обѣ системы могутъ существовать и процвѣтать рядомъ, на примѣръ разведеніе скота, производство злаковъ и овощей; наконецъ есть и область, въ которой крупному хозяйству слѣдуетъ отдать преимущество. По послѣднимъ статистическимъ свѣденіямъ во Франціи находится 154,167 фермъ въ 100 акръ каждая, а общая цифра фермъ въ Англіи, немногимъ выше. Точно также, мы видимъ, что въ 1852 году, паровыхъ молотилокъ были 1,537, а въ 1862 году, 2,849; естественно, что главнымъ образомъ эти машины работали на крупныхъ фермахъ. Кромѣ того, мелкое хозяйство во Франціи не выказало успѣха въ овцеводствѣ, хотя слѣдуетъ замѣтить что уменьшеніе количества овецъ въ десятилѣтіе отъ 1852 до 1862 года приписывается агрономическими авторитетами не подраздѣленію земли (уменьшеніе количества овецъ, явленіе новое, а подраздѣленіе земли старое), но нѣсколькимъ дождливымъ годамъ, вслѣдствіе чего распространились болѣзни, сокращенію пастбищъ для овецъ по причинѣ воздѣлыванья незанятой земли и раздѣленія общинной земли, увеличенію полей подъ злаками и улучшенію породы овецъ, почему и произошелъ прогрессъ въ качествѣ, а не въ количествѣ. Какъ бы то ни было по всему кажется, что мелкое хозяйство во Франціи не придаетъ овцеводству необходимаго развитія и болѣе пригодно для другихъ отраслей хозяйства. Наконецъ, во Франціи, также какъ въ Бельгіи, производство свекловицы въ соединеніи съ сахарными заводами, соотвѣтствуетъ системѣ крупнаго хозяйства и вы не найдете въ Шотландіи такихъ прекрасно содержанныхъ большихъ фермъ какъ во Франціи, гдѣ ихъ главное производство свекловица.

Въ департаментахъ, окружающихъ Парижъ, крупное хозяйство доведено до высшаго совершенства, о чемъ читатель, не бывшій самъ на мѣстѣ, можетъ почерпнуть вѣрныя свѣденія изъ описаній Лаверна въ его *Economie Rurale de la France*. Однако представивъ нѣсколько великолѣпныхъ примѣровъ, онъ замѣчаетъ, что хотя крупное хозяйство здѣсь идетъ по слѣдамъ Англїи, но мелкое хозяйство соперничаетъ во Франціи при равныхъ условїяхъ, чего нѣтъ въ Англїи и кромѣ того, мелкое хозяйство имѣетъ большую, постоянно увеличивающуюся область, въ которой оно можетъ вызывать на бой крупное хозяйство. Паровыя земледѣльческія машины крупныхъ фермеровъ не могутъ войти въ виноградникъ, огородъ и садъ. Крутая гора недостаточна крупному фермеру, а мелкій можетъ усѣять ее виноградниками, наконецъ глубокія долины слишкомъ для него узки. Въ плодородной долинѣ Луары, прозванной садомъ Франціи, онъ не можетъ воспользоваться всѣмъ ея плодородїемъ, а мелкій фермеръ одерживаетъ здѣсь побѣду; съ другой стороны крупный фермеръ разоряется, пытаясь воздѣлывать бесплодную почву, которую его мелкій соперникъ превращаетъ въ почву перваго разряда. Даже тамъ, гдѣ механическое искусство по видимому вызываетъ могучія силы природы на помощь крупному фермеру, поселянинъ ухитряется достигъ тѣхъ же результатовъ путемъ ассоціаціи, или индивидуальная предприимчивость находитъ выгоднымъ явиться къ нему на помощь. Поразительное доказательство стремленія мелкаго хозяйства примѣнить механическую силу заключается въ томъ фактѣ, подтверждаемомъ послѣдними статистическими свѣденіями, что всего болѣе жатвенныхъ и косильныхъ машинъ находится въ департаментѣ Нижняго Рейна, гдѣ наиболѣе распространено мелкое хозяйство. Изслѣдователи сельскихъ округовъ Франціи не могли не замѣтить, что мелкое хозяйство создало въ послѣдніе годы два новыя ремесла, именно производство машинъ и отдачу ихъ въ наемъ; вы теперь постоянно встрѣчаете въ самыхъ мелкихъ, отсталыхъ и стародавнихъ городкахъ и селахъ машины, которыми еще очень недавно стали пользоваться и крупные фермеры. По этому мы вполне признаемъ всю справедливость замѣчанія Рена Госкинса, что „машинная теорія“ наибольшаго производства при наименьшемъ трудѣ, по примѣненію къ землѣ, ста-

новится теоріей голода для работника и лишенія собственности для мелкаго землевладѣльца; эта теорія не есть прогрессъ, а напротивъ возвратъ къ тому времени, когда графъ былъ територіальнымъ владыкой всего графства (1); мы соглашаемся съ почтеннымъ авторомъ, что машины созданы для человѣка, а не человѣкъ для машинъ, что счастье и благоденствіе большинства сельскаго населенія составляетъ истинный предметъ земледѣлія и поземельныхъ системъ. На этомъ основаніи мы не видимъ причины признать распространеніе и развитіе машиннаго дѣла несоотвѣтствующимъ съ существованіемъ мелкаго хозяйства, а тѣмъ болѣе мелкой поземельной собственности.

Но если крупное и мелкое хозяйства соперничаютъ между собою во Франціи и въ другихъ странахъ континента при болѣе справедливыхъ условіяхъ чѣмъ въ Англіи, то надо замѣтить, что крупное и мелкое хозяйство правильно развиваются только въ рукахъ собственниковъ. Слабая сторона французской поземельной системы вовсе не та, на которую нападаютъ въ Англіи и которая такъ глубоко разнится отъ англійской системы, именно подраздѣленіе поземельной собственности и землевладѣніе поселянъ; напротивъ слабая ея сторона именно та, которая походитъ на англійскую систему—пользованіе землей. Англія далеко не одна страна на свѣтѣ, въ которой вопросъ о пользованіи землей обращаетъ на себя полное вниманіе государственныхъ людей и экономистовъ, хотя на континентѣ этотъ вопросъ на половину разрѣшается системой поземельной собственности. Во Франціи существуютъ двѣ системы пользованія землею: 1) аренда обыкновенно на 3, 6 или 9 лѣтъ (аренда на 18 лѣтъ составляетъ исключеніе); 2) мызная система (*metayage*), по которой собственникъ и мызникъ дѣлятъ между собою всѣ полученныя произведенія, капи-

(1) Land in England, land in Ireland, and land in others Lands—by Chandos Wren Hoskyns.

таль же доставляется той или другой стороной въ различной мѣрѣ, смотря по мѣстности. Многіе писатели полагаютъ, что мизникъ хотя имѣетъ вдвое менѣе интереса въ дѣлѣ, чѣмъ арендаторъ, получающій весь доходъ за извѣстную, опредѣленную ренту, пользуется за то правомъ постояннымъ, неизмѣняемымъ. Но это далеко не такъ во Франціи; подобные контракты заключаются обыкновенно на одинъ, на два, или на три года. Дѣло въ томъ, что система кратковременныхъ арендъ, общая большей части Европы, имѣетъ одинаковое варварское происхожденіе. Эта система принадлежитъ къ такой эпохѣ земледѣлія, когда не думали о далекомъ будущемъ, не клали въ землю большаго капитала и часто давали землѣ отдыхать; она принадлежитъ къ такой эпохѣ торговли, когда продажа земли была рѣдкостью, переменна собственниковъ также, а идея о коммерческой эксплуатаціи поземельной собственности вовсе не существовала. Слѣдуетъ однако замѣтить, что хотя во многихъ частяхъ Франціи, срокъ аренды обыкновенно кратковременный, ферма почти всегда остается въ одномъ семействѣ, переходя отъ отца къ сыну, если только рента акуратно платится. Такъ какъ при постоянно возвышающихся цѣнахъ на сельскія произведенія увеличеніе ренты идетъ неуклонно, то арендаторы чаще жалуются на возвышеніе ренты, чѣмъ на кратковременность контрактовъ, потому что во первыхъ арендатора рѣдко выгоняютъ, если онъ ведетъ дѣло прилично и живетъ скромно, какъ обыкновенно бываетъ, и во вторыхъ, арендаторъ часто имѣетъ свой собственный участокъ земли или почти всегда сумму денегъ, отложенную на подобную покупку. Слѣдовательно, онъ никогда не боится, что его выгонятъ безъ куска хлѣба, а напротивъ, онъ затруднился бы заключить долговременный контрактъ, имѣя всегда въ виду сдѣлаться собственникомъ. Кромѣ того, хотя во Франціи не сохранился обычай платить занеистощенное улучшеніе земли, такъ какъ наполеоновскій кодексъ уничтожилъ всѣ обычные законы, но вознагражденіе за нѣкоторые подобные предметы существуетъ въ кодексѣ. Такъ напримѣръ выходящій арендаторъ вознаграждается за удобреніе, положенное имъ въ землю, по расчету того времени, въ продолженіе котораго оно будетъ еще приносить пользу. Также, если ферма ведется сообща собственникомъ и арендаторомъ, и цѣнность об-

щаго имущества увеличена арендаторомъ, то при окончаніи срока аренды, онъ имѣеть право получить половину добавочной цѣнности. Однако, что касается до сельско-хозяйственныхъ улучшеній по дренажу и орошенію, то не существуетъ никакого права на вознагражденіе; и это обстоятельство служитъ отчасти объясненіемъ страшныхъ засухъ, случающихся даже въ тѣхъ частяхъ Франціи, которыя всего лучше обработаны. При существованіи поземельной собственности поселянъ во многихъ частяхъ Германіи и Франціи можетъ быть найдена наилучшая система орошенія полей. Владѣніе землей поселянами вмѣстѣ съ хорошей системой перехода земли изъ рукъ въ руки, составляетъ по истинѣ великую, выкупающую черту континентальныхъ поземельныхъ системъ, которыя въ отношеніи вопроса о пользованіи землей также не удовлетворительны, какъ наша. Хорошій законъ о переходѣ земли исправляетъ какъ мы видѣли неудовлетворительный законъ о наслѣдствѣ и много содѣйствуетъ улучшенію дурныхъ законовъ и обычаевъ относительно пользованія землею. Къ тому же, только поземельная собственность поселянъ не дозволяетъ вопросамъ о пользованіи и владѣніи землей принять на континентѣ тотъ грозный видъ, который они уже приняли въ Ирландіи и вскорѣ примутъ въ Англіи. Отчетъ французской земледѣльской комиссіи предлагаетъ расширеніе арендныхъ правъ, опекуновъ и мужей, дѣйствующихъ по довѣрію своихъ женъ, потомъ уменьшеніе пошлины при совершеніи арендныхъ контрактовъ и наконецъ введеніе закона, по которому въ случаѣ несуществованія писменнаго контракта аренда считалась бы на 12 лѣтъ. Но подобныя мѣры также мало принесли бы пользы во Франціи, какъ въ Ирландіи, еслибъ тамъ не была распространена поземельная собственность поселянъ и еслибъ арендаторы и простые работники не имѣли возможность чрезвычайно легко перейти изъ своего положенія въ положеніе собственниковъ, или соединить то и другое положеніе.

Счастье Франціи, что не только въ ней распространена поземельная собственность поселянъ, но что экономическій прогрессъ страны клонится какъ мы показали къ замѣненію воздѣлыванія земли арендаторами, — воздѣлываніемъ ея поселянами собственниками, а также къ тому, чтобы поставить остающихся арендаторовъ и ра-

ботниковъ въ положеніе собственниковъ. Постоянно увеличивающійся запросъ на произведенія мелкаго хозяйства и постоянно возвышающаяся ихъ цѣна, съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе дѣлаютъ эту систему выгоднымъ помѣщеніемъ сбереженій и труда поселанина; а возвышеніе цѣнъ и увеличеніе заработной платы, происходящія отъ развитія производительныхъ силъ страны, даютъ возможность мелкимъ арендаторамъ и работникамъ покупать землю. Всѣ улучшения въ законахъ о владѣніи и въ фискальныхъ правилахъ ведутъ къ тому же результату, такъ какъ расходы по переходу земли изъ однѣхъ рукъ въ другія, тяжелѣе отзываются на мелкой, чѣмъ на крупной собственности. Всѣ первѣйшіе агрономическіе авторитеты Франціи, не только не возстаютъ противъ подраздѣленія поземельной собственности, но требуютъ уничтоженія всѣхъ юридическихъ преградъ къ этому раздѣленію, а также уничтоженіе тѣхъ несоразмѣрныхъ расходовъ, которыми обставлена покупка мелкихъ участковъ земли.

Въ очеркѣ поземельной системы Франціи, какъ бы кратокъ онъ не былъ, нельзя пройти молчаніемъ вопросъ объ общинномъ владѣніи, хотя мы можемъ сказать здѣсь объ этомъ предметѣ только нѣсколько словъ. Болѣе 4,500,000 гектаровъ земли находятся во Франціи въ общемъ владѣніи различныхъ корпорацій, общинъ и селеній. Изъ этого пространства земли значительная часть покрыта лѣсами, которые составляютъ государственную собственность и требуютъ раздѣленія на участки и правильной порубки. Но вся остальная земля большею частью совершенно потеряна для страны. Въ обзорѣ отчета земледѣльческой комиссіи, Лавернь въ концѣ прошлаго года заявляетъ, что удовлетворительный законъ раздѣленія и продажи общинныхъ земель принесъ бы болѣе пользы для развитія земледѣльческаго богатства Франціи, чѣмъ всѣ другія административныя мѣры, взятыя вмѣстѣ. Дѣйствительно въ 1866 г. былъ изданъ законъ, облегчающій раздѣленіе общинныхъ земель, но онъ не принесъ большой пользы. Одна изъ причинъ, мѣшаю-

щихъ раздѣленію общинныхъ земель во Франціи, состоитъ въ слѣдующемъ: цѣлая община, состоящая изъ нѣсколькихъ селеній, имѣющихъ каждое свою собственную землю, составляетъ юридическое лице, имѣющее власть, достаточную для совершенія такого раздѣленія. Быть можетъ интересы жителей одного изъ селеній требуютъ раздѣленія между ними ихъ общинной земли, но остальные члены общины могутъ предпочесть, чтобъ поселянинъ былъ принужденъ продать свою землю вмѣстѣ съ принадлежащимъ ей правомъ на общинную землю, такъ какъ они сами могли бы купить и то, и другое. Имъ вовсе не желательно лишней приманкой поощрять поселянъ оставаться на своихъ мѣстахъ. Еслибъ земля была въ такомъ изобиліи, что каждый поселянинъ могъ бы имѣть ея достаточно для безбѣднаго существованія, или по крайней мѣрѣ могъ бы пользоваться всѣми удобствами собственнаго жилища и сада, то общее владѣніе каждымъ селеніемъ добавочной, общинной землей могло бы считаться большимъ благомъ; но не таково положеніе дѣлъ въ западной Европѣ. Однако общинныя земли во Франціи даже въ ихъ теперешнемъ положеніи даютъ французскимъ поселянамъ преимущество, котораго не имѣютъ англійскіе; кромѣ того, эти земли представляютъ фондъ для будущаго увеличенія поземельной собственности французскихъ поселянъ, чему равнаго нѣтъ ничего въ Англіи.

Впрочемъ, авторъ настоящаго очерка нимало не имѣетъ въ виду сравнивать поземельныя системы Франціи и Англіи. Дѣлающіе подобное сравненіе должны помнить, что оно было бы невѣрно и даже обманчиво, еслибъ ограничивались только обзорѣніемъ настоящаго положенія земледѣлія и поселянъ во Франціи, какъ не развито первое и какъ не благоденствуютъ вторые во многихъ частяхъ страны. Надо взять въ соображеніе исторію обѣихъ государствъ и сравнительное положеніе ихъ земледѣлія и поселянъ за сто лѣтъ тому назадъ. Франція пользуется только три четверти столѣтія чѣмъ-то похожимъ на свободу и менѣе полустолѣтія миромъ и развитіемъ промышленности. Кромѣ того при подобномъ сравненіи не надо упускать изъ вида вліяніе поземельной системы обѣихъ странъ на города, также какъ на села. Каждый, кто поразмыслитъ, чѣмъ было бы французское сельское населеніе при существо-

ваніи такой поземельной системы какъ въ Ирландіи и даже въ Англіи, чѣмъ было бы городское населеніе Франціи, еслибъ вмѣсто трети всего народа, оно составляло бы половину и встрѣчало бы въ селахъ вмѣсто политическаго противовѣса еще большее политическое броженіе и недовольство — тотъ конечно долженъ признать, что французская поземельная система не только спасеніе этой страны, но одна изъ главнѣйшихъ гарантій спокойствія и экономическаго развитія Европы.

III.

ЗЕМЛЯ И ПОЗЕМЕЛЬНЫЕ ЗАКОНЫ

ВЪ

СОЕДИНЕННЫХЪ АМЕРИКАНСКИХЪ ШТАТАХЪ.

Статья К. М. Фишера.

Настоящій очеркъ имѣеть цѣлью представить общій взглядъ на современное раздѣленіе земли въ Соединенныхъ Штатахъ, на численное отношеніе землевладѣльцевъ ко всему народонаселенію, и на законы, относящіеся къ переходу земли чрезъ продажу, наслѣдство и т. д.

Въ такой громадной странѣ, какъ Соединенные Штаты, конечно мало людей, которые по личному опыту имѣли бы достаточныя свѣденія, чтобъ положительно и основательно говорить о всѣхъ означенныхъ вопросахъ по отношенію ко всей странѣ. Мы также увидимъ, что въ Америкѣ громадное количество земли, вполне удобной для земледѣлія, должно по необходимости вліять на примѣненіе поземельныхъ законовъ, и этому факту быть можетъ болѣе, чѣмъ самимъ законамъ, обязана страна своимъ великимъ благоденствіемъ, которое очевидно каждому наблюдательному человѣку изъ того, что плугъ обрабатываетъ неизмѣримыя поля между двумя великими океанами, между сѣверными внутренними морями и Тропиками, что по переписи 1860 года существуютъ на этой территоріи 2,440,000 фермъ и великолѣпные города, соперничающіе съ гордыми европейскими столицами, основанными тысячу лѣтъ тому назадъ. По той же переписи считалось городовъ и селеній 28,000, въ которыхъ было до 5,000,000 домовъ; эти цифры блестящимъ образомъ доказываютъ трудолюбіе и энергичную дѣятельность нашего народа.

Земледѣльческая поверхность Соединенныхъ Штатовъ, по переписи 1860 года, заключала въ себѣ 163,110,720 акровъ удобренной земли и 244,101,818 акровъ неудобренной. Другими словами на каждые 2 акра удобренной земли приходилось въ то время 3 акра неудобренной; всего же невоздѣланной земли, удобной и не удобной къ земледѣлію, было 1,466,969,862.

Этотъ фактъ опредѣляетъ положеніе земледѣлія въ странѣ. Земли много и она дешева, а работниковъ мало и они дороги. Даже въ старыхъ штатахъ находятся земли, которыя можно купить за очень низкую цѣну, а въ силу недавняго акта конгресса, извѣстнаго подъ названіемъ Закона о Свободныхъ Надѣлахъ, каждый гражданинъ Соединенныхъ Штатовъ, или чужестранецъ заявляющій желаніе сдѣлаться гражданиномъ, можетъ получить бесплатно ферму въ 160 акровъ наилучшей въ свѣтѣ земли.

При такихъ обстоятельствахъ, конечно, высшая система земледѣлія, примѣняемая въ нѣкоторыхъ старыхъ и болѣе населенныхъ странахъ, гдѣ трудъ обильнѣе и земля почти вся воздѣлана, не можетъ быть съ пользой введена въ настоящее время въ нашей новой странѣ. Увѣряютъ, что земледѣліе въ Америкѣ отстало на 50 лѣтъ отъ Великобританіи. Въ одномъ смыслѣ это правда. Наша земля не такъ хорошо воздѣлана, унавожена и осушена, какъ въ Англіи, Шотландіи или Бельгіи, но мы можемъ произвести и дѣйствительно производимъ бушель пшеницы гораздо дешевле, чѣмъ самый ученый фермеръ Англіи можетъ произвести по самой лучшей методѣ, *даже еслибъ онъ ничего не платилъ за пользованіе землею.*

Слѣдующая таблица представляетъ количество удобренной и неудобренной земли, цѣнность земли подъ фермами, цифру народонаселенія и число фермеровъ и фермерскихъ работниковъ въ каждомъ штатѣ. Таблица эта составлена по самымъ послѣднимъ официальнымъ свѣденіямъ.

Штаты.	Удобен- ная земля въ 1860	Не удоб- ренная земля.	Цѣнность земли.	Народона- селеніе.	Фермера.	Фермерскіе работники.
	акры.	акры.	доллары.			
Алабама . .	6385724	12718821	175824622	964201		14282
Арканзасъ . .	1983313	7590393	91649773	435450	48475	8350
Калифорнія . .	2468034	6262000	48782804	379994	20836	10421
Конектикутъ . .	1830807	672457	90830005	460147	30612	11489
Делаваръ . .	637065	367230	31426357	112216	7284	4122
Флорида . .	654213	2266015	16435727	140424	7534	1329
Георгія . . .	8062758	18587732	157072803	1057286	67718	19567
Иллинойсъ . .	13096374	7815615	408944033	1711951	153646	47216
Индіана . .	8242183	8146109	356712175	1350428	158714	40827
Гова	3792792	6277115	119899547	674913	88628	27196
Канзасъ . .	405468	1372932	12258239	107206	15572	3660
Кентуки . .	7644208	11519053	291496955	1155684	110937	36627
Лузіана . . .	2707108	6591468	204789662	708002	14996	5483
Мэнь	2704133	3023538	78688525	628279	64843	15865
Мэриландъ . .	3002267	1833304	145973677	687049	27696	12920
Массачусетъ . .	2155512	1183212	123255948	1231066	45204	17430
Мичиганъ . .	3476296	3554538	160836495	749113	88657	35884
Минезота . .	556250	2155718	27505922	172023	27921	
Миссиссипи . .	5065755	10773929	190760367	791305	46308	7972
Миссури . .	6246871	13737939	230632126	1182012	124989	39396
Нью-Гемпшрѣ	2367034	1377591	69689761	326073	35392	10152
Нью-Джерси . .	1944441	1039087	180259338	672035	30325	18429
Нью-Йоркъ . .	14358403	6616555	803343593	3880735	254786	115728
Сѣв. Каролина	6517284	17245685	143301065	992622	85198	19119

Штаты.	Удобен- ная земля въ 1860	Не удоб- ренная земля.	Цѣнность земли.	Народона- селеніе.	Фермера.	Фермерскіе работники.
	акры.	акры.	доллары.			
Огіо	12625394	7846747	678132991	2339511	223485	76484
Орегонъ . . .	896414	1164125	15200593	52465	7861	1260
Пенсильванія .	10463296	6548844	662050707	2906215	180613	69104
Родъ-Айлендъ.	335128	186096	19550553	174620	6875	3510
Ю. Каролина.	4572060	11623859	139652508	703708	35137	6312
Тенесси . . .	6795337	13873828	271358985	1109801	103835	25990
Техасъ . . .	2650781	22693247	88101320	604215	51569	6537
Вермонтъ . .	2823157	1451257	94289045	315098	38967	14022
Виргинія . .	11437822	19679215	371761661	1596318	108958	30518
Висконсинъ .	3746167	4147420	131117164	775881	93859	31472
Колорадо .				34277	195	
Дакота . .	2115	24333	96445	4837	495	
Небраска.	118789	512425	3878326	28841	3982	455
Невада . .	14132	41986	302340	6857	140	74
Н. Мексика	149274	1265635	2707386	93516	5922	5461
Ута	77219	12692	1333355	40273	3832	670
Вашингтонъ	81869	284287	2217842	11594	1653	257
Округъ Колумбія	17474	16789	2989267	75080	246	89

Общій итогъ народонаселенія Соединенныхъ Штатовъ равняется въ настоящее время 40.000.000, а къ будущей переписи въ 1870 году эта цифра по общему ожиданію вѣроятно увеличится до 42.500.000.

Общiе законы Соединенныхъ Штатовъ и законы отдѣльныхъ штатовъ мало отличаются другъ отъ друга относительно системы передачи недвижимаго имущества.

Многiе изъ штатовъ особыми законами опредѣлили извѣстную форму купчихъ, чрезвычайно упрощенную и потому мы полагаемъ полезнымъ привести ее.

„*Сей актъ*, заключенный... дня... года, между (имена сторонъ) *свидѣтельствуемъ*, что имѣя въ виду... вышепоименованный... уступаетъ вышепоименованному... всѣ (описание недвижной собственности и условiя).

Въ законахъ сказано между прочимъ: если въ купчей будетъ сказано „вышепоименованный... уступаетъ вышепоименованному... всѣ права на вышесказанныя земли,“ то это означаетъ, что продавецъ уступилъ, передалъ и на вѣки отчудилъ покупщику, его наслѣдникамъ и кому онъ законно уполномочить, всѣ права, относящiяся по закону или обычаю, или которыя относятся будутъ къ уступленнымъ землямъ, такъ что ни онъ, ни его уполномоченные или наслѣдники не имѣютъ никакого права, въ какомъ бы то ни было отношенiи на означенныя земли.

Актъ аренды обыкновенно совершается въ слѣдующей формѣ:

„*Сей актъ аренды* заключенный... дня... года, между (имена сторонъ) *свидѣтельствуемъ*, что вышепоименованный... предоставляетъ вышепоименованному или его уполномоченному всѣ... (описание земли) съ... дня... года, на срокъ... подъ условiемъ платежа ренты (количество и способъ уплаты).“

Всѣ акты, совершаемые между договаривающимися сторонами, считаются дѣйствительными для нихъ, все равно явлены они или нѣтъ, но, чтобы имѣть силу для кредиторовъ и другихъ покупателей, они должны быть явлены въ томъ городѣ, графствѣ или округѣ, къ которому принадлежитъ отчуждаемая земля. Засвидѣствованная выписка изъ регистратурныхъ книгъ, получаемая за небольшую плату, служитъ достаточнымъ доказательствомъ права собственности на землю даже при отсутствiи купчихъ. Обыкновенная плата за составленiе простыхъ актовъ продажи или аренды равняется одному или двумъ долларамъ и за явку еще берутъ пятьдесятъ центовъ.

Законы о раздѣленiи земли, оставшейся послѣ собственниковъ,

умершихъ безъ завѣщанія, не одинаковы во всѣхъ штатахъ, но разсмотрѣвъ законы различныхъ штатовъ, мы найдемъ, что отличіе между ними чрезвычайно незначительно; подобныя земли дѣлятся по ровну между дѣтьми обоихъ половъ и представителями умершихъ дѣтей, причемъ представители этихъ послѣднихъ получаютъ только ту часть, которая приходилась бы на долю родителя или родительницы еслибы онъ или она были живы. Когда поземельная собственность значительнаго размѣра и не можетъ быть раздѣлена безъ большаго вреда, т. е. безъ пониженія ея цѣнности, то подлежащее судебное мѣсто присуждаетъ всю землю или часть ея одному изъ наслѣдниковъ, который обязанъ уплатить остальнымъ сумму денегъ, опредѣленную комисарами, назначенными отъ суда. Когда признается необходимымъ сосредоточить такимъ образомъ все наслѣдство въ рукахъ одного изъ наслѣдниковъ, то старшій предпочитается младшимъ и мужской полъ женскому. Я полагаю, что эта мѣра чрезвычайно разумна и обыкновенно сонаслѣдники рѣшаютъ между собою любовно кому изъ нихъ владѣть землею и сколько ему платить остальнымъ.

Если остается вдова, то ей предоставляется пожизненное пользованіе одною третью всего недвижимаго имущества, оставшагося послѣ мужа и эту часть ей отдѣляютъ назначенные судомъ комисары. Она также получаетъ изъ движимаго имущества такую долю, какую судъ найдетъ нужнымъ ей опредѣлить для ея собственнаго употребленія; эта часть однако не должна быть менѣ одной трети по оцѣнкѣ всего что осталось послѣ уплаты долговъ покойнаго.

Эта система раздѣленія наслѣдства мѣшаетъ большимъ помѣстьямъ по смерти собственника раздробиться на многія части; точно также и мелкія фермы выше указаннымъ закономъ предохраняются отъ вреднаго подраздѣленія. Такимъ образомъ, всѣ дѣти покойнаго землевладѣльца получаютъ свою долю въ раздѣлѣ помѣстья, и если его недостаточно, чтобъ на долю cadaго пришлось по фермѣ, то получивъ свою долю деньгами, каждый изъ наслѣдниковъ можетъ купить для себя участокъ незанятой земли на западѣ или въ другомъ мѣстѣ и обзавестись своимъ собственнымъ хозяйствомъ.

Въ Виргиніи и въ другихъ частяхъ юга крупнымъ землевладельцамъ были пожалованы громадныя владѣнія еще до образованія Соединенныхъ Штатовъ, когда земля не имѣла почти никакой цѣнности; эти земли превращены были въ плантаціи, обрабатываемыя невольничьимъ трудомъ. До послѣдней войны хотя наслѣдство послѣ такихъ крупныхъ собственниковъ и дѣлилось, въ случаѣ не оставленія завѣщанія, поровну между всѣми дѣтьми, но по обычаю всегда одинъ изъ наслѣдниковъ покупалъ отъ остальныхъ все помѣстье или оно цѣликомъ продалось въ чужія руки и вырученныя деньги дѣлились по ровну.

При существованіи невольничьяго труда такія произведенія, какъ хлопчатка, табакъ, рисъ и пр. могли быть разводимы только на большихъ плантаціяхъ; южные штаты съ этими крупными хозяйствами и невольничьимъ трудомъ, не смотря на все плодородіе почвы далеко отстали, по моему мнѣнію, въ дѣлѣ земледѣльскаго развитія отъ западныхъ и среднихъ штатовъ, гдѣ распространено мелкое землевладѣніе. Современіи уничтоженія невольничества и введенія свободнаго, искуснаго труда бѣлыхъ, многія большія плантаціи раздѣлились на нѣсколько мелкихъ фермъ съ цѣлью обработки земли согласно измѣнившимся условіямъ страны; вообще я полагаю, что теперь мелкое землевладѣніе сдѣлается общимъ на всемъ югѣ.

Иностранцы могутъ покупать и арендовать землю въ Соединенныхъ Штатахъ послѣ ихъ натурализаціи (или послѣ заявленія въ подлежащемъ судѣ о намѣреніи натурализоваться); а въ нѣкоторыхъ штатахъ напримѣръ въ Георгіи, Висконсинѣ и пр. даже иностранные подданные имѣютъ право пользоваться землею.

Изъ числа эмигрантовъ — поселенцевъ ирландцы часто дѣлаются хорошими, достаточными фермерами и пріобрѣтаютъ значительную собственность, но всеже большинство ирландцевъ въ Америкѣ, — простые работники. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что въ ирландскихъ поселенцахъ вовсе не замѣчается того отсутствія способностей къ земледѣлію, которымъ отличаются мелкіе арендаторы въ самой Ирландіи.

Въ Америкѣ, трудъ и дѣятельность, обращенныя на воздѣлываніе земли, приносятъ бѣльшіе и богатѣйшіе плоды, чѣмъ въ

Ирландіи и этотъ фактъ производитъ громадное вліяніе на многихъ ирландскихъ эмигрантовъ. Къ тому же земледѣльческая система, которую достаточный англійскій фермеръ нашелъ бы нигде негодной, съ такою же пользою можетъ быть примѣнена къ новымъ, только что расчищеннымъ землямъ, какъ и болѣе научная, утонченная система; такимъ образомъ сравнительно невѣжественный человѣкъ, сдѣлавшись фермеромъ, можетъ, безъ всякаго сомнѣнія, извлечь большую пользу изъ своего труда и достигнуть независимаго положенія, если онъ только дѣятельно и энергично принимается за дѣло. Имѣя передъ собою подобные примѣры, вновь прибывшій эмигрантъ побуждается къ энергичной дѣятельности въ томъ же направленіи. Я могъ бы указать на много примѣровъ въ Вермонтѣ и другихъ штатахъ, что нищій и сравнительно невѣжественный ирландскій эмигрантъ тотчасъ послѣ прибытія покупалъ съ разсрочкой участокъ земли, потомъ работалъ какъ простой земледѣлецъ и выручивъ нѣсколько долларовъ, покупалъ необходимыя орудія, сѣмена и хозяйственные припасы въ видѣ бочки муки, соленого окорока, чая и т. д.; на этомъ онъ существовалъ цѣлый годъ, и продолжалъ такимъ образомъ борьбу съ природою и нищетою до тѣхъ поръ, пока послѣ нѣсколькихъ урожаевъ онъ не дѣлался богачемъ въ сравненіи съ его прежнимъ положеніемъ. Сознаніе, что онъ собственникъ, что онъ пользуется всеми плодами своего труда, по словамъ многихъ подобныхъ людей, составляетъ невыразимое утѣшеніе и служитъ могущественнымъ двигателемъ, побуждающимъ ихъ къ неустанному труду. Даже тѣ, которые въ продолженіи многихъ лѣтъ служатъ простыми работниками, постоянно говорятъ о томъ блаженномъ времени, когда они надѣются имѣть свою собственную ферму; эта надежда однако часто долго не осуществляется, благодаря вынесеннымъ изъ стараго свѣта привычкамъ, мѣшающимъ отложить необходимый капиталъ или отъ другихъ различныхъ причинъ.

Въ восточныхъ и среднихъ штатахъ фермы не велики. Средняя величина ихъ, я полагаю, простирается отъ пятидесяти до двухъ сотъ акровъ земли, а часто встрѣчаются и меньшіе участки.

Въ большинствѣ штатовъ оцѣнка земли производится особо

назначаемыми комиссарами каждыя шесть лѣтъ съ цѣлью опредѣлить поземельный налогъ; этотъ налогъ до послѣдней войны былъ чрезвычайно легокъ и собираемыя суммы шли исключительно на содержаніе школъ и на другія мѣстныя потребности. Даже въ настоящее время онъ не превышаетъ одного процента съ опредѣленной официальной цѣнности земли.

Прилагаемыя извлеченія изъ законовъ различныхъ штатовъ, относительно перехода по наслѣдству и раздѣла земли, могутъ дать читателямъ полное понятіе о положеніи этого важнаго вопроса въ Соединенныхъ Штатахъ.

ИЗВЛЕЧЕНІЯ ИЗЪ ОБЩАГО И МѢСТНЫХЪ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЪ СОЕДИНЕННЫХЪ ШТАТОВЪ.

Актъ конгресса отъ 13 іюля 1787 г. объ управленіи территоріей Соединенныхъ Штатовъ къ сѣверо западу отъ рѣки Огіо.

1) Постановлено Соединенными Штатами, собранными въ конгрессѣ и пр. и пр.

2) Выше означенной властью постановлено, что имущество, остающееся послѣ умершаго безъ завѣщанія, жившаго, или не жившаго въ этой странѣ собственника, переходитъ и раздѣляется равномерно между его дѣтьми и потомками умершихъ дѣтей, причемъ послѣдніе дѣлятъ между собою долю умершаго родителя по ровну; если нѣтъ дѣтей или прямыхъ потомковъ по нисходящей линіи, то имущество переходитъ къ слѣдующимъ родственникамъ въ одинаковыхъ степеняхъ, причемъ точно также дѣти умершаго брата или сестры собственника имущества получаютъ по ровну долю ихъ родителя или родительницы; во всякомъ случаѣ не дѣлается никакого различія между кровными и полукровными родственниками; если остается вдова, то она получаетъ пожизненно третью часть недвижимаго имущества.

Законы Массачусета.

Гл. 91.

Ст. 1. При смерти всякаго, владѣющаго землею, домами, арендами или имѣющаго права какія бы то ни было на землю и пр., если онъ не распорядился ими законнымъ образомъ, оныя переходятъ за уплатою долговъ слѣдующимъ образомъ:

1) Все имущество дѣлится на равныя части между дѣтьми и потомками умершихъ дѣтей; если нѣтъ въ живыхъ ни одного изъ дѣтей покойнаго, то между всѣми низходящими потомками, если оныя въ одинаковой степени родства съ покойнымъ, то имущество дѣлится по ровну, въ противномъ случаѣ согласно праву каждаго.

2) Если нѣтъ прямыхъ низходящихъ потомковъ, то имущество переходитъ къ отцу.

3) Если нѣтъ ни прямыхъ потомковъ, ни отца, то имущество дѣлится по ровну между матерью, братьямъ, сестрами и дѣтьми умершихъ братьевъ и сестеръ.

4) Если нѣтъ въ живыхъ ни потомства, ни отца, ни брата, ни сестры, то имущество переходитъ къ матери помимо потомства, если таковое есть, умершихъ братьевъ и сестеръ.

5) Если нѣтъ ни потомства, ни отца, ни матери, ни брата, ни сестры, то имущество переходитъ къ ближайшему родственнику въ одинаковой степени; если находится двое или болѣе родственниковъ по боковой линіи въ одинаковой степени, но права которыхъ исходятъ отъ различныхъ предковъ, то право ближайшаго предка предпочитается правамъ всѣхъ остальныхъ.

6) Если останется нѣсколько дѣтей или одинъ и потомство другихъ, причемъ, какой либо изъ оставшихся дѣтей умеръ до совершеннолѣтія и неженатый, то всякое имущество, перешедшее къ умершему по наслѣдству отъ родителя или родительницы, дѣлится по ровну между другими дѣтьми тѣхъ же родителей и потомствомъ ихъ.

7) Если при смерти одного изъ дѣтей, умершаго до совершеннолѣтія и неженатаго, всѣ другія дѣти того же родителя будутъ не въ живыхъ и кто либо изъ нихъ оставилъ потомство, то иму-

щество переходящее къ означенному лицу отъ его родителя или родительницы будетъ раздѣлено между потомствомъ другихъ дѣтей тѣхъ родителей.

8) Если по смерти человѣка, неоставившаго завѣщанія, не останется никакого родства, то имущество переходитъ къ его вдовѣ; если по смерти женщины не останется родства, то имущество переходитъ къ ея мужу.

9) Если лице, умершее безъ завѣщанія, не оставитъ ни родства, ни мужа, ни жены, то его, или ея имущество переходитъ въ пользу государства.

Ст. 2. Незаконный сынъ или дочь наслѣдуетъ своей матери или какому либу предку со стороны матери; законное потомство незаконнорожденного лица вполне представляетъ такое лице и получаетъ всякое наслѣдство, какое его родитель или родительница получили бы будучи въ живыхъ.

Ст. 3. Если незаконнорожденное лице умираетъ безъ завѣщанія и законнаго потомства, то имущество переходитъ къ его матери.

Ст. 4. Незаконнорожденное лице, родители котораго вступили въ бракъ, и отецъ котораго призналъ его за своего сына или дочь, считается законнымъ.

Ст. 5. Степени родства опредѣляются согласно правиламъ гражданскихъ законовъ, при этомъ полукровные родственники наслѣдуютъ одинаково съ единокровными въ одной степени.

Ст. 6. Если движимое или недвижимое имущество, принадлежавшее лицу, умершему безъ завѣщанія, было передано имъ какъ выдѣлъ при жизни сыну, дочери, или другому потомку, то оно считается частью всего оставшагося наслѣдства, относительно раздѣленія его между всѣми сонаслѣдниками, такъ что означенное имущество войдетъ въ долю, причитающуюся этому сыну, дочери или потомку; но если это имущество будетъ превосходить причитающуюся ему долю, то онъ не обязанъ возвратить излишнюю часть.

Ст. 7. Если такой выдѣлъ сдѣланъ въ недвижимомъ имуществѣ, то цѣнность онаго считается частью всего недвижимаго имущества, подлежащаго раздѣлу; если выдѣлъ сдѣланъ въ движимомъ имуществѣ, то онъ считается частью всего движимаго иму-

щества; если въ томъ или другомъ случаѣ, выдѣлъ превышаетъ причитающуюся означенному лицу долю движимаго или недвижимаго имущества, то это лице не обязано возвратить излишнюю цѣнность надѣла, но получаетъ соразмѣрно меньше изъ другой части всего наслѣдства, такъ чтобъ его доля была равна долямъ другихъ сонаслѣдниковъ въ одинаковой степени родства.

Ст. 8. Всякій даръ считается выдѣломъ, если въ документѣ на означенный даръ это оговорено, или письменно признано какъ наслѣдодателемъ, такъ и его сыномъ, дочерью или другимъ потомкомъ.

Ст. 9. Если цѣнность выдѣла означена въ актѣ, или въ письменномъ признаніи наслѣдователя, или принявшаго оный, то означенное имущество принимается по этой оцѣнкѣ въ общую сумму наслѣдства; въ противномъ случаѣ оно оцѣняется согласно его стоимости при выдачѣ.

Ст. 10. Если получившій подобный выдѣлъ умретъ прежде наслѣдодателя и не оставитъ потомства, то полученный имъ выдѣлъ присоединяется къ раздѣлу общаго наслѣдства и цѣнность онаго зачтется представителямъ наслѣдника, получившаго такой выдѣлъ, словно они сами непосредственно его получили.

Ст. 11. Ничто постановленное въ настоящей главѣ не можетъ нарушать особо выговоренныхъ законныхъ правъ мужа или жены.

Ст. 12. Наслѣдство по праву представительства имѣетъ мѣсто, когда потомки умершаго наслѣдника получаютъ изъ наслѣдства третьяго лица часть, причитающуюся ихъ родителю или родительницѣ. Дѣти, рожденныя послѣ смерти отца въ узаконенный срокъ, считаются жившими въ минуту его смерти.

Висконсинъ.

Гл. 92.

Законодательство этого штата повторяетъ слово въ слово законодательство Масачусета относительно наслѣдства и раздѣла недвижимаго имущества, за исключеніемъ только двухъ пунктовъ статьи первой, по которымъ имущество по смерти лица, не имѣю-

щаго потомства, переходить ко вдовѣ въ пожизненное пользованіе, а послѣ ея смерти къ его отцу, если оный въ живыхъ, въ противномъ случаѣ къ братьямъ, сестрамъ и дѣтямъ умершихъ братьевъ или сестеръ.

Иллинойсз.

Законодательство Иллинойса вполне тождественно съ приведенными законодательствами за исключеніемъ слѣдующихъ статей:

Ст. 47. Половина недвижимаго имущества всякой замужней женщины, умершей безъ завѣщанія и не оставившей ни дѣтей, ни потомства отъ оныхъ, переходитъ къ мужу въ вѣчное потомственное владѣніе.

Ст. 53. Если по смерти незамужней женщины останутся дѣти, признаваемые по закону незаконнорожденными, то оныя не лишаются права наслѣдства и они и ихъ потомки считаются по закону вполне способными равноѣрно наслѣдовать движимому и недвижимому имуществамъ ихъ матери, причемъ всѣ другіе наслѣдники устраняются отъ наслѣдства.

Пенсильванія.

Движимое и недвижимое имущества умершаго лица мужскаго или женскаго пола по уплатѣ всѣхъ справедливыхъ долговъ и законныхъ взысканій, если они не проданы, или не завѣщаны по духовной, или не отчуждены брачнымъ договорамъ, переходятъ и дѣлятся слѣдующимъ образомъ:

Если остаются вдова и дѣти, то вдова получаетъ одну треть недвижимаго имущества въ пожизненное пользованіе и одну треть движимаго въ вѣчное владѣніе.

Если остается вдова и наслѣдники по боковой линіи, или другіе родственники, но не остается прямыхъ потомковъ, то вдова получаетъ половину недвижимаго имущества, въ томъ числѣ домъ, съ прилежащими службами въ пожизненное пользованіе и половину движимаго имущества въ вѣчное владѣніе.

Если останется мужъ, то онъ получаетъ все движимое имущество, а недвижимое переходитъ согласно послѣдующимъ правиламъ,

подъ условіемъ однако, что мужъ сохраняетъ свое право пользования, есть ли у него дѣти или нѣтъ.

Недвижимое имущество замужней женщины переходитъ и раздѣляется согласно существующимъ законамъ о наслѣдствахъ... За исключеніемъ вышеозначенной части, переходящей къ вдовѣ или мужу, движимое имущество переходитъ слѣдующимъ образомъ:

Если умершее лицо оставитъ дѣтей, то имущество дѣлится равномерно между означенными дѣтьми.

Если умершее лицо оставляетъ внуковъ, то оно дѣлится между внуками.

Если умершее лицо оставитъ потомковъ въ какой либо степени родства, то оно дѣлится между ними.

Если умершее лицо оставитъ потомковъ въ различныхъ степеняхъ родства, изъ которыхъ самые дальные потомки умершихъ дѣтей, внуковъ или другихъ родственниковъ, то имущество дѣлится между всѣми ими такъ, что каждый изъ дѣтей умершаго лица получаетъ часть, которую онъ получилъ бы, еслибъ всѣ дѣти, оставившія потомство, были бы въ живыхъ въ минуту смерти наслѣдодателя, а если остаются не дѣти, а внуки, то каждый изъ нихъ получаетъ ту часть, которую онъ получилъ бы, еслибъ всѣ внуки, оставившіе потомство, были живы; и такъ далѣе, до отдаленнѣйшихъ степеней родства.

Во всякомъ случаѣ потомки умершихъ дѣтей, внуковъ или другихъ родственниковъ получаютъ какъ представители своихъ родителей только ту часть, которая принадлежала бы родителямъ, еслибъ они жили во время смерти наслѣдодателя.

Канзасъ.

Гл. 80.

Ст. 5. Половина всего недвижимаго имущества, принадлежавшаго мужу во время брачной жизни и не проданнаго на покрытие долговъ или судебного взысканія, переходитъ въ собственность къ вдовѣ послѣ смерти мужа, по опредѣленію суда. Постоянное сожителство мужа и жены считается достаточнымъ доказательствомъ брака для дарованія означеннаго права.

Ст. 6. Вышеозначенная доля должна быть такъ опредѣлена, чтобы въ ея составъ входилъ домъ и земля, укрѣпленная закономъ за мужемъ въ качествѣ усадьбы, или такой части оной, которая равнялась бы долѣ, назначенной ей предыдущей статьёй; за исключеніемъ, конечно, того случая, когда она предпочла бы другаго рода распоряженіе. Но другаго рода распоряженіе не можетъ быть дозволено, если оно вредитъ кредиторамъ.

Ст. 7. Означенная доля можетъ быть опредѣлена взаимнымъ соглашеніемъ всѣхъ заинтересованныхъ сторонъ, или назначенными отъ суда посредниками.

Ст. 8. Просьба о такомъ выдѣленіи посредниками можетъ быть представлена въ судъ спустя 20 дней по смерти мужа и до истеченія 10 лѣтъ, причемъ должны быть указаны именно тѣ участки земли, на которые вдова предъявляетъ свои права.

Ст. 9, 10, 11, 12, 13, 14. (Статьи эти касаются до назначенія дѣятельности и способа обжалованія дѣйствій посредниковъ и суда въ означенномъ случаѣ).

Ст. 15. Доля вдовы не можетъ быть измѣнена завѣщаніемъ мужа, если она оспариваетъ его и отказывается отъ своихъ правъ, предоставленныхъ ей этимъ завѣщаніемъ.

(Остальныя статьи опредѣляютъ переходъ наслѣдства къ остальнымъ наслѣдникамъ и въполнѣ тождественны съ подобными же статьями законодательства Висконсина. Только прибавлена статья, по которой послѣ смерти незаконнорожденнаго лица, но признаннаго отцомъ, наслѣдуетъ кромѣ матери и отецъ, причемъ права матери предпочитаютъ правамъ отца, и отецъ имѣетъ тоже право наслѣдованія въ отношеніи незаконныхъ дѣтей, какое мать имѣетъ въ отношеніи законныхъ)

Георія.

Глава 3.

Ст. 2451. По смерти собственника недвижимаго имущества, или негровъ, то оныя переходятъ тотчасъ къ законнымъ наслѣдникамъ. Права же на все другое его имущество переходятъ къ душеприкащику, для удовлетворенія наслѣдниковъ и кредиторовъ.

Ст. 2452. Слѣдующія правила опредѣляютъ законныхъ наслѣдниковъ по смерти всякаго лица:

1) Мужъ единственный наслѣдникъ послѣ жены, не оставившей завѣщанія.

2) По смерти мужа, не оставившаго завѣщанія и дѣтей, жена его единственный наслѣдникъ.

3) Если есть дѣти или представители этихъ дѣтей, то жена получаетъ третью часть, за исключеніемъ того случая, когда ея наслѣдниковъ болѣе 5 человекъ, тогда она получаетъ $\frac{1}{5}$. Если она желаетъ взять свое приданное, то теряетъ всякое право на недвижимое имущество.

(Остальные пункты совершенно тождественны съ большинствомъ законодательствъ, примѣры которыхъ уже представлены).

Ст. 2453. Если замужняя женщина, имѣющая дѣтей отъ прежняго брака, получаетъ право наслѣдства до настоящаго брака и вступаетъ во владѣніе наслѣдствомъ уже въ настоящемъ бракѣ, то такое имущество не будетъ принадлежать мужу, а раздѣлится по ровну между нею и дѣтьми, остающимися въ живыхъ. Доля жены и дѣтей отъ послѣдняго мужа только по ихъ смерти можетъ перейти къ мужу.

IV.

ПОЗЕМЕЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ПРУССІИ

ВЪ

19-мъ СТОЛѢТІИ.

Ст. Р. В. Моріера.

Разсматривая поземельное законодательство Пруссіи въ настоящемъ столѣтіи, необходимо освободиться отъ господствующаго заблужденія, что это законодательство своеобразное и отличное отъ всѣхъ другихъ европейскихъ законодательствъ. Напротивъ, мы видимъ подобное законодательство въ той или другой формѣ въ каждомъ германскомъ государствѣ въ послѣднія шестьдесятъ лѣтъ; мало того, мы видимъ тоже самое въ Англии и въ каждомъ государствѣ тевтонскаго происхожденія.

Каждая тевтонская община образовалась изъ зерна, одинаковаго по своему внутреннему составу и слѣдовательно обусловливающаго одинаковые законы развитія. Исторія этого развитія совпадаетъ съ исторіей занятія земли, такъ какъ въ противоположность *гражданамъ* древняго міра тевтонская раса по преимуществу раса *сельскихъ жителей*.

I. Первоначальная тевтонская община состояла изъ товарищества свободныхъ людей (Gemeinde), въ которомъ частное право собственности соотвѣтствовало общественной обязанности военной служ-

бы и участію въ законодательной и политической дѣятельности общины. Эти общественныя обязанности, сравнительно, очень просты, а поземельныя отношенія общины напротивъ чрезвычайно сложны. Округъ или маркъ состоитъ изъ трехъ отдѣльныхъ частей: 1) *общаго марка*, которымъ владѣеть совокупно вся община, 2) *воздѣланнаго марка*, выдѣленнаго изъ общаго и раздѣленнаго на равныя части между членами общины и 3) *деревенскаго марка*, также раздѣленнаго на равныя части, владѣемая однако на правѣ частной собственности.

Поэтому каждый житель округа состоитъ въ тройномъ отношеніи къ землѣ, занятой общиной. Онъ совладѣтель общинной земли, собственникъ доли въ воздѣланномъ маркѣ и полный хозяинъ дома или двора въ деревенскомъ маркѣ: Въ первомъ случаѣ онъ владѣеть „*de indiviso*“ и его права строго контролируются правами другихъ совладѣтелей. Его скотъ пасется на общемъ выгонѣ подъ надзоромъ общиннаго должностнаго лица.

Въ воздѣланномъ маркѣ онъ имѣетъ опредѣленное наслѣдство, и можетъ называть извѣстное пространство своей собственностью, но онъ долженъ воздѣлывать свой участокъ по согласію съ другими членами общины, которая вводитъ ту или другую земледѣльческую систему. Весь маркъ раздѣляется на части или поля (*Fluren, Samri*), соотвѣтственныя сѣвообороту. Обыкновенно онъ дѣлится на три общинныя поля, изъ которыхъ каждое находится въ пару однажды въ три года, при этомъ община имѣетъ право пастись скотъ на землѣ, лежащей въ пару, а также на жнивѣ. Для устраненія проистекающаго отсюда неудобства, именно чтобъ каждый отдѣльный владѣтель не оставался безъ земли черезъ два года въ третій, участки не отводятся въ одномъ мѣстѣ, а разбиваются на части во всѣхъ трехъ поляхъ; такимъ образомъ общинное воздѣлываніе земли дѣлается еще необходимѣе.

И такъ въ общемъ и воздѣланномъ маркахъ индивидуумъ всегда и вездѣ контролируется сочленами общины, его дѣятельность ограничивается обычаями и порядками общины. Напротивъ того въ деревенскомъ маркѣ, въ своемъ жилищѣ и его принадлежностяхъ, онъ полный хозяинъ и господинъ. Его окруженный заборомъ или тыномъ домъ, или дворъ (*curtis, hof, mansus, manoir*), въ полномъ смыслѣ

его собственность. Въ отношеніи своего семейства, зависящихъ отъ него лицъ и рабовъ, живущихъ въ домѣ, онъ полный властелинъ; онъ представляетъ вполнѣ законодательную и исполнительную власть. Въ его домъ не имѣетъ права входить безъ его дозволенія никакое государственное или общинное должностное лице. Это его собственность и лежитъ внѣ общины. Въ XI столѣтіи еще вездѣ существовало правило, гарантировавшее подобнымъ образомъ жилище каждаго человѣка. „*Omnis domus, omnis area pacem infra septa sua habeat firmam. Nullus invadat, nullus offringat, nullus infra positos temere inquirere, aut violenter opprimere spraesumat. Si fugiens aliquis septum intraverit securus inibit* (1).“ Извѣстное выраженіе, что „домъ англичанина его замокъ“ представляетъ отдаленное эхо этихъ давнопрошедшихъ временъ.

Никогда не надо терять изъ вида эти двѣ различныя формы „господина“ и „общинника“, которыя соединялись въ одномъ лицѣ свободного человѣка въ древней Германіи; въ одной формѣ онъ является въ предѣлахъ своего дома, а въ другой внѣ этихъ предѣловъ въ общей экономіи марка. Въ этихъ формахъ выражаются двѣ характеристическія черты германской расы: духъ индивидуализма и духъ асоціаціи. Подобно тому какъ взаимное дѣйствіе этихъ своеобразныхъ сторонъ народнаго характера опредѣлило общественную и политическую исторію расы, оно точно также опредѣлило и исторію земледѣльческаго развитія страны.

Наконецъ необходимо указать на странную особенность, относящуюся по видимому къ этому періоду, именно, что личное положеніе владѣтеля отражается на стѣнахъ занимаемаго имъ жилища, какъ бы дѣлается его принадлежностью и часто путемъ реакціи опредѣляетъ положеніе новаго владѣтеля. Владѣтель сообщаетъ своему владѣнію извѣстныя привилегіи, а впоследствии это владѣніе передаетъ свои привилегіи новому владѣльцу. Точно также, владѣніе, состоящее въ зависимости отъ другаго лица, ставитъ и владѣтеля его въ такое же зависимое положеніе.

(1) *Juramentum pacis circa an. 1085*—приведенное въ книгѣ Маурера—*Einleitung zur Geschichte der Mark, Hof, Dorf und Stadt Verfassung.*

И такъ характеристическія черты перваго періода германской общины заключаются въ существованіи двухъ отличныхъ другъ отъ друга общинъ: *земледѣльческой* и *политической*, которыя неразрывно между собою связаны, такъ что права, даваемыя одной общиной, соотвѣтствуютъ вполнѣ обязанностямъ возлагаемымъ другою. Мы можемъ назвать этотъ періодъ — эпохой *поземельной собственности и равномернаго владѣнія*, въ продолженіе которой каждый свободный человѣкъ считается воиномъ „miles,“ въ силу того, что онъ землевладѣлецъ (1).

II. Второй періодъ можно назвать эпохой *пользованія землей и неравномернаго владѣнія*, во время которой феодальный пользователь не считается „miles“ въ силу того, что онъ землевладѣтель, но считается пользователемъ земли въ силу того, что онъ „miles.“

Переходъ отъ одного положенія къ другому, конечно обусловливается различными обстоятельствами въ различныхъ общинахъ, но слѣдующія причины и условія встрѣчаются во всѣхъ общинахъ:

1) Междоусобныя войны и проистекающее отъ того завладѣніе общинами, захватъ земли общаго марка этихъ общинъ и неравномерное раздѣленіе захваченной земли, соразмѣрно военнымъ подвигамъ сотоварищей — вотъ однѣ изъ самыхъ первоначальныхъ и вліятельныхъ причинъ, нарушившихъ первобытное равенство поземельной собственности и приведшихъ къ сосредоточенію богатства въ немногихъ рукахъ. Пени, платимыя за уголовныя преступленія, по тогдашней уголовной системѣ, основанной исключительно на пеняхъ, представляетъ также важную причину приведшую къ тѣмъ же результатамъ.

(1) Относительно исторіи образованія и внутренняго строя марка, мы отсылаемъ читателей къ многочисленнымъ трудамъ Людвига Георга фонъ-Маурера; дѣлать же подстрочныя ссылки на источники, которыми мы пользовались при составленіи этого по необходимости краткаго очерка было бы совершенно невозможно. Быть можетъ многимъ покажется слишкомъ педантичнымъ, что мы, говоря о законодательствѣ XIX столѣтія, бросаемъ взглядъ на учрежденія I столѣтія, но земледѣльческія условія первоначальной тевтонской общины оставили такой глубокой отпечатокъ на всей послѣдующей исторіи тевтонскаго земледѣлія, особливо въ Германіи, что мы считали необходимымъ это небольшое вступленіе.

2) Прекращеніе политической независимости отдѣльной общины, хотя не соединенное съ прекращеніемъ политическихъ функций членовъ общины. Этотъ процессъ происходитъ двояко: во первыхъ путемъ постепенной колонизаціи *общаго марка* общинами, выходящими изъ первоначальныхъ селеній, причемъ каждая новая община получаетъ *воздѣланный маркъ*, выдѣляемый изъ *общаго*, но этотъ *общій маркъ* остается попрежнему во владѣніи „*de indiviso*“ всѣхъ общинъ; во вторыхъ путемъ соединенія большаго количества марковъ въ нѣчто похожее на союзъ, который со временемъ крѣпнетъ и превращается въ національное единство.

Въ обоихъ случаяхъ отдѣльныя общины сохраняютъ въ своихъ рукахъ управленіе своими собственными дѣлами, а общія національныя дѣла вѣдаются общими собраніями. Въ обоихъ случаяхъ однако, и это очень важно, нѣчто въ родѣ верховной власти принадлежитъ въ одномъ случаѣ основному селенію, отъ котораго произошли всѣ остальные (*Mutter-Dorf*), а въ другомъ одному изъ важнѣйшихъ марковъ, составляющихъ союзъ.

3) Раздѣленіе исполнительной и законодательной власти, учрежденіе постоянныхъ органовъ исполнительной власти и постепенная наслѣдственность самой исполнительной власти. До сихъ поръ собраніе общины составляло всю власть. Въ случаѣ войны, она избирала предводителя, короля или герцога, власть котораго была чисто военная и прекращалась по заключеніи мира. Когда собраніе составляло судъ по гражданскимъ или уголовнымъ дѣламъ, то оно одинаково избирало предсѣдателя. Однако съ давнихъ поръ въ обоихъ случаяхъ выборъ, по видимому, ограничивался извѣстными родами, которые представляли лучшую кровь племени; и такимъ образомъ мало по малу исполнительная власть оставаясь избирательной дѣлается практически наслѣдственной. Всѣмъ извѣстно, какъ это правленіе примѣняется къ исторіи англо-саксонскихъ и французскихъ королей, но необходимо замѣтить, что оно точно также примѣняется и ко всѣмъ тевтонскимъ учрежденіямъ. Подобна тому какъ король, такъ и предсѣдатель суда общины (*Schultheiss*) *de jure* лице избирательное, а *de facto* наслѣдственное. Этотъ вопросъ чрезвычайно важный, ибо благодаря наслѣдствен-

ности званія судьи, это званіе и отождествляется съ извѣстнымъ дворомъ или помѣстьемъ въ общинѣ, такъ что кто владѣеть имъ исполняетъ должность судьи, а кто исполняетъ должность судьи тотъ владѣеть этимъ дворомъ или помѣстьемъ; такимъ образомъ, тутъ кроется происхожденіе тѣхъ правъ помѣщиковъ, которые сдѣлались краеугольнымъ камнемъ всей поземельной системы въ феодальныя времена и до сихъ поръ вліяютъ на поземельныя отношенія во многихъ государствахъ Европы, въ томъ числѣ и Англїи. Здѣсь не мѣсто распространяться объ этомъ предметѣ и потому скажемъ только, что въ самыя давнія времена (мы говоримъ о временахъ предшествовавшихъ феодальной системѣ) въ каждой тевтонской общинѣ, одинъ домъ или дворъ (Hof) является дворомъ по преимуществу, главою остальныхъ. Этотъ дворъ вполнѣдствїи именуется различно „Salhof,“ „Frohnhof,“ „curtis dominicalis,“ „curtis judicialis,“ „curia publica quae dicitur Frohnhof,“ и въ отношеніи его другіе дворы въ общинѣ несутъ различныя обязанности и повинности, даже если *эти дворы составляютъ алодіальную собственность свободныхъ людей*. Благодаря новѣйшимъ ученымъ трудамъ, не подлежитъ сомнѣнію, что эти обязанности и повинности принадлежали къ разряду общественныхъ повинностей и составляли жалованье главнаго представителя исполнительной власти въ общинѣ.

Всего сказаннаго достаточно для указанія тѣхъ главныхъ причинъ, которыя привели къ учрежденію въ германскомъ обществѣ, послѣ покоренія имъ римскаго міра, феодальной системы, состоящей изъ германскихъ и римскихъ элементовъ; съ одной стороны въ основу этой системы легла германская идея о соотвѣтственности поземельнаго владѣнія и военной службы, германское стремленіе превратить общественную должность въ частное, наследственное право, наконецъ германское понятіе, что „несвободная,“ личная служба государю не унизительна, хотя влечетъ за собою ограниченіе политическихъ правъ (Dienstmannschaft, Hörigkeit, Ministerialität); съ другой стороны въ основу этой системы вошли идеи римскаго права о *бенефиціяхъ*, о различїи „possessio“ и „dominium,“ а также римскіе обычаи по отношенію земледѣльческой колонизаціи провинцій.

Введеніе феодальной системы въ Германіи естественно шло тише, чѣмъ въ римскихъ провинціяхъ, гдѣ оно вызвано было завоеваніемъ. Въ первомъ случаѣ, сырой матеріаль, подлежащій обработкѣ, состоялъ изъ свободныхъ, алодіальныхъ собственниковъ (1), которые считали себя равными королю, и личное положеніе которыхъ было юридически выше положенія самыхъ могущественныхъ сподвижниковъ короля; въ послѣднемъ случаѣ, онъ состоялъ изъ побѣжденныхъ римлянъ и провинціаловъ, которые рады были возвратить себѣ землю, на какихъ бы то не было условіяхъ. Поэтому въ Германіи скорѣе экономическая необходимость, чѣмъ политическій переворотъ служить причиною этой важной перемѣны. По мѣрѣ увеличенія народонаселенія все болѣе и болѣе распространилось количество общинъ на общемъ маркѣ и свободные люди мало по малу дошли до того, что имѣли только то что приносилъ имъ участокъ въ воздѣланномъ маркѣ. вмѣстѣ съ уменьшеніемъ ихъ средствъ увеличились расходы на вооруженіе и содержаніе себя во время долгихъ лѣтнихъ и зимнихъ походовъ. Служить въ войскахъ Карла Великаго, въ его походахъ противъ сарацынъ въ Испаніи или гуновъ на Дунаѣ было совершенно другое дѣло, чѣмъ участвовать въ набѣгахъ черезъ Рейнъ осенью послѣ жатвы. Поэтому уже во времена Дагобера мы видимъ, что

(1) Этимологія словъ *alodium* и *feodum* бросаетъ яркій свѣтъ на весь спорный вопросъ о собственности и пользованіи. Слогъ *od* означаетъ владѣніе, богатство, сокровище, и встрѣчается въ обоихъ словахъ. *Allod*, *alodium*, или въ первобытнѣй формѣ *alodis aloudes* означаетъ то что совершенно принадлежитъ мнѣ, то есть собственность въ полномъ смыслѣ этого слова. *Feodum* происходитъ отъ старо-германскаго слова, *fihu* (ново-германское—*vieh*) скотъ и *od* владѣніе, т. е. значить: владѣніе скотомъ.

Въ первобытныя времена земля, т. е. участокъ въ воздѣланномъ маркѣ и усадебный участокъ составляли полную собственность германца. Когда онъ ознакомился съ римскимъ понятіемъ о владѣніи, какъ пользованіи, противоположномъ собственности, онъ начинаетъ отличать самую землю отъ богатства, находящагося на землѣ и извлекаемаго изъ нея, т. е. отъ скота. Такимъ образомъ идея пользованія (*usufruct*), выражается идеей о владѣніи и скотомъ.

Этимологическими свѣдѣніями, которыя мы привели въ настоящей замѣткѣ, мы обязаны профессору Максу Миллеру.

пять обыкновенныхъ участковъ считались minimum того, чѣмъ долженъ былъ владѣть вполнѣ вооруженный воинъ (miles).

Поэтому частью нищетою, частью гнетомъ (доходившимъ до насилія) господь, желавшихъ увеличить свои владѣнія, свободный собственникъ мало по малу былъ доведенъ до положенія зависимаго пользователя. Отдавая себя въ зависимость господину (commendatio, tradicio), т. е. уступая ему *dominium directum* своего алодіального участка и получая обратно его *dominium utile*, свободный поселянинъ терялъ свои личные права, но получалъ за то покровительство противъ государства, т. е. противъ тѣхъ общественныхъ повинностей, которыя могли быть наложены на него какъ на члена политической общины. Согласно условіямъ, на которыхъ онъ пользовался землею, онъ обязанъ былъ отбывать военную службу (не какъ національную обязанность, а какъ личный долгъ) своему господину и за это господинъ содержалъ его во время войны; а если пользованіе землей было чисто земледѣльческое (а только этотъ видъ насъ теперь занимаетъ) онъ совершенно освобождался отъ военной службы и только исполнялъ земледѣльческія работы.

Такимъ образомъ съ теченіемъ времени мелкіе, свободные, алодіальные собственники исчезли и замѣнились зависимыми пользователями земли. Но память о ихъ первобытномъ положеніи долго жила между германскими поселянами и потребовалось не одно столѣтіе, чтобъ свободныя общины, которыя по тяжелой необходимости и собственной волей отказались отъ своей свободы въ пользу владѣльцевъ крупныхъ помѣстій, снизошли до класса рабовъ, поселенныхъ крупными землевладѣльцами въ своихъ помѣстьяхъ. Тѣ свѣденія, которыя мы имѣемъ о германскихъ поселянахъ XII и XIII столѣтій ⁽¹⁾ представляютъ ихъ намъ веселыми, храбрыми молодцами, которые умѣютъ постоять за себя противъ помѣщиковъ и также ловки на отвѣтъ дубиной, какъ и языкомъ. Во время крестьянской войны, которая послѣдовала за

(1) См. Freitag — Neue Bilder aus dem Leben des deutschen Volks—cap. «Aus dem Leben des deutschen Bauers.»

реформаціей, они сдѣлали отчаянную попытку возвратить себѣ свободу; и списокъ притѣсненій, отмѣна которыхъ объявлена была крестьянами основой для мира, доказываетъ какъ хорошо они помнили прошедшее и какъ хорошо знали, какихъ именно правъ лишили ихъ поземельные владѣтели.

Тридцатилѣтняя война нанесла окончательный ударъ крестьянскому населенію. За немногими исключеніями воздѣльватели земли сдѣлались полу-рабской кастой и были болѣе или менѣе отторгнуты отъ остальной общины; въ концѣ прошедшаго столѣтія при распространеніи гуманитарныхъ идей, они стали для филантроповъ такимъ же предметомъ изслѣдованія и заботъ, какъ негры въ недавнее время.

Прежде чѣмъ мы разстанемся съ этимъ вторымъ періодомъ, мы дозволимъ себѣ сдѣлать одно, общее замѣчаніе, которое очень важно и для послѣдующаго періода.

Мы опредѣлили первоначальную форму тевтонской общины, какъ союзъ между земледѣльческой и политической общинами. Второй періодъ отличается разрывомъ между этими двумя общинами. Этотъ разрывъ совершается, когда королевская власть вполнѣ устанавливается; для Германіи это результатъ покоренія римскихъ провинцій и основанія франкской монархіи. вмѣсто прежнихъ самоуправляемыхъ марковъ, древніе *Gaue* теперь превратились въ *Gaue Grafschaften*, т. е. въ графства, управляемые королевскими *comites* и всей подвѣдомственной имъ ерархіей должностныхъ лицъ *vice comites*, *Centgrafen* и такъ далѣе. На короткое время дѣйствительно воскресаетъ римская имперія, и зданіе, возведенное гениемъ Карла Великаго надъ тевтонскими и древне-латинскими основаніями его монархіи, не смотря на всю простоту его классическихъ начертаній, заключало въ себѣ всѣ условія, необходимыя для управленія громаднымъ централизованнымъ государствомъ. И послѣ его смерти это зданіе продолжаетъ возвышаться во всемъ своемъ величій, но отовсюду изъ земли, изъ всѣхъ трещинъ стѣнъ пробивается живучая тевтонская растительность, которая мало по малу покрываетъ все зданіе и производитъ то удивительное уродство, хотя не лишенное нѣкоторой живописности, которое извѣстно подъ названіемъ „священной римской имперіи.“

Онѣмеченіе римскихъ формъ администраціи произошло точно такимъ же образомъ, какъ измѣненіе избирательныхъ должностей старой свободной общины въ наследственные. И здѣсь является точно также вкоренившееся въ германскомъ народѣ стремленіе считать общественную должность за частную собственность и слѣдовательно подлежащую передачѣ по наследству. Такъ, когда король и герцогъ сдѣлались не избирательными, а наследственными, то окружный графъ (*Gaugraf*) изъ префекта, назначаемого императоромъ, превращается въ наследственного владѣтеля; королевская власть децентрализуется и королевскіе прерогативы дѣлаются достояніемъ земли, или лучше сказать челоуѣка, владѣющаго землею. Подобно тому, какъ крупные поземельные владѣтели присвоиваютъ себѣ права *гауграфа* и передаютъ ихъ своему потомству, какъ часть недвижимаго имущества, меньшіе владѣльцы забираютъ все права *центъ-графа* и такъ далѣе до владѣльцевъ помѣстій. Каждое изъ этихъ званій отъ высшаго до низшаго представляетъ юрисдикцію и каждая изъ этихъ юрисдикцій дѣлается тождественной съ владѣніемъ недвижимаго имущества. Такимъ образомъ въ страшномъ хаосѣ, происшедшемъ отъ феодальной системы, мы отыскали ключъ къ разъясненію многихъ трудныхъ вопросовъ. Идея владычества и права владѣтеля (*dominus, Frohnherr*) состояла изъ двухъ элементовъ общественнаго и частнаго, но эти элементы находились въ противоположномъ порядкѣ относительно перваго періода. Тогда частныя права возлагали общественныя обязанности, а теперь общественныя обязанности порождаютъ частныя права.

Подмѣтивъ общую идею системы, намъ легко замѣтить тѣ отношенія, которыя существуютъ между большой общиной всего марка и мелкой сельской общиной къ ихъ должностнымъ лицамъ. Въ продолженіе долгаго времени послѣ того, какъ община, благодаря укрѣпленію королевской власти, потеряла свою политическую независимость и значеніе международной единицы, она продолжаетъ въ общихъ собраніяхъ округа управлять своими мѣстными дѣлами; точно также общія собранія городовъ и селеній продолжаютъ, подъ руководствомъ своихъ будто бы избираемыхъ, но въ сущности наследственныхъ властей, управлять своими дѣлами и вѣдать гражданскій и уголовный судъ. Въ эту переходную эпоху,

верховная власть все еще какъ бы проистекаетъ изъ народа и потому единственная юрисдикція, которой подчиняются свободные люди—судъ равныхъ имъ людей. Предсѣдатель этого суда одинъ изъ нихъ и его власть представляетъ только ихъ власть.

Съ учрежденіемъ феодальной системы верховная власть начинаетъ притекать съ противоположной стороны; она теперь идетъ не снизу, а сверху и представляетъ не власть народа, а власть короля. Владѣлецъ помѣстія теперь исполняетъ свои обязанности не какъ „*primus inter pares*“, но онъ получаетъ владычество „*dominium*“ надъ нѣкогда равными ему людьми. Съ этого времени община управляется владѣльцемъ помѣстія, частью какъ политическая единица, частью какъ личное владѣніе. Отъ этого общественныя и частныя права, общественныя и частныя повинности смѣшиваются и приводятъ къ страшному хаосу.

Разъединеніе земледѣльской и политической общины, даже въ отношеніи мѣстныхъ дѣлъ, совершенно полное; но необходимо указать на то, что земледѣльская община въ Германіи остается нетронутой, не измѣненной. Крестьянская община (*Bauern-Gemeinde*) XIX столѣтія въ своихъ главныхъ основаніяхъ представляетъ микроскопическую копию съ народной общины (*Landes-Gemeinde*) I столѣтія, за исключеніемъ политическихъ правъ и общинной обработки земли. Это корпорація свободныхъ алодіальныхъ собственниковъ воздѣланнаго марка и совладѣльцевъ общихъ земель. Это административная единица, управляющая сама своими собственными дѣлами, какъ всякая другая корпорація, причемъ однако сохранились нѣкоторые остатки власти, которыми пользуются до сихъ поръ еще въ Пруссіи владѣльцы помѣстій.

Здѣсь расходится земледѣльская исторія Англіи и Германіи. Въ Англіи земледѣльская община, хотя ея слѣды можно найти гораздо позже, чѣмъ предполагаютъ, даже въ наши дни, перестаетъ съ давняго времени составлять элементъ самоуправленія. Не земледѣльская, но церковная община, приходъ дѣлается административной единицей и владѣтель замка находится лицомъ къ лицу не съ стройной асоціаціей и признанной корпораціей, но съ отдѣльными, изолированными людьми.

III. Мы теперь дошли до третьяго и послѣдняго періода. Этотъ

періодъ самый главный, такъ какъ мы должны имъ исключительно заняться, говоря о поземельномъ законодательствѣ Пруссіи въ нынѣшнемъ столѣтіи. Онъ ознаменованъ разрушеніемъ феодальнаго зданія и разнесеніемъ матеріаловъ, изъ которыхъ оно было построено. *Этотъ періодъ можетъ быть опредѣленъ какъ возвращеніе къ свободному, но не равномерному владѣнію землей.*

Три главныя явленія этой реформы были слѣдующія:

1) Уничтоженіе крѣпостнаго состоянія насколько оно касается личнаго положенія крестьянъ.

2) Уничтоженіе феодальнаго пользованія землей и замѣненія его алодіальнымъ владѣніемъ.

3) Уничтоженіе всѣхъ общественныхъ и частныхъ повинностей, лежавшихъ на землѣ и происходившихъ отъ феодальной системы пользованія землей и феодальной организаціи всего общества.

Три великіе акта прусскаго законодательства въ 1807, 1811 и 1850 годахъ, относятся къ этимъ тремъ моментамъ поземельной реформы.

Изъ этого ясно, что подобная же законодательная реформа ознаменовала исторію каждаго государства, въ которомъ существовала феодальная система. Въ Англійи крѣпостная зависимость (villeinage) исчезаетъ сравнительно очень рано и почти незамѣтно. Точно также незамѣтно исчезаютъ и феодальныя формы пользованія землей. Указывая на эту аналогію, мы нисколько не хотимъ умалять достоинства такъ называемаго Штейнъ-Гарденбергскаго законодательства. Эти достоинства громадны, но они относятся къ условіямъ этого законодательства, къ его объему и духу, съ которымъ оно примѣнялось на практикѣ, а не къ его существу (1).

(1) Мы потому считали своею обязанностію остановиться на этомъ предметѣ, что въ Англійи господствуетъ чрезвычайно ложное понятіе о поземельномъ законодательствѣ Пруссіи. Такъ Брайтъ въ одной изъ своихъ знаменитыхъ рѣчей сказалъ: „Еслибъ въ этой странѣ пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, подобно какъ въ Пруссіи, явился государственный челоувѣкъ, который взялъ бы треть или половину земли у ирландскихъ землевладѣльцевъ и отдалъ бы ее арендаторамъ, то я

Законодательство 1807 года.

Для вѣрной оцѣнки практическихъ перемѣнъ, введенныхъ закономъ 9 октября 1807 года, необходимо прежде познакомиться съ тѣмъ положеніемъ дѣлъ, которое имъ отмѣнялось.

Въ то время, о которомъ мы говоримъ, вся земля въ Пруссіи (не надо забывать, что Пруссія тогда состояла только изъ нѣсколькихъ провинцій, оставленныхъ прусскому королю по тильзитскому миру), раздѣлена была между тремя классами общества, которые были строго отдѣлены, не только обычаями, но и законами, — между дво-

увѣренъ, что ирландскіе землевладѣльцы, какъ бы велика ни была несправедливость, на которую они имѣли бы право жаловаться, были бы богаче и счастливѣе, чѣмъ прежде.“

Дѣло въ томъ, что государственные люди въ Пруссіи пятьдесятъ или шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ сдѣлали именно противоположное. Они взяли половину или треть земли, которой пользовались поселяне, и отдали ее въ полную собственность землевладѣльцамъ. Земля, которой пользовались крестьяне, была внѣ власти помѣщика и никакимъ образомъ не могла къ нему перейти, иначе какъ по суду. Закономъ 1811 года помѣщикъ былъ принужденъ продать крестьянамъ свои привелегіи за половину или треть земли, находившейся въ пользованіи крестьянъ. Такимъ образомъ онъ получалъ болѣе земли, чѣмъ прежде, а лишался обязательнаго труда. Крестьянинъ лишался половины или трети земли, которой онъ пользовался, но за то получалъ остальную половину или двѣ трети въ полную, неотъемлемую собственность и что еще было важнѣе, получалъ возможность свободно распоряжаться своимъ трудомъ. Землевладѣлецъ продавалъ трудъ и покупалъ землю, а крестьянинъ продавалъ землю и покупалъ трудъ. Всѣ основные элементы этой сдѣлки оставались бы тѣ же, еслибъ „*dominium directum*“ землевладѣльца не переходило къ крестьянину, ибо подобная власть, лишенная всякаго матеріальнаго значенія, была бы такой же ничего незначащей формой, какъ *dominium eminent* англійской короны. И такъ, въ Пруссіи не было произведено ничего подобнаго той несправедливости, о которой говоритъ Брайтъ; прусскій законъ 1811 г. былъ также несправедливъ, какъ 15 и 16 акты Викторіи 1851 года, по которымъ лорды, владѣтели замковъ были обязаны продать свои арендные права арендаторамъ. Единственное различіе между этими двумя сдѣлками заключается въ формѣ платежа: въ одномъ случаѣ платежъ производился деньгами, а въ другомъ землею. Расчетъ о переходѣ трети или половины земли отъ крестьянъ къ землевладѣльцамъ былъ огульный и потому, по всей вѣроятности, въ нѣкоторыхъ случаяхъ излишекъ получали землевладѣльцы, а въ другихъ крестьяне.

рянами, крестьянами и горожанами. Эти классы были строго определенными кастами; ихъ личное положеніе отражалось на землѣ владѣемой ими, и обратно земля опредѣляла положеніе того, кто ею владѣлъ. Дворянинъ не могъ заниматься ничѣмъ кромѣ занятій его касты. Онъ могъ управлять своимъ помѣстьемъ и служить королю въ военной или гражданской службѣ, но не могъ заниматься торговлею или промышленностью. Онъ могъ покупать дворянскія земли и слѣдовательно съ тѣмъ вмѣстѣ дворянскія привилегіи и права надъ крестьянской землей, но онъ не могъ купить земли горожанъ или крестьянъ (*dominium utile*).

Горожанинъ имѣлъ монополію промышленности и торговли, которыя за очень немногими исключеніями, какъ на примѣръ ремесла: кузнечное и колесное, были исключительной принадлежностью городовъ и не могли производиться въ деревняхъ. Онъ не могъ покупать дворянскія или крестьянскія земли, а также для него были недоступны военная служба и высшія гражданскія должности.

Положеніе крестьянина было различно, въ различныхъ провинціяхъ и даже въ частяхъ одной и той же провинціи. Это было зеркало, въ которомъ отражался почти каждый фазисъ средневѣковой исторіи. Одна черта была общая всѣмъ крестьянскимъ владѣніямъ — они не составляли изолированныхъ фермъ, а были соединены въ общины, находившіяся подъ юрисдикціей помѣщика.

Поземельная поверхность Пруссіи была раздѣлена на два округа: 1) собственно господскій округъ (*Gutsbezirk*), состоявшій изъ дворянскихъ земель, обрабатываемыхъ самимъ помѣщикомъ, и на которыхъ онъ непосредственно пользовался властью полицейскаго судьи; 2) крестьянская община съ ея воздѣланнымъ и общимъ марками, на которыхъ должностное лицо, обыкновенно наследственное (*Schulze* сокращенное отъ *Schultheiss*), исполняло всѣ полицейскія обязанности именемъ и подъ высшимъ контролемъ помѣщика. Община также распоряжалась сама своими собственными дѣлами, подобно всякой другой корпораціи, но подъ высшимъ наблюденіемъ помѣщика.

Общины пользовались землею на различныхъ правахъ; въ этомъ отношеніи былъ цѣлый рядъ ступеней, начиная отъ крѣпостной зависимости до свободнаго владѣнія участками, конечно подъ юрис-

дикціей помѣщика, которому платились установленныя повинности. Эти отличія между ступенями можно отнести къ той первоначальной разницѣ, которая существовала, какъ мы выше указали, въ системѣ пользованья землею въ древней Германіи. Въ первомъ случаѣ общины первоначально состояли изъ рабовъ, поселенныхъ на помѣстьяхъ крупныхъ землевладѣльцевъ и постепенно перешедшихъ въ сравнительно высшее крѣпостное состояніе, или изъ свободныхъ людей (*liti*), поселенныхъ точно также и постепенно унижившихся до крѣпостнаго состоянія. Въ послѣднемъ случаѣ, общины состояли первоначально изъ алодіальныхъ собственниковъ земли, которые уступили свои права собственности подъ извѣстными условіями помѣщикамъ или сохранили за собою все права на землю и только находились подъ юрисдикціей помѣщиковъ.

Но былъ еще особый, присущій Пруссіи классъ пользователейъ земли, который обязанъ былъ своимъ происхожденіемъ тому факту, что германская раса селилась въ этихъ мѣстахъ на землѣ, покоренной у другой расы. Это были свободные колонисты, поселившіеся главнымъ образомъ на государственныхъ земляхъ. Подрядчики (*locatores*) брали отъ правительства большіе участки земли и вывозили большею частью изъ Голландіи общины земледѣльцевъ, которые согласно старинной системѣ марковъ получали отдѣльные участки земли и право совмѣстнаго владѣнія общинной землею. Самъ подрядчикъ получалъ для себя еще большее количество земли, которое не обусловливало никакихъ повинностей и получалъ наследственное званіе деревенскаго судьи (*Schulze*). Колонисты получали землю въ полную собственность навсегда и обязывались только платить опредѣленныя и умѣренныя повинности, натуральныя или денежныя. Этого рода пользованіе можно считать арендой, причемъ арендаторы были во всѣхъ отношеніяхъ свободными владѣльцами земли и только на заднемъ планѣ виднѣлась власть помѣщика (*dominium directum*).

Положеніе крѣпостныхъ людей различалось потому, были ли они *leibeigen*, т. е. составляли собственность господина или были, „*erbunterthänig*“, т. е. состояли въ наследственной принадлежности (*adscripti glebae*).

Въ крайней формѣ крѣпостной зависимости, крестьяне подвер-

гались неограниченнымъ службамъ и повинностямъ. Ихъ можно было лишить обрабатываемаго ими участка земли и перевести на другой. Послѣ смерти крестьянина, его движимое имущество вполнѣ или большею частью переходило къ господину. Его дѣти не могли жениться безъ дозволенія господина и могли находиться неограниченное количество лѣтъ на его службѣ (Gesinde). Онѣ могъ быть подвергнутъ тѣлесному наказанію для возбужденія его производительныхъ силъ и для внушенія уваженія къ господину; но жизнь его находилась подъ покровительствомъ закона.

Эта крайняя форма крѣпостной зависимости была однако исключеніемъ и встрѣчалась большею частью въ отдаленныхъ провинціяхъ (1). Болѣе умѣренная форма отличалась отъ крайней въ уменьшенномъ количествѣ работы и повинностей; онѣ ограничивались мѣстными обычаями и крестьяне пользовались большей свободой, относительно распоряженій своей землей. Крестьянинъ зналъ, какую работу долженъ былъ онъ и его лошадь исполнить въ теченіе года; число лѣтъ, которое его дѣти должны были служить въ домѣ его господина, пошлину, которую онъ долженъ былъ заплатить при бракѣ каждаго изъ дѣтей и количество повинностей, которое послѣ его смерти имѣлъ право взыскать господинъ. Онъ также могъ купить свою свободу за опредѣленную сумму и съ дозволенія господина отчудить пользованіе своей землей.

Свободный крестьянинъ отличался отъ крѣпостнаго тѣмъ, что не имѣлъ никакихъ личныхъ обязанностей въ отношеніи помѣщика, а службу и повинности, которыя онъ несъ обыкновенно, оговаривались въ письменныхъ документахъ на отдачу ему земли, и потому онѣ имѣли скорѣе характеръ контрактныхъ условій. Онъ не могъ однако пріобрѣсть покупкой или наслѣдствомъ другую землю, кромѣ крестьянской, не могъ перемѣнить сельскую

(1) Фридрихъ Великій издалъ строгія постановленія, опредѣлявшія личное положеніе крѣпостныхъ людей и ограничивавшія права помѣщиковъ, но обычай былъ могущественнѣе закона и громадное различіе въ положеніи крѣпостныхъ людей въ отдѣльныхъ частяхъ монархіи составляетъ характеристическую черту земледѣльческаго положенія Пруссіи въ началѣ нынѣшняго столѣтія.

жизнь на городскую и не имѣлъ права заниматься торговлею, или какимъ бы то ни было ремесломъ, исключая земледѣліе.

Такимъ образомъ земля, воздѣлываемая крестьяниномъ, дѣлилась на два главные отдѣла:

- 1) Земля, которой онъ владѣлъ по праву собственности.
- 2) Земля, которой онъ владѣлъ на правѣ пользованія.

Въ обоихъ случаяхъ онъ былъ обязанъ нести службу и платить помѣщику извѣстныя повинности натуральныя или денежныя; но въ первомъ случаѣ, эти обязанности и повинности имѣли значеніе общественнаго долга, а въ послѣднемъ частнаго.

Что касается до земли, которая состояла только въ пользованіи крестьянина, то она раздѣлялась на двѣ категоріи:

1) Земля, на которую крестьянинъ имѣлъ наследственныя права пользованья, и которую онъ могъ передать своимъ потомкамъ согласно общему закону о наследствѣ.

2) Земля, пользуясь которой крестьянинъ былъ только арендаторомъ пожизненнымъ, срочнымъ или безсрочнымъ.

Однако, ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ, помѣщикъ не имѣлъ права вступить во владѣніе крестьянской землей, былъ лишенъ этого права, если оно когда нибудь существовало различными указами королей изъ дома гогенцолерновъ. Фридрихъ Великій подвергнулъ пени во сто дукатовъ всякого помѣщика, который присоединилъ бы къ своей землѣ ту землю, которая находилась въ пользованіи у его крестьянъ.

Помѣстья (Höfe) состояли во владѣніи казны, свѣтскихъ и духовныхъ корпорацій или дворянъ, но кто бы ими не владѣлъ, ихъ значеніе въ политическомъ и общественномъ отношеніяхъ оставалось тоже самое. Подъ названіемъ помѣстья разумѣлось: помѣщичій домъ съ фермами, помѣщичьи земли, обрабатываемыя крестьянскимъ трудомъ, различныя права надъ личностью крестьянъ и занимаемой ими землею, вытекающія изъ этого обязанности содержать престарѣлыхъ и нищихъ крестьянъ, доставлять лѣсъ для постройки и поправки крестьянскихъ жилищъ, снабжать въ нѣкоторыхъ случаяхъ крестьянъ скотомъ, учреждать и поддерживать школы, поправлять церкви, наконецъ полицейская, и вотчинная юрисдикція, въ силу которой помѣщикъ составлялъ пер-

вую инстанцію суда гражданскаго и уголовнаго (Patrimonial Gerichtsbarkeit). Но подъ этимъ названіемъ не разумѣлось право помѣщика вступать въ дѣйствительное владѣніе землями, занимаемыми крестьянами.

Судебная вотчинная власть примѣнялась не самимъ владѣтелемъ помѣстья, но его управителемъ, который поэтому долженъ былъ быть опытнымъ законникомъ. Въ помѣстьяхъ, принадлежащихъ казнѣ или корпораціямъ, вотчинныя и судебныя обязанности исполнялись вотчиннымъ судьей.

Въ каждомъ помѣстьи были свои обычаи, которые составляли микроскопическій мѣстный законъ. Положеніе крестьянъ, какъ въ экономическомъ, такъ и въ общественномъ отношеніяхъ было не измѣримо лучше въ помѣстьяхъ, принадлежавшихъ казнѣ.

Нельзя имѣть полнаго понятія о всей сложности и запутанности отношеній между крестьянами и помѣщиками, если мы не укажемъ, что кромѣ вышеозначенныхъ правъ были еще безчисленныя, такъ сказать черезполосныя права, сервитуты, льготы, монополии и т. д. (такъ напримѣръ помѣщики имѣли право на общинныя земли крестьянъ, а крестьяне на лѣса помѣщиковъ) между помѣщиками и крестьянами, между самими крестьянами одной общины, между крестьянами различныхъ общинъ и такъ далѣе до безконечности.

Наконецъ всѣ государственныя повинности, лежавшія на землѣ, относились исключительно къ одной крестьянской землѣ.

Какъ бы не казалась хаотична представленная картина, не слѣдуетъ однако предпологать, чтобъ въ монархіи Фридриха Великаго царилъ хаосъ. Напротивъ, ничто не могло быть правильнѣе, какъ дѣйствіе всѣхъ сложныхъ колесъ этой удивительной машины, ничто не могло быть замѣчательнѣе той живописной красоты, съ которой составлялся инвентарь производительныхъ силъ страны и балансъ земледѣльческаго богатства. Гогенцолерны принесли съ собою изъ Нюремберга дѣловую акуратность, которая немало способствовала возвеличенію прусской монархіи, и Фридрихъ Великій въ этомъ отношеніи, какъ и во всѣхъ остальныхъ былъ достойнымъ представителемъ своей расы. Онъ былъ твердый сторонникъ феодальной системы, такъ какъ онъ ее понималъ, не потому, что-

бы умъ его былъ склоненъ къ чему либо средневѣковому, но потому что эта система снабжала его политической машиной, которая въ его рукахъ могла дать великіе результаты. Политическая власть прусскаго дворянства давно уже исчезла и оно было послушнымъ орудіемъ правительства. Достаточно многочисленное для снабженія арміи офицерами и слѣдовательно избывающее дѣйствительную рыцарскую службу въ замѣнъ рыцарской награды, дворянство было настолько немногочисленно, что такой неутомимой администраторъ, какъ Фридрихъ II, могъ вполне ознакомиться съ способностями и средствами каждаго изъ дворянъ; они представляли каждый отвѣтственный, административный центръ, который обязанъ былъ отвѣчать передъ королемъ, не только за всѣ общественные налоги и повинности, но и за воздѣлываніе земли.

Фридрихъ Великій положительно зналъ что можетъ произвести въ его королевствѣ каждый акръ земли, каждый работникъ, каждая пара воловъ, и онъ заботился не только, чтобъ было произведено это количество работы, но чтобъ эти производительныя силы поддерживались въ томъ положеніи, въ которомъ онѣ могутъ производить означенныя работы. Онъ зналъ также всю экономическую важность справедливости въ отношеніяхъ между людьми и потому, не смотря на всѣ ужасныя тяжести, которыя несли крестьяне въ его царствованіе и на строгую поддержку помѣщичьяго права, крестьяне чувствовали, что великій король былъ ихъ другъ; ихъ матеріальное благосостояніе безспорно возвысилось въ его царствованіе. Но это самое улучшеніе крестьянскаго быта только ускорило осуществленіе тѣхъ перемѣнъ, которыя стали неизбѣжны. При слабомъ преемникѣ Фридриха сдѣлалось очевиднымъ, что феодальная система давно умерла и только была вызвана къ искусственной жизни гениемъ одного человѣка, послѣ смерти котораго процессъ разложенія пошелъ еще быстрѣе отъ временной задержки.

Битва при Іенѣ и тильзитскій миръ послужили похороннымъ звономъ этого учрежденія. Указъ 9 октября 1807 года былъ его смертнымъ приговоромъ.

Взглянемъ собственными глазами на этотъ великій поворотный столбъ въ исторіи великаго народа.

„Мы, Фридрихъ Вильгельмъ, Божіей милостью и пр. и пр. Да будетъ извѣстно всѣмъ людямъ, что:

„Такъ какъ, въ виду всеобщаго характера распространяющейся вездѣ нищеты, нашихъ средствъ не достаточно было бы для подавнїя помощи каждому человѣку отдѣльно и даже, еслибъ это было возможно, то этимъ не были бы исполнены наши сердечныя стремленія (это говоритъ средневѣковый отецъ народа).

„И такъ какъ устраненіе всѣхъ преградъ къ достиженію каждымъ человѣкомъ той степени матеріальнаго благосостоянія, которой онъ можетъ достигнуть, благодаря своимъ способностямъ, соотвѣтствуетъ одинаково вѣчнымъ принципамъ справедливости и началамъ здраваго народнаго хозяйства (это говоритъ Адамъ Смитъ).

„И такъ какъ существующія ограниченія частью во владѣніи и пользованіи поземельной собственностью, частью относительно личнаго состоянія земледѣльческаго населенія, мѣшаютъ въ значительной мѣрѣ осуществленію нашихъ благодѣтельныхъ намѣреній и имѣютъ вредное вліяніе, уменьшая цѣну поземельной собственности, подтачивая кредитъ землевладѣльца и понижая цѣнность труда, — мы нашли полезнымъ устранить вышеозначенныя ограниченія для общей пользы, а посему постановили и повелѣли:

Свободный переходъ недвижимаго имущества.

1) „Каждый обитатель нашихъ владѣній впредь свободенъ, на сколько это касается государства, пріобрѣтать и владѣть поземельною собственностью всякаго рода и вида. Поэтому дворянинъ не только можетъ пріобрѣтать крестьянскую и мѣщанскую земли, а мѣщанинъ и крестьянинъ могутъ пріобрѣтать не только крестьянскую и мѣщанскую земли, но и дворянскую ⁽¹⁾. Каждый переходъ недвижимаго имущества однако долженъ быть по прежнему заявляемъ властямъ.

(¹) Ст. 6 и 7, ограничиваютъ это право, которое вполнѣ было установлено только закономъ 14 сентября 1811 года.

Свободный выборъ занятій.

2) Каждый дворянинъ, не унижая своего званія, впредь свободенъ предаваться торговлѣ и другимъ занятіямъ мѣщанина; мѣщанинъ можетъ сдѣлаться крестьяниномъ, а крестьянинъ мѣщаниномъ.

Оставленіе дворянству права покупки передъ другими сословіями (Ankaufsrecht).

3) (Этотъ параграфъ чисто техническій и не измѣняетъ принципа всего закона).

Раздѣленіе поземельной собственности.

4) Всѣ владѣльцы недвижимаго имущества, подлежащаго по природѣ своей продажѣ, могутъ, увѣдомивъ провинціальныя власти, продать оное какъ частями, такъ и цѣликомъ. Совладѣтели могутъ также раздѣлить между собою имущество, владѣемое сообща.

Свобода аренды.

5) Каждый собственникъ, составляетъ или нѣтъ его собственность часть леннаго или какого другаго наслѣдственнаго владѣнія, свободенъ отдавать землю въ аренду, на какіе угодно сроки, если только деньги, получаемыя за аренду идутъ на уплату залога, а въ случаѣ наслѣдственности помѣстья капитализируются на пользу этого помѣстья.

Уничтоженіе и соединеніе крестьянскихъ участковъ.

6) Если землевладѣлецъ полагаетъ, что онъ не въ состояніи возвратитъ въ прежнее состояніе или поддерживать нѣсколько крестьянскихъ участковъ въ его помѣстьи, то онъ можетъ, если

эти участки не имѣютъ характера наслѣдственнаго пользованія, соединить ихъ съ дозволенія правительства въ одинъ большой крестьянскій участокъ или ввести ихъ въ составъ своего собственнаго помѣстья.

Спеціальная инструкция относительно тѣхъ случаевъ, когда дозволяется подобный процессъ, будетъ разосланъ провинціальнымъ властямъ.

7) Если съ другой стороны, пользованіе участками наслѣдственное, то никакая перемѣна не можетъ быть произведена безъ предварительнаго приобрѣтенія покупкой, или другимъ законнымъ путемъ всѣхъ правъ ихъ настоящихъ владѣльцевъ. Въ подобныхъ случаяхъ также необходимы формальности, означенныя въ ст. 6, т. е. предварительное разрѣшеніе правительства.

Легкость заклада наслѣдственныхъ имѣній для покрытія потерь, причиненныхъ войной.

8) (Мѣра, постановленная въ этой статьѣ, имѣетъ только временный характеръ).

Уничтоженіе наслѣдственныхъ помѣстій.

9) Каждое наслѣдственное помѣстье, каковы бы не были условія этой наслѣдственности, можетъ быть съ согласія всего семейства, освобождено отъ этого наслѣдственнаго ограниченія.

Уничтоженіе крѣпостной зависимости.

10) Со дня обнародованія настоящаго указа не могутъ быть созданы никакія новыя крѣпостныя отношенія по рожденію, по браку, или по приобрѣтенію крестьянскаго участка.

11) Съ этого же времени всѣ крестьяне, занимающіе землю по праву наслѣдственнаго пользованія, перестаютъ быть крѣпостными они сами, ихъ жены и дѣти.

12) Со дня святаго Мартына, т. е. съ 11 ноября 1810 года, всѣ остающіяся формы крѣпостной зависимости прекратятся во всѣхъ нашихъ владѣніяхъ и съ того времени во всѣхъ нашихъ владѣніяхъ не будетъ никого, кромѣ свободныхъ людей, подобно тому, какъ ужъ это теперь существуетъ въ нашихъ коронныхъ земляхъ (1). Однако, эти свободные люди должны исполнять тѣ обязанности, которыя проистекають отъ владѣнія землей и отъ контрактовъ, заключенныхъ ими въ качествѣ свободныхъ людей.

Данъ въ Мемелѣ 9 октября 1807 года.

Фридрихъ Вильгельмъ.

Шреттеръ.

Штейнъ.

Шреттеръ II.“

Вотъ за нѣкоторыми сокращеніями и неважными пропусками подлинный текстъ закона, благодаря которому Пруссія разумно и добровольно вышла изъ средневѣковаго прошедшаго и вступила въ настоящее.

Одна изъ любопытныхъ сторонъ этой важной мѣры заключается въ томъ, что она пропитана духомъ ученія Адама Смита и кантовской философіей. Три лица всего болѣе занимавшіяся подготовленіемъ этой мѣры — Шёнъ, Шрёттеръ и Ауерсвальдъ были студентами кенигсбергскаго университета и учениками Крауса, великаго истолкователя Адама Смита въ томъ университетѣ и члена той блестящей плеяды профессоровъ, которые, вдохновленные Кантомъ, обращали вниманіе всѣхъ на тотъ фактъ, что человѣкъ раціональное существо, и что совѣты разума полезны даже и въ государственныхъ дѣлахъ. Это именно вліяніе, мы полагаемъ, наложило такую ясную печать на Штейнъ-Гарденбергское законодательство.

Въ минуту всеобщаго хаоса, когда старинные маяки были опрокинуты поднявшимися со дна бурными валами, когда Европа была раздираема народными страстями, вызванными французской револю-

(1) Странно сказать, это заявленіе было несправедливо; крѣпостная зависимость въ то время еще не прекратилась въ казенныхъ помѣстіяхъ.

ціей, когда для одной партіи, реформатору необходимо было быть *sans culottes*, а для другой поддерживать власть значило поспирать всё права человѣка—явилась группа государственныхъ людей, достаточно спокойныхъ, хладнокровныхъ, чтобъ взять себѣ въ руководители одинъ разумъ и достаточно смѣлыхъ, чтобы въ виду ярой оппозиціи привилегированныхъ классовъ составить законодательство а priori, на общихъ пезыблемыхъ принципахъ.

Интересъ, возбуждаемый закономъ 1807 г., еще болѣе увеличивается, когда мы познакомимся съ дѣйствіями комиссіи, которая его выработала. Въ этой комиссіи двѣ партіи горячо возставали другъ противъ друга: партія чистыхъ экономистовъ, которые стремились къ утверженію полной свободы мѣны, какъ въ отношеніи земли такъ и труда, и которые питали почти слѣпую вѣру въ результаты, долженствовавшіе произойти отъ примѣненія капитала къ землѣ, какъ слѣдствіе абсолютной свободы; и партія людей, которые столь же искренно желая реформы, боялись могущихъ произойти отъ нея послѣдствій, были пропитаны прусскими преданіями о верховной власти государства надъ всеѣмъ отношеніями ея членовъ и считали необходимымъ сохранить неизмѣнными социальныя основы прусской монархіи.

Ученики Адама Смита вообще одержали побѣду, какъ это доказываетъ каждое слово указа 1807 г., который дышетъ духомъ свободной мѣны и освобожденія производительныхъ силъ страны. Въ одномъ только вопросѣ, именно въ ст. 6 и 7 противоположенное мнѣніе одержало верхъ и то, благодаря прямому вмѣшательству Штейна.

Вопросъ, къ которому относятся эти статьи, чрезвычайно важенъ, такъ какъ онъ составлялъ главный элементъ споровъ въ комиссіи и касается принципа, до сихъ поръ подающаго поводъ къ разногласію. Въ отвлеченной формѣ, вопросъ этотъ представляется такимъ образомъ: должно ли государство побуждать общину, имъ представляемую къ производству возможно большаго богатства безъ всякаго вниманія къ орудіямъ, которыми оно производится, другими словами, безъ всякаго вниманія къ распредѣленію богатства, или государство должно обращать вниманіе одинаково на распредѣленіе богатства и на его производство? Въ отдѣльномъ случаѣ, о

которомъ мы говоримъ, вопросъ этотъ принялъ такую форму: должно ли государство поощрять созданіе большихъ фермъ, обрабатываемыхъ при помощи соотвѣтствующаго капитала, или должно оно напротивъ стараться сохранить существовавшихъ воздѣльвателей земли — крестьянъ и только возвысить ихъ личное положеніе и матеріальное благосостояніе?

Экономисты были пропитаны идеями Артура Юнга и англійская фермерская система была ихъ идеаломъ. Зачѣмъ, спрашивалъ Шёнъ, расходывать напрасно производительную силу четырехъ собственниковъ и шестнадцати лошадей на ту работу, которую могутъ сдѣлать гораздо лучше одинъ собственникъ и шесть лошадей? Потому, вѣроятно отвѣчали защитники противоположнаго мнѣнія, хотя ихъ подлинный отвѣтъ не сохранился, — что въ странѣ, подобной Пруссіи, существованіе которой основано на ея военной силѣ, богатство не могло принять лучшей формы для національныхъ цѣлей, какъ форму трехъ добавочныхъ собственниковъ и десяти добавочныхъ лошадей.

Минута была чрезвычайно удобная для замѣненія одной системы другой. Вся страна страдала отъ разоренія, причененнаго французскимъ нашествіемъ. Цѣлыя селенія лежали въ развалинахъ и цѣлые округа лишены населенія. Землевладѣльцы были обязаны возстановить фермы для своихъ крестьянъ въ прежнемъ ихъ видѣ. Эта была лучшая минута для дарованія имъ права присоединять къ своимъ землямъ крестьянскую, или во всякомъ случаѣ соединять мелкіе крестьянскіе участки въ большіе.

Ст. 6. закона 1807 года признаетъ этотъ принципъ, отмѣняя строгіе законы противъ уничтоженія крестьянскихъ участковъ; но она ограничиваетъ его примѣненіе исключительными случаями, причемъ правительство, а не землевладѣлецъ судья въ каждомъ отдѣльномъ дѣлѣ.

Въ инструкціи провинціальнымъ властямъ было постановлено, что дозволеніе уничтожать крестьянскіе участки могло быть выдаваемо только относительно такъ называемой новой земли, т. е. земли, которой въ послѣднія пятьдесятъ лѣтъ пользовались крестьяне; и въ такомъ случаѣ дозволеніе могло быть выдано только подъ условіемъ, что половина земли, переходящей къ помѣщику,

будетъ раздѣлена на сравнительно большіе крестьянскіе участки и отдана крестьянамъ въ пользованье по найму или въ аренду (1).

Законодательство 1811 года.

Законъ 1807 года, какъ велико и полезно не было его значеніе, имѣлъ совершенно отрицательный характеръ, онъ уничтожилъ безправіе, расковалъ цѣпь, которой крестьянинъ былъ прикованъ къ землѣ, дозволилъ свободно пользоваться тѣми правами, которыя существовали и разрушилъ тѣ перегородки, которыя отдѣляли другъ отъ друга различные классы общества. Но онъ не создалъ новыхъ формъ собственности; онъ провозгласилъ свободу

(1) Мы обратили вниманіе читателя на этотъ споръ между государственными людьми и экономистами, потому что въ немъ замѣшано великое имя Штейна и онъ подалъ поводъ многимъ ложнымъ мнѣніямъ. Вообще полагаютъ, что важный классъ крестьянъ собственниковъ былъ поддержанъ, благодаря прямому вмѣшательству прусскаго правительства, дѣйствовавшаго чрезъ инструкцію, упомянутую въ текстѣ закона. Но это совершенно несправедливо. Ограниченія, постановленныя указомъ 1807 года, оставались въ силѣ очень недолгое время, такъ какъ они были отмѣнены указомъ 1811 года. Вопросъ этотъ чрезвычайно важенъ, ибо одинъ изъ самыхъ значительныхъ прецедентовъ въ пользу крестьянъ собственниковъ потерялъ бы всю свою силу, еслибъ можно было доказать, что прусскіе крестьяне собственники искусственно поддержаны, благодаря правительственному вмѣшательству. Въ Англіи обыкновенно противъ мелкой собственности приводятъ тотъ доводъ, что оно не можетъ поддерживаться само собою рядомъ съ крупной собственностью и что гдѣ переходъ земли совершенно свободенъ, то крупная собственность непременно поглощаетъ мелкую; слѣдовательно говорятъ, если мелкіе собственники дѣло желательное, то необходимы для ихъ поддержанія или законъ обязательнаго раздѣленія собственности, какъ во Франціи, или особое вмѣшательство правительства, какъ въ Пруссіи. Примѣръ Пруссіи напротивъ того, доказываетъ совершенно противоположное; тамъ крестьяне собственники, имѣя полное право отчуждать свою землю и, находясь рядомъ съ крупными большею частью наследственными помѣстьями, сохранили вполнѣ свое положеніе. Въ 1824 и въ 1834 годахъ были сдѣланы попытки ограничить свободу отчужденія и раздѣленія крестьянской собственности, какъ постановлено въ законѣ 1811 года, но результатъ старательныхъ изслѣдованій, сдѣланныхъ по этому предмету правительствомъ, торжественно доказали, что не произошло тѣхъ дурныхъ послѣдствій отъ свободнаго перехода земли, которыя предсказывали враги этой системы.

перехода земли, но не установилъ необходимыхъ на это правъ и документовъ. Крестьянскую землю могли теперь покупать все граждане государства, но владѣніе ею ограничивалось все же старинной формой пользованья, все же существовали два рода владѣнія: *dominium directum* и *dominium utile*. Крупный землевладѣлецъ все же владѣлъ крестьянской землею, но не имѣлъ права ею пользоваться. Крестьянинъ былъ свободенъ, но не былъ полнымъ господиномъ своего труда.

Законодательство 1811 года старалось исправить это положеніе вещей и примѣняя ко всей странѣ тѣ принципы, которые въ продолженіи трехъ лѣтъ дали успѣшные результаты на государственныхъ земляхъ, поставило себѣ задачей замѣнить феодальное пользованіе землею алодіальной собственностью. Характеръ этихъ законовъ былъ въ высшей степени положительный.

Законодательство 1811 года состоитъ изъ двухъ указовъ, изданныхъ въ одинъ день 14 сентября. Первый называется „*указъ объ установленіи правильныхъ отношеній между владѣльцами помѣстій и ихъ крестьянами*“; а второй: „*указъ о лучшемъ воздѣльваніи земли*.“

Первый законъ создаетъ новыя права и необходимые къ тому документы для крестьянъ, владѣвшихъ землей, а также уничтожаетъ существовавшія при старыхъ правахъ обязанности крестьянъ въ отношеніи помѣщиковъ. Второй законъ обозрѣваетъ все обширное поле аграрной реформы и устанавливаетъ общія мѣры для улучшенія воздѣльванья земли.

„Указъ объ установленіи правильныхъ отношеній между владѣльцами помѣстій и ихъ крестьянами“ дѣлится на двѣ части; въ первой говорится о крестьянскихъ участкахъ, находившихся въ наслѣдственномъ пользованіи, а во второй объ участкахъ, находившихся не въ наслѣдственномъ пользованіи.

I. Крестьяне пользовавшіеся участками земли, на правѣ наслѣдственнаго пользованія (т. е. эти участки переходили по наслѣдству, согласно общимъ законамъ, или владѣльцы помѣстій обязаны были избирать новаго пользователя изъ числа наслѣдниковъ прежняго пользователя), какъ бы не былъ великъ участокъ, становились собственниками занимаемой ими земли по уплатѣ владѣльцу

помѣстья установленнаго указомъ выкупа. Съ другой стороны прекращаются всѣ права крестьянъ требовать отъ владѣтеля помѣстья передѣлки жилищъ и т. д. Для полюбовнаго соглашенія между землевладѣльцами и крестьянами данъ былъ двухъ годичный срокъ, по истеченію котораго въ случаѣ неокончанія дѣла, выкупъ совершался при содѣйствіи правительства.

Права взаимно уничтожавшіяся, какъ помѣщика, такъ и крестьянъ были слѣдующія:

Права помѣщика.

- а) Право собственности (*dominium directum*).
- б) Право на службу.
- в) Право на повинности денежную и натуральную.
- г) Право на инвентарь.
- д) Право на сервитуты.

Права крестьянина.

- а) Право на пособіе въ случаѣ несчастія.
- б) Право собирать топливо и пр. въ лѣсахъ помѣщика.
- в) Право требовать отъ помѣщика поправки жилища.
- г) Право требовать чтобы помѣщикъ уплатилъ общественныя повинности въ случаѣ неимѣнія средствъ у крестьянина.
- д) Право пасти скотъ на земляхъ и въ лѣсахъ помѣщика ⁽¹⁾.

Изъ этихъ различныхъ правъ, только нѣкоторыя подлежали точной оцѣнкѣ, именно денежныя и натуральныя повинности, инвентарь и сервитуты. Остальныя же могли быть только оцѣнены приблизительно.

(1) Замѣчательно, что права пользованія крестьянина (*dominium utile*) не помѣщено въ списокъ правъ, какъ право противоположное праву собственности землевладѣльца (*dominium directum*). Дѣло въ томъ, что право пользованія подразумѣвается само собою и по видимому никогда не приходитъ въ голову законодателю. Право собственности землевладѣльца совершенно иное дѣло, оно представляетъ агрегатъ различныхъ правъ. Всѣ эти права онъ продаетъ крестьянину, который покупаетъ ихъ на единственную принадлежащую ему вещь—землю.

Поэтому для установленія твердыхъ началъ вознагражденія помѣщиковъ были постановлены правила, почерпнутыя изъ общихъ принциповъ, лежащихъ на основѣ государственныхъ законовъ.

Эти принципы слѣдующіе:

1) При наслѣдственномъ пользованіи землей крестьянами ни службы, ни повинности не могутъ быть ни въ какомъ случаѣ увеличены.

2) Напротивъ того, они должны быть уменьшены, если крестьяне не могутъ существовать при такихъ службахъ и повинностяхъ.

3) Пользованіе землею должно быть поддерживаемо въ такомъ положеніи, чтобъ крестьяне были въ состояніи платить государственныйя подати.

Изъ этихъ трехъ основныхъ принциповъ законодательства вытекаетъ, что право государства на обыкновенныя и чрезвычайныя подати беретъ верхъ надъ всѣми другими правами и всѣ обязанности крестьянъ передъ помѣщиками ограничиваются обязанностью послѣднихъ оставить крестьянамъ достаточныя средства для прокормленія себя и уплаты податей. Эти условія исполнены, когда общая сумма всѣхъ повинностей и оброковъ, платимыхъ помѣщикамъ, не превышаетъ одной трети общаго дохода, получаемого наслѣдственными пользователями земли. Поэтому было постановлено за нѣкоторыми исключеніями общее правило: что помѣщики будутъ вполнѣ вознаграждены за свое право собственности и право на службы и повинности, когда крестьяне пользующіеся землею отдадутъ треть ея и откажутся отъ всякаго права требовать отъ помѣщиковъ вспоможеніе, поправки своихъ жилищъ, инвентарь фермъ и платежъ за нихъ государственныхъ повинностей въ случаѣ ихъ несостоятельности.

Далѣе, указъ приводитъ правила для примѣненія этого основнаго принципа. Эти правила подразумѣваютъ существованіе земледѣльческой общины, о которой мы говорили въ началѣ нашего очерка, т. е. раздѣленіе воздѣланнаго марка на равномѣрные участки и на три общинныхъ поля. Поэтому, помѣщикъ получаетъ одно изъ этихъ трехъ полей, или треть каждаго поля и треть общей земли. Мы не имѣемъ возможности входить во всѣ подроб-

ности указа о различныхъ отдѣльныхъ случаяхъ, но замѣтимъ только, что помѣщики и крестьяне имѣли право вступать въ какія угодно сдѣлки, если только не нарушенъ размѣръ третнаго вознагражденія, т. е. вознагражденіе могло быть произведено денежнымъ капиталомъ или рентой денежной, или натуральной. Однако, общее правило состояло въ томъ (отступленія дозволялись только по уважительнымъ причинамъ), что вознагражденіе платилось землею тамъ, гдѣ крестьянскій участокъ былъ болѣе пятидесяти моргеновъ, и натуральной рентой, гдѣ участокъ былъ менѣе.

Изъ практическихъ соображеній, полезныхъ для обѣихъ сторонъ, совершенное уничтоженіе обоюдныхъ правъ крестьянъ и помѣщиковъ не введено сразу, а дозволены нѣкоторыя исключенія: такъ помѣщикъ сохранялъ право пасти свой скотъ на двухъ третяхъ пажитей и пара въ воздѣланномъ маркѣ, а крестьянинъ продолжаетъ пользоваться правомъ собирать для собственнаго употребленія валенки въ помѣщичьемъ лѣсу; за это послѣднее право и за свой домъ съ угодьями, крестьянинъ продолжалъ исполнять работы на помѣщика въ различныя времена (при жатвѣ, косбѣ и т. д.), когда лишнія руки необходимы помѣщику. Эта барщина однако ограничена десятью днями конной работы и десятью днями ручной для коннаго работника, а десятью днями мужской работы и десятью днями женской для пѣшаго работника.

Нѣсколько статей указа посвящены правиламъ, по которымъ обязанности и повинности, лежащія на крестьянскихъ участкахъ, должны быть такъ распредѣлены, чтобъ ничто не мѣшало ихъ раздѣленію и продажѣ или мѣнѣ по частямъ. Между этими правилами есть одно, запрещающее крестьянамъ закладывать свою землю дороже, чѣмъ въ четверть ея стоимости. Если натуральная рента не уплачивается аккуратно крестьяниномъ, то помѣщикъ имѣетъ право требовать въ замѣнъ ея барщину.

II. Во второй части говорится объ участкахъ, которыми крестьяне пользовались пожизненно на опредѣленное или на неопредѣленное время. Въ этихъ случаяхъ помѣщикъ получаетъ въ вознагражденіе половину земли, подъ тѣми же условіями, какъ и при выкупѣ наследственныхъ участковъ. Когда жъ условія различествуютъ, то они клонятся въ пользу помѣщика.

Закономъ, который мы только что разсмотрѣли, введены были совершенно новыя условія владѣнія и пользованія землей и потому было необходимо сдѣлать соотвѣтствующія перемѣны въ другихъ отрасляхъ земледѣльческой системы.

„Указъ о лучшемъ воздѣлываньи земли,“ изданный въ тотъ же день, имѣлъ въ виду эти перемѣны. Главная идея его, точно такъ какъ всего Штейнъ-Гарденбернскаго законодательства, заключалась не только въ освобожденіи пользователя земли, но и самой земли, а также въ устраненіи всѣхъ преградъ къ переходу земли изъ рукъ менѣе способныхъ къ ея воздѣлыванію въ руки болѣе способныя. Согласно этимъ принципамъ, указъ вопервыхъ уничтожаетъ всѣ ограниченія еще существовавшія тогда относительно перехода земли на сколько не страдали отъ этого частныя права (права проистекающія отъ наслѣдствъ, сервитутовъ и т. д.). На этомъ основаніи были отмѣнены ограниченія, заключавшіяся въ ст. 6 и 7 закона 1807 года; такимъ образомъ прекратилось различіе между дворянской и крестьянской землями и помѣщики получили право пріобрѣтать крестьянскую землю, безъ предыдущаго разрѣшенія правительства. Съ другой стороны совершенная свобода раздѣленія крестьянскихъ участковъ (былъ постановленъ принципъ, что земледѣльцу и воздѣлываемой землѣ было гораздо лучше, чтобы онъ обрабатывалъ небольшой, свободный участокъ, чѣмъ большой заложенный и перезаложенный) примиряла съ новымъ закономъ, сторонниковъ мелкаго хозяйства.

Далѣе указъ постановляетъ, какъ дополнительную мѣру къ предыдущему указу, что въ случаѣ наслѣдственныхъ арендъ (*Erbrechte*) барщина и повинности могутъ быть замѣнены рентами, а эти ренты въ свою очередь уплатой капитала, который рассчитывается по 4⁰/₀.

Наконецъ указъ говоритъ объ общинныхъ правахъ крестьянъ и помѣщиковъ, и тутъ онъ вполнѣ сознаетъ невозможность примѣнить принципъ свободного собственника на свободной землѣ. Большая масса крестьянскихъ участковъ разсѣяна мелкими, открытыми, черезполосными полями, на поверхности воздѣланнаго марка, и общинныя права, пастбища на жнивѣ, по необходимости заставляютъ земледѣльца придерживаться къ той

земледѣльческой системѣ, которая соотвѣтствуетъ подобнымъ правамъ. Распутать эту сложную паутину должно быть дѣломъ времени и особаго законодательства, поэтому указъ довольствуется заявленіемъ о выходѣ впослѣдствіи новаго закона и устанавливаетъ только, что третья часть подобныхъ общинныхъ полей можетъ быть освобождена отъ общиннаго права пастбища и поступаетъ въ полное, неотъемлемое распоряженіе собственника. Съ правомъ пастбища въ лѣсахъ помѣщика покончить было гораздо проще; выгодныя условія, на которыхъ крестьяне пріобрѣтали землю въ полную собственность, дѣлали возможнымъ ввести строгія правила относительно лѣсовъ въ интересахъ помѣщика и сохраненія самыхъ лѣсовъ.

Чтобъ оградить всякую возможность возвращенія къ системѣ двойнаго владѣнія указъ постановляетъ, что хотя помѣщикъ имѣетъ право поселять работниковъ въ своемъ помѣстьѣ и платить за ихъ трудъ землю, но подобные контракты не могутъ быть заключаемы болѣе, какъ на двѣнадцать лѣтъ.

Оканчивается указъ выраженіемъ желанія и воли его величества о томъ, чтобы во всѣхъ частяхъ страны были образованы земледѣльческія общества для собиранія свѣдѣній и распространенія знаній. Расходы по содержанію этихъ обществъ и жалованье ихъ секретарямъ принимались на счетъ казны, а самыя общества подчинялись центральному учрежденію этого рода, основанному въ столицѣ и имѣющему также цѣлью заводить образцовыя фермы въ различныхъ частяхъ страны для распространенія земледѣльческихъ знаній.

Оба указа 14 сентября 1811 года могутъ считаться зенитомъ штейнъ-гарденбергскаго законодательства. Правда, два важные закона, относящіеся до этого предмета, были изданы въ 1821 году; одинъ изъ нихъ относится до общинныхъ правъ, а другой до превращенія сервитутовъ въ ренты. Мы не имѣемъ здѣсь мѣста распространяться о первомъ законѣ, хотя вопросъ объ общинныхъ правахъ чрезвычайно важенъ для правильной оцѣнки земледѣльческой системы Пруссіи. Послѣдній законъ былъ замѣнимъ гораздо болѣе полнымъ и дѣйствительнымъ закономъ 1850 года, а потому на немъ нечего останавливаться.

Важно только, не забывать, что эти законы были необходимымъ добавленіемъ предыдущаго законодательства, и что если не было желательно уничтоженіе того законодательства, то они должны были явиться на свѣтъ. Они были созданы силой инерціи Штейнъ-Гарденбургскаго законодательства, но побудительная сила давшая толчекъ этому законодательству уже давно исчезла и другія силы заняли ея мѣсто.

„Нѣкій“ Штейнъ ⁽¹⁾ уже до изданія указовъ 1811 г. былъ удаленъ изъ прусской службы по повелѣнію Наполеона. Онъ принадлежалъ къ разряду тѣхъ государственныхъ людей, къ которымъ инстинктивно прибѣгаютъ въ тяжелыя времена, и отъ которыхъ люди желающіе вести спокойную жизнь и считающіе что: „довлѣетъ днѣви злѣба его,“ инстинктивно отварачиваются, когда гроза миновала, и потому онъ не возвратился къ своему государственному посту, послѣ изгнанія французовъ изъ Германіи.

Здѣсь не мѣсто говорить о его общихъ планахъ политической реформы, хотя они близко связаны съ его поземельнымъ законодательствомъ. Достаточно сказать, что его основныя государственныйя реформы, кромѣ муниципальной, остались проектами на бумагѣ. Представительныя учрежденія и учрежденія мѣстнаго самоуправленія, которыя должны были замѣнить помѣщичью юрисдикцію и тѣ отношенія, въ которыхъ крестьянская община находилась къ помѣщику, никогда не были осуществлены на практикѣ и въ настоящее время сосредоточиваютъ на себѣ вниманіе прусскаго законодательства. То что ему удалось провести была реформа прусской администраціи и созданіе самой способной и патріотической бюрократіи, когда либо существовавшей, такъ что идея самоуправленія была ослаблена идеей хорошаго правленія. Противъ сплоченныхъ рядовъ этой-то бюрократіи старалась дѣйствовать по-

(1) Въ декретѣ императора Наполеона отъ 16 декабря 1808 года, данномъ въ Мадридѣ, сказано:—*Le nommé Stein, cherchant à exiter des troubles en Allemagne, est déclaré ennemi de la France... Il sera saisi de sa personne partout on il pourra être atteint par nos troupes ou celles de nos alliés.* (Нѣкій Штейнъ, стремящійся возбудить безпорядки въ Германіи объявляется врагомъ Франціи... Онъ будетъ схваченъ всюду, гдѣ его найдутъ наши войска или войска нашихъ союзниковъ).

мѣщичья реакція, сначала на прозаическомъ основаніи матеріальныхъ интересовъ, а впослѣдствіи на поэтическомъ основаніи возстановленія средневѣковаго строя. Окончаніе великаго дѣла аграрной реформы было задержано болѣе, чѣмъ на поколѣніе. Нѣкоторыя изъ ея частей были даже изуродованы, но массивное зданіе не могло быть сдвинуто съ мѣста. Кенигсбергскій университетъ и Штейнъ наложили неизгладимую печать на исторію Пруссіи.

Самый рѣшительный шагъ назадъ была декларация 29 мая 1816 года, которая ограничила дѣйствіе „указа объ установленіи правильныхъ отношеній между владѣльцами помѣстій и крестьянами,“ однѣми фермами сравнительно большой величины, хотя не былъ отмѣненъ указъ о лучшемъ воздѣльваніи земли, по которому уничтожено было всякое различіе между крестьянской и дворянской землями, а также установленъ принципъ свободнаго перехода земли. По обоюдному дѣйствію этихъ двухъ принциповъ, „мелкій людъ,“ который былъ взятъ подъ исключительное покровительство послѣднимъ указомъ, т. е. большинство мелкихъ пользователейъ земли, очутился въ очень невыгодномъ положеніи, такъ какъ въ наслѣдственныхъ участкахъ они должны были нести феодальную службу и повинности, а въ ненаслѣдственныхъ участкахъ они прямо лишались своего владѣнія.

Позднѣйшей декларацией 1836 года было постановлено, что наименьшій участокъ, имѣвшій право на освобожденіе, равнялся 25 прусскимъ акрамъ.

Законодательство 1850 года.

Законодательство 1850 года чрезвычайно обширно, но до насъ касаются только два великіе закона 2 марта.

1) Законъ о выкупѣ службъ и повинностей и установленіе правильныхъ отношеній между помѣщиками и крестьянами.

2) Законъ объ учрежденіи рентныхъ банковъ.

Первымъ изъ этихъ законовъ уничтожалась помѣщичья власть на землю (*dominium directum*), безъ всякаго вознагражденія, такъ что со дня обнародованія этого закона, всѣ пользователи земли

въ Пруссіи, не смотря на величину ихъ участковъ, становились собственниками, обязанными однако въ отношеніи помѣщиковъ обычными службами и повинностями, которыя по этому же закону были переведены на опредѣленную денежную ренту, рассчитанную по средней оцѣнкѣ, службъ и повинностей въ теченіе нѣсколькихъ предъидущихъ лѣтъ. Послѣдующими статьями этого законодательства былъ постановленъ обязательный выкупъ этихъ рентъ или немедленной уплатой капитала, равняющагося восемнадцати-лѣтней цѣнности рентъ или уплаты $4\frac{1}{2}$ или 5% въ продолженіи 56 лѣтъ и одного мѣсяца, или 41 года и одного мѣсяца, на капиталъ равняющійся 20 лѣтней цѣнности ренты.

Законъ объ учрежденіи рентныхъ банковъ давалъ необходимыя средства для осуществленія этого выкупа. Съ помощью этихъ рентныхъ банковъ государство становилось посредникомъ между крестьянами, которые платили ренты, и помѣщиками, которые ихъ получали. Банкъ основанный въ каждомъ округѣ выдавалъ четырехъ-процентными свидѣтельствами капитальную сумму, равняющуюся двадцати-лѣтней цѣнности рентъ. Крестьяне вмѣстѣ съ обыкновенными податями платили сборщикамъ каждый мѣсяць двѣнадцатую часть ренты, высчитанной по 5 или $4\frac{1}{2}\%$ съ капитальной суммы, согласно тому, въ какой срокъ они обязывались очистить свою землю отъ лежащаго на нихъ долга въ 41 годъ и одинъ мѣсяць или въ 56 лѣтъ и одинъ мѣсяць.

Законодательство 1850 года было ничто иное, какъ практическое примѣненіе принциповъ, установленныхъ указомъ 1811 г. Съ перваго взгляда по видимому являются два новые принципа: отсутствіе вознагражденія за „*dominium directum*“ и устраненіе принципа платежа землей. Но если мы ближе присмотримся къ дѣлу, то увидимъ, что эти различія ничтожны. *Dominium directum*, лишенное его матеріальнаго содержанія, т. е. службъ и повинностей, не имѣло никакого значенія для помѣщика, а съ другой стороны мгновенное вступленіе въ права полной собственности столькихъ тысячъ пользователей, согласно закону 2 марта, не могло не произвести величайшаго нравственнаго вліянія. Что касается до устраненія платежа землей, то законъ 1811 года постановилъ, что выкупъ службъ и повинностей на участкахъ менѣе пятидесяти

акровъ долженъ производиться денежными рентами. По всей вѣроятности большая часть участковъ, превышавшихъ эту норму, были выкуплены до 1850 года, такъ что практически законъ 2 марта имѣлъ дѣло только съ участками меньшаго разряда, для которыхъ по закону 1811 года, денежный выкупъ былъ обязателенъ. Такимъ образомъ, законодательство 1850 года стоитъ гораздо выше законодательства 1811 года не новизной своихъ принциповъ, а средствами примѣненія этихъ принциповъ; по этому оно достигло въ сравнительно короткое время гораздо большихъ результатовъ.

Вотъ краткій очеркъ поземельнаго законодательства Пруссіи въ настоящемъ столѣтіи. Ни время, ни мѣсто не дозволяли намъ распространиться насколько мы бы хотѣли и потому намъ пришлось ограничиться лишь указаніемъ главныхъ эпизодовъ исторіи поземельнаго законодательства Пруссіи и ея аналогіи съ общей поземельной исторіей тевтонской расы. Дѣйствительно во всѣхъ тевтонскихъ странахъ происходили въ то или другое время одни и тѣ же явленія, разрѣшались однѣ и тѣ же задачи. Такъ повсюду существовала почти однообразная сельская община и всюду общинное воздѣлываніе земли перешло къ воздѣлыванью отдѣльными собственниками, наконецъ всюду изъ рукъ крупныхъ собственниковъ земля стала переходить въ руки мелкихъ. Англія, единственная тевтонская страна, мы даже можемъ сказать, единственная цивилизованная страна, въ которой большая часть выдѣланной земли не находится въ рукахъ мелкихъ собственниковъ. Поэтому, очевидно, что Англія представляетъ исключеніе, а не общее правило.

Три великія страны: Англія, Франція (1) и Германія начали свою политическую жизнь съ одного земледѣльческаго базиса. Въ каждой изъ нихъ происходила великая борьба между общиной и индивидуумомъ, между собственностью и пользованіемъ, между по-

(1) Конечно, мы не считаемъ Францію тевтонской страной, хотя ея поземельныя учрежденія имѣютъ чисто тевтонское происхожденіе. По всей вѣроятности кельто-романскіе элементы, взявшіе верхъ во Франціи надъ тевтонскими, содѣйствовали своеобразному разрѣшенію занимающаго насъ вопроса.

мѣщиками и крестьянами. Въ Англіи помѣщикъ побѣдилъ, крестьянинъ проигралъ. Во Франціи крестьянинъ побѣдилъ, помѣщикъ проигралъ. Въ Германіи игра прекращена во время и ставка раздѣлена по ровну. Каждая изъ этихъ системъ можетъ быть защищаема и опровергаема, каждый имѣетъ много противъ себя и за себя.

Въ настоящее время мы имѣли возможность только указать на общія аналогіи этого любопытнаго вопроса и надѣемся, что другое болѣе искусное перо возьметъ за этотъ предметъ и разсмотритъ поземельную исторію Англіи, сравнительно съ поземельной исторіей другихъ родственныхъ ей странъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Современное положеніе поземельной собственности въ Пруссіи (1).

Современная Пруссія, за исключеніемъ рейнскихъ провинцій и верхней Силезіи, до сихъ поръ остается страной крупнаго землевладѣнія. Статистическія данныя за 1861 г. показываютъ, что на прусской территоріи, имѣвшей тогда 28 мил. гектаровъ, считалось 2,141,730 поземельныхъ владѣній, но только 1,200,000 собственниковъ, или 1 собственникъ на 12 жителей и на 28 гектаровъ пространства, между тѣмъ какъ во Франціи 1 собственникъ на 5 жителей и на 7 гектаровъ. Во всѣхъ восточныхъ провинціяхъ Пруссіи крупныя поземельныя владѣнія занимаютъ болѣе половины территоріи, а владѣнія отъ 7 до 75 гектаровъ составляютъ почти все остальное, такъ что мелкимъ собственникамъ принадлежитъ только 5⁰/₁₀₀ всей земли.

(1) Какъ необходимое дополненіе къ историческому обзору поземельнаго законодательства въ Пруссіи мы прилагаемъ краткій экономическій и статистическій очеркъ настоящаго положенія поземельной собственности въ Пруссіи, который заимствовали, съ дозволенія издателя, изъ только что вышедшей на русскомъ языкѣ книги извѣстнаго бельгійскаго экономиста Эмиля де Лавелъ — «Современная Пруссія въ политическомъ и экономическомъ отношеніяхъ».

Но болѣе всего поражаетъ то обстоятельство, что почти всѣ земли обрабатываются самими ихъ владѣльцами. Въ противоположность Англіи и Франціи, пользованіе землей самими собственниками встрѣчается какъ общее правило; отдача земель въ аренду составляетъ исключеніе, а форма пользованія, извѣстная подъ названіемъ „Metayage“, вовсе не встрѣчается. Статистика представляетъ въ этомъ отношеніи почти невѣроятныя данныя: число фермеровъ во всемъ государствѣ не превышаетъ 30,348; къ этому числу должно прибавить, строго говоря, 30,296 наемщиковъ, для которыхъ впрочемъ земледѣліе составляетъ только побочное занятіе. Это столь исключительное положеніе поземельной собственности имѣетъ свою хорошую и дурную сторону. Безъ всякаго сомнѣнія, очень желательно, чтобы земля находилась въ пользованіи у того, кто ею владѣетъ. Это побуждаетъ его вводить всѣ полезныя улучшенія, потому что никто кромѣ него не воспользуется ихъ плодами; вмѣстѣ съ тѣмъ устраняется несправедливость аренды, выражающаяся тѣмъ, что при всякомъ возобновленіи контракта собственникъ возвышеніемъ ренты пользуется приращеніемъ цѣнности, которое производитъ трудъ арендатора или промышленный прогрессъ общества. Такимъ образомъ нѣтъ болѣе правильной и благопріятной для развитія земледѣлія системы, какъ та, при которой собственники сами эксплуатируютъ свои помѣстья, но только при одномъ условіи, чтобы они были столь же многочисленны, какъ въ Швейцаріи, Норвегіи и Соединенныхъ Штатахъ. Въ такомъ случаѣ эта система непосредственнаго пользованія землею самими владѣльцами является наиболѣе соотвѣтствующей господству демократіи, соединяющей въ себѣ начала порядка и свободы, такъ какъ прочной основой ея служитъ землевладѣніе.

Напротивъ того, когда меньшее число собственниковъ, владѣя значительными землями обрабатываютъ ихъ съ помощью наемныхъ рабочихъ или земледѣльцевъ, прикрѣпленныхъ къ землѣ, какъ это существуетъ въ Россіи, Польшѣ и восточной Пруссіи, то мы снова встрѣчаемся съ условіями стараго государственнаго строя; при подобномъ распредѣленіи землевладѣнія конституціонная свобода водворяется съ большимъ трудомъ. Въ этомъ случаѣ

господство феодальной аристократіи неизбежно, если впрочемъ этому не воспрепятствуетъ вліяніе какихъ либо другихъ условій.

Въ Англіи собственность еще гораздо менѣе раздроблена, чѣмъ въ Пруссіи, потому что тамъ считается только 30,000 собственниковъ; но за этимъ высшимъ классомъ слѣдуетъ сословіе фермеровъ, болѣе или менѣе зажиточныхъ, которое составляетъ поземельный средній классъ, и тѣ могущественные классы, которые извлекаютъ свое богатство изъ промышленности и торговли. Въ восточной Пруссіи напротивъ мы не находимъ ничего подобнаго: сельское населеніе составляетъ тамъ $\frac{3}{4}$ всего народонаселенія и крупные землевладѣльцы „Rittergutsbesitzer“ имѣютъ непреодолимое вліяніе на массу народа, которому они доставляютъ работу. Поэтому неудивительно, что феодальная партія до сихъ поръ такъ могущественна. Пруссія представляетъ замѣчательный контрастъ: по всеобщему распространенію первоначальнаго образованія, по мощному блеску своихъ университетовъ, по высокому развитію научныхъ изслѣдованій, она превосходитъ всѣ другіе народы Европы; но по своему земледѣльческому быту она не вышла еще изъ періода феодализма, послѣднія привилегіи котораго въ ней только недавно уничтожены.

Въ прежнее время всякое владѣніе составляло въ Пруссіи одно нераздѣльное цѣлое, которое не могло быть не раздроблено, ни присоединено къ другому владѣнію. Законъ 9 октября 1807 г. и указъ 4 сентября 1811 г., освободили поземельную собственность отъ этихъ стѣсненій. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ аристократическая партія желала ихъ возстановить и повсемѣстно ввести майоратъ подъ предлогомъ избѣжанія всѣхъ золъ раздробленія поземельной собственности. Назначена была комиссія для обсужденія этого предложенія и обнародованные ею въ 1865 г. результаты въ высшей степени любопытны.

Число дворянскихъ имѣній (Rittergüter) простиралось въ 1836 г. до 12,015; они занимали 25,046,936 моргеновъ. Въ 1858 г. ихъ считалось 12,827, занимавшихъ 27,550,000 моргеновъ пространства, слѣдовательно такъ называемыя „Ritterguter“ увеличились въ теченіе 20 лѣтъ на 2,503,063 моргена, или болѣе чѣмъ на 600,000 гектаровъ. Среднее пространство этихъ имѣній

увеличилось отъ 2,083 до 2,148 моргеновъ. Самое небольшое изъ нихъ имѣло 1 моргенъ, самое обширное 72,094 моргена. Отсюда видно, что свободное распоряженіе поземельною собственностью не только не причинило вреда крупному землевладѣнію, но было ему даже благопріятно. Правда, одно особаго рода обстоятельство содѣйствовало умноженію крупныхъ поземельныхъ владѣній. Даже послѣ реформъ Штейна недворянскія земли остались обремененными многими сервитутами или обязанностями по отношенію къ дворянскимъ имѣніямъ; такъ дворяне имѣли право пользоваться ихъ выгонами и т. д. Поселяне, чтобы освободиться отъ такихъ сервитутовъ, должны были выплачивать значительныя суммы. Была даже наряжена спеціальная коммиссія (Auseinandersetzungskommission) для руководства въ дѣлѣ освобожденія земель отъ сервитутовъ. Достаточно привести одну цифру, чтобы дать понятіе о важности ея трудовъ: 1,500,000 владѣльцевъ и 14 миліон. гектаровъ были освобождены отъ сервитутовъ при ея посредничествѣ. Но чтобы выкупиться отъ этихъ феодальныхъ тягостей поселянину пришлось занимать деньги. До 1840 г. земледѣльческія произведенія были необыкновенно дешевы, такъ какъ пути сообщенія находились въ неудовлетворительномъ состояніи и вывозъ за границу былъ ничтоженъ. Много мелкихъ собственниковъ, не будучи въ состояніи выполнить принятыхъ на себя обязательствъ, принуждены были продать свои земли. Предложеніе превысило спросъ и земли совершенно упали въ цѣнѣ. Кризисъ былъ жестокій и продолжительный. Богатые землевладѣльцы покупали земли поселянъ на деньги, вырученныя отъ выкупа сервитутовъ. Поэтому многіе собственники предпочитали заключить полюбовную сдѣлку и уступить часть своей земли, чтобы освободить остальную. Такимъ образомъ Rittergüter умножились вопреки естественному ходу дѣлъ, по которому собственность раздробляется по мѣрѣ увеличенія народонаселенія.

Вмѣстѣ съ тѣмъ явилось также опасеніе, чтобы раздробленіе не коснулось крестьянскихъ одноплужныхъ хозяйствъ (spannfähige Bauerhöfe), и раздѣлило бы ихъ на мелкіе участки, которые бѣдные собственники стали бы обрабатывать заступомъ. Всѣ эти опасенія сводились къ призраку „поземельной собственности, превра-

тившейся въ прахъ“ — призраку, вызванному нѣкогда Артуромъ Юнгомъ по поводу Франціи, на который часто ссылалась аристократія всѣхъ странъ и который былъ такъ блистательно опровергнутъ французскою статистикою. Въ Пруссіи изслѣдованіе этого вопроса показало также, что не съ этой стороны является опасность для общества. Въ 1816 г. считалось во всей странѣ кромѣ рейнскихъ провинцій и округа Стральзунда, не вошедшихъ въ число изслѣдованныхъ мѣстностей, 354,607 крестьянскихъ одноплучныхъ хозяйствъ (*spannfahige Nahrungen*), занимавшихъ 34,425,731 морг. Въ 1859 г. такихъ хозяйствъ было 344,737 съ 33,498,433 морг. число хозяйствъ уменьшилось; т. е. на 6870, а пространство ихъ на 927,198 морг. или на 230,000 гектаровъ, но такъ какъ *Rittergüter* увеличились болѣе чѣмъ на 600,000 гектаровъ, то можно утверждать, что крупная собственность болѣе выиграла чѣмъ проиграла. Средняя величина одноплучнаго хозяйства осталась совершенно тою же, какъ и 50 лѣтъ назадъ — 97 моргеновъ или приблизительно 23 гектара, что въ точности соотвѣтствуетъ пространству обрабатываемому однимъ плугомъ.

Мелкихъ хозяйствъ безъ плуга считалось въ 1859 г. 604,501, но они имѣли только 4,833,826 моргеновъ или 1,300,000 гектаровъ, т. е. $\frac{1}{20}$ часть поверхности страны. Число такихъ мелкихъ землевладѣльцевъ увеличивается въ рейнскихъ провинціяхъ и въ Вестфалии; вездѣ, гдѣ развивается промышленность, рабочій ищетъ пріобрѣсти клочекъ земли, чтобы устроить себѣ постоянное мѣстожительство. Въ этомъ отношеніи, условія, въ которыя поставленъ рабочій въ Пруссіи, гораздо благопріятнѣе тѣхъ, которыя мы встрѣчаемъ въ Англіи, гдѣ рабочій почти никогда не владѣетъ своимъ жилищемъ и гдѣ изъ боязни налога для бѣдныхъ, отказываются устроить для него такое жилище.

Самымъ грубымъ заблужденіемъ, внушаемымъ духомъ партіи, является мнѣніе, что распространеніе мелкой собственности угрожаетъ опасностью современному обществу. Нельзя указать ни на одно государство, которому раздробленіе собственности причинило гибель: напротивъ того горестное восклицаніе Плинія *latifundia perdidere Italiam* звучитъ еще зловѣщимъ предостере-

женіемъ по прошествіи столькихъ вѣковъ. Крупное землевладѣніе погубило государства востока и римскую имперію, оно же задерживаетъ экономическое развитіе Испаніи, Россіи и Австріи. Изъ примѣра той же Пруссіи можно убѣдиться, что мелкая собственность не имѣетъ на земледѣліе того гибельнаго вліянія, которое ей приписываютъ: для этого достаточно сравнить восточную Пруссію, гдѣ господствуетъ крупное землевладѣніе, съ западными провинціями, гдѣ собственность гораздо болѣе раздроблена. Въ послѣднихъ стоимость земли въ $2\frac{1}{2}$ раза выше и согласно свѣдѣніямъ кадастра они производятъ въ 3 раза болѣе земледѣльческихъ произведеній и въ $3\frac{1}{2}$ раза болѣе лѣса. Значительнѣйшія по кадастровой оцѣнкѣ помѣстья не находятся исключительно въ восточныхъ провинціяхъ, точно такъ же и низко оцѣненные владѣнія находятся на одномъ западѣ. Пути сообщенія имѣютъ до 17,000 метровъ протяженія въ рейнскихъ провинціяхъ и до 14,000 метровъ въ Вестфаліи; въ провинціи Пруссіи они имѣютъ только 4000 метровъ и 5000 въ Познани. Даже относительно количества скота крупное землевладѣніе не имѣетъ преимуществъ надъ мелкимъ: на одну квадратную милю производительной почвы въ Пруссіи и Познани считается 2980 головъ скота, приводя различныхъ домашнихъ животныхъ къ единицѣ рогатаго скота, тогда какъ въ Вестфаліи цифра его на квадратную милю 3569, а въ Рейнской провинціи 4024. Густота народонаселенія по крайней мѣрѣ вдвое больше въ западныхъ провинціяхъ, и однако здѣсь народъ имѣетъ лучшую пищу и даже живетъ просторнѣе. Въ нихъ считаютъ по 6000 жителей на квадратную милю и по $5\frac{1}{2}$ жит. на каждый домъ. Въ Пруссіи, Помераніи и герцогствѣ Познанскомъ, при трехъ тысячахъ жителей на квадратную милю, приходится одинъ домъ на 9 жит.

И такъ, мы доказали, что въ Пруссіи, какъ и въ остальной Европѣ, за исключеніемъ можетъ быть одной Англіи, крупное землевладѣніе даетъ меньше не только валоваго, но и чистаго дохода. Въ недалекомъ будущемъ соціальные вопросы сдѣлаются вопросами первой важности и политическое равенство возбудитъ пламенное желаніе равенства соціальныхъ условій. Счастливы народы, гдѣ собственность найдетъ миліоны защитниковъ въ лицѣ тѣхъ,

которые владѣютъ хоть частицею ея. Достоинъ замѣчанія тотъ фактъ, что раздѣлы между наслѣдниками, которые часто производятъ во Франціи раздробленіе поземельныхъ участковъ, невыгодное для примѣненія улучшенныхъ способовъ земледѣлія, приводятъ въ Пруссіи къ противоположнымъ результатамъ. Дѣйствительно, съ 1816 до 1860 г. эти раздѣлы уничтожили только 2298 одноплучныхъ хозяйствъ, и создали ихъ 5040 посредствомъ соединенія собственностей, до тѣхъ поръ разъединенныхъ; разность между обѣими цифрами 2742. Такой результатъ является феноменомъ въ политической экономіи столь же любопытнымъ, какъ и неожиданнымъ.

Сохраненіе одноплучныхъ хозяйствъ происходитъ вслѣдствіе обыкновенія крестьянъ раздѣлять наслѣдства еще при своей жизни. При приближеніи старости, они уступаютъ свое хозяйство за соотвѣтствующую цѣну тому изъ своихъ сыновей, который наиболѣе способенъ имъ наслѣдовать; этотъ наслѣдникъ обязывается выплатить часть, слѣдующую его братьямъ и сестрамъ, и исполняетъ свое обязательство или доставляя имъ скотъ, когда они заводятъ въ свою очередь хозяйство, или уплачивая деньгами изъ приданого, приносимаго ему женою. Уваженіе къ нераздѣльности хозяйства, обширность котораго опредѣляется потребностями земледѣлія, такъ сильно въ народѣ, что наслѣдники скорѣе продадутъ собственность, чѣмъ раздѣлятъ его на участки, слишкомъ незначительные для примѣненія усовершенствованныхъ системъ земледѣлія. Точно тоже мы видимъ и во Фландріи. Повсемѣстное господство этого прекраснаго обычая доказывается статистическими таблицами о поземельной собственности, въ которыхъ поземельные участки расположены въ извѣстныхъ категоріяхъ, соотвѣтственно потребностямъ земледѣлія. Такъ участки отъ 30 до 300 моргеновъ занимаютъ болѣе 38% поверхности, участки болѣе 600 моргеновъ 44%, отъ 300 до 600 — только 6,45%, а участки мнѣе 30 моргеновъ лишь 11,37%. Слѣдовательно крупная поземельная собственность феодальнаго происхожденія и средней величины собственность, воздѣлываемая крестьянами землевладѣльцами, составляютъ 82% территоріи. Такимъ образомъ нѣтъ основанія жаловаться на раздробленіе поземельной собственности въ

Пруссіи, а тѣмъ болѣе принимать мѣры, стѣсняющія свободу перехода недвижимаго имущества (1). Напротивъ того желательно, чтобы въ восточныхъ провинціяхъ поселяне, вполне освобожденные теперь отъ сервитутовъ прежняго времени, могли приобрѣсти часть Rittergüter, обширность которыхъ часто не соотвѣтствуетъ капиталу, положенному на ихъ воздѣлываніе.

(1) Прусская поземельная система въ отношеніи простоты и безопасности перехода земли изъ однѣхъ рукъ въ другія равняется французской и бельгійской, а съ точки зрѣнія дешевизны даже ихъ превосходить. Такъ для этого необходима только подпись купчей при нотаріусѣ и запись мѣстной регистратуры: при этомъ въ пользу казны платится пошлина въ одинъ процентъ, а вознагражденіе нотаріусу самое незначительное. Для примѣра громаднато различія въ этомъ отношеніи между Пруссіей и Англійей, профессоръ Клифъ Лесли въ своей книгѣ «Land Systems and Industrial Economy of Ireland, England and Continental countries»—приводилъ, что въ Вестфалии покупатель земли, стоющей 10,000 ф. стерл. платитъ пошлины 100 ф., во Франціи тотъ же покупатель и за ту же землю заплатилъ бы пошлины 600 ф., а въ Англии подобная покупка послѣ всѣхъ хлопотъ, справокъ и совѣтовъ могла бы привести къ разорителенному процессу и потерѣ до 100,000 ф.

Прим. переводч.

ПОЗЕМЕЛЬНЫЕ ЗАКОНЫ АНГЛИИ.

Ст. Врена Госкинса.

Болѣе чѣмъ одно поколѣніе миновало съ тѣхъ поръ, какъ одинъ профессоръ геологіи на первомъ сельскомъ митингѣ королевскаго землевладѣльческаго общества, собравшемся въ Оксфордѣ, возбудилъ вниманіе своихъ слушателей — землевладѣльцевъ и фермеровъ — замѣчаніемъ, что совершенная модель плуга и корабля еще до сихъ поръ составляетъ предметъ неудовлетворенныхъ изслѣдованій и умозрѣній для ученаго міра. На эти два, столь знакомые предмета ораторъ указалъ съ цѣлію объяснить примѣромъ свое положеніе, что въ основѣ самыхъ обыкновенныхъ предметовъ нашего употребленія лежатъ глубочайшія задачи, которыя, по видимому, никогда не исчерпываются вполнѣ и не старѣютъ отъ времени, но появляются изъ вѣка въ вѣкъ, связывая старый міръ съ новымъ посредствомъ вопросовъ, не поддающихся ни рѣшенію авторитетовъ ни завоеваніямъ науки.

Въ промежуткѣ времени, протекшемъ съ тѣхъ поръ какъ были произнесены вышенаведенныя слова съ полною вѣрою въ знаніе, которое продолжаетъ попрежнему указывать на каждую „невѣжественную современность“ всемірной исторіи, успѣхи достигнутые „смѣлымъ племенемъ Іафета“ (*audax Iapeti genus*) въ орудіяхъ, бороздящихъ землю и океанъ дали имъ силу, о которой не помышлялъ и не грезилъ ораторъ; но должно признаться, что его вызовъ, казавшійся и тогда уже почти устарѣвшимъ, остается въ прежней силѣ, и можетъ быть слова, въ которыхъ онъ выражался, послужатъ точною формулой для будущаго столь же плохими результатами. Рассмотрѣніе вопроса — отчего съ самыми обыкновенными будничными предметами нашей жизни связаны самые живучіе неизсякаемые вопросы, не входитъ въ кругъ нашихъ настоящихъ изслѣдованій, но изъ опытныхъ мыслителей найдется немало такихъ, въ умѣ которыхъ не было бы напечатлѣнно сознаніе того что можетъ быть названо постоянными трудностями въ обыкновенныхъ вещахъ.

Одну изъ этихъ трудностей представляютъ законы о почвѣ, — индивидуальное право пользоваться, владѣть и распоряжаться ею,

отчуждать ее посредствомъ дара, продажи, передавать ее послѣдующему поколѣнію по наслѣдству или по завѣщанію, и происходящее изъ всего этого общее распредѣленіе почвы между различными классами и членами общины.

Какъ ни старъ этотъ предметъ, происхожденіе котораго почти современно первымъ зачаткамъ соціального существованія человѣка, какъ онъ ни истощенъ сколько вслѣдствіе старости столько же и вслѣдствіе новѣйшаго его обращенія съ нимъ, однако же едвали можно отрицать, что онъ для насъ весьма мало упростился, если только не усложнился еще болѣе отъ времени и употребленія среды различныхъ семействъ нашего племени. Дѣйствительно существуетъ мало предметовъ, въ которыхъ наше племя обнаружило бы болѣе характерныхъ, этнологически обозначенныхъ различій, чѣмъ тѣ, которые возникаютъ изъ англійскихъ національных привычекъ относительно почвы.

Скотоводъ, охотникъ и даже этотъ живописный ужасъ нашего дѣтства, нынѣ встрѣчаемый рѣдко — цыганъ въ таборѣ, — каждый имѣетъ свой живой прототипъ въ племенахъ и расахъ, которыхъ общею чертою было — смотрѣть на землю просто какъ на пространство, на которомъ они могутъ двигаться свободно, пользуясь ею согласно своимъ временнымъ нуждамъ и удобствамъ. Никакого закона о *моемъ* и *твоемъ* не существовало въ пустынѣ и не возникало изъ нея для тѣхъ, которымъ постоянное мѣсто жительства не внушило еще идеи о поземельной „собственности.“

Но съ появленіемъ на сцену *обработки земли*, даже въ первобытной и грубѣйшей формѣ, тотчасъ же возникаетъ право на эту собственность, ограничивающееся сперва поверхностнымъ пользованіемъ землею. Намъ нѣтъ надобности прибѣгать къ абстрактнымъ описаніямъ; мы имѣемъ предъ глазами столь знакомый намъ образчикъ въ поселеніяхъ англійскаго племени въ Америкѣ и Австраліи, гдѣ въ сношеніяхъ съ нѣкоторыми дикими туземными расами идея о покупкѣ какъ о передачѣ въ *постоянную* и исключительную собственность, какъ о невозвратномъ отчужденіи, была почти столько же непонятна для одной стороны, сколько нарушеніе этой идеи было непонятно для другой.

Едвали есть основаніе сомнѣваться въ томъ, что законы о

почвѣ, заключающіе въ себѣ первую мысль о постоянномъ правѣ собственности (такъ какъ даже охотникъ американскихъ пустынь имѣеть притязаніе на исключительное временное владѣніе), были самымъ происхожденіемъ своимъ обязаны обработкѣ. Только вслѣдствіе обработки земля дѣлается почвой и этотъ процессъ, по его совершеніи, становится такимъ же мануфактурнымъ произведеніемъ, какъ орудіе, которымъ онъ совершенъ, — какъ деревянная соха или сошникъ изъ литаго желѣза. Если бы земля послѣ своего превращенія въ почву могла быть *переносима*, то люди избавились бы отъ труда выслушивать нѣкоторые остроумные аргументы съ обѣихъ сторонъ по вопросу объ исключительной собственности. Если бы политико-экономисты не упустили изъ виду того сельско-хозяйственнаго факта, что засѣянная нива есть въ строгомъ смыслѣ искусственный продуктъ работы, то можетъ быть ихъ задача была бы не такъ трудна. Человѣкъ, который прежде чѣмъ онъ въ состояніи собрать какую нибудь жатву, долженъ потратить много времени, сѣмянъ, труда и орудій, могъ бы съ успѣхомъ защищать свое право на владѣніе въ теченіе года или въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ сряду противъ идеальныхъ притязаній своего ближняго, который утверждаетъ, что „каждый имѣеть право взять то что не принадлежитъ никому.“ Но вопросъ дѣлается сложнѣе, подвинувшись одною ступенью дальше, — именно, когда становится замѣтнымъ различіе между собственностью и владѣніемъ; когда фактъ владѣнія даетъ владѣльцу возможность *переносить* право, которымъ онъ пользовался, на *другаго*, или *вполнѣ*, — посредствомъ продажи, дара, и еще болѣе могущественнаго акта передачи по наслѣдству или по завѣщанію, или отчасти, посредствомъ отдачи въ аренду, или какого либо другаго способа уступки на время. Въ каждой густо населенной странѣ продѣлывалась длинная не писанная исторія постепеннаго приобрѣтенія подобныхъ правъ на почву, и въ большинствѣ такихъ странъ наступило вслѣдствіе естественнаго хода событій время, когда безземельная часть развивающейся общины начинала вникать въ причину своего собственного исключенія и въ „права“ тѣхъ, которые ихъ обогнали и приобрѣли владѣніе собственностью.

Исслѣдователь, изучающій ранніе періоды римской исторіи, ча-

сто становится въ тупикъ, видя неоднократное потвореніе какой-то таинственной борьбы между бѣдными и богатыми гражданами, борьбы, которая, по видимому, никогда не достигаетъ никакого окончательнаго исхода. Онъ замѣчаетъ возрастаніе и господство касты землевладѣльцевъ, имѣнія которыхъ, простираясь вокругъ города на цѣлыя мили при населеніи столь густомъ и сосредоточенномъ какъ населеніе Рима, придавали особенную суровость аграрному вопросу, оставляя для возрастающей массы другихъ гражданъ только отдаленныя и не имѣющія цѣнности части никѣмъ не присвоенной „общественной земли.“ Такимъ образомъ въ государствахъ Греціи каждое возрастаніе числа гражданъ сопровождалось требованіемъ новаго раздѣла общественной земли, а какъ подобный раздѣлъ влекъ за собою пожертвованье многими захватами, превратившимися въ опредѣленные доходы, то на него старые граждане смотрѣли какъ на революціонное насиліе. Потому что, хотя земля была несомнѣнною собственностью государства и хотя занявшія ее лица были относительно государства не болѣе какъ арендаторами, но по свойствамъ человѣческой природы продолжительное владѣніе порождаетъ чувство собственности тѣмъ болѣе, что до тѣхъ поръ пока государство не пользовалось своимъ правомъ, *владѣлецъ* имѣлъ совершенный видъ *собственника*; и такимъ образомъ земля неоднократно переходила посредствомъ настоящей продажи отъ одного владѣльца къ другому“ (1).

Тоже самое происходило во всѣхъ развивающихся націяхъ міра: Возрастаніе населенія, уменьшеніе общественной земли, энергическое требованіе надѣла съ одной стороны, запальчивое и ревнивое упорство приобрѣтенныхъ давностью правъ съ другой.

Можетъ быть ни въ какой другой странѣ Европы исторія земли и относящихся къ ней постановленій не была до такой степени истинна и вполне исторіей, какъ въ Англіи, отчасти благодаря ея географическому положенію въ качествѣ острова, от-

(1) Arnold. Hist. of Rome, vol. I. Д-ръ Арнольдъ показываетъ, что законъ о дѣйствительной собственности въ Римѣ во многихъ важныхъ чертахъ опередилъ феодальную систему. Собственникъ земли былъ безусловнымъ обладателемъ ея въ теченіе жизни и могъ безусловно распоряжаться ею при своей смерти.

части же благодаря послѣдовательному ряду различныхъ расъ, образовавшихъ ея народъ и ея законы. Наслѣдственное введеніе норманскими королями феодализма со всѣмъ его гнетомъ, но безъ его лучшихъ сторонъ, столкнулось со старою поземельною системою, которая разрозненно, но постоянно развивалась въ саксонской Англии, имѣя свои корни въ вѣчныхъ принципахъ римской юриспруденціи, господствовавшихъ тамъ около четырехъ вѣковъ сряду (1). При послѣдовавшемъ затѣмъ правленіи людей, подобныхъ Эгберту, Альфреду, Ательстану и Кануту, поземельные законы и распределеніе земли достигли той степени развитія, которая воплотила въ себѣ вмѣстѣ съ остатками римской системы, „напечатлѣвшимися на нашей землѣ“ (2), наиболѣе чистые элементы старинныхъ саксонскихъ учрежденій и характера.

Не должно забывать, что свѣденія относительно своихъ английскихъ предковъ во времена завоеванія мы почерпаемъ изъ норманскихъ писателей; но широкіе слѣды, ускользнувшіе отъ историка показываютъ намъ, что относительно поземельныхъ законовъ англичане XI вѣка немногому могли научиться отъ своихъ норманскихъ завоевателей. „Норманская литература до завоеванія была ничтожна, норманскія законодательныя учрежденія не представляли ничего подобнаго блистательному роду англосаксонскихъ грамотъ“ (Pearson, p. 104). Въ поземельныхъ учрежденіяхъ саксонской Англии (за исключеніемъ свойственныхъ тому вѣку личныхъ привычекъ) нѣтъ ничего варварскаго, если только нельзя назвать варварствомъ чрезмѣрную любовь къ землѣ и почти преувеличенное уваженіе

(1) Creasy. Hist. of England. Въ теченіе столѣтій между 82 годомъ отъ Р. Х., когда Агрикола покорилъ островъ и 463 г.: когда римскіе легіоны были выведены оттуда, судебные трибуналы британской провинціи были устроены по римскимъ образцамъ. Корпорации, изобрѣтенныя римскими юристами, дали начало нашимъ муниципальнымъ учрежденіямъ, которыми Англія постоянно отличалась. Папиніанъ, знаменитый римскій юристъ временъ Септимія Севера предсѣдательствовалъ на форумѣ Эбораціи (Йоркъ); Ульпіанъ и Паулусъ, по свидѣтельству Сельдена, занимали должности асесоровъ (Assessores) въ трибуналахъ Римской Британіи.

(2) Pearson. England in the Early and Middle Ages, vol. 1. chap. II. Едва ли будетъ слишкомъ много сказать, пишетъ Пирсонъ (p. 51), что преимуществомъ шести столѣтій унаслѣдованныхъ законовъ и культуры мы обязаны нашимъ римскимъ завоевателямъ.

къ обладанію ею. Въ вѣкъ, когда свобода была состояніемъ исключительнымъ, обладаніе землею было признакомъ свободнаго чело-
 вѣка, а обширная територія нераздѣльнымъ атрибутомъ знат-
 ности. Малѣйшее нотаріальное развитіе между „вещественнымъ“ и
 „личнымъ“ состояніемъ было строго обозначено въ обычаяхъ сак-
 сонской жизни, но только оно имѣло больше основанія въ тѣ
 времена, когда рѣдкость и незначительность другихъ формъ соб-
 ственности давали этому развитію правдивость и смыслъ. Ника-
 кая сумма золота или „движимаго“ имущества не давала сво-
 боды; только одна земля была признана патентомъ на всѣ лич-
 ныя привилегіи, основою гражданской знатности. „Здѣсь нѣтъ и
 слѣда той классификаціи, которая составляла гражданство Рима
 или Аѳинъ; у нашихъ саксонскихъ предковъ идея о городѣ не
 имѣла никакой силы“ (1). Только въ этомъ они наслѣдовали
 національный характеръ своихъ континентальныхъ предковъ, изо-
 браженный римскимъ лѣтописцемъ съ такою выразительною крат-
 костью. „Хорошо извѣстно, — говоритъ Тацитъ, — что германское
 племя не живетъ въ городахъ и даже не заботится о соединеніи
 дома съ домомъ. Германцы живутъ независимо и отдѣльно, руко-
 водствуясь въ своемъ выборѣ мѣста жительства какимъ нибудь
 потокомъ, лугомъ или рощею“ (2). Рядъ столѣтій до настоящаго
 дня не изгладилъ этой черты въ ихъ потомкахъ; этой любви къ
 землѣ, этого уваженія къ землевладѣнью преимущественно передъ
 всѣми другими формами собственности, и его политическаго пре-
 обладанія. У насъ оно долго сохраняло и еще въ нѣкоторой сте-
 пени сохраняетъ до сихъ поръ опасную привилегію быть своимъ
 собственнымъ законодателемъ, привилегію, которая едва ли можетъ
 быть ввѣрена кому либо безъ ограниченій или противовѣса, такъ
 какъ даже справедливость и совѣсть не всегда бываютъ одарены
 рефлексивнымъ умомъ, способнымъ въ требованіяхъ своего ближ-
 няго видѣть отраженіе тѣхъ самыхъ правъ, которыхъ онѣ доби-
 ваются для себя самихъ.

Характеристическія черты англійской поземельной системы до

(1) Kemble. Saxons in England.

(2) Tacitus. De Mor. Germ. С. XVI. Это мѣсто характеристично какъ относительно писателя такъ и относительно описываемаго имъ народа.

завоеванія достойны внимательнаго изученія, не только потому, что они представляют собою ранніе вклады въ исторію земли въ этой странѣ, но и потому что въ нихъ заключаются первоначальные типы національнаго закона и обычая, изъ которыхъ заимствована, трудно опредѣлить въ какой обширной степени, часть неписаннаго кодекса, извѣстнаго въ Англии подъ именемъ „обычнаго закона“ (Common Law). Система эта заключала въ себѣ три важныхъ права, которыя въ своей совокупности могутъ быть названы истиннымъ мѣриломъ поземельной свободы: 1) Право отчужденія или передачи посредствомъ продажи или дара. 2) Право распоряженія посредствомъ совѣщанія. 3) Право передачи по наслѣдству. Это въ раннемъ періодѣ нашей національной жизни тѣмъ болѣе замѣчательно, что при феодальной системѣ, появившейся вслѣдъ за завоеваніемъ, два первыхъ права были уничтожены, а третье совершенно измѣнилось въ своемъ первоначальномъ характерѣ, будучи подчинено единственно феодальнымъ цѣлямъ.

Далѣе въ этой системѣ, въ очень явственно обозначенной формѣ существовала замѣчательная статья въ пользу общественнаго права, выражаемая словомъ „Folc-land“ или земля народа и осуществлявшая собою „принципъ прямой принадлежности земли всей общинѣ не только въ теоріи, но въ нѣкоторой степени и на практикѣ. Частная собственность въ своей болѣе совершенной формѣ пріобрѣталась только на тѣхъ частяхъ земли, которыя были пожалованы отдѣльнымъ лицамъ грамотами и вслѣдствіе сего назывались *boe-land* (*book-land*, т. е. земля внесенная въ книгу). Это различіе во видимому почти тожественно съ установленнымъ римлянами различіемъ между *publica terra* (общественная земля) и *privatus ager* (частное поле) и вообще съ другими примѣрами доказываетъ до какой степени въ Англии того времени сохранялись еще принципы римскаго права. Король могъ жаловать общественныя имущества изъ *Folc-land* (народная земля) только съ согласія своего Витана (*Witan*). Мысль о томъ, что государь есть верховный собственникъ всей земли, была совершенно чужда саксонскимъ идеямъ и учрежденіямъ. Такія государственныя имущества подобно *ager publicus* римлянъ могли состоять въ пользованіи частныхъ лицъ какъ арендаторовъ государства, пока они

формальнымъ образомъ не были передаваемы въ частную собственность. Но и послѣ такого перехода въ собственность *вся земля* несла три неизбѣжныя общественныя повинности: 1) военную повинность въ оборонительной войнѣ (хотя она не всегда ограничивалась этимъ родомъ войны), 2) починку мостовъ и 3) починку королевскихъ крѣпостей.

Классъ землевладѣльцевъ состоялъ изъ эорловъ (Eorls) или крупныхъ собственниковъ, которые владѣли землями отъ короны и сеорловъ (Seorls) гораздо болѣе многочисленнаго, но независимаго разряда. Границы земли были опредѣлены съ строжайшею точностью и реестръ актовъ, рѣшеній и закладныхъ хранился въ высшихъ судахъ. Форма отчужденія или передачи была очень проста; но ея дѣйствительность была гарантирована *публичностью*. „До завоеванія пожалованія земли были записываемы въ книгу графства (Shire-book) послѣ сдѣланнаго на сходѣ графства (Shire-mote) объявленія на тотъ случай, что могутъ оказаться лица, предъявляющія свои права на передаваемыя земли. Это условіе было столько же неизбѣжно какъ новѣйшія публикаціи при окончательномъ приобрѣтеніи или возвращеніи имущества.

Право распоряжаться имуществомъ по завѣщанію, по видимому, было неограниченно; для этого было довольно даже устнаго заявленія, если оно дѣлалось въ присутствіи достаточнаго числа свидѣтелей, состоявшаго обыкновенно изъ восьми или десяти челоуѣкъ, и всѣ завѣщанія были утверждаемы въ мѣстномъ судѣ. Право наслѣдства согласно такъ называемому Gavel-kind ⁽¹⁾ простиралось на всѣхъ дѣтей умершаго (впрочемъ женщины были иногда исключаемы), что было несогласно съ обычаемъ, введеннымъ послѣ завоеванія и съ тѣхъ поръ господствовавшимъ въ этой странѣ. Англичанамъ донорманскаго періода право первородства по видимому было неизвѣстно ⁽²⁾. Однакоже въ нѣкоторыхъ

(1) Gavel-kind—обычай существующій еще до сихъ поръ въ Kentѣ, по которому земля переходила отъ отца къ дѣтямъ по равнымъ частямъ и отъ лица умирающаго безъ потомковъ ко всѣмъ его братьямъ.

Примѣч. переводч.

(2) Вильгельмъ законодатель, въ грамотѣ данной Лондону, установилъ, что дѣти лица, умершаго безъ завѣщанія наслѣдуютъ поровну. При Генрихѣ I старшій сынъ наслѣдовалъ только ленное помѣстье; земли же внесенныя въ книгу (Woc-land) переходили по всей фамилии.

округахъ существовалъ совершенно противоположный обычай подъ названіемъ Borough-English, по которому наслѣдство переходило къ *младшему* сыну, въ томъ предположеніи, что старшіе сыновья могли быть болѣе обеспечены при жизни отца. Это основаніе можетъ выдержать сравненіе съ нѣкоторыми изъ аргументовъ, употребляемыхъ въ защиту нашего закона о переходѣ наслѣдства къ старшему изъ сыновей.

Должно также замѣтить, что по смерти сына, не оставившаго потомковъ, наслѣдовалъ отецъ. „По нашему обычному праву, онъ былъ безусловно и во всѣхъ случаяхъ исключенъ,“ пишетъ Галламъ въ 1829 г., какъ разъ передъ тѣмъ временемъ, когда этотъ принципъ былъ возстановленъ въ англійскомъ законодательствѣ, послѣ восьми-вѣковаго промежутка.

Многія черты саксонскихъ поземельныхъ законовъ, напр. отношеніе между господиномъ и „васаломъ“ ⁽¹⁾, обязанность военной службы, и возвращеніе нѣкоторыхъ земель государству въ случаѣ неимѣнія наслѣдниковъ мужескаго пола, были причиною мнѣнія, что первоначальная форма феодализма существовала въ Англии до норманскаго нашествія; и въ спорѣ относительно этого вопроса обѣ стороны приводили сильные аргументы. Нѣкоторое отрицательное доказательство въ пользу этого мнѣнія состоитъ въ томъ фактѣ, что по видимому никакого *кодекса законовъ* не было издано Вильгельмомъ завоевателемъ, поклявшимся при своей коронаціи сохранить законы своихъ новыхъ подданныхъ. Но государь, творившій судъ посредствомъ собственныхъ судей, говорившій чужеземнымъ языкомъ, непонятнымъ для народа и отдававшій самую землю въ собственность *новыхъ владельцевъ*, могъ обойтись — и, вѣроятно, обошелся — безъ формальности изданія новаго кодекса. Въ настоящее время по видимому господствуетъ противоположное мнѣніе, въ пользу котораго сильно говоритъ то, что земля могла быть передаваема *inter vivos*, отказываема по завѣщанію, причемъ наслѣдство дѣлилось поровну между дѣтьми. Такія черты столь противоположны принципамъ феодаль-

(1) Это слово употребляется Ассериусомъ, современникомъ Альфреда Middle Ages, vol II, p. 413.

наго землевладѣнія, что онѣ дѣлаютъ изложенный выше вопросъ неважнымъ для настоящей нашей цѣли.

Эти отличительныя черты и большая часть другихъ выдающихся чертъ народныхъ поземельныхъ законовъ были сглажены и совершенно уничтожены при норманскомъ завоеваніи. Жалованныя грамоты Вильгельма не дѣлали никакого различія между общественною и частною землею и были даны имъ какъ абсолютнымъ государемъ по его собственной единичной волѣ, неограниченной никакимъ совѣтомъ, и исходили прямо и единственно отъ него, какъ феодальнаго властителя. „Онѣ формально установилъ принципъ всеобщаго господства короны и требовалъ торжественнаго признанія его всеми землевладѣльцами Англій въ большомъ собраніи, которое онѣ созвалъ въ 1086 году въ Сэлисберри (1).

Но онѣ сдѣлалъ еще болѣе. Система, образовавшая на континентѣ родъ соціальной сѣти, въ которой васалы въ свою очередь имѣли субвасаловъ и въ выгодахъ которой такимъ образомъ участвовали благородные классы, въ Англій приняла видъ тираніи одного монарха. Эта тиранія главнымъ образомъ давала себѣ чувствовать въ „вознагражденіи“ (2) (relief) и „опекунствѣ“ (wardship), введенныхъ норманскими королями взаменъ прежнихъ, свободныхъ и систематическихъ поземельныхъ учрежденій Англій, пользовавшейся ими со времени великаго Альфреда; о гнетѣ этой системы свидѣтельствуетъ такъ называемая Domesday Book, т. е. книга заключавшая въ себѣ описъ всѣхъ земель Англій. Такъ какъ это необыкновенное произведеніе возникло отъ воли Вильгельма завоевателя, то его приписывали исключительно его генію и власти. Однако же возможность составленія этой книги, оконченной втеченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ назначенными для сего комисарами, по видимому лежала въ готовой организаціи, имѣвшейся

(1) Creasy. Hist. of England. Freeman. Conquest of England.

(2) Relief (вознагражденіе) въ феодальномъ правѣ значило подать, которую наслѣдникъ лица владѣвшаго землею за службу въ качествѣ рыцаря или на другихъ какихъ либо основаніяхъ платилъ феодальному владѣтелю, по смерти этого лица, за право получить его имѣніе, такъ какъ оно по строгимъ феодальнымъ принципамъ, по смерти своего владѣльца, должно было переходить къ этому властителю.

у нихъ подъ руками въ каждомъ графствѣ и сотнѣ (округѣ) королевства, такъ какъ въ англосаксонскихъ грамотахъ и въ реестрахъ присутственныхъ мѣсть cadaго графства находились точныя описанія земель, основанныя на древнихъ принципахъ общественаго права и обычая и все эти свѣденія сосредоточивались въ судѣ графства, какъ въ мѣстномъ центрѣ (1).

Такъ какъ завоеватель поставилъ себя единственнымъ властителемъ земли и отказалъ своимъ дворянамъ во всякомъ участіи, которое на континентѣ дѣлало cadaго владѣльца маленькимъ князькомъ и тиранномъ, то у англійскихъ бароновъ мало по малу образовалось сочувствіе къ требованіямъ народа, какъ это вскорѣ показала великая хартія (Magna Charta); и съ этихъ поръ не принадлежавшіе къ дворянству классы англійскаго народа перестали непосредственно чувствовать дѣйствительный гнетъ феодализма. Но такъ какъ все судопроизводство и вся юридическая ученость были на чужеземномъ, именно на нормано-французскомъ языкѣ, то никто изъ ученыхъ не хотѣлъ, а изъ неученыхъ не могъ дѣлать сравненій въ пользу прежнихъ поземельныхъ льготъ противъ системы, съ которой они были теперь воспитываемы и предъ которой должны были преклониться вся ихъ ученость и все ихъ предразсудки. Такимъ образомъ, между тѣмъ какъ въ дѣлахъ касающихся общей свободы королевства неблагородные классы пользовались силою и участвовали во многихъ привилегіяхъ дворянъ, вынужденныхъ отъ наслѣдниковъ Вильгельма и укрѣпленныхъ неоднократно подтвержденными дѣйствіями великой хартіи, дурное сѣмя поземельнаго феодализма, насажденнаго его рукою, прикрываемое языкомъ хартіи, непонятнымъ для народа, произвело свой дурной плодъ. Тираннія „вознагражденія“ и „опекунства“ продолжалась цѣлыя столѣтія и породила систематическое развитіе „юридическихъ лазеекъ“ для избѣжанія ихъ тяжести, законченную науку ухищреній и уловокъ, которыми къ несчастію до сихъ

(1) Комисары производили повѣрку, требуя къ себѣ шерифовъ, владѣльцевъ усадьбы, приходскихъ священниковъ, управляющихъ и проч. для представленія точныхъ свѣденій о землѣ, лѣсахъ, пастбищахъ, обработкѣ и проч. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ были исчислены живой инвентарь.

поръ отличаются законы о поземельной собственности въ Англіи.

Но остатки англійской свободы и упорство англійскаго сопротивленія были причиною, что значительная часть земли осталась въ болѣе смягченномъ и свободномъ владѣніи, извѣстномъ подъ именемъ „common socage,“ при которомъ хотя и существовали феодальныя узы, но налагаемыя ими повинности были денежныя, а не личныя и воинскія. Эта форма землевладѣнія измѣняла характеръ феодальной зависимости, хотя не избавляла отъ этой зависимости, существеннымъ элементомъ которой было *постоянное личное отношеніе между владѣльцемъ и его наслѣдниками съ одной стороны и васаломъ и его наслѣдниками съ другой*. Однако же право отчужденія сохранялось и наслѣдство по первородству заступило хотя и не вездѣ мѣсто наслѣдованія поровну. Этотъ способъ наслѣдованія земли былъ ключемъ феодальнаго землевладѣнія, такъ хотя право отчужденія земли *во время жизни* ограниченными владѣльцами (tenant in tail) ⁽¹⁾ было номинально запрещено, но въ мелкихъ владѣніяхъ оно допускалось подъ условіемъ, чтобы верховный властелинъ не былъ лишаемъ своихъ правъ. При этомъ обращалось вниманіе только на то, чтобы обязанности и повинности по владѣнію леномъ переходили къ старшему сыну, но вопросъ чей былъ этотъ сынъ — не составлялъ большой важности. Кромѣ того вошло въ обычай принимать новаго васала при жизни стараго, который желалъ удалиться.

Этотъ обычай не простирался на васаловъ короны, но онъ былъ достаточно распространенъ для того, чтобы дать поводъ къ изданію двухъ важныхъ и хорошо извѣстныхъ статутовъ въ царствованіе Эдуарда I. Однимъ изъ этихъ узаконеній (de Donis conditionalibus) запрещались фальшивыя сдѣлки объ отчужденіи имущества, состоящихъ въ ограниченномъ владѣніи (estates tail), посредствомъ которыхъ верховные владѣльцы лишались права взять въ свою пользу имущество васала въ случаѣ неимѣнья у него наслѣдниковъ. Другимъ (Quia Emptores), который былъ изданъ пять

(1) Tenant in tail ограниченный лень, т. е. имѣніе, владѣніе, которое ограничено извѣстными наслѣдниками, и отъ котораго другіе наслѣдники исключены; нѣчто въ родѣ маіората. Прим. перевод.

лѣтъ спустя, и по видимому имѣлъ цѣлью узаконить отчужденіе, обезпечивалось право верховнаго собственника противъ попытокъ васала выдавать *себя самого* покупателю за безусловнаго господина и возлагались на покупателя тѣ же самыя обязанности относительно земли предъ главнымъ владѣльцемъ, подъ условіемъ которыхъ эта земля находилась во владѣніи продавца.

Эти два статута около двухъ столѣтій сряду уничтожали усилія къ освобожденію земли отъ феодальныхъ оковъ, по крайней мѣрѣ посредствомъ открытаго отчужденія, и имѣли своимъ послѣдствіемъ тотъ вредный результатъ, что хозяйственное положеніе несчастнаго васала сдѣлалось болѣе шаткимъ, чѣмъ когда нибудь, такъ какъ никакая отдача маіоратнымъ владѣльцамъ земли въ аренду не была обязательна для его наслѣдника. Вслѣдствіе этого всѣ хорошіе фермеры перешли къ монастырямъ, которыхъ земли сдѣлались постояннымъ убѣжищемъ агрономическихъ знаній и улучшеній. Прочность пользованія этими землями, изъятими отъ арендальнаго ига, и изученіе тамъ класическихъ писателей по агрономіи сильно отозвались на почвѣ и повели къ дренажу и къ обработкѣ болотъ и пустошей Линкольна, Соммерсета и Эссекса, между тѣмъ какъ въ другихъ мѣстахъ давленіе феодальнаго гнета на мелкихъ ленныхъ собственниковъ и на вѣрное положеніе фермеровъ, не смотря на арендные контракты, довели обработку земли до самаго жалкаго состоянія и остановили агрономическое развитіе королевства. Средство для избѣжанія послѣдствій этихъ статутовъ было найдено въ уловкѣ, извѣстной подъ названіемъ „Common Recovery“ и изобрѣтенной по видимому духовенствомъ. Оно состояло въ томъ, что по сдѣлкѣ между духовенствомъ и какимъ нибудь суевѣрнымъ землевладѣльцемъ, сочинался первымъ противъ послѣдняго фиктивный искъ, которымъ духовенство предъявляло на землю свои права какъ на свою собственность, подлежащую возвращенію ему (recovery). Дѣйствительный собственникъ не защищается и такимъ образомъ земля переходитъ къ духовенству. Подобныя насмѣшки надъ закономъ были утверждаемы судами къ стыду духовенства, которое ихъ изобрѣло и судей, которые ихъ допустили.

Но изъ всѣхъ многообразныхъ изобрѣтеній, выросшихъ подъ

гнетомъ феодализма, наиболѣе двусмысленнымъ было то, посредствомъ котораго право собственности на землю, номинально находившееся въ рукахъ разныхъ собственниковъ, было тайнымъ образомъ передаваемо въ „пользованіе“ (use) другаго лица, которое такимъ образомъ могло пользоваться этою ленною собственностію, не подвергаясь тягостнымъ леннымъ повинностямъ вознагражденія, опекуинства и конфискаціи. Ко времени Генриха VIII этотъ обычай распространился до такой степени, что значительная часть королевства освободилась отъ наиболѣе тягостныхъ неудобствъ феодальнаго землевладѣнія.

Одна уловка порождаетъ другую и отдача въ пользованіе была уничтожена статутомъ, изданнымъ въ 27 году царствованія Генриха VIII, которымъ владѣльцы этихъ „use“ сдѣланы законными собственниками, и такимъ образомъ снова подвергала владѣемую ими землю феодальнымъ повинностямъ. Отсюда опять произошла новая уловка: земли стали передаваться по актамъ *безъ опубликованія и внесенія въ реестръ*. Такимъ образомъ вся настоящая англійская система передачъ не внесенныхъ въ реестръ, имѣетъ своимъ началомъ злоумышленная уклоненія отъ закона, мало по малу освобождавшія землевладѣніе отъ феодальныхъ оковъ.

И такъ въ какомъ же положеніи остались поземельные законы послѣ формальнаго уничтоженія феодальнаго землевладѣнія разныхъ видовъ? Въ чемъ состояли законы относительно распоряженія имуществомъ, напр. права отчужденія его и проч.

Первоначальная простота передачи сопровождаемой публичною записью въ реестръ и даже позднѣйшія формы приѣма во владѣніе и отдачи въ лентъ, извѣстныя подъ именемъ *seisin* и *enfeoffment*, были замѣнены тайною передачею посредствомъ частныхъ актовъ, языкъ и фразеологія которыхъ носитъ на себѣ слѣды борьбы еклезіастическихъ и юридическихъ ухищреній противъ феодальныхъ и законодательныхъ ограниченій.

Система частной нерегистрованной передачи земли породила цѣлую науку, цѣлый словарь для безчисленныхъ видовъ землевладѣнія. Было бы бесполезно и невозможно въ этомъ этюдѣ представлять даже поверхностную исторію всѣхъ этихъ различныхъ

видовъ владѣнія землею, изъ которыхъ каждый могъ бы составить предметъ особаго изученія. Относящіеся къ нимъ постановленія и обычаи до того разнообразны, запутанны, сложны и даже противорѣчивы, что изученіе законовъ о поземельной собственности въ Англіи можетъ довести до отчаянія. Это разнообразіе дѣйствительныхъ и вымышленныхъ правъ на владѣніе повело къ тому, что никакая предусмотрительность, никакая ловкость не могли оградить покупателя отъ различныхъ случайностей, вслѣдствіе которыхъ онъ могъ потерять пріобрѣтенную имъ собственность, и еще во время реставраціи неопредѣленность правъ на земли было выставляемо въ числѣ причинъ упадка доходности и цѣнности земель (1), а передъ 1857 г. въ теченіе двадцати лѣтъ было внесено въ парламентъ двадцать биллей о введеніи правильной системы регистраціи, а избранный комитетъ отъ палаты лордовъ, которому было поручено изслѣдовать лежащія на землѣ повинности, приписывалъ уменьшеніе ея цѣнности утомительному и убыточному процессу, сопровождающему ея отчужденіе и требовалъ „совершеннаго пересмотра всѣхъ существующихъ правилъ объ отчужденіи и отиѣны настоящей, многосложной и обременительной системы.“

Было бы невѣроятно, если бы это не было справедливо, что въ то время когда личная собственность переходитъ изъ рукъ въ руки въ лондонскомъ собраніи банкировъ на сумму въ три съ половиною *билліона* въ годъ, права на землю, этотъ въ высшей степени видимый и осязаемый предметъ, запираются въ секретные ящики и передаются въ частныя конторы, основываясь на документахъ, написанныхъ языкомъ, требующихъ иногда перевода, иногда затруднительной дешифровки, но всегда толкованія эксперта.

Но отчужденіе земли сопряжено съ множествомъ затрудненій еще болѣе значительныхъ чѣмъ тѣ, которыя происходятъ отъ многословія документовъ или отъ допотопныхъ формъ исчезнувшей системы и обвѣтшалаго языка и даже отъ незасвидѣтельствованія актовъ посредствомъ регистраціи. По паденіи системы феодальнаго землевладѣнія сохранилось другое зданіе, именно зданіе искусственныхъ правилъ и принциповъ, изобрѣтенныхъ для избѣжанія

(1) 1669, Lord's Journal, vol. XII, 273.

ея гнета и уклоненія отъ постановленій закона, и произведшее дуализмъ въ собственности. Поземельная собственность была отдана разнымъ лицамъ въ пожизненное владѣніе, назначена къ переходу въ ихъ владѣніе впоследствии, и этимъ устранялась всякая возможность отчужденія ея до тѣхъ поръ, пока не только не умрутъ все лица, имѣющія особое право въ силу подобной сдѣлки или завѣщанія, но и *нерожденный ребенокъ* того лица, кто былъ тогда еще малолѣтнимъ, не достигнетъ двадцати одного года отъ роду; такъ что пользованіе этихъ лицъ землею на самомъ дѣлѣ продолжалось обыкновенно пятьдесятъ лѣтъ, но могло продолжиться до 80-ти и даже до 90 лѣтъ. Словомъ, земля могла быть отдана (и этотъ обычай въ силѣ до сихъ поръ) въ пользованіе на все время жизни нѣсколькихъ данныхъ лицъ и на *двадцать одинъ годъ послѣ того*.

Въ послѣдніе годы возникъ важный споръ, въ какой мѣрѣ эта система полезна для всеѣхъ заинтересованныхъ въ почвѣ сторонъ, то есть для самаго поземельнаго собственника, для арендатора, работника и наконецъ для всей общины, которой нельзя отказать въ правѣ интересоваться производительностью земли и желать свободы относительно покупки ея.

Поэтому поводу мы приведемъ слова писателя, который имѣлъ случай составить основанное на опытѣ сужденіе относительно вліянія продолжительной аренды на землевладѣльческіе классы Англии:

„Большая часть земли въ Англии, говоритъ Кэрдъ (по сдѣланномъ имъ осмотрѣ земледѣльческихъ округовъ въ 1851 году), гораздо бѣльшая чѣмъ обыкновенно думаютъ, состоитъ во владѣніи пожизненныхъ арендаторовъ, до того обремененныхъ повинностями контракта, что они не имѣютъ средствъ улучшить землю, которую обязаны держать. Было бы напрасно распространяться о происходящихъ отъ этого общественныхъ и частныхъ невыгодахъ, такъ какъ онѣ признаны всеми, которые изучали этотъ предметъ и серьезно чувствуются заинтересованными лицами. Арендаторы съ капиталомъ пренебрегаютъ запущеннымъ имѣніемъ, *номинальный собственникъ* которой не способенъ улучшить его вслѣдствіе своихъ затруднительныхъ обстоятельствъ; а арендаторы съ ограниченными средствами держа такое имѣніе не могутъ выдер-

жать конкуренцію съ фермерами-капиталистами, обрабатывающими земли, которыя представляютъ всѣ удобства и выгоды, какія въ своихъ собственныхъ интересахъ представляетъ имъ неотягощенный долгами землевладѣлецъ.“

Возрастающая энергія и дѣятельность арендатора требуетъ затраты капитала самимъ землевладѣльцемъ прежде чѣмъ самъ арендаторъ можетъ пожертвовать своимъ. „Издержки“ по содержанию земли составляютъ обыкновенную тѣму каждаго дѣловаго человѣка. Мы безпрестанно слышимъ жалобы богатыхъ и мелкихъ землевладѣльцевъ, что поземельная собственность влечетъ громадныя расходы на хозяйственныя и жилыя строенія, на дренажъ и другія необходимыя улучшенія, требуемыя временемъ, такъ что поземельная собственность становится скорѣе обузою, чѣмъ статьею дохода. Въ нѣкоторомъ смыслѣ такъ и должно быть. Почва создана не для празднаго наслажденія даже самого не обрабатывающаго ее собственника. Желаніе извлекать доходъ съ земли не тратя на нее капитала совершенно противно первоначальной цѣли сдѣлки, потому что оно соединяетъ человѣка связаннаго со свободнымъ и грозитъ катастрофой, для предупрежденія которой эти узы были сдѣланы. Однако же это есть необходимое слѣдствіе системы, гдѣ аренда, простираясь на неродившихся еще лицъ, позволяетъ и даже поощряетъ обременять ее долгами и связывать такимъ образомъ руки наслѣднику, на котораго обрушатся потомъ гибельные результаты подобнаго хозяйничанья.

Но если ограниченная собственность, возникающая изъ этой системы аренды, не благопріятельствуетъ затратѣ капитала со стороны собственника, то, по мнѣнію многихъ, при вѣрности продолжительной аренды ничто не мѣшаетъ подобной затратѣ со стороны арендатора. Въ большей части хорошо устроенныхъ сдѣлокъ земли отдаются въ аренду на двадцать одинъ годъ, и весьма часто говорятъ, что свобода контракта между собственникомъ и нанимателемъ предоставляетъ обѣимъ сторонамъ свободу постановить условія, какія имъ заблагоразсудятся. Но даже и здѣсь мы опять встрѣчаемъ самые гибельные слѣды феодальнаго законодательства. Глочестерскимъ статутомъ (при Эдуардѣ I) было установлено правило: *Quicquid plantatur solo, solo cedit*, которое отняло у арен-

датора всѣ права на каждое улучшенія, которое онъ сдѣлалъ въ хозяйствѣ; онъ лишается ихъ съ самой той минуты какъ оканчивается срокъ его аренды. Ему было запрещено даже воздвигать строения на землѣ, гдѣ никакихъ построекъ не было прежде или превращать одинъ родъ строения въ другой, хотя бы это клонилось къ увеличенію цѣнности имѣнія. Скоро изъ этого правила были сдѣланы исключенія въ пользу торговли; но они остались во всей своей строгости относительно арендаторовъ земледѣльческихъ арендъ; машины и орудія, заведенныя арендаторомъ, хотя бы съ цѣлью улучшенія хозяйства, и хотя бы безъ нихъ оно не могло обойтись, оставались въ пользу владѣльца. Трудно вообразить себѣ законъ болѣе вредный даже для самого того лица, въ интересахъ котораго онъ былъ изданъ и изъ цѣлаго ряда постановленій о землѣ вѣроятно не найдется ни одного, отъ котораго *собственникъ* страдалъ болѣе. Искушеніе къ затратамъ капитала на землю даже при кратковременныхъ арендахъ, въ арендаторѣ несоразмѣрно велико, оно далеко превосходитъ норму, оправдываемую арендой, и говоря вообще никто лучше его не знаетъ что требуется для хозяйства. Законъ совершенно противоположный вышеприведенному и поощряющій правильную систему оцѣнки прибавокъ и улучшеній, сдѣланныхъ арендаторомъ, былъ бы въ высшей степени полезенъ для интересовъ обѣихъ сторонъ, и прибавилъ бы миліоны фунтовъ стерлинговъ къ поземельному богатству страны. Едва ли будетъ слишкомъ много сказать относительно этого пограниченія, что онъ подобно червю подтачиваетъ въ корнѣ вопросъ о землевладѣльцѣ и арендаторѣ, что его слѣды замѣтны вездѣ, гдѣ ихъ интересы противоположны, вмѣсто того чтобы быть одинаковыми. Очевидно почти до несомнѣнности, что вслѣдъ за пользованіемъ самого собственника *пользованіе арендатора какъ можно болѣе похожее на собственность*, должно быть признано наиболее выгодною для сторонъ формою землевладѣнія, такъ какъ оно *непрерывно* поддерживаеетъ прогрессъ улучшенія и прибавленія въ землѣ. Издержки для поддержанія земледѣлія на высокой степени совершенства малы сравнительно съ издержками на *исправленіе* запущенной земли, и потеря государства, происходящая отъ „обнищанія“ фермъ вслѣдствіе вышеприведеннаго закона почти неисчисли-

ма. Ни одинъ арендаторъ не будетъ тратить денегъ на улучшения, которыя онъ долженъ оставить за собою въ имѣніи другаго лица при оставленіи аренды, если онъ не будетъ увѣренъ, что онъ будетъ вознагражденъ за свои труды и потому то при кратковременныхъ и годовыхъ арендахъ земля рѣдко обрабатывается вполне.

При существующей системѣ, распространившейся на большую часть земли королевства, трудно сказать, кто имѣетъ дѣйствительный интересъ въ затратѣ капитала на почву. Пожизненный владѣлецъ не можетъ дѣлать полныхъ затратъ по вышеизложеннымъ причинамъ. Срочный арендаторъ не можетъ дѣлать ихъ тѣмъ болѣе, потому что его аренда ограничена извѣстнымъ числомъ лѣтъ. Собственникъ избѣгаетъ всего что уменьшаетъ его *годовой доходъ*, онъ откладываетъ даже необходимыя улучшения.

Таково формальное положеніе заинтересованныхъ сторонъ. Разнообразіе обстоятельствъ и мѣстности въ большой степени видоизмѣняетъ его, и обыкновенная сумма капитала, употребляемаго на фермерское хозяйство, гдѣ не требуется дренажа и другихъ улучшеній, даетъ возможность вести дѣла довольно сносно и скрывать недостатки системы. Но тамъ, гдѣ необходимы большія затраты на дренажъ, ограды, орошеніе, устройство дорогъ и другія постоянныя прибавленія, недостатокъ капитала скоро даетъ себя почувствовать. Пособія со стороны правительства на дренажъ и возникшія компаніи для улучшения земледѣлія доказываютъ, что пожизненное владѣніе не даетъ возможности употреблять капиталъ на арендованныя земли.

До сихъ поръ мы разсматривали поземельные законы Англии, только со стороны интересовъ собственника и нанимателя и старались прослѣдить ихъ относительное положеніе. Но остаются еще два разряда лицъ — работникъ и та обширная часть общества, которая не имѣетъ никакого прямого участія въ собственности или въ арендованіи земли. Правда обыкновенно о поземельной системѣ говорятъ такъ, какъ будто подъ нею подразумѣвается землевладѣлецъ, арендаторъ и работникъ, но вникнувъ въ положеніе этого послѣдняго въ англійскомъ земледѣліи никто не станетъ утверждать, что работникъ имѣетъ какую нибудь постоянную личную связь съ системой, что относительно ея онъ находится въ какомъ угодно положеніи, но никакъ не въ положеніи союзника, онъ бы-

васть болѣе или менѣе нуженъ въ разныя времена года, онъ подверженъ всѣмъ превратностямъ этого запроса, правда не болѣе какъ былъ подверженъ имъ въ прежнія времена *adscriptus glebae* (приписанный къ землѣ крѣпостной), онъ воленъ приходить и уходить когда ему вздумается, но не имѣеть ни кусочка изъ той земли, которую онъ помогаетъ обрабатывать, никакого опредѣленнаго убѣжища на ней, возлѣ нея или въ связи съ нею, для себя и для своего семейства.

Это не преувеличеніе, и этихъ фактовъ нельзя приписать остаткамъ феодальной системы, которыхъ новѣйшее законодательство забыло исправить. Напротивъ того до новѣйшихъ временъ земледѣльческій работникъ былъ признаннымъ жильцомъ фермерской усадьбы, а прежде узелъ соединявшій его съ почвой, этотъ признакъ его рабства, былъ звеномъ связывавшимъ его жизнь и общественное положеніе съ жизнью и общественнымъ положеніемъ его хозяина, которымъ былъ обыкновенно собственникъ имъ обрабатываемой земли. Время измѣнило все это, и для большинства классовъ къ лучшему. Но съ того же самаго царствованія, въ которое было рѣшено даровать работнику свободу, положено основаніе англійской системѣ законовъ о бѣдныхъ (*Poor-law*) и настоящее устраненіе его отъ всего что извѣстно подъ именемъ „общественнаго прогресса“ служить не только упрекомъ земледѣльческимъ успѣхамъ, но и признаннымъ пятномъ законодательной системы Англій.

Было бы клеветою на наше поколѣніе— обвинять какой нибудь классъ его въ изолированности земледѣльческаго работника среди возрастающаго богатства и возрастающей бѣдности, которыя дѣлятъ современную жизнь этой страны на двѣ громадныя рѣзко разграниченныя между собою и быстро увеличивающіяся массы и представляютъ собою двойную соціальную задачу. „Постоянно возрастающія цѣны, постоянно возрастающій пауперизмъ, миліоны потраченныхъ денегъ безъ удовлетворительнаго результата и что еще несравненно хуже— миліоны человѣческихъ существъ, которыхъ самое имя служить униженіемъ даже въ ихъ собственныхъ глазахъ— какъ людей получающихъ вспомошествованіе приходовъ“ (1) съ

(1) Рѣчь президента управленія бѣдныхъ, декабря 20, 1868 г.

одной стороны, а съ другой „въ высшей степени убѣдительная очевидность, что производство богатства въ этой странѣ увеличивается въ такихъ обширныхъ размѣрахъ и такъ быстро, что бѣдность, несомнѣнно существуетъ вслѣдствіе недостаточной производительности богатства“ (1).

Среди этой громадной аномаліи, земледѣльческій работникъ представляетъ собою въ частности также аномалію. Между тѣмъ какъ въ каждой другой отрасли прогресса—въ механикѣ, въ ремеслахъ, прикладныхъ наукахъ, промышленность, къ которой онъ принадлежитъ, развилась въ небывалой пропорціи, а его положеніе, исключая нѣкоторые округа, почти не подвинулось впередъ. Кэрлъ, объѣхавшій въ 1850 г. графства Англіи, говорить, что „между тѣмъ какъ въ чисто-земледѣльческихъ графствахъ доходъ съ земли и доходъ съ котѣджа работника возросъ со времени объѣзда Артура Юнга на 100⁰/₀, цѣна масла поднялась тоже на 100⁰/₀, а цѣна мяса на 70⁰/₀, жалованье земледѣльческаго работника увеличилось только на 14⁰/₀.“ На югѣ и западѣ Англіи жизнь сельскихъ работниковъ есть „жизнь непрестаннаго труда за жалованье слишкомъ скудное для того, чтобы удовлетворять самымъ первымъ необходимымъ потребностямъ жизни. Никакая надежда не озаряетъ ихъ однообразнаго существованія, жизнь постояннаго труда не представляетъ имъ никакой другой перспективы кромѣ необходимости, по истощеніи силъ, прибѣгнуть въ качествѣ нищихъ къ вспомоствованію прихода. Многіе разряды работниковъ по прежнему принуждены работать также долго и за такое же ничтожное вознагражденіе какъ въ прежнія времена; и изъ каждыхъ двадцати жителей Англіи одинъ находится въ такой глубокой бѣдности, что требуетъ помощи прихода“ (2).

Но послѣдствія не являются безъ причинъ и въ положеніи работника не можетъ произойти никакихъ прочныхъ перемѣнъ отъ усилій филантропіи. Оно должно быть изучено въ связи съ системою, которой оно составляетъ часть. Законъ о приходскихъ домахъ (parish settlement) уничтожилъ котѣджи для работниковъ, а Union Chargeability Act не сдѣлалъ ничего для возникновенія ихъ.

(1) Fawcett. Economic Position of the British Labourer, p. 6.

(2) Fawcett. Economic Position of the British Labourer, p. 6.

Въ чьихъ же интересахъ, при англійской повсемѣстной системѣ арендовать, дать работнику домъ, который можетъ привязать его къ труду? Арендаторъ не можетъ этого сдѣлать; онъ не можетъ возводить построекъ на землѣ, которая не ему принадлежитъ, для него нѣтъ особеннаго интереса покрывать землю жилищами, которыя могутъ доставить сельскихъ работниковъ для его преемниковъ, такъ какъ онъ чрезъ нѣсколько лѣтъ, а можетъ быть и черезъ годъ долженъ будетъ оставить аренду. Самъ землевладѣлецъ не можетъ сдѣлать этого, такъ какъ при англійской системѣ въ чемъ состоитъ выгода, которая побудила бы его къ тому? Онъ отдаетъ свою землю въ наймы, предоставляя арендатору извлекать изъ нея ту выгоду, какую могутъ извлечь изъ нея его капиталъ и искусство, не ограничиваемую никакимъ контрактомъ. Дѣлать все возможное для достиженія этой цѣли въ предѣлахъ времени есть естественное желаніе и даже обязанность арендатора и если бы онъ могъ обработывать свою землю одновременно посредствомъ машинъ, не употребляя въ дѣло ни одного работника, то ему стоило бы приобрести орудія столь выгодныя для его экономіи въ качествѣ нанимателя, съ точки зрѣнія котораго каждая изба работника есть постоянная угроза его карману, отзываются на все его доходѣ съ аренды. При нашей системѣ аренднаго пользованія землею, при которой и пожизненный, и годичный фермеръ арендуютъ землю изъ за выручки возможно большаго дохода, стараясь какъ можно менѣе тратить на ручной трудъ, положеніе сельскаго работника весьма странно. Онъ не есть работникъ землевладѣльца и не есть жилецъ своего хозяина; человѣкъ которому онъ служить не можетъ дать ему домъ, а человѣкъ который можетъ дать ему домъ не употребляетъ его къ работѣ. Зависимость имѣетъ свои выгоды и независимость — свои прелести; но его судьба сложилась такъ, что онъ можетъ извлечь только *minimum* пользы изъ той и другой.

Улучшеніе настоящаго положенія сельскаго работника посредствомъ воспитанія принадлежитъ къ числу великихъ и серьезныхъ вопросовъ дня; но воспитаніе, изоцряя сознаніе тягостной доли, ведетъ также къ эманципаціи того, кто ее терпитъ, и *воспитанный* сельскій работникъ слишкомъ часто въ настоящее время перестаетъ быть таковымъ. Когда мы разсуждаемъ о томъ какимъ образомъ улуч-

шить гнѣздо, то намъ едва ли поможетъ знать какимъ образомъ можно научить птицъ вылетѣть изъ него. При англійской системѣ, вопросъ о помѣщеніи сельскаго работника становится одною изъ тѣхъ отдѣльныхъ задачъ, которыя падаютъ въ пустую корзину чистой филантропіи. Напрасно хозяинъ сталъ бы спрашивать работника откуда онъ пришелъ утромъ на свою работу или куда онъ пойдетъ вечеромъ по ея окончаніи, лишь бы только онъ исполнилъ ее, такъ какъ хозяинъ не можетъ предложить ни готоваго дома, ни средствъ для его постройки. Но если его мало заботитъ вопросъ о помѣщеніи работника, то тѣмъ менѣе онъ касается землевладѣльца, который мало расположенъ тратить долю своихъ младшихъ дѣтей на сомнительныя прибавки къ наслѣдству своего старшаго сына, воздвигая жилища, постройка которыхъ считается самою непроизводительною затратою капитала. Поэтому „компаніи для улучшенія земледѣлія,“ которыя актъ парламента уполномочилъ выстроить въ имѣніяхъ котѣджи для работниковъ, обратились къ правительству и къ обществу съ просьбою о ссудѣ капиталовъ на этотъ предметъ.

Поразительный недостатокъ англійской поземельной системы состоитъ въ томъ, что сельскій работникъ совершенно устраненъ отъ всякаго интереса и участія въ результатъ своего собственнаго труда. „Работники, получающіе въ этой странѣ наименьшую плату, говоритъ Фоусетъ, до того безпечны, что рѣдко обнаруживаютъ хоть сколько нибудь заботливости о будущемъ; и даже болѣе высокая плата не производитъ никакого прочнаго улучшенія въ состояніи бѣдныхъ. Они не берегутъ своихъ увеличенныхъ заработковъ и тратятъ деньги на наитки и на прихоти. Этому нечего удивляться. Одно изъ самыхъ неизбѣжныхъ слѣдствій незѣжества есть недостатокъ предусмотрительности, а жизнь наемнаго работника не можетъ оказать никакого благотворнаго вліянія къ развитію благоразумія.“

Въ заключеніе скажемъ, что отъ водовозной лошади до собаки ни одно животное на фермѣ не помѣщено такъ дурно какъ работникъ и его семейство. И довольно замѣчательно то обстоятельство, что это упущеніе въ фермерскомъ хозяйствѣ отразилось и въ законодательствѣ, которое согласилось на просимыя собственниками

ссуды на всѣ предметы кромѣ этого, представляющаго наиболѣе замѣчательный недостатокъ почти во всѣхъ англійскихъ фермахъ.

Послѣдній пунктъ самый вѣрный изъ всѣхъ состоитъ во вліяніи англійскихъ поземельныхъ законовъ на весь классъ людей, которые не участвуютъ въ обладаніи почвой и смотрятъ на поземельную собственность издали, какъ на вещь недостижимую для большинства вслѣдствіе дороговизны ея приобрѣтенія и еще болѣе безотрадной дороговизны содержанія; которые видятъ какъ она съ каждымъ годомъ соединяется въ болѣе и болѣе крупныя владѣнія, недоступныя для умѣренныхъ и маленькихъ капиталовъ; которые увѣрены, что отнынѣ въ Англии землю слѣдуетъ считать „увеселительнымъ паркомъ“ богачей и что каковы бы ни были доводы политикоэкономистовъ на счетъ распредѣленія богатства, по крайней мѣрѣ въ этой его формѣ не полезно и не желательно, чтобы оно существовало не иначе какъ въ обширныхъ размѣрахъ, т. е. въ видѣ большихъ имѣній, способныхъ выносить издержки на своихъ адвокатовъ и повѣренныхъ безъ чувствительнаго уменьшенія дохода. Въ какой степени нынѣшняя англійская система отчужденія земель поощряетъ къ покупкѣ небольшихъ имѣній, объ этомъ можно составить себѣ нѣкоторое понятіе по слѣдующимъ двумъ таблицамъ, изъ которыхъ одна относится къ покупкѣ имѣній цѣною свыше, а другая ниже 1000 ф. въ теченіе четырехлѣтняго періода времени:

Таблица I.

Таблица II.

Покупная цѣна.	Издержки покупателя независимо отъ герб. пош. и проч.			Покупная цѣна.	Издержки покупателя независимо отъ герб. пош. и проч.		
	ф.	ш.	п.		ф.	ш.	п.
1,800	24	0	10	1,000	46	12	0
4,667	54	5	4	956	23	19	0
2,300	52	0	4	746	48	12	6
1,260	17	2	8	600	31	10	0
2,662	39	0	0	500	15	6	8
1,340	40	9	2	230	39	13	3
1,695	21	10	0	225	15	7	0
1,835	32	0	10	100	23	14	3
1,248	46	12	2	4,357	244	14	8
1,895	54	8	0				
2,274	72	4	6				
<u>22,976</u>	<u>453</u>	<u>13</u>	<u>10</u>				

Эти таблицы показываютъ среднюю цифру $2\frac{1}{2}\%$ или въ пять разъ болѣе гербовой пошлины *ad valorem*, которая сама по себѣ составляетъ тяжелый налогъ. Но средняя цифра не даетъ понятія о тяжести издержекъ въ отдѣльныхъ случаяхъ. Такъ въ таблицѣ 2-й, взятой въ отдѣльности, средняя величина издержекъ покупателя составляетъ около 6, а въ послѣднемъ случаѣ 23 процента. Издержки продавца въ каждомъ случаѣ бывають гораздо значительнѣе.

Неудивительно, что при такихъ затрудненіяхъ, сопровождающихъ самые первые шаги къ приобрѣтенію собственности, независимо отъ послѣдующихъ обстоятельствъ, сопровождающихъ владѣніе его у массы людей, обладающихъ маленькими или средними капиталами, исчезаетъ всякое пожеланіе приобрѣсти ее, и что на поземельную собственность стали смотрѣть какъ на разорительную игрушку богачей. Невозможно исчислить объемъ вліянія, какое имѣетъ на промышленный и бережливый классъ общества такое устраниеніе его отъ покупки земли, — этого самаго естественнаго и предпочтительнаго способа помѣщенія капитала. Мы видимъ картину происходящей отъ сего альтернативы въ самыхъ безумныхъ и разорительныхъ спекуляціяхъ, распространившихся въ публикѣ подъ вліяніемъ пылкихъ увлеченій, безразсудство которыхъ равняется только невѣденію свойствъ предпріятія, спекуляціяхъ, гдѣ безплодно тратятся тысячи мелкихъ капиталовъ, которые, будучи употреблены на землю, дали бы работу десяткамъ тысячъ рукъ. Трудно вообразить себѣ болѣе гибельное и самоубійственное безуміе, чѣмъ то, которое, вслѣдствіе созданныхъ препятствій, чисто искусственныхъ и условныхъ, мѣшаетъ теченію капитала, и вытѣсняетъ его изъ нашихъ береговъ для преслѣдованія цѣлей болѣе обманныхъ и безплодныхъ, чѣмъ превращеніе самыхъ неудобныхъ къ обработкѣ болотъ и топей въ образцовыя фермы.

Недостатокъ искусственныхъ законовъ состоитъ не только въ томъ, что они производять вредъ, но и въ томъ, что они *мѣшаютъ добру*, останавливая благодѣтельное дѣйствіе законовъ естественныхъ. Было бы излишнимъ говорить, что для страны полезнѣе всего, чтобы богатство, въ какой бы формѣ оно ни проявлялось, существовало какъ въ большихъ такъ и въ малыхъ и

во всѣхъ среднихъ размѣрахъ безъ помѣхъ со стороны искусственныхъ правилъ и теорій. Правило для богатства вообще примѣняется безъ измѣненія и къ богатству въ формѣ землевладѣнія. Было бы несправедливо утверждать, что большія и малыя имѣнія суть зло; но вѣрно то, что искусственныя ограниченія и исключительныя законы, направленные къ достиженію той или другой крайности, въ Англіи и во всякой другой странѣ, суть зло болѣе гибельное, чѣмъ обыкновенно думаютъ. Они не только вредно вліяютъ на непосредственный предметъ ихъ дѣйствія, но разстраиваютъ всѣ связанныя съ нимъ отношенія. И это вѣрно относительно земли столько же какъ относительно всякаго другаго предмета. Ни одинъ классъ общества не остается изъятымъ отъ вліянія управляющихъ его законовъ.

Если эти слова покажутся преувеличеніемъ, то пусть читатели обратятъ вниманіе на то, что земля есть буквально *нашъ хлѣбъ насущный*, первоначальный источникъ нашего богатства и всего зданія основанныхъ на немъ человѣческихъ дѣйствій. Пусть они зададутъ себѣ вопросъ: вѣроятно ли, чтобы ошибка въ законахъ, управляющихъ землею, есть дѣло маловажное, не болѣе какъ ничтожный и не имѣющій большаго значенія промахъ, не влекущій за собою никакихъ послѣдствій для соціального положенія общины; безопасно ли, благоразумно ли увлекаться теоріями *въ пользу* малыхъ или большихъ поземельныхъ имуществъ, когда опытъ жизни долженъ бы былъ достаточно убѣдить, что уже одна наклонность „закона“ къ произведенію той или другой крайности служить его осужденіемъ.

Сравненіе большихъ и малыхъ поземельныхъ владѣній полезно въ той мѣрѣ, въ какой оно служитъ для практическихъ цѣлей, — для опредѣленія ихъ относительныхъ выгодъ какъ въ способѣ ихъ обработки, такъ въ выборѣ продуктовъ, которые на нихъ должны быть добываемы, въ ихъ примѣненіи къ особенностямъ почвы и климата и къ разнообразнымъ способностямъ и склонностямъ народа; но какъ предметъ спора, оно не практично и не убѣдительно, потому что не приводитъ ни къ какому логическому результату въ исключительной сферѣ законодательства или какого бы то ни было человѣческаго суда. Законы не имѣютъ подобной

обязанности и обычай позаботится самъ о себѣ. Все что можетъ сдѣлать законодательство, это — устранить всѣ преграды для благотѣтельнаго дѣйствія естественныхъ законовъ, регулирующихъ распредѣленіе земли, которые столь же неизмѣнны какъ тѣ, которые управляютъ морскими приливами.

Законы о поземельной собственности въ Англіи, начиная съ періода непосредственно слѣдующаго за нормандскимъ завоеваніемъ до настоящаго времени, представляютъ собою исторію, неизмѣнную въ одномъ пунктѣ, именно въ постоянной борьбѣ соперничающихъ интересовъ. Стороны, участвовавшія въ борьбѣ въ различные періоды мѣнялись; феодалъ, государь, баронъ, духовный, юристъ и землевладѣлецъ, вступали въ нее поочередно, по мѣрѣ того, какъ они были вынуждаемы къ этому давленіемъ враждебной силы или эгоистическихъ интересовъ. Результатомъ всѣхъ этихъ столкновеній была система, завѣщанная Англіи два вѣка тому назадъ, которая съ теченіемъ времени весьма мало измѣнилась. Но въ нихъ не слышно было никогда двухъ голосовъ, — двухъ интересовъ, о которыхъ мало думали, — именно голоса политико-экономиста и агронома. Можно ли послѣ этого удивляться, что состояніе этихъ законовъ отозвалось невыгодными результатами на самыхъ лучшихъ трудахъ одного и нарушеніемъ первыхъ принциповъ другаго? Въ исторіи Англіи, можетъ быть, нельзя найти ни одного примѣра, въ которомъ зрѣлое и просвѣщенное желаніе общества, — ясно и неоднократно выраженное посредствомъ наиболѣе публичныхъ способовъ, людьми наиболѣе способными и учеными, о предметѣ, подвергавшемся продолжительному и всестороннему изслѣдованію цѣлаго ряда королевскихъ комиссій, — оставалось бы такъ долго и терпѣливо подъ сукномъ у законодательной власти, какъ требованіе реформы законовъ о вещественной собственности, въ особенности относительно перехода земли изъ однѣхъ рукъ въ другія. Будемъ ли мы смотрѣть на этотъ предметъ съ точки зрѣнія юриста, какъ на вопросъ о законодательной реформѣ, клонящейся къ восстановленію простой и дешевой, вмѣсто сложной и дорого стоящей процедуры или съ точки агронома, относительно вліянія этой отрасли закона на нашу важнѣйшую внутреннюю промышленность; или съ точки зрѣнія политико-

экономиста, защищающаго права общества на участіе въ общественномъ богатствѣ, — требованіе будетъ одно и то же: „освободите землю,“ — освободите ее отъ оковъ, въ которыя ввергнули ее давно исчезнувшіе обычаи и интересы, мѣшая приспособленію ея къ обычаямъ новѣйшей жизни и представляя относящіеся къ ней законы анахронизмомъ среди нашихъ учрежденій.

Инициативы освобожденія земли изъ ограниченій, наложенныхъ въ историческіе періоды, — освобожденія, требуемаго потребностями новѣйшей земледѣльческой и комерческой жизни, было бы почти напрасно ожидать отъ людей, которые, вслѣдствіе своего спеціального воспитанія и своей ежедневной практики, сроднились съ традиціонными формами и техническимъ построеніемъ системы, освященной для нихъ обычаями и запечатлѣнной ученостью цѣлыхъ вѣковъ, — между тѣмъ какъ эти интересы не имѣютъ никакихъ представителей въ государственномъ управленіи. Показанія множества свидѣтелей, сообщавшихъ словесно или письменно свои мнѣнія королевскимъ комиссіямъ, назначаемымъ отъ времени до времени въ теченіе послѣднихъ *сорока лѣтъ*, а также писателей, которыхъ брошюры могли бы составить цѣлую энциклопедію по предмету реформы законовъ о вещественной собственности, показываютъ, что *дѣйствительное* внесеніе имѣній въ опись, основанное на официальной картѣ съ опредѣленнымъ масштабомъ, принятымъ для кадастра и свободное отъ гербовой пошлины въ теченіе первыхъ пяти лѣтъ, ограниченіе пожизненной аренды, уравненіе законовъ о землѣ лицъ, умершихъ безъ завѣщанія съ законами о личномъ имуществѣ такихъ лицъ, подведеніе разныхъ видовъ земельного владѣнія подъ одни общія постановленія и ассимилированіе законовъ о поземельной собственности съ законами о другихъ ея видахъ принесли бы болѣе пользы людямъ, заинтересованнымъ въ землевладѣніи и зависящимъ отъ нихъ лицамъ, чѣмъ весь громоздкій механизмъ формальностей, отнимающій отъ землевладѣнія ту плодотворную силу и дѣятельность въ настоящемъ, которая, по свидѣтельству опыта, служитъ лучшею гарантіею будущаго.

VI.

ПОЗЕМЕЛЬНЫЙ ВОПРОСЪ ВЪ ИРЛАНДІИ.

Статья Эмиля де Лавелэ.

I.

Извѣстно, что Ирландія была дарована королю англійскому Генриху II въ 1156 году, буллою папы Андріана IV, но до эпохи Елисаветы, англичане не могли овладѣть этой страной, кромѣ ея восточной части. Возстанія католиковъ противъ протестантской Англій привели къ покоренію острова при Елисаветѣ и Кромвелѣ. Въ то время были уничтожены монастыри, конфискованы крупныя помѣстья и земля роздана побѣдителямъ протестантамъ. Поселяне, которымъ принадлежала земля подъ условіемъ нѣкоторыхъ феодальныхъ обязанностей, стали мало по малу считаться простыми пользователями, арендаторами (tenants at will).

Только въ XVIII вѣкѣ, когда наконецъ водворился въ Ирландіи порядокъ, начала приносить плоды введенная тамъ социальная система. Уголовный кодексъ, запрещавшій католикамъ владѣть поземельною собственностью, и англійскіе законы о маіоратахъ и субститутахъ привели къ сосредоточенію земли, раздѣленной на громадныя помѣстья, въ рукахъ нѣсколькихъ англійскихъ протестантскихъ семействъ. Эти собственники жили въ Англій, мало заботились объ управленіи своими ирландскими помѣстьями и отдавали ихъ по дешевой цѣнѣ и на долгіе сроки

фермерамъ, которые превращали землю въ луга и откармливали скотъ. Ирландія была мало населена; такъ въ 1766 году, было всего жителей 1,871,725. Разведеніе картофеля произвело великую перемену въ концѣ прошлаго столѣтія. Это корневое растеніе доставляло пищу ирландцамъ, которую они предпочитали своему грубому овсяному хлѣбу. Имѣя возможность легче прокармливать себя, народонаселеніе стало быстро увеличиваться. Крупные фермеры воспользовались этимъ случаемъ, чтобъ раздѣлить землю на участки, которые они отдавали въ аренду отъ себя по очень дорогой цѣнѣ. Такимъ образомъ, между собственниками англичанами и мѣстными воздѣльвателями земли образовался классъ *посредниковъ* (middlemen), жившихъ балансомъ между арендами, которыя они платили собственникамъ и которые въ свою очередь получали отъ мелкихъ пользователей. Собственники получая акуратно арендную плату, не заботились ни о чемъ другомъ. Они даже съ политической точки зрѣнія содѣйствовали раздробленію земли, создавая большое количество мелкихъ арендъ (freeholds) въ 40 шиллинговъ. Дороговизна хлѣба во время войнъ имперіи еще болѣе усилила это раздробленіе земли. Мелкіе воздѣльватели земли жили, плодились и платили постоянно возрастающую аренду; *посредники* обогащались; собственники заботились только о голосѣ своихъ арендаторовъ на парламентскихъ выборахъ. Въ 1822 г., народонаселеніе достигло до 6,800,000 душъ.

Къ этой эпохѣ относятся причины несчастнаго положенія Ирландіи. Нельзя безнаказанно преступать законовъ природы. Человѣку предназначено добывать изъ земли, все необходимое для его существованія и поземельная собственность установлена для того, чтобъ ему стоило улучшать землю, увеличивать ея производительность и создавать капиталъ, необходимый для ея воздѣлыванія; но въ Ирландіи поземельная собственность сосредоточивалась въ рукахъ людей, отсутствующихъ и потому никто не имѣлъ достаточнаго интереса для введенія тѣхъ преобразованій, которыхъ требуетъ улучшенное земледѣліе. Собственники, проживающіе въ Англіи и часто отягощенные долгами, не думали даже о проложеніи дорогъ или возведеніи фермерскихъ зданій въ помѣстьяхъ, которыхъ положеніе и объемъ они едва знали по на-

слышкѣ. Несправедливо было бы упрекать ихъ въ этомъ, такъ какъ при существовавшей системѣ всякій сдѣлалъ бы тоже самое. *Посредники*, которые въ сущности были только наемщики, еще менѣе имѣли интереса заботиться объ улучшеніяхъ, чѣмъ собственники. Оставались слѣдовательно земледѣльцы, которые получали землю обнаженную въ первобытномъ положеніи; но они были невѣжественны бѣдны и вполнѣ зависѣли отъ *посредниковъ*, которые постоянно увеличивавшейся арендой оставляли имъ только необходимое для пропитанія. Они не имѣли ни желанія, ни средствъ производить дорогія улучшенія. Для защиты отъ непогоды имъ необходимо былъ кровъ и они устраивали себѣ съ помощью нѣсколькихъ жердей тѣ мазанки съ соломенной крышей, которыя сдѣлались символомъ крайней нищеты. Сырой, но мягкій климатъ, почти безъ морозовъ и снѣговъ позволялъ имъ не имѣть болѣе прочныхъ и теплыхъ жилищъ. Въ этой мазанкѣ изъ глины и соломы, самое лучшее мѣсто отведено было свиньѣ, цѣнность которой служила къ уплатѣ арендѣ. Система земледѣлія походила на жилище поселанина, онъ садилъ картофель на одномъ и томъ же полѣ до тѣхъ поръ, пока изнуренная почва не уходила подъ паръ на восемь или на десять лѣтъ. Было бы такимъ же безуміемъ говорить о дренажѣ, о плодoperемѣнной системѣ, о скотномъ дворѣ и т. д., какъ предложить англійскимъ лордамъ послать необходимый капиталъ для приведенія въ порядокъ своихъ помѣстій. Денегъ, образованія, земледѣльческихъ орудій, однимъ словомъ всего, что необходимо для процвѣтанія хорошей земледѣльческой системы не доставало ирландскимъ воздѣлывателямъ земли. Однако съ увеличеніемъ народонаселенія распространялась обработка невоздѣланныхъ земель; съ лопатой въ рукѣ, ирландскій поселанинъ превращалъ горы и болота въ поля. Только повсюду царила та же самая, несчастная, изнуряющая почву система земледѣлія и повсюду встрѣчались тѣ же нищенскія жилища. Такимъ образомъ увеличеніе количества воздѣлываемой земли, вмѣсто того, чтобы служить какъ вездѣ признакомъ и результатомъ общаго благосостоянія, было въ Ирландіи только доказательствомъ распространенія сельскаго пауперизма.

Отсутствіе торговли и промышленности, исключая въ протестант-

ской провинціи Ульстеръ, благодаря англійскимъ законамъ оставивавшимъ всякое ихъ развитіе; земледѣліе, самое отсталое, какъ единственное средство къ пропитанію; картофель, какъ главная пища; отсутствіе средняго класса между очень богатыми собственниками и очень бѣдными земледѣльцами; народонаселеніе, увеличивавшееся благодаря именно своей нищетѣ — вотъ каково было социальное положеніе Ирландіи, когда послѣ 1815 года, пониженіе въ цѣнѣ земледѣльческихъ произведеній, возбудило страшный кризисъ. Арендная плата не платилась аккуратно и бѣольшая часть *посредниковъ* была разорена и исчезла. Тогда собственники увидѣли передъ собою толпу несчастныхъ, не бывшихъ въ состояніи платить ренты или ввести хорошей системы земледѣлія, несчастныхъ едва производившихъ то количество жизненныхъ припасовъ, которое необходимо было для ихъ существованія. Народонаселеніе и изобиліе рукъ, вмѣсто того чтобъ служить источникомъ богатства, было напротивъ причиною гибели. Разореніе было общее, кризисъ былъ ощущаемъ всеми классами.

Какъ было выйдти изъ этого страннаго положенія? Можно было прибѣгнуть къ двумъ средствамъ. Первое состояло въ томъ, чтобъ научить ирландцевъ извлекать бѣольшую пользу изъ производительныхъ силъ страны, которую Артуръ Юнгъ, знавшій въ этомъ толкъ, признавалъ самой плодородной въ Европѣ. Примѣръ Ломбардіи, Фландріи, Китая, Японіи доказываетъ, что населеніе даже болѣе плотное чѣмъ въ Ирландіи, можетъ найдти въ одномъ земледѣліи, благодаря хорошей системѣ обработки, способъ къ обогащенію страны; но ничто не подлежитъ такъ мало импровизаціи какъ земледѣльческая реформа. Нигдѣ, это доказываетъ повсемѣстный опытъ, преданіе не представляетъ такого отпора нововведеніямъ какъ въ селахъ; даже въ странахъ, образованныхъ и богатыхъ, дурныя системы земледѣлія существуютъ очень долго. Сколько лѣтъ и усилій требовалось бы для превращенія ирландцевъ въ хорошихъ земледѣльцевъ! Къ тому же кто въ то время могъ бы предпринять такое дѣло?

Второй способъ былъ проще: онъ состоялъ въ томъ, чтобъ очистить, освободить землю отъ той массы несчастныхъ, которые разоряли и пожирали землю, не извлекая изъ нея часто средствъ къ

жизни и къ платежу арендныхъ денегъ; для производства подобной очистки (clearing) слѣдовало отказать арендаторамъ и изгнать ихъ съ земли, снести мазанки тѣхъ, которые не хотѣли уйдти и помѣшать имъ выстроить новыя; потомъ превратить всю землю въ луга и откармливать на нихъ лучшей скотъ для англійскихъ рынковъ. Операція подобнаго рода *очистки помѣстья* была исполнена съ полнымъ успѣхомъ въ Шотландіи между 1815 и 1820 годами, въ громадныхъ владѣніяхъ маркизы Стафорда, въ графствѣ Сутерландъ. 400,000 гектаровъ, составлявшихъ это помѣстье, равнявшееся цѣлому французскому департаменту, были освобождены отъ 15,000 населявшихъ ихъ жителей и превращены въ пастбище для барановъ. Сизмонди рассказывая этотъ фактъ, возбуждалъ негодованіе всѣхъ филантроповъ Европы и Америки; но Лавернъ полагаетъ, что результаты этого гигантскаго выселенія были полезны для обогащенія страны и распространенія благосостоянія шотландцевъ. Ту же систему пытались примѣнить къ Ирландіи. Но по различнымъ причинамъ она не увѣнчалась успѣхомъ. Прежде всего эта операція, произведенная отдѣльно различными собственниками, не могла быть введена съ такимъ порядкомъ, послѣдовательностію и челоуѣколюбіемъ, какія выказалъ мистеръ Лочъ, агентъ маркизы Стафордъ; во вторыхъ ирландцы оказали болѣе сопротивленія чѣмъ шотландцы. Они организовали особый трибуналъ и умерщвляли всѣхъ, приказывавшихъ выселеніе и всѣхъ принимавшихъ живое участіе въ этомъ дѣлѣ. Наконецъ народонаселеніе подлежащее удаленію было гораздо многочисленнѣе чѣмъ въ Шотландіи; тутъ необходимо было выселить не тысячи, а милліоны людей. Такимъ образомъ въ общей сложности экономическое положеніе страны осталось тоже самое, а увеличилась только ненависть арендаторовъ къ собственникамъ. Нѣсколько помѣстій были *очищены* (1); но общее число бѣдныхъ земле-

(1) Вотъ примѣръ подобной *очистки*. Маркизь Слиго имѣлъ въ графствѣ Майо громадное помѣстье, простиравшееся отъ Вестпорта до границъ графства Гальвей, на разстояніи 12 миль. Онъ отдалъ часть земли около 5 квадр. миль капитану Гаузтону по 45 сантимовъ за акръ. Капитану удалось очистить свою землю отъ всѣхъ мелкихъ фермеровъ

дѣльцевъ продолжало увеличиваться и ихъ нищета достигла ужа-сающихъ размѣровъ. Въ 1834 году народонаселеніе Ирландіи равнялось 7,943,840 душамъ.

Общественное мнѣніе въ Англіи и на континентѣ было возбуждено наконецъ несчастнымъ положеніемъ Ирландіи, подобнаго чему не было примѣра ни въ какой образованной или дикой странѣ. Парламентское слѣдствіе, произведенное въ 1835 году, обнаружило цѣлый рядъ фактовъ, которые не могли не растрогать всѣ сердца и не наполнить ужасомъ всѣ умы. Тогда-то Сизмонди написалъ свои статьи, а Гюставъ-де-Бомонъ напечаталъ свою книгу, которыя произвели вездѣ такое громадное впечатлѣніе. Ирландская нищета, говорилъ де-Бомонъ:—представляетъ совершенно особый фактъ; въ виду ея приходится признать, что нельзя опредѣлить формы несчастья, до котораго можетъ дойти народъ. Во всѣхъ націяхъ бываютъ нищія; „но цѣлый народъ нищій, это явленіе до селѣ еще невиданное.“ Ежегодно въ промежутокъ между тѣмъ временемъ, когда прекращался запасъ стараго картофеля и не наступалъ еще сборъ новаго, постоянно свирѣпствовалъ голодъ. Однажды у епископа Дойля спрашивали, въ какомъ положеніи находился западъ Ирландіи; онъ отвѣчалъ преспокойно:— „Положеніе запада обыкновенно, тамъ умираютъ съ голода какъ всегда.“

Голодъ 1847 года, разразясь надъ несчастнымъ уже народонаселеніемъ былъ также ужасенъ, какъ великіе голода среднихъ вѣковъ, память о которыхъ сохранилась въ исторіи. Много земледѣльцевъ умерло съ холода, много искало спасенія въ добровольномъ изгнаніи изъ родины. Не смотря на помощь присланную изъ Англіи и на большія общественныя работы, производимыя для доставленія труда несчастнымъ, народныя страданія превзошли все что только можетъ человѣкъ вообразить; но когда однажды этотъ страшный кризисъ миновалъ, то наступилъ періодъ

находившихся на ней и обратить ее въ громадное пастбище, гдѣ онъ разводилъ барановъ и рогатый скотъ шотландской породы, за которыми смотрѣли шотландскіе пастухи. Никто не покушался на жизнь самого мистера Гаузтона, но многіе изъ служившихъ у него шотландцевъ были ранены или убиты.

обновленія; тяжелая година была въ родѣ гигантской *очистки*, произведенной самой природой.

Съ 1848 по 1860 годъ, положеніе Ирландіи много улучшилось. Безъ всякаго сомнѣнія въ виду дурной системы земледѣлія принятой въ Ирландіи, народонаселеніе было слишкомъ велико. Благодаря голоду и эмиграціи оно значительно уменьшилось и съ 8,000,000, дошло до 5,500,000. Треть собственниковъ была совершенно разорена налогомъ въ пользу бѣдныхъ, который былъ недавно учрежденъ и который иногда поглощалъ весь доходъ съ помѣстья. Тѣ, которые устояли противъ кризиса, начали гораздо лучше управлять своими помѣстьями и совершенная перемѣна произошла въ распредѣленіи фермъ. Число фермъ менѣе двухъ гектаровъ, которые были недостаточны для прокормленія семейства уменьшилось на три четверти; число фермъ отъ 5 до 15 акровъ уменьшилось на 30%; а число фермъ отъ 15 до 30 акровъ увеличилось на 72%; а свыше 30 акровъ на 225%. Земля такимъ образомъ была распредѣлена гораздо лучше и введеніе хорошихъ системъ земледѣлія было теперь возможно. Количество скота также увеличилось въ значительной степени. Въ 1841 году, цѣнность скота равнялась 525,000,000 франк. а въ 1861, она дошла до 835,000,000 считая по оцѣнкѣ того времени и до миллиарду по настоящему курсу. Слѣдовательно дѣйствительная цѣнность скота удвоилось. Два миліона акровъ, не воздѣланной земли были очищены и обработаны. Заработная плата увеличилась среднимъ числомъ съ одного франка до одного франка двадцать пять сантимовъ въ день. Суммы выданныя на храненіе въ банкъ равнялись въ 1841 году, 150 миліонамъ, а въ 1861 г. 175 миліонамъ. Въ тотъ же періодъ поземельный доходъ возвысился съ 300 мил. на 375 мил. Ирландія, которая во времена Сизмонди постоянно вывозила питательные продукты, тогда какъ жители ея умирали съ голоду, теперь получала ежегодно 4 мил. кварталеровъ пшеницы и маиса, что служитъ вѣрнымъ доказательствомъ лучшаго питанія народа, такъ какъ количество питательныхъ произведеній увеличилось, а количество ртовъ уменьшилось до 250 мил. Потребленіе предметовъ отвѣчающихъ потребностямъ людей, живущихъ въ нѣкоторомъ довольствѣ, число приличныхъ жилищъ, помѣщеніе частныхъ капиталовъ въ государственные фон-

ды, доходъ съ наслѣдствъ, однимъ словомъ всѣ цифры, которыя могутъ служить къ оцѣнкѣ народнаго богатства показываютъ постоянное возрастаніе. Въ виду этихъ фактовъ обнаруживаемыхъ и подтверждаемыхъ внѣшнимъ видомъ страны нельзя отрицать, что со времени голода 1847 года произошелъ большой прогрессъ.

По несчастью, начиная съ 1860 года прогрессъ этотъ остановился и даже замѣтно прогрессивное пониженіе цифръ. Дождливые года 1860, 1861 и 1862, нанесли земледѣльцамъ убытку на 650 мил. франк., что равняется двухъ годичной рентѣ со всего острова. Вслѣдствіе этого фермеры и собственники чрезвычайно упали духомъ. Для избѣжанія результатовъ суроваго климата, послѣдніе старались увеличить число настищъ, которыя увеличились на 560,000 акровъ, тогда какъ воздѣланная земля лишилась 400 тысячъ акровъ. Чтобы дойти до этого результата надо было снова прибѣгнуть къ *очисткамъ*. Однако онѣ не были такъ многочисленны, какъ предполагаютъ и бѣольшая часть ихъ ведены очень гуманно. Все же нѣкоторыя изъ нихъ отличаются столь большою жестокостью, что Гладстонъ имѣлъ основаніе назвать ихъ самыми преступными изъ всѣхъ подобныхъ явленій. Эти очистки воскресили снова общественные безпорядки; возобновились жестокія проявленія народной мести и аграрныя убійства. Вскорѣ феніанизмъ вывезенный изъ Америки, внесъ свой новый запасъ преступленій и ужасовъ. Стремленія къ болѣе равномерному раздѣленію собственности и къ революціонному обновленію общества, которыя нынѣ замѣтны повсюду, приняли въ Ирландіи особую форму. Поселяне хотѣли пріобрѣсть право собственности на воздѣлываемую ими землю. Ненависть противъ собственниковъ и Англій, которая ихъ защищала, увеличивалась съ каждымъ годомъ. Посреди всѣхъ этихъ безпорядковъ, преступленій, борьбы и особливо безпокойствъ на счетъ будущаго, могли ли собственники производить тѣ земледѣльческія улучшенія, которыя требуютъ столько времени и денегъ? Ирландія снова вступила въ тотъ заколдованный кругъ, изъ котораго по видимому эта несчастная страна не можетъ выйдти. Преступленіе возбуждаетъ недовѣріе, а недовѣріе приводитъ къ нищетѣ и преступленію. Капиталъ не дѣлаетъ почву производительной, потому что собственность не безопасна, а въ свою оче-

редь собственность не безопасна, потому что чувствуется недостатокъ капитала. Положеніе Ирландіи сдѣлалось особенно несчастнымъ въ послѣдніе годы. Феніанизмъ въ сущности не что иное какъ особый видъ космополитической демогагіи, отличался слѣпой, жестокой ненавистью ко всему англійскому и нашелъ себѣ сторонниковъ только въ городахъ и между работниками; но вражда противъ собственниковъ и ихъ правъ распространилась по всѣмъ селамъ. Католическіе священники, не смотря на инструкціи нѣкоторыхъ прелатовъ, раздѣляютъ это чувство и поддерживаютъ его въ своей паствѣ. Средній классъ ему не враждебенъ. Извѣстные адвокаты, краснорѣчивые ораторы и талантливые писатели объясняютъ, защищаютъ и оправдываютъ феніанизмъ. Съ другой стороны уничтоженіе государственной церкви глубоко оскорбило протестантовъ и консерваторовъ неудовлетворивъ поселянъ, которые просятъ ни болѣе, ни менѣе какъ владѣніе землей. Изъ всѣхъ этихъ различныхъ источниковъ возникло всеобщее недовольство до того могучее, что Англія должна во что бы то ни стало его успокоить или оппозиція усилится до требованія независимости и отдѣленія отъ Англіи. Обстоятельство увеличивающее еще опасность заключается въ томъ, что ирландцы, переселившіеся въ Америку, возбуждаютъ въ Соединенныхъ Штатахъ древнюю ненависть къ Англіи, проповѣдуютъ войну и въ случаѣ начала борьбы непременно поднимутъ всю Ирландію.

Указавъ на сдѣленіе обстоятельствъ, приведшее къ современному положенію Ирландіи, постараемся опредѣлить переносимыя ею напасти; впослѣдствіи мы рассмотримъ способы, предлагаемые для уничтоженія этихъ золъ.

Вотъ островъ, почва котораго одарена необыкновеннымъ плодородіемъ. Климатъ, хотя и сырой, благопріятенъ растительности; ленъ, кормовыя травы, а особливо клеверъ, эмблема зеленаго Ерина, растутъ великолѣпно. Въ немъ есть много отличныхъ гаваней, онъ находится на большомъ морскомъ пути между Европой и Америкой, и въ недалекомъ разстояніи отъ великихъ угольныхъ копій Англіи. Населеніе его храброе, умное, способное на всякій умственный и физическій трудъ; онъ составляетъ часть страны, идущей во главѣ цивилизаціи и считающейся самой свободной и всего

лучше управляемой на землѣ; наконецъ онъ пользуется нынѣ тѣми же законами политическими и гражданскими, какъ остальные части государства. Отчего же эта страна въ продолженіи долгаго времени представляла образецъ величайшей нищеты, когда либо виданной на земномъ шарѣ и теперь даже является страной самой безпокойной, недовольной, тревожимой ненавистью однихъ классовъ противъ другихъ и запятнанной самыми ужасными преступленіями? Зло происходитъ не отъ людей, а отъ законовъ. Разсмотрѣвъ внимательно всѣ фазы ирландскаго вопроса, я могу сказать съ полною увѣренностію справедливости моихъ словъ, что нигдѣ несчастный народъ не высказывалъ столько терпѣнья, а собственники столько состраданія, какъ въ Ирландіи; но феодальные законы Англіи, дурное вліяніе которыхъ въ этой послѣдней странѣ было уменьшено обычаями и счастливыми обстоятельствами, въ примѣненіи къ Ирландіи, гдѣ все увеличивало зло этой системы, привели къ тому страшному положенію, которое нынѣ стараются измѣнить къ лучшему.

Слушая всѣ жалобы ирландскихъ арендаторовъ, читая книги и рѣчи касающіяся ирландскаго вопроса, мы приходимъ къ тому заключенію, что все зло происходитъ отъ ненадежнаго пользованія землей (*insecurity of tenure*). Это послѣднее слово знаменитаго парламентскаго слѣдствія произведеннаго въ 1845 году, комиссіей извѣстной въ Англіи подъ названіемъ *Девонской*. Крупные землевладѣльцы Ирландіи какъ напримѣръ лордъ Дюферинъ, лордъ Джорджъ Гамильтонъ, лордъ Кастльросъ, графъ Фингаль, графъ Портарлингтонъ, графъ Ернъ, графъ Портсмуть, графъ Гранардъ, признавали сами все зло, происходившее отъ существовавшихъ законовъ и громко заявляли, что они должны быть измѣнены въ пользу арендаторовъ.

Вотъ что означаетъ это выраженіе постоянно встрѣчающееся при обсужденіи ирландскаго вопроса — *ненадежность пользованія землей*. Въ прежнія времена, собственники отдавали землю въ аренду на долгіе сроки по дешевой цѣнѣ, чѣмъ злоупотребляли арендаторы отдавая эту землю мелкими участками и по чрезвычайно дорогой цѣнѣ земледѣльцамъ. Съ 1815 года, собственники стали вообще отказываться отъ заключенія новыхъ

арендныхъ контрактовъ. Ихъ побуждали въ этому различныя причины: во первыхъ они хотѣли совершенно уничтожить посредниковъ, которые притѣсняли земледѣльцевъ и дѣлали несчастье страны; потомъ они желали, посредствомъ угрозы немедленнаго удаленія съ земли, противудѣйствовать прискорбному обычаю Ирландскихъ земледѣльцевъ, дробить землю на мельчайшіе участки для раздачи ихъ своимъ дѣтямъ, вслѣдствіе чего страна покрылась той толпою несчастныхъ нищихъ людей, среди которыхъ голодъ 1847 года причинилъ такія ужасныя опустошенія. Наконецъ знаменитое избраніе О'Конеля въ депутаты графства Клэръ доказало, что въ Ирландіи воскресаетъ духъ независимости и потому собственники иногда отказывали своимъ фермерамъ въ заключеніи аренднаго контракта съ цѣлью привлечь на свою сторону голосъ этихъ фермеровъ. При этомъ надо замѣтить, что обыкновенно фермера и не требовали заключенія аренднаго контракта, или изъ боязни разгнѣвить своихъ господъ, или изъ расчета на ихъ челоуколюбіе и забывчивость.

Самыя послѣднія статистическія данныя за 1870 годъ доказываютъ, что изъ 682,148 помѣстій (holdings), 20,217 находились въ рукахъ собственниковъ, 135,392 находились въ арендѣ по контракту и 526,539 были отданы въ наемъ безъ всякаго условія по доброй волѣ собственника. Такимъ образомъ болѣе трехъ четвертей всѣхъ пользователей земли находятся въ полной зависимости собственниковъ; они могутъ быть изгнаны во всякое время съ занимаемой земли и обязаны покинуть свою родину такъ какъ она не представляетъ имъ другихъ средствъ къ пропитанію. Впрочемъ мы не хотимъ этимъ сказать, чтобъ произвольныя удаленія арендаторовъ случались такъ часто, какъ предполагаютъ. Дѣйствительно во время предыдущихъ кризисовъ послѣ 1830 и 1847 годовъ, собственники часто прибѣгали къ этому средству для освобожденія своей земли отъ чрезмѣрнаго количества живущихъ на ней бѣдныхъ земледѣльцевъ; по судья Лонгфильдъ, авторитетъ котораго по ирландскому вопросу признанъ всѣми, утверждаетъ, что въ послѣдніе годы подобныя произвольныя удаленія арендаторовъ встрѣчаются гораздо рѣ-

же (1). Новѣйшія статистическія данныя вполнѣ подтверждаютъ это мнѣніе; судебная статистика за періодъ отъ 1866 по 1868 г. доказываетъ, что среднимъ числомъ было удалено собственниками арендаторовъ, 1,455 въ годъ (1,668 въ 1866 году и только 1,334 въ 1868 году), изъ которыхъ 1,015 за неплатежъ арендной суммы. Слѣдовательно остается 445 случаевъ, въ которыхъ арендаторы были удалены за отдачу въ наемъ земли безъ дозволенія и по другимъ причинамъ. Вспомнивъ что всего арендаторовъ въ Ирландіи 681,931 надо сознаться, что эти факты не доказываютъ той безчеловѣчности, въ которой обыкновенно обвиняютъ ирландскихъ землевладѣльцевъ; но писатель высказавшій по важному вопросу о поземельной организаціи чрезвычайно глубокіе и своеобразныя взгляды, Клифъ Лесли (2) очень хорошо объясняетъ почему сравнительно рѣдкія удаленія арендаторовъ производятъ такое важное расстройство въ ирландскихъ дѣлахъ. По его словамъ эти случаи произвольнаго удаленія арендаторовъ играютъ такую же роль, какъ аграрныя преступленія. Эти послѣднія преступленія случаются не часто, нѣсколько сотенъ въ годъ. Отчего же они возмущаютъ до того весь общественный порядокъ, что побудили даже объявить страну на военномъ положеніи? Потому что одного преступленія достаточно, чтобъ повергнуть въ ужасъ цѣлую провинцію. Одинъ собственникъ умерщвленъ за то, что онъ отказалъ своему арендатору, и убійца, покровительствуемый нравственнымъ содѣйствіемъ всего народонаселенія, успѣлъ скрыться отъ правосудія. Немедленно всѣ собственники пугаются; никто не считаетъ себя безопаснымъ, всякій дрожитъ за свою жизнь. Собствен-

(1) Статья Лонгфильда, на которую ссылается Лавелэ, та самая, которая помѣщена въ подлинникѣ настоящей книги, а нами замѣнена статьею Лавелэ. *Пр. перев.*

(2) См. книгу Лесли *Land systems of Ireland, England and the continent*. Мы не разъ будемъ ссылаться на авторитетъ Лесли, потому что онъ какъ профессоръ политической экономіи въ лондонскомъ университетѣ и профессоръ правъ въ королевской коллегіи въ Бельфастѣ разсматриваетъ поземельный вопросъ не только съ экономической, но и съ юридической точки зрѣнія.

ность становится опасностью, а жизнь въ своемъ помѣстьѣ пыткой. Общественный порядокъ такимъ образомъ совершенно нарушенъ въ странѣ; гдѣ общество не зиждется на основахъ, соответствующихъ естественному порядку вещей и гдѣ богатые и бѣдные смотрятъ другъ на друга, какъ на непримиримыхъ враговъ, такое обстоятельство, которое во всякомъ другомъ мѣстѣ прошло незамѣченнымъ, производитъ глубокое смятеніе.

Кромѣ того въ Ирландіи существуютъ нѣкоторыя условія, которыя придаютъ удаленію арендаторовъ характеръ жестокости, которая не существуетъ въ другихъ странахъ. Во первыхъ цѣлый рядъ парламентскихъ актовъ увеличилъ права собственниковъ относительно удаленія фермеровъ и взысканія арендныхъ денегъ; во вторыхъ нѣкоторые собственники отказываютъ своимъ арендаторамъ каждый годъ, не для того, чтобъ ихъ тотчасъ выселить, но чтобъ ихъ всегда имѣть въ рукахъ. Эти отказы (*notices to quit*) по словамъ Гладстона увеличиваютъ хроническій недугъ подтачивающій общество, ибо положеніе фермера дѣлается совершенно ненадежнымъ. Въ третьихъ удаленіе арендатора въ Ирландіи не влечетъ за собою какъ въ другихъ странахъ перемѣну мѣста и занятія, но изгнаніе изъ родины. Наконецъ это удаленіе часто бываетъ не болѣе, не менѣе, какъ преступленіе, по словамъ Гладстона и лорда Дюферина, и воровство, по словамъ Миля и Лесли. Этотъ послѣдній пунктъ возбуждалъ всего болѣе жалобъ и къ нему относятся самыя строгія узаконенія новаго билля, поэтому мы постараемся объяснить всю его важность.

Собственники ирландской земли, отсутствующіе изъ своихъ помѣстій, ничего не сдѣлали для улучшенія земледѣлія, за очень рѣдкими исключеніями, которыя конечно тѣмъ уважительнѣе. Сами арендаторы возвели строенія, провели дороги, осушили землю, очистили поля отъ камней, огородили ихъ, однимъ словомъ сдѣлали землю доходной. Они создали большую часть цѣнности земли, даже всю цѣнность земли, сказали бы нѣкоторые экономисты, которые по слѣдамъ Бастія считаютъ, что всѣ естественныя силы даровыя, и что нѣтъ другой цѣнности какъ та, которую производитъ трудъ. Если, какъ обыкновенно говорятъ, основа собственности трудъ, то земля должна принадлежать тѣмъ, которые дѣлаютъ ее

производительной; но не то мы видимъ въ Ирландіи. По существующимъ законамъ, всѣ улучшения и постройки на землѣ принадлежатъ ея собственнику и удаленный арендаторъ не имѣетъ никакого права на вознагражденіе за израсходованный капиталъ. Когда собственникъ отдаетъ въ аренду ферму въ хорошемъ положеніи и послѣ нѣкотораго времени вступаетъ снова во владѣніе всѣмъ тѣмъ, что сдѣлано его капиталомъ, то чувство справедливости ни мало не страдаетъ; но когда, изгнавъ своего фермера, собственникъ беретъ себѣ все что фермеръ создалъ цѣною своего труда и всевозможныхъ лишеній, то конечно это нельзя иначе назвать какъ воровствомъ и мы тогда начинаемъ понимать то глубокое чувство недовольства, которое ощущаетъ вся Ирландія. Вотъ фактъ, который доказываетъ въ очію всю нечестивость этого обычая. Корреспондентъ „Times“, О'Коноръ Морисъ ⁽¹⁾ видитъ однажды въ уединенномъ мѣстѣ отличный домъ съ тафельной крышей, и съ удивленіемъ спрашиваетъ у арендатора, онъ ли построилъ этотъ домъ. „О! нѣтъ, отвѣчалъ тотъ:—его выстроилъ мой предшественникъ, онъ теперь бѣдный въ Америкѣ.“ Потомъ онъ прибавляетъ, бросая вокругъ себя взгляды ненависти и злобы:— „Онъ долженъ былъ за годъ аренды 28 фун., а у него взяли домъ, который стоитъ 100 ф.“ Этотъ фактъ не имѣетъ большаго значенія, но бываютъ такіе случаи арендаторовъ, которые имѣютъ общее роковое значеніе. Всего грустнѣе то, что даже щедрость землевладѣльцевъ служитъ для арендаторовъ западной и причиною ихъ гибели. Приведемъ одинъ примѣръ изъ книги Лесли. Маркизь Томандъ былъ одинъ изъ тѣхъ благодѣтельныхъ землевладѣльцевъ, которыхъ такъ много въ Ирландіи между аристократами; онъ никогда не беспокоилъ своихъ арендаторовъ, не думалъ возвышать ихъ ренты и позволялъ имъ производить всѣ работы, необходимыя для земледѣльческихъ улучшеній. Питая полное довѣріе къ такому добродѣльному господину, фермеры возводили строенія, осушали земли,

⁽¹⁾ The land question of Ireland (1870 годъ), стр. 176. Эта интересная книга, состоящая изъ писемъ, появившихся сначала въ Times, представляетъ оживленную картину Ирландіи.

производили всякія улучшенія; но маркизь умираетъ и его имѣнне продается; тогда несчастные фермеры потеряли все. „Я видѣлъ, говорилъ одинъ свидѣтель:—несчастнаго земледѣльца, который собралъ все что имѣлъ для выкупа имъ самимъ созданныхъ предметовъ и не успѣвъ въ этомъ, отправился въ Америку, за таивъ въ своемъ сердцѣ ненависть ко всему роду человѣческому. „Вотъ еще нѣсколько чертъ извлекаемыхъ нами изъ писемъ корреспондента *Англійской Иллюстраціи*. Вездѣ въ центральной Ирландіи, въ городахъ, селахъ и вдоль дорогъ, вы встрѣчаете разоренныя хижины; но въ графствѣ Мейо, вы проѣзжаете цѣлые округа, совершенно лишенные народонаселенія въ послѣднія шесть лѣтъ. Это теперь просто пустыня и не видно ни людей, ни домашняго скота, на тѣхъ самыхъ мѣстахъ, гдѣ еще недавно существовали сотни маленькихъ фермъ. Въ окрестностяхъ Балибега обширныя болота превращены въ плодородную землю цѣною постояннаго труда нѣсколькихъ поколѣній и однако эту завоеванную столь тяжелымъ трудомъ землю не пощадили; многіе изъ обработавшихъ ее земледѣльцевъ были удалены. Они отомстили за себя нѣсколькими попытками убить землевладѣльца. Вотъ какимъ образомъ несправедливость порождаетъ преступленіе.

Такимъ образомъ бывають случаи, когда землевладѣльцы вполне достойны строгаго осужденія, обыкновенно произносимаго противъ нихъ; но большею частью они поступаютъ гораздо снисходительнѣе, чѣмъ поступали бы на ихъ мѣстѣ землевладѣльцы другихъ странъ. Очень часто, говоритъ Маклаганъ, членъ англійскаго парламента принадлежащій къ радикальной партіи:—фермера платящія очень небольшую аренду, такъ невѣжественны, такъ дурно обрабатываютъ землю, что въ Англии ихъ не потерпѣли бы и полгода.“ Можно, я полагаю утвердительно сказать, что на континентѣ хорошей землевладѣлецъ не потерпѣлъ бы и одного дня въ своемъ помѣстьѣ такихъ земледѣльцевъ, которые обыкновенно встрѣчаются въ Ирландіи; только на континентѣ эти земледѣльцы лучше бы обрабатывали землю, потому что они были бы ея собственниками. Для введенія хорошей системы земледѣлія необходимо, чтобъ или землевладѣлецъ принялъ на себя всѣ расходы, или чтобъ земле-

дѣлецъ былъ собственникомъ земли. Въ Ирландіи все зло происходитъ не отъ людей, а отъ учрежденій.

Ненадежность пользованья землей имѣетъ также послѣдствіемъ пріостановленіе всякаго земледѣльческаго прогреса, потому что умные и предусмотрительные люди никогда не стануть расходовать своихъ денегъ на улучшенія земли, которую у него могутъ во всякое время отнять. Всякое улучшеніе имѣющее результатомъ увеличеніе цѣнности земли приводитъ къ возвышенію ренты. Такимъ образомъ трудъ наказывается и духъ прогреса облагается пеней. Землевладѣлецъ не хочетъ, а арендаторъ не можетъ производить необходимыя улучшенія; какимъ же образомъ земледѣлію быть иначе, какъ не на самой низкой степени. Поэтому поводу Фитсдигонъ говоритъ:— „Какъ только земледѣлецъ извлекъ изъ земли необходимыя средства пропитанія, онъ старательно избѣгаетъ всякихъ улучшеній въ хозяйствѣ, ибо онъ боится, что плоды его трудолюбія будутъ похищены землевладѣльцемъ, который, по его мнѣнію, всегда слѣдитъ за увеличеніемъ производительности земли, съ цѣлью немедленно возвысить ренту.“ Ирландскій земледѣлецъ закапываетъ свои деньги или отдаетъ ихъ въ банкъ скорѣе, чѣмъ употребить ихъ на хозяйство. Точно также поступаетъ въ Египтѣ феллахъ, который всегда представляется нищимъ, изъ боязни, чтобъ малѣйшій признакъ достатка не послужилъ поводомъ къ увеличенію гнетущихъ его тягостей. Дурные законы вездѣ приводятъ къ тѣмъ же результатамъ.

Ирландскихъ землевладѣльцевъ упрекаютъ также въ излишнихъ рентахъ, требуемыхъ ими съ арендаторовъ, въ такъ называемыхъ *rack-rents*. Это энергическое, англійское выраженіе, Сизмонди объясняетъ слѣдующимъ образомъ: *rack-rent* означаетъ ренту, исторгаемую пыткой (*rack-пытка*), и это названіе, невольно насъ ужасающее очень выразительно; *rack-rent*, дѣйствительно плодъ пытки и зародышъ пытокъ“. Конечно въ Ирландіи существовали и существуютъ понынѣ землевладѣльцы, которые взимаютъ съ своихъ арендаторовъ слишкомъ высокія ренты, но вообще старые землевладѣльцы отдавали землю по очень дешевой цѣнѣ. Артуръ Юнгъ въ прошломъ столѣтіи и О'Коноръ Морисъ недавно посѣтивъ Ирландію находятъ, что вообще арендная плата нечрезмѣрна. Это

доказывается двумя фактами: во первыхъ, *посредники* получали большой доходъ, отдавая отъ себя внаемъ землю мелкими участками и во вторыхъ, что нынѣ арендаторы могутъ продавать право эксплуатировать ферму, которую они занимаютъ даже безъ контракта. Это право не имѣло бы никакой цѣны, еслибъ землевладѣлецъ требовалъ ренту самую возвышенную, какую только можетъ дать земля. Тѣ, которые взимаютъ *rack-rents*, суть новые землевладѣльцы, купившіе землю въ вѣдомствѣ заложенныхъ имѣній (*encumbered estates*). Они помѣстили свой капиталъ и хотятъ извлечь изъ него наибольшій процентъ. Они отдаютъ въ наемъ землю какъ можно дороже. Земледѣльцы, считающіе ихъ условія слишкомъ жестокими, могутъ на нихъ не соглашаться. Они не обязываютъ никого и строго придерживаются экономическаго закона запроса и предложенія. Кто же можетъ ихъ въ этомъ упрекать?

Замѣчено было, что крупные землевладѣльцы берутъ меньшую ренту чѣмъ мелкіе. Причина этого очень проста. Мелкіе землевладѣльцы обязаны для поддержанія своего существованія требовать съ арендаторовъ все что только могутъ у нихъ выманить, а крупные землевладѣльцы, не нуждающіеся въ деньгахъ, могутъ быть гораздо снисходительнѣе. Поэтому напрасно обвиняютъ ирландскихъ землевладѣльцевъ въ безчеловѣчныхъ взысканіяхъ съ своихъ арендаторовъ. Если есть на свѣтѣ страна, говоритъ лордъ Дюферанъ, гдѣ *rack-rents* доведены до крайности, то это Фландрія; арендныя условія въ ней заключаются на три, на шесть и не болѣе девяти лѣтъ и при каждомъ срокѣ условіе рента увеличивается, и часто земля продается съ аукціона, вѣрное средство исторгнуть отъ многочисленныхъ состязателей все что они могутъ и даже не могутъ дать. Пусть ирландскіе землевладѣльцы попробуютъ такъ поступать; ихъ тотчасъ бы заклеямили въ парламентѣ и прессѣ названіемъ палачей, а арендаторы покусились бы на ихъ жизнь; а во Фландріи самыя тяжелыя условія переносятся фермеромъ безмолвно и общественное мнѣніе этимъ ни мало не взволновано. Вотъ причина этого различія въ оцѣнкѣ однихъ и тѣхъ же дѣйствій: во Фландріи и въ другихъ странахъ, гдѣ собственность распределена между большимъ количествомъ рукъ, аренда-

торъ, угнетаемый постояннымъ возрастаніемъ ренты, живетъ среди поселянъ-собственниковъ, которые также отдають въ наемъ свою землю, какъ можно дороже. Его отецъ, братъ или быть можетъ онъ самъ, владѣя клочкомъ земли, поступаютъ точно также. Каждый хвалится высокой цѣной, за которую онъ отдалъ землю подобно тому, какъ гордится тѣмъ, что хорошо продалъ свои продукты. Поэтому желаніе каждаго отдать землю какъ можно дороже, представляется совершенно естественнымъ явленіемъ и никому не приходитъ въ голову мысль упрекать въ этомъ землевладѣльца или принципъ собственности. Въ Ирландіи землевладѣльцевъ очень мало, около 9,000 человекъ и между ними нѣсколько сотенъ крупныхъ собственниковъ владѣютъ тремя четвертями всего острова. Эти владѣльцы земли составляютъ особую касту; они чужестранцы, живутъ въ чужой странѣ и исповѣдуютъ чужую религію. Они живутъ во дворцахъ среди всей роскоши и всѣхъ удобствъ, доступныхъ богатству; земледѣльцы живутъ въ грязныхъ мазанкахъ и погружены въ самую страшную нищету. Землевладѣлецъ ничего не сдѣлалъ для производительности земли и однако онъ получаетъ съ нея чистый доходъ; арендаторъ сдѣлалъ землю производительной и умираетъ съ голоду. Страшно сказать, работники видятъ, что хлѣбъ, собранный имъ и отнятый у его семейства, отдается собакамъ его господина; онъ можетъ сосчитать, сколько семействъ надо было довести до нищеты, чтобы содержать конюшню, полную лошадей и свору собакъ; онъ можетъ оцѣнить, сколько слезъ и кроваваго пота, стоила вся эта роскошь, мозолящая ему глаза. Какъ при видѣ подобнаго контраста не преисполнится гнѣвомъ и ненавистью ему, несчастной жертвѣ, когда посторонніе зрители не могутъ смотрѣть на подобное положеніе безъ негодованія и грусти? Эти крупные землевладѣльцы менѣе жестоки, чѣмъ мелкіе собственники континента, но ихъ считаютъ тиранами, живущими на счетъ бѣднаго народа. Если они отказываютъ арендаторамъ, изнуряющимъ землю, если они пользуются экономическимъ закономъ, по которому всюду возвышается рента, ихъ провозглашаютъ люди всего болѣе уважаемые въ странѣ — варварами, безчеловѣчными тиранами, грабителями, трутнями. Когда они пользуются только самыми обыкновенными правами собствен-

ника, ихъ прямо обвиняютъ въ парламентѣ въ совершеніи преступленія. Дѣйствительно тутъ есть преступникъ и преступникъ великій, но это не они, а феодальный законъ, который сохранилъ собственность аристократическую, замкнутую, исключительную, недоступную земледѣльцамъ, дѣлающимъ землю производительной, а напротивъ сосредоточенную въ рукахъ немногихъ избранныхъ. Эта монополія, созданная варварскими законами и дозволяющая нѣсколькимъ людямъ не только присвоивать себѣ плоды труда цѣлаго народа, но что гораздо хуже, вполне располагать его судьбой—вотъ что противорѣчитъ идеямъ правосудія въ настоящее демократическое время. Обыкновенно эти люди не злоупотребляютъ своею властью, но эта власть кажется преступной. Вотъ истина, поражающая каждаго человѣка, привыкшаго видѣть на континентѣ общественный строй, въ которомъ богатство распределено болѣе равномерно; но англичане, за исключеніемъ нѣкоторыхъ высшихъ умовъ, не хотятъ этого признавать, ибо имъ обыкновенно указываютъ на мелкую крестьянскую собственность, какъ на источникъ великихъ золъ.

Власть, принадлежащая крупнымъ ирландскимъ собственникамъ, владѣющимъ цѣлыми кантонами, переходитъ за предѣлы той власти, которой человѣкъ долженъ пользоваться. Судьба тысячъ человѣческихъ созданій находится въ ихъ рукахъ. То что они дѣлаютъ и не дѣлаютъ, можетъ имѣть слѣдствіемъ разореніе или обогащеніе цѣлой провинціи. Собственникъ входитъ въ долги, имѣніе его описывается; это гибель для всѣхъ арендаторовъ. Собственникъ умираетъ и его имѣніе продается; арендаторы видятъ свой капиталъ, положенный въ землю, похищеннымъ чужими людьми, а *rack-rent* доводитъ его до нищеты. Собственникъ не живетъ въ своемъ помѣстьѣ, онъ путешествуетъ за границей; рента не расходуется на мѣстѣ, мелкая мѣстная торговля страждетъ и плодъ ирландскаго труда обогащаетъ Италію, Востокъ, Индію. Но вотъ землевладѣлецъ, не игрокъ, не мотъ, и живетъ постоянно въ своемъ помѣстьѣ, человѣкъ серьезный, изучающій политическую экономію и желающій ввести необходимыя улучшенія въ своемъ помѣстьѣ, а потомъ во всей странѣ. Климатъ Ирландіи благоприятствуетъ кормовымъ травамъ, а не злакамъ. Главная цѣль

земледѣлія, получать какъ можно большій доходъ, на сколько возможно уменьшить расходы производства и количество употребляемыхъ рукъ. Слѣдовательно необходимо обратить всю землю въ пастбище. Хижины уничтожаются, поселяне, изгнанные со своихъ фермъ, умираютъ съ голоду, или переселяются въ Америку, а великолѣпныя стада дургамскихъ овецъ замѣняютъ мѣсто, которое съ незапамятныхъ временъ занимали потомки кельтовъ. Такимъ образомъ удовольствія, безумія, путешествія, экономическія ошибки и даже хорошія намѣренія отдѣльнаго человѣка опредѣляютъ судьбу всѣхъ его арендаторовъ.

Во Франціи поселянинъ, владѣющій небольшимъ участкомъ земли, можетъ быть въ несчастномъ положеніи, если онъ глупъ и лѣнивъ, но онъ будетъ имѣть нѣкоторый достатокъ, если хорошо обрабатываетъ землю, и во всякомъ случаѣ, никто не можетъ согнать его съ родной земли, съ которой онъ связанъ крѣпкими узами собственности. Въ Ирландіи земледѣлецъ находится въ полной зависимости отъ землевладѣльца, и чѣмъ больше онъ улучшилъ обрабатываемую имъ землю, тѣмъ несчастнѣе онъ можетъ сдѣлаться. Странный контрастъ: современные конституціи стремятся различными искусными мѣрами ограничить королевскую власть, и Бэдждотъ въ своемъ извѣстномъ сочиненіи объ англійской конституціи чрезвычайно остроумно и справедливо доказалъ, до чего королевская власть унижена въ Англии; и въ этой самой странѣ нѣсколько людей могутъ произвольно безъ всякой отвѣтственности лишить цѣлый народъ не только права голоса, слова и печати, но лишить его средствъ къ жизни, отечества и самой жизни. Азіатскій деспотъ имѣетъ власть ссылатъ и убивать своихъ подданныхъ, но если онъ дѣлаетъ это несправедливо, то нарушаетъ право; онъ можетъ быть почувствуетъ укору совѣсти и общественное мнѣніе будетъ противъ него, но ирландскій землевладѣлецъ можетъ путемъ произвольнаго удаленія своихъ арендаторовъ разорить и убить ихъ; и все же онъ пользуется только своимъ безспорнымъ правомъ и самъ считаетъ, что дѣйствуетъ на пользу своей родины. Понимаетъ ли теперь читатель смыслъ словъ—*ненадежность пользованія землей?*

II.

Проѣзжая по Ирландіи, вы видите на землѣ ясныя слѣды хорошихъ и дурныхъ сельскихъ хозяевъ. Островъ болѣе не представляетъ того однообразнаго характера разоренія, который такъ грустно поражалъ путешественника тридцать лѣтъ тому назадъ. Нѣкоторые землевладѣльцы произвели на свой счетъ необходимыя работы для улучшенія земледѣлія, другіе заключили со своими арендаторами долговременные контракты, которые позволили послѣднимъ привести въ надлежащій порядокъ свои фермы. Поэтому въ настоящее время, вы видите рядомъ обнаженные, необработанныя пространства земли съ несчастными мазанками, разбросанными тамъ и сямъ и великолѣпныя помѣстья, населенныя счастливыми земледѣльцами. Въ графствѣ Ватерфордъ, лордъ Бесборо владѣетъ помѣстьемъ въ 20,000 акровъ. Это помѣстье въ прежнее время страдало отъ двойнаго ига *посредниковъ* и сельскаго пролетаріата. Когда наступилъ голодъ, лордъ Бесборо кормилъ несчастныхъ, но воспользовался этимъ случаемъ для лучшаго распредѣленія мелкихъ фермъ, хотя онъ не удалилъ произвольно ни одного арендатора. На свой счетъ онъ выстроилъ хорошія жилища вмѣсто мазанокъ, провелъ дороги, осушилъ землю и доставилъ работу населенію. Еще и понынѣ онъ расходуетъ ежегодно значительныя суммы на улучшенія и отдаетъ землю на умѣренныхъ условіяхъ. Поселяне процвѣтаютъ, платятъ аккуратно ренту и никто не жалуется ни съ той, ни съ другой стороны. Въ графствѣ Коркъ, на берегу рѣки Бандонъ простирается прелестная долина. Отличныя фермерскія зданія возвышаются посреди хорошо обработанныхъ полей. Скотъ прекрасно содержится; земледѣльцы прилично одѣты и кажутся счастливыми. Отчего происходитъ такое благоденствіе? Оттого, что это помѣстье принадлежитъ герцогу Девонширу, который сдѣлалъ для своихъ фермеровъ пользование землею *надежнымъ*. По той же самой причинѣ помѣстья лордовъ Дерби, Портсмута, Ландсдауна и нѣкоторыхъ другихъ находятся въ такомъ же удовлетворительномъ положеніи. Но вотъ рядомъ тянется значительное пространство земли, покрытое верескомъ; стоя-

чая вода встрѣчается на каждомъ шагу за недостаткомъ канавъ для ея отвода. Тамъ и сямъ виднѣются большіе камни, которыхъ никто не думаетъ свозить. Между терновникомъ и шильникомъ разбросаны грустныя развалины мазанокъ. Гдѣ нибудь въ лощинѣ несчастныя женщины въ лохмотьяхъ копаютъ картофель. Вся эта картина поражаетъ васъ зрѣлищемъ человѣческой нищеты. Отчего происходитъ такое опустошеніе? Оттого, что владѣлецъ этихъ громадныхъ пустынь разоренъ, небреженъ или алченъ. Возница О'Канора Мориса сказалъ ему указывая на эти поразительные контрасты: — „гдѣ вы видите довольство, тамъ значитъ существуетъ арендный контрактъ; гдѣ вы видите нищету, тамъ землевладѣлецъ въ немъ отказывается.“ На континентѣ положеніе земледѣлія обыкновенно представляетъ одинаковыя черты въ одномъ округѣ; эти черты зависятъ отъ почвы и умѣнія земледѣльца. Въ Ирландіи, вы встрѣчаете самыя поразительныя контрасты, потому что тамъ все зависитъ отъ доброй воли землевладѣльца.

Еще печальнѣе тотъ фактъ, что эти землевладѣльцы всемогущіе на зло, не могутъ сдѣлать все то добро, которое бы желали, благодаря строгимъ законамъ маіоратовъ и субститутовъ (entails). Большая часть изъ нихъ только пожизненные пользователи, ибо ихъ помѣстья закрѣплены за ихъ дѣтьми рожденными или долженствующими родиться. Такимъ образомъ имъ запрещено заключать долговременныя аренды и всякая сдѣлка противорѣчащая правиламъ субститутовъ считался не дѣйствительной. Такимъ образомъ отвратительное законодательство приводитъ къ тому, что никто не имѣетъ достаточнаго повода и полной свободы произвести на несчастной ирландской землѣ тѣ улучшенія, которыя требуются хорошей системой земледѣлія. Если приводить нѣсколько поразительныхъ примѣровъ вліянія этихъ субститутовъ. Одинъ арендаторъ, пользовавшійся землею по долгосрочному контракту устраиваетъ великолѣпную плантацію; черезъ сорокъ лѣтъ онъ узнаетъ, что эти деревья и растенія, за которыми онъ ухаживалъ съ такою любовью, не принадлежатъ ему и что онъ обязанъ уплатить громадные проторы и убытки, если отрѣжетъ хоть одну вѣтку. Землевладѣлецъ чувствуетъ всю несправедливость подобнаго положенія, онъ не хочетъ воспользоваться своимъ правомъ, но что дѣлать? законъ опредѣ-

лителенъ, условія субститутовъ строги и никто не можетъ ихъ измѣнить. Другой примѣръ: Промышленникъ обращается къ землевладѣльцу съ просьбою отдать ему 50 акровъ земли въ долгосрочную аренду для постройки фабрики, дома для себя и жилищъ для работниковъ. Устройство фабрики было бы благодѣяніемъ для всей окрестной страны и возвысило бы цѣнность помѣстья. Землевладѣлецъ соглашается, но адвокатъ промышленника предупреждаетъ его, что землевладѣлецъ ограниченъ условіями маіората, по которымъ аренда не можетъ простираться далѣе 31 года и опредѣляется уплата полной ренты. Подобныя ограниченія дѣлаютъ невозможнымъ всякое торговое предпріятіе и промышленнику пришлось отказаться отъ своего намѣренія къ величайшему сожалѣнію землевладѣльца. Такимъ образомъ страна осталась въ столь же бѣдственномъ положеніи какъ прежде. Изъ приведенныхъ фактовъ ясно, какъ феодалыныя законы останавливаютъ развитіе современной промышленности и поддерживаютъ безплодіе страны. Приведемъ еще фактъ доказывающій къ какимъ преступнымъ дѣламъ приводятъ эти законы. Фактъ этотъ мы заимствуемъ также изъ книги О' Конера Мориса. Баронство Джигиль превосходное помѣстье въ 30,000 акровъ, принадлежало лорду Дигби, человѣку щедрому и небрежно относившемуся къ своимъ дѣламъ. Въ концѣ прошлаго столѣтія, онъ отдалъ землю въ аренду на долгіе сроки 120 семействамъ. Въ продолженіе двухъ поколѣній эти арендаторы работали безъ устали, возвели отличныя строенія, осушили землю и сдѣлали ее производительной. Послѣ смерти лорда Дигби въ 1856 году оказалось, что арендные контракты не имѣли никакой силы, что арендаторы не имѣли никакихъ правъ, а все что было создано ихъ трудомъ принадлежало наследнику феодалнаго маіората. Такимъ образомъ 120 семействъ были совершенно разорены; вся окрестная страна взволновалась и громко протестовала. По счастью въ дѣло вмѣшался благородный, добронамѣренный человѣкъ мистеръ Тренчъ, авторъ любопытной книги объ Ирландіи „Realities of Irish life.“ Онъ былъ администраторомъ баронскаго помѣстья и признавая всю несправедливоссть этого законнаго грабежа обратился съ просьбою къ душеприкащикамъ, которые назначили фермерамъ единовременное вознагражденіе въ

765,000 франковъ, хотя строго говоря, послѣдніе не имѣли права требовать ни одного гроша. Замѣтите при этомъ, что лордъ Дигби не зналъ, что онъ превышаетъ свою власть, а арендаторы не имѣли даже возможности этого узнать, такъ какъ не могли заставить своего господина представить имъ его документы на владѣніе земель. Этотъ фактъ взятый изъ тысячи подобныхъ фактовъ не доказываетъ ли, что въ Англіи люди лучше законовъ? Дѣйствительно существуетъ ли на свѣтѣ страна, гдѣ поземельная собственность была бы отягчена такими нелѣпыми ограниченіями и гдѣ собственники такъ благородно прибѣгали бы на помощь своимъ арендаторамъ, къ чему ихъ ничто не обязываетъ?

Мы только что показали, что ненадежность пользованья землей, главная причина всѣхъ золъ Ирландіи происходитъ не только отъ нежеланія землевладѣльцевъ заключать арендные контракты, но часто отъ дурныхъ законовъ, которые имъ этого не дозволяютъ. На это англичане отвѣчаютъ, что въ Ирландіи законы тѣ же, какъ въ Англіи и, что они въ послѣдней не помѣшали земледѣлію, торговли и промышленности достигнуть такой степени совершенства, которая невѣдома въ другихъ странахъ; но прежде всего надо замѣтить, что англійскіе законы даже въ Англіи имѣли очень грустныя послѣдствія, какъ это отлично доказываетъ Лесли, и во вторыхъ, по словамъ Гладстона, при различныхъ почти противоположныхъ условіяхъ обѣихъ странъ одинаковые законы должны были привести къ противоположнымъ результатамъ. Въ Ирландіи все напоминаетъ завоеванія и конфискаціи; тамъ другъ противъ друга стоятъ горсть побѣдителей землевладѣльцевъ и побѣжденный народъ земледѣльцы; въ Англіи нѣтъ ничего подобнаго. Въ Ирландіи землевладѣльцы и арендаторы не принадлежатъ къ одной религіи: первые протестанты, вторые католики, за исключеніемъ Ульстера; въ Англіи господа и фермера исповѣдуютъ одну вѣру. Въ Ирландіи впродолженіе трехъ вѣковъ, землевладѣльцы часто отсутствуютъ изъ своихъ помѣстій, ничего не дѣлаютъ для ихъ улучшенія и проживаютъ доходъ вдали, разоряя только землю; въ Англіи землевладѣлецъ живетъ въ своихъ помѣстьяхъ, улучшаетъ и украшаетъ ихъ, увеличиваетъ цѣнность земли и находится почти всегда въ отличныхъ отношеніяхъ съ своими арендаторами. Въ

Ирландіи законъ не признаетъ за фермерами права на вознагражденіе за капиталъ, вложенный въ землю, а такъ какъ вообще они обязаны расходовать свой капиталъ для того, чтобъ имѣть возможность обрабатывать землю, то случаи подобнаго узаконеннаго грабежа не рѣдки; въ Англіи фермеръ не всегда обязанъ дѣлать подобные расходы: онъ находится подъ покровительствомъ мѣстныхъ обычаевъ и общественнаго мнѣнія. Въ послѣднія пятьдесятъ лѣтъ въ Ирландіи землевладѣльцы не любятъ заключать арендные контракты, тогда какъ въ Шотландіи это общее правило, а въ Англіи они только не существуютъ тамъ, гдѣ всякія условія совершенно излишни, благодаря отношеніямъ землевладѣльцевъ къ ихъ арендаторамъ. Наконецъ въ Англіи кажется совершенно естественнымъ, чтобъ наемъ земли служилъ предметомъ контракта, добровольно заключаемаго обѣими сторонами; въ Ирландіи мы видимъ совершенно иное. Помнитъ ли ирландецъ, что земля нѣкогда принадлежала ему и что чужестранцы отняли ее силою, или сохранилъ онъ смутное понятіе о томъ времени, когда земля была общимъ достояніемъ всего племени и всякое семейство имѣло свою опредѣленную долю, во всякомъ случаѣ достовѣренъ тотъ фактъ, что онъ сознаетъ необходимость имѣть участки земли для обработки и считаетъ, что человѣкъ оплодотворяющій землю кровавымъ потомъ, имѣетъ право на нее гораздо святѣе, чѣмъ человѣкъ только получающій доходъ. Изъ этого слѣдуетъ, что то самое обстоятельство, которое въ Англіи считается естественнымъ примѣненіемъ права собственности кажется ирландцу беззаконнымъ грабежемъ и преступленіемъ, за которое по недостатку законовъ, народъ самъ мститъ. Теперь понятно почему тѣ же самые законы, которые въ Англіи до сихъ поръ не привели ни къ какому неудовольствію между собственниками и фермерами, возбудили въ Ирландіи между этими двумя классами вражду, которая сопровождалась беспорядками и преступленіями.

Чтобъ быть справедливымъ надо прибавить, что часть отвѣтственности за несчастное положеніе Ирландіи падаетъ на земледѣльцевъ. Имъ можно поставить въ вину три обстоятельства: дурную систему земледѣлія, злоупотребленіе передачей земли въ наемъ другимъ мелкимъ арендаторамъ и аграрныя преступленія.

Бросимъ бѣглый взглядъ на всѣ эти три обстоятельства. Какъ мы уже видѣли, въ отношеніи земледѣлія Ирландія представляетъ поразительные контрасты. Вообще Ульстеръ населенный англичанами и шотландцами, гдѣ фермеръ находитъ *въ правѣ пользования* достаточныя гарантіи — земля хорошо обработана. Въ другихъ провинціяхъ, нѣкоторыя помѣстья также хорошо обработаны, но существующая система земледѣлія изнуряетъ землю, производитъ мало и не даетъ занятія всѣмъ рабочимъ рукамъ. Обыкновенный сѣвооборотъ состоитъ въ картофелѣ, пшеницѣ, овсѣ и ячменѣ, которыхъ садятъ и сѣютъ до тѣхъ поръ, что земля совершенно истощена и даже долгій отдыхъ не въ состояніи ей возратить производительную силу. Большая часть Ирландіи находится въ настоящее время и будетъ еще долго находиться въ бѣдственномъ положеніи, благодаря подобной отвратительной системѣ земледѣлія. Въ упомянутой выше статьѣ, Лонгфильдъ очень вѣрно описываетъ грустное зрѣлище представляемое мелкой ирландской фермой. Уголокъ земли даетъ скудную жатву, отравленную плевелами, а остальная земля брошена и покрыта терновникомъ и шильникомъ. Въ промежутокъ времени между садкой картофеля и его сборомъ, земледѣлецъ предается праздности. У него есть земля и руки, но онъ не умѣетъ ихъ употребить въ дѣло и получить хорошій доходъ съ своей фермы. Это не лѣнь, ибо онъ наймется работать за 75 сант. въ день, но это невѣжество. Онъ слѣдуетъ рутинѣ, дѣлаетъ то, что дѣлаютъ другіе; у него нѣтъ ни знаній, ни преданій о хорошей земледѣльческой системѣ. Онъ гибнетъ въ самой ужасной нищетѣ, тогда какъ могъ бы достигнуть нѣкотораго довольства и превратить всю страну въ садъ. Ничто не мѣшаетъ ему слѣдовать примѣру мелкихъ земледѣльцевъ Фландріи, которые путемъ разумнаго труда придали песку цѣнность 4,000 фр. за гектаръ и получаютъ съ этого количества земли суреницы, льна, хмѣля и цикорія на 800 — 1,600 фр. Условія найма земли гораздо тяжелѣе во Фландріи, чѣмъ въ Ирландіи, но фламандцы имѣютъ отличныя земледѣльческія преданія, восходящія до среднихъ вѣковъ, до эпохи, когда образованіе и благосостояніе были очень распространены. Къ тому же, многочисленныя владѣльцы, разсыпанные по деревнямъ, соперничаютъ между собою хорошимъ положеніемъ фермы, принадлежащей

имъ или арендуемой. Они служатъ образцомъ и даютъ тонъ; всякій изъ самолюбія старается имъ подражать. Мелкая собственность въ рукахъ поселянъ имѣетъ такимъ образомъ хорошее вліяніе даже на тѣхъ, которые не владѣютъ землею. Земледѣльцу совершенно естественно желаніе имѣть собственный кусокъ земли воздѣлываемой его трудомъ. На континентѣ онъ можетъ надѣяться удовлетворить этому желанію путемъ строгой экономіи и хорошаго управленія; эта надежда его постоянно поддерживаеетъ и подстрекаетъ къ новымъ усиліямъ. Въ Ирландіи между собственностью и земледѣльцемъ стоитъ двойная преграда. Она не доступна для него во первыхъ потому, что право первородства и субституты сохраняютъ помѣстья за аристократическими родами. Во вторыхъ потому, что въ виду смутности правъ и сложности законовъ, пріобрѣтеніе земли сопровождается такими опасностями, что необходимо предварительное изслѣдованіе дѣла хорошимъ законникомъ. Расходы по этому изслѣдованію такъ значительны, что немислима покупка мелкихъ участковъ. Такимъ образомъ ирландскій поселянинъ не имѣетъ никакой надежды, которая побуждала бы его производить улучшенія, не имѣетъ никакой будущности, не имѣетъ примѣра, которому могъ бы слѣдовать. Онъ прозябаетъ невѣжественный, нищій, среди ему подобныхъ людей, столь же нищихъ и невѣжественныхъ. Несчастное состояніе земледѣлія въ Ирландіи главнымъ образомъ является результатомъ крупной феодальной собственности.

Къ достиженію этого результата помогло еще одно зло спеціально присущее Ирландіи — отсутствіе землевладѣльцевъ изъ ихъ помѣстій. По слѣдамъ Маккулока, многіе отрицали зло происходящее отъ этого отсутствія помѣщиковъ. „Какое дѣло, говорили: — гдѣ проживается рента?“ Теоретики комерческаго баланса видятъ въ этомъ зло, ибо она обусловливаетъ вывозъ денежныхъ знаковъ; но эта идея нелѣпа.“ Однако зло отъ этого отсутствія землевладѣльцевъ существуетъ, но имѣетъ совершенно иной характеръ. Во первыхъ очевидно, что еслибъ ирландскій поселянинъ былъ бы собственникомъ земли, подобно французскому поселянину, то онъ самъ потреблялъ бы тѣ земледѣльческіе продукты, которые онъ нынѣ обязанъ продавать для уплаты ренты. Во вторыхъ, отсутствіе земле-

владѣльцевъ лишаетъ страну пользованія чистымъ доходомъ съ земли, мѣшаетъ образованію средняго класса и останавливаетъ прогрессъ цивилизаціи. Какъ вѣрно замѣчаетъ Лесли, во всей юго-западной части острова нѣтъ ни одного замѣчательнаго города, а встрѣчающіяся мѣстечки, прозябаютъ или клонятся къ упадку; даже богатое цвѣтущее селеніе такъ рѣдко, что путешественникъ въѣхавъ въ него, не вѣритъ, что онъ въ Ирландіи. Представьте себѣ, прибавляетъ Лесли, что вмѣсто маркиза сѣдающаго въ Парижѣ свою ренту въ 800,000 фр., сто землевладѣльцевъ расходывали бы свой доходъ въ помѣстьяхъ и подумайте о послѣдствіяхъ подобной перемѣны. Лонгфилдъ высчитываетъ чрезвычайно точно всѣ выгоды, истекающія отъ жительства землевладѣльца въ его помѣстьѣ. Онъ естественно хочетъ легко попадать въ свое помѣстье и аккуратно получать письма; поэтому онъ своимъ вліяніемъ и деньгами устраиваетъ хорошія дороги и правильное почтовое сообщеніе. Такимъ образомъ окрестная страна выходитъ изъ своего уединеннаго положенія и соединяется съ остальнымъ міромъ. Онъ выписываетъ хорошія земледѣльческія орудія; ихъ берутъ въ образецъ, производятъ подобныя же орудія, которыя быстро распространяются повсюду. Для ихъ ремонта необходимъ хорошій кузнецъ; другія нужды землевладѣльца или его семейства обуславливаютъ появленіе нѣкоторыхъ ремесленниковъ и лавокъ, къ которымъ прибѣгаютъ и поселяне. Селеніе распространяется, проявляется додольство, нищенскіе обычаи замѣняются жизнью достаточныхъ людей и поселянинъ видятъ, что онъ можетъ достигнуть этого лучшаго положенія; зрѣлище результатовъ хорошей системы земледѣлія и хорошей жизни внушаютъ ему желаніе слѣдовать по тому же пути и такимъ образомъ онѣ распространяются повсюду. Хорошая порода скота, выписанная землевладѣльцемъ, улучшаетъ мѣстную породу. Впродолженіе нѣкотораго времени все земледѣльческое положеніе страны совершенно измѣняется. Примѣръ нѣсколькихъ мелкихъ поселянъ собственниковъ, послѣдовавшихъ по пути прогресса, былъ бы еще дѣйствительнѣе, чѣмъ примѣръ крупнаго землевладѣльца, потому что поселянинъ скорѣе будетъ подражать одному изъ себѣ равныхъ, чѣмъ богатому человѣку, который можетъ безъ счета расходовать деньги на всякія улучшенія.

Второе зло, на которое мы указали, это дробленіе и передача земли арендаторами въ другія руки. Это зло спеціально присущее Ирландіи. Въ былыя времена передача арендъ дѣлалась *посредниками*, которые наживались на счетъ землевладѣльцевъ. Со времени разоренія и уничтоженія *посредниковъ*, эту передачу производили сами арендаторы. Такъ какъ они не знаютъ другаго занятія кромѣ земледѣлія, они считаютъ себя обязанными удѣлить часть фермы каждому изъ дѣтей. При женитьбѣ сына, къ родительскому дому прибавляютъ комнату, или онъ строитъ хижину на участкѣ уступленномъ ему отцемъ. При слѣдующемъ поколѣніи дробленіе земли продолжается. Такимъ образомъ все болѣе и болѣе дѣлится земля, а земледѣльцы становятся все бѣднѣе и бѣднѣе. Тамъ гдѣ сначала была ферма приличнаго размѣра и жилъ фермеръ съ достаточными средствами черезъ нѣсколько лѣтъ виднѣется земля, раздѣленная на такіе маленькіе участки, что ихъ невозможно обрабатывать, куча грязныхъ мазанокъ и стадо несчастныхъ жителей, повергнутыхъ въ самую крайнюю нищету. Ничего не можетъ быть поразительнѣе извлеченій, приводимыхъ лордомъ Дюфериномъ въ своей книгѣ изъ отчета *Девонской комисіи*. Фермеръ имѣетъ хорошее жилище, скотный дворъ, житницу и 20 акровъ земли, говоритъ одинъ свидѣтель Робертъ Дарси допрошенный комиссіей. Одинъ изъ его сыновей женится и онъ помѣщаетъ его въ житницѣ. У него родятся дѣти и поставивъ печь обращаютъ житницу въ жилище. Одна изъ дочерей выходитъ замужъ и зять поселяется на фермѣ, начинаются ссоры и необходимо разстаться; тогда строятъ хижину не въ далекомъ и такимъ образомъ мало по малу хорошая ферма превращается въ кучу грязныхъ нищенскихъ жилищъ. Долгосрочныя аренды, говоритъ другой свидѣтель Кингъ Огара, были чрезвычайно пагубны, такъ въ его помѣстьѣ онѣ привели къ самому опустошительному раздробленію земли. Въ 1784 году, ферма въ 208 арковъ отдана въ наемъ фермеру очень дешево по 5 шил. за акръ. Онъ дѣлитъ эту землю между своими тремя сыновьями, которые подраздѣляютъ ее на шесть частей, а нынѣ на этой самой землѣ живетъ двадцать шесть семей. Другая ферма въ 78 акровъ раздѣлена нынѣ между шестнадцатью семьями. Главная причина этого невообразимаго раздробле-

нія земли заключается въ томъ, что при всякомъ раздѣлѣ каждый хочетъ имѣть одинаковую часть во всѣхъ поляхъ. Къ книгѣ лорда Дуферина приложена карта, ясно представляющая это ужасное раздробленіе земли. На ней видно наприимѣръ, что земля въ 205 акровъ, отдаваемая сначала двумъ фермерамъ, нынѣ раздѣлена между двадцатью девятью земледѣльцами и четыреста двадцать два участка раздѣлены по всѣмъ направленіямъ. Раздробленіе земли, въ которомъ англичане такъ упрекаютъ французскій гражданскій кодексъ, ничто въ сравненіи съ этимъ, ибо происходя между землевладѣльцами, онъ не имѣетъ результатомъ распространенія пролетаріата и пауперизма въ селяхъ.

Раздробленіемъ земли, Ирландія обязана многимъ причинамъ. Прежде всегда надо замѣтить, что желаніе семействъ оставаться вмѣстѣ и обрабатывать землю совокупно, очень естественно. Такъ поступали всѣ первобытныя племена. Обычаи различныхъ отраслей арійской расы удовлетворяли этому желанію, назначая каждой группѣ извѣстное пространство земли, которое становилось общимъ владѣніемъ, раздѣленнымъ между семьями, согласно ихъ нуждамъ. Эта система владѣнія землей, существовавшая нѣкогда у германской и латинской расъ, нынѣ преобладаетъ у славянъ. Въ Ирландіи, она существовала до завоеванія ея Англією. До сихъ поръ слѣды ея мы видимъ въ *gundale*, нѣчто въ родѣ общиннаго пользованья. И такъ непреоборимое стремленіе ирландцевъ къ подраздѣленію земли происходитъ отъ преданій патріархальныхъ обычаевъ, а также отъ естественнаго инстинкта, вездѣ создавашаго эти обычаи.

Въ тѣхъ странахъ, гдѣ фермеръ привыкъ жить въ хорошемъ домѣ, гдѣ большой капиталъ вложенъ въ землю, возвращеніе къ первобытной общинѣ задерживается тѣми расходами, которые потребовались бы на устройство новыхъ семействъ, но въ Ирландіи этой преграды не существуетъ. Земля находится въ первобытномъ почти положеніи. Такъ какъ на фермѣ нѣтъ ни хорошаго жилища, ни приличнаго скотнаго двора, то сынъ довольствуется мазанкой, въ которой ему будетъ также хорошо, какъ въ родительскомъ домѣ. Конечно онъ тамъ будетъ жить по нищенски, но онъ и не подозреваетъ, что можно иначе жить. Къ тому же, онъ не-

вѣжественъ и не знаетъ другаго ремесла, какъ лопатой копать землю и садить картофель. Что случилось бы съ нимъ, еслибы отецъ не уступилъ ему одного или двухъ акръ земли, для поддержанія его существованія? Раздробленіе земли такимъ образомъ происходитъ отъ естественнаго инстинкта, а главное отъ бѣдности, невѣжества и дурной земледѣльческой системы; основная же причина всего этого кроется въ томъ, что собственность не зиждется на естественныхъ законахъ. Если въ общественномъ строѣ скрывается какой нибудь недостатокъ, то всегда происходитъ цѣлый рядъ золъ, порождающихъ одни другіе.

Въ старину собственники терпѣли подраздѣленіе фермъ. Если только они получали акуратно свою ренту, то не о чемъ другомъ не заботились; но съ тѣхъ поръ какъ они видятъ, что несчастное положеніе Ирландіи грозитъ ихъ правамъ, они стараются прекратить этотъ обычай, но это дѣло трудное. Тщетно помѣщаютъ они въ арендныя условія положительное запрещеніе передавать аренду другимъ. Развѣ отецъ не можетъ прянать въ свой домъ жену сына? Потомъ онъ выстроитъ маленькую житницу, хлѣвъ, и тамъ помѣстится новое семейство; тутъ, скажетъ онъ, нѣтъ никакой передачи аренды (1). Наконецъ, единственное средство къ уничтоженію этого обычая—удаленіе арендаторовъ, но если землевладѣлецъ прибѣгаетъ къ такому средству, его обвиняютъ въ безчеловѣчности, угрожаютъ ему и даже убиваютъ. Лордъ Дюфиронъ увѣряетъ, что нѣтъ такой мѣры, которая могла бы остановить зло, происходящее отъ передачи аренды мелкими частями.

(1) Вотъ нѣсколько примѣровъ изъ книги лорда Дюферина, которые доказываютъ, что страсть передачи аренды мелкими частями, не ограничивается одними низшими классами и, что чрезвычайно трудно доказать эту передачу. Мистеръ Томасъ Вардъ отдаетъ землю католическому патеру, который въ свою очередь отдаетъ часть земли своему брату, а другую часть сестрѣ, которая открываетъ кабакъ. Мистеръ Вардъ требуетъ въ судѣ уничтоженія контракта за нарушеніе одной изъ его статей. Патеръ отвѣчаетъ на это, что братъ его агентъ, а сестру онъ принялъ изъ состраданія. Капитанъ Болтонъ, агентъ лорда Станлея, отдаетъ ферму съ запрещеніемъ ея передачи; вскорѣ онъ замѣчаетъ втораго земледѣльца на фермѣ. Онъ обращается въ судъ и арендаторъ утверждаетъ, что нанялъ работника, котораго имѣетъ право помѣстить на

Я полагаю, что онъ ошибается. Вездѣ, гдѣ земля хорошо воздѣлана, гдѣ хорошія фермерскія зданія и вообще царитъ нѣкоторый достатокъ, земледѣлецъ уважаетъ землю. Онъ не согласится ее обезчестить постройкой грязныхъ мазанокъ. Онъ не хочетъ подвергнуть себя нищетѣ, унизиться и потерять свое настоящее положеніе. Происходитъ ли нѣчто подобное тому, что мы встрѣчаемъ въ Ирландіи въ тѣхъ странахъ, гдѣ поселяне собственники обрабатываемой ими земли, какъ въ Швейцаріи и Норвегіи, или пользуется ею въ силу наслѣдственныхъ арендъ, какъ въ Гренингенѣ и въ Португаліи? Еслибъ ирландскіе землевладѣльцы выстроили на своихъ земляхъ хорошія фермерскія зданія, ввели въ раціональную систему земледѣлія и въ то же время запретили бы передавать аренду мелкими частями, то она вскорѣ исчезла бы и никогда не появлялась бы, если бы поселяне были собственниками. Даже теперь съ тѣхъ поръ, что земледѣліе улучшается, появляется нѣкоторое довольство и землевладѣльцы дѣлаютъ то, что они давно должны были сдѣлать, этотъ обычай, почти всеобщій; встрѣчается гораздо рѣже. Не подлежитъ сомнѣнію, что онъ долженъ быть совершенно вырванъ съ корнемъ, иначе не возможенъ прогрессъ земледѣлія и распространенія народнаго благосостоянія. Лучшее средство, чтобы положить этому конецъ заключается не въ изданіи новыхъ строгихъ законовъ, но въ побужденіи арендаторовъ поддерживать въ ихъ личномъ интересѣ землю на высшей степени плодородія.

Аграрныя преступленія, о которыхъ намъ остается теперь говорить, составляютъ грустное послѣдствіе соціальной борьбы, возникшей между тѣми, которые владѣютъ землею и тѣми, которые ее воздѣлываютъ. Землевладѣлецъ требуетъ увеличенія ренты или удаляетъ арендатора съ фермы имъ занимаемой; въ глазахъ ирландскихъ поселянъ это злоупотребленіе власти, грабежъ, варварство. Землевладѣлецъ виновенъ и долженъ быть подвергнутъ наказанію. Законы, писанные иностранцами противъ ирландцевъ, не нака-

фермѣ. Процессъ тянется долго, подается апелляція, и въ концѣ концовъ, Болтонъ выигрываетъ, но судебныя издержки равняются 5,500 франк., тогда какъ арендная плата не превышала 325 фр.

зуютъ его и потому его должна поразить народная месть, выражающая идею естественнаго отвлеченнаго правосудія. Убійство считается ирландскими поселянами законнымъ выраженіемъ справедливаго возмездія, дѣйствіемъ вполнѣ патріотическимъ. Число совершающихъ подобныя преступленія не велико, но почти всѣ оправдываютъ или извиняютъ ихъ и никто не покажетъ такого обстоятельства, которое могло бы открыть преступника. Гораздо многозначительнѣе самыхъ преступленій духъ народа, который является постояннымъ сообщникомъ преступленія. Какъ сказалъ экономистъ Синьоръ: — „Въ Ирландіи два кодекса, одинъ, изданный парламентомъ и примѣняемый судьями; другой, составленный поселянами и исполняемый убійцами.“ Несчастно положеніе той страны, гдѣ законъ, долженствующій быть уважаемъ, какъ верховное выраженіе правосудія, ненавидимъ и презирается, какъ орудіе нечестиваго гнета.

Аграрныя преступленія въ Ирландіи начались съ конца прошлаго столѣтія. Въ 1760 году, исполнители народной мести назывались *Бѣлые малые* (whiteboys), въ 1772 году они принимаютъ названіе *Стальныхъ малыхъ* (steelboys), въ 1785 году — *Справедливыхъ малыхъ* (rightboys), а впоследствии — *Бѣлоножныхъ* (whitefeet), *Черноножныхъ* (blackfeet) и *Лашмотниковъ* (ribbonmen). Это послѣднее названіе доселѣ самое употребительное. Не слѣдуетъ смѣшивать *Лашмотниковъ* съ *Феніями*. Цѣль первыхъ защищать то, что они считаютъ правомъ арендаторовъ: цѣль вторыхъ, созданіе ирландской республики и война съ Англіею. *Лашмотники* не спрашиваютъ англичанинъ или ирландецъ, протестантъ или католикъ ихъ жертва; если онъ нарушилъ права тѣхъ, которые занимаютъ землю, онъ повиненъ смерти. Они убиваютъ не только землевладѣльца, требующаго слишкомъ высокой ренты, но и фермера, который соглашается ее платить. Не давно въ Атлонѣ вывѣшено было объявленіе на дверяхъ католической церкви, въ которомъ арендаторы мистера Кука предупреждались, что если они будутъ платить болѣе 30 шил. за акръ, то могутъ заказывать себѣ гробы. Поселянинъ по имени Крофордъ убитъ съ женою и ребенкомъ; онъ самъ никому не причинилъ вреда, но отецъ его выселялъ нѣсколькихъ аренда-

торовъ и этого довольно. Мисисъ Джексонъ отдала въ наемъ маленькую ферму одной вдовѣ, имѣвшей нѣкоторый достатокъ; по истеченіи срока аренды, она заявляетъ желаніе переѣхать сама въ свою ферму и управлять ею — тогда являются трое людей въ маскахъ и убиваютъ ее наповаль. Въ графствѣ Вестмитъ, капитанъ Роландъ Торльтонъ отказалъ одному изъ своихъ пастуховъ; его находятъ зарѣзаннымъ днемъ въ полѣ, гдѣ работали поселяне и убійца никогда не былъ отысканъ. Въ окрестностяхъ Мулингара, мисъ Тотенгамъ старается всячески улучшить положеніе своихъ арендаторовъ, она строитъ имъ отличныя жилища и отдаетъ ихъ по дешевой цѣнѣ, но ея сборщикъ ренты не нравится арендаторамъ и ей угрожаютъ смертью, если она его не прогонитъ. Другой землевладѣлецъ въ Вестмитѣ самъ обрабатываетъ свои двѣ фермы, въ одной изъ нихъ онъ обращаетъ часть годной земли въ пастбище и въ него стрѣляютъ, потому что такимъ образомъ онъ уменьшаетъ работу, а слѣдовательно запросъ работниковъ. Третьему фермеру объявляютъ, что если онъ не желаетъ получить пулю въ лобъ, то долженъ отдать свой лугъ поселянамъ, у которыхъ нѣтъ земли для садки картофеля. Всѣ эти угрозы и преступленія очень походятъ на тѣ, которыя совершались въ Шеффилдѣ рабочими для поддержанія или возвышенія заработной платы. Во многихъ мѣстахъ Ирландіи преступники достигаютъ своей цѣли. Землевладѣльцы не смѣютъ отказывать своимъ работникамъ и арендаторамъ. Съ другой стороны тѣ же изъ землевладѣльцевъ ⁽¹⁾, которые въ состояніи уѣхать, отказываются отъ вся-

(1) Вотъ примѣръ, который лучше всего докажетъ горестное положеніе землевладѣльцевъ. Мистеръ Дарси Ирвинъ изъ Ирвинстауна, въ графствѣ Арманакъ, намѣревался сдѣлать нѣкоторыя перемѣны въ своемъ помѣстьѣ; всѣ арендаторы его любили и однако, онъ получаетъ слѣдующее письмо: «М. Г. Если вы приведете въ исполненіе свой планъ удаленія арендаторовъ, то знайте что васъ ожидаетъ: гробъ готовъ, ружье заряжено и жребій брошенъ кому васъ застрѣлить. Это послѣднее предостереженіе. Если вы не хотите отправиться къ черту, вашему повелителю, то откажитесь отъ вашего плана. Если нѣтъ то, вотъ этимъ (слѣдуетъ рисунокъ ружья) этотъ (рисунокъ человѣка) отправить васъ въ ваше жилище (рисунокъ гроба) — подписалъ одинъ

кихъ улучшеній и покидаютъ Ирландію, предоставляя ее неизбѣжной, не отразимой нищитѣ. Какое-то проклятiе тяготѣетъ на этой несчастной странѣ; неудовлетворительное ея положеніе порождаетъ преступленіе, а преступленіе удаляетъ все что могло бы улучшить это положеніе.

III.

Изъ всего предыдущаго, читатель конечно придетъ къ тому заключенію, что все зло въ Ирландіи происходитъ отъ дурной организаціи поземельной собственности. Земля принадлежитъ крупнымъ чужестраннымъ землевладѣльцамъ, которые остановили экономическое развитіе страны не безчеловѣчiемъ и излишними требованіями, какъ это обыкновенно предполагаютъ, но небрежностью и своимъ отсутствіемъ изъ помѣстій. Въмѣсто того, чтобъ воздѣлывать хорошо землю, какъ того требовали ихъ интересы и самый долгъ, они предоставили эту заботу арендаторамъ, которые, бѣдные и невѣжественные, чрезвычайно плохо исполняли эту обязанность. Отъ этого произошли недостатокъ приличныхъ земледѣльческихъ строеній, дурная система земледѣлія, ужасная нищета, раздробленіе земли и излишекъ народонаселенія; когда же для уничтоженія всѣхъ этихъ золъ, стали прибѣгать къ удаленію арендаторовъ, то аграрныя преступленія привели всю страну въ смятеніе и ужасъ, а капиталъ обратили въ бѣгство. Однако, многіе въ Англіи не хотятъ признать, что законы, которые они привыкли считать источникомъ величія своей родины, могли привести къ такимъ роковымъ послѣдствіямъ. Они относятъ ихъ къ вліянію расы, къ католической религіи и къ древнимъ узаконеніямъ, которыя уничтожили промышленность и торговлю. Посмотримъ дѣйствительно ли вліяніе этихъ неблагопріятныхъ условій ухудшило то положеніе, которое создано въ Ирландіи дурной организаціей общества.

изъ 20,000». Мистеръ Дарси не испугался и отличаясь большой энергіей, укрѣпилъ свой замокъ и не выходилъ на поля иначе, какъ съ заряженнымъ штуцеромъ или пистолетомъ; но постоянные вызовы и непріятности довели его до такого нервнаго растройства, что доктора боятся за его жизнь.

Англійскіе либералы по слѣдамъ Милля, не согласны въ настоящее время искать объясненія соціальныхъ явленій въ различіи расъ, и къ тому же Гукслей доказаль, что на западѣ Ирландіи кровь народонаселенія болѣе саксонская, чѣмъ на востокѣ Англій. Однако не достовѣрно ли то, что люди не всѣ равны и извѣстныя способности переходятъ наслѣдственно, образуя такимъ образомъ опредѣленные виды? Большая часть европейскихъ націй не имѣетъ ли опредѣленный національный характеръ? Не существуютъ ли расы, которыя тотчасъ можно признать по ихъ внѣшнимъ признакамъ, и не то же ли должно быть съ психическими чертами, какъ съ физическими? Отчего бы это не происходило отъ крови или другихъ причинъ, какъ на примѣръ отъ преданій и обычаевъ, только несомнѣнно, что ирландецъ хотя отличается воображеніемъ и умомъ, часто выказываетъ недостатокъ предусмотрительности, преданъ удовольствіямъ гораздо болѣе англичанина и не такъ упоренъ въ трудѣ. Слѣдующій примѣръ, взятый нами изъ Ирландіи, вполне доказываетъ, какое вліяніе можетъ имѣть раса. Въ баронствахъ Барджи и Форты, близъ Векефорда, встрѣчаются маленькія фермы, также отлично содержанныя, какъ въ Голландіи. Дома снаружи выбѣлены, а внутри вездѣ царствуетъ необыкновенная чистота. Старая мебель блеститъ, шкафы наполнены бѣльемъ, поля обработаны, какъ садовыя клумбы. Нѣкоторыя семейства очень бѣдны, но онѣ борются съ нищетою, которая внѣшнимъ образомъ ни мало незамѣтна; смотря на все это, вы подумаете, что вы во Фландріи, и дѣйствительно этотъ округъ населенъ въ средніе вѣка колоніей фламандцевъ, потомки которыхъ донинѣ говорятъ на языкѣ, обнаруживающемъ ихъ происхожденіе. Поэтому не слѣдуетъ всегда отрицать вліяніе расы, но также было бы невѣрно считать это вліяніе непреодолимымъ. Достаточно существованія хорошихъ учрежденій, чтобъ исправить дурные результаты этого вліянія. Южные народы безъ сомнѣнія еще беззаботнѣе и менѣе преданы труду, чѣмъ сѣверные. Въ странахъ, гдѣ какъ въ Ирландіи, крупная собственность сосредоточена въ рукахъ аристократіи, не живущей въ своихъ помѣстьяхъ, на примѣръ въ Сициліи, Кастиліи и Эстремадурѣ народъ бѣдный и земля дурно обработана. Напротивъ, тамъ гдѣ мелкіе земледѣльцы владѣютъ землею или поль-

зуются гарантиями, обеспечивающими ихъ будущность, вся страна превращена въ прекрасный садъ: посмотрите на Тоскану, на Верхнюю Ломбардію и окрестности Валенсіи. Въ Ирландіи господствуютъ такъ давно безпечность, грязь и дурная обработка земли, что невозможно поселянину разомъ выдти изъ своего вѣковаго униженія; однако вездѣ, гдѣ въ Ирландіи землевладѣльцы устроили хорошія фермы, поселяне работаютъ съ энергіей и постоянствомъ.

Точно также трудно отрицать, чтобъ религія исповѣдуемая большинствомъ ирландцевъ не была дѣйствительной преградой прогрессу. Католическая религія во всемъ мірѣ мало способствовала развитію цивилизаціи и богатства. Она основана на авторитетѣ и виѣшнихъ обрядахъ, поэтому образованіе ей не нужно и даже вредно. Въ католическихъ странахъ невѣжество громадно, ибо духовенство не считаетъ необходимымъ уничтожать его. Только примѣненіе научныхъ знаній къ практикѣ дѣлаетъ трудъ производительнымъ. Можно ли сомнѣваться въ томъ, что Ирландія была бы въ болѣе цвѣтущемъ состояніи, еслибъ народъ исповѣдывалъ другую религію, болѣе способствующую распространенію цивилизаціи? Не выходя изъ Ирландіи мы можемъ найти ясное доказательство справедливости нашихъ словъ. Провинція Ульстеръ хорошо обработана, богата, въ ней процвѣтаютъ промышленность и торговля; но это провинція населена пресвиторами, этими энергическими людьми, которыхъ духъ хотя ослабленный послѣдующими эмиграціями, составляетъ еще доселѣ мощную силу Соединенныхъ Штатовъ. Перенесенная во всѣ широты и всѣ климаты, эта энергичная порода людей оказалась повсюду упорной въ трудѣ, постоянной въ геройствѣ, мужественной въ несчастѣ, умѣренной въ торжествѣ, способной къ свободѣ, которую она сумѣла создать, сохранить и защитить. Католическое духовенство, въ настоящее время стремится къ уничтоженію свѣтскихъ школъ въ Ирландіи и къ замѣненію ихъ школами, находящимися исключительно подъ надзоромъ духовныхъ лицъ. Это было бы великимъ несчастіемъ для Ирландіи и великой опасностью для Англіи. Посмотрите, что сдѣлалъ Римъ съ тѣми странами, которыя вполне были ему подвластны—съ Испаніей, Италіей и Австріей. Ирландія сдѣлавшись средоточіемъ тѣхъ идей нетерпимости, которыя

стараятся въ настоящее время возвести въ религіозные догматы, окончательно отвернулась бы отъ современнаго прогресса и стала бы непримиримымъ врагомъ Англіи. Уничтожить систему народнаго образованія, которая только что начала давать благодѣтельные плоды, было бы самой непростительной ошибкой со стороны государственныхъ людей.

Лордъ Дюферинъ очень хорошо выставилъ весь вредъ, который причинили Ирландіи нечестивые законы, задержавшіе развитіе ея торговли въ интересахъ Англіи, но я не могу признать, чтобъ это было причиной теперешняго несчастнаго положенія Ирландіи. Большинство англичанъ полагаетъ, что земледѣліе не можетъ процвѣтать безъ продажи своихъ произведеній въ большіе города. Но посмотрите на Норвегію: она находится на краю свѣта, въ ней почти нѣтъ городовъ, населеніе состоитъ исключительно изъ поселянъ и однако эти поселяне живутъ въ довольствѣ, потому что они собственники своей земли и сами потребляютъ все что производятъ. Я видѣлъ въ самыхъ уединенныхъ альпійскихъ долинахъ населеніе, не имѣющее почти никакихъ сношеній съ остальнымъ міромъ и однако пользующееся величайшимъ благосостояніемъ. Это происходитъ оттого, что поля, луга, жилища и стада, все собственность поселянъ. Гораздо лучше для земледѣльца сохранить плоды своего труда и пользоваться имъ самому, чѣмъ продавать ихъ даже очень дорого въ Лондонѣ и Парижѣ для уплаты ренты. Представьте себѣ, что Ирландія находилась бы посреди океана и была бы населена какъ Норвегія поселянами-собственниками; я отвѣчаю, что она тогда была бы гораздо богаче и счастливѣе, чѣмъ нынѣ. Однимъ словомъ раса, религія и комерческія узаконенія ухудшили зло, но вредная организація поземельной собственности составляетъ первую, главную причину несчастнаго положенія Ирландіи. Это альфа и омега ирландскаго вопроса.

Въ Ирландіи существуетъ еще особый обычай, съ которымъ намъ надо познакомиться, чтобы вполне понять *поземельный билль* (land bill), недавно принятый палатой общинъ. Этотъ обычай — *право пользователя* (tenant right), которое въ общемъ употребленіи въ Ульстерѣ, а также существуетъ въ нѣкоторыхъ помѣстьяхъ другихъ провинцій. Вотъ въ чемъ состоитъ это право

пользователя. Если землевладелец не потребовалъ всей ренты, которую онъ могъ бы получить при соперничествѣ, фермеръ пользуется частью естественной ренты земли и этотъ доходъ онъ считаетъ себя въ правѣ продать. Это нѣчто въ родѣ общаго владѣнія. Арендаторъ не можетъ быть удаленъ съ занимаемой имъ земли, пока онъ аккуратно платитъ аренду. Землевладельцу не воспрещается увеличивать аренды, но подѣ тѣмъ условіемъ, чтобы доля фермера въ доходѣ также увеличилась, слѣдовательно увеличилась бы и цѣнность его права. Въ случаѣ отчужденія права пользователя, покупательъ долженъ получать согласіе землевладельца, но этотъ послѣдній не можетъ отказать въ своемъ согласіи безъ основательныхъ причинъ. Если на фермѣ лежитъ недоимка, то землевладелецъ можетъ взыскать ее изъ денегъ, слѣдуемыхъ отъ новаго покупателя. Продажная цѣна права пользователя чрезвычайно различна и зависитъ очевидно отъ умѣренности требованій землевладельца и отъ той доли ренты, которую онъ оставляетъ наемщику. Иногда эта цѣна достигаетъ 500 фр. за акръ. Чѣмъ менѣе требователенъ землевладелецъ, тѣмъ выше цѣна на пользованіе его фермой. Сумма, уплачиваемая входящимъ фермеромъ выходящему, состоитъ изъ платы за произведенныя улучшенія и за добрую волю (good will) выходящаго фермера, который дозволяетъ другому занять свое мѣсто.

Право пользователя въ Ульстерѣ напоминаетъ тѣ послѣдственныя аренды, которыя подъ именемъ *beklem regt* въ Голландіи, а *romento* въ Португаліи, *livello* въ Италіи и существовали почти во всей Европѣ въ средніе вѣка. Только въ Ирландіи этотъ обычай не имѣетъ ничего опредѣленнаго, законеннаго. Землевладелецъ можетъ ограничить или уничтожить *право пользователя*, увеличивъ мало по малу аренду. Это по видимому и дѣлалось въ послѣдніе годы. Многіе купившіе земли, продававшіяся за долги, радикально уничтожили это право. Другіе откупили его у арендаторовъ, чтобы вполне владѣть своею собственностью.

Писатели не согласны на счетъ происхожденія и вліанія *права пользователя*. По словамъ Шермана Кроферда, она происходитъ оттого, что землевладельцы Ульстера дали колонистамъ

нѣчто въ родѣ наследственной аренды, подѣ условіемъ, чтобы они сдѣлали землю производительной. Лордъ Дюфферинъ полагаетъ, что это право просто произошло отъ щедрости землевладѣльцевъ, которые никогда не требовали такой ренты, какую они могли получить при соперничествѣ арендаторовъ. Первое объясненіе мнѣ кажется вѣроятнѣе; такимъ же точно образомъ подобныя права появились въ остальной Европѣ. Лордъ Дюфферинъ и многіе англичане порицаютъ *права пользователя*. Оно по ихъ словамъ мѣшаетъ свободному распредѣленію земли и поглощаетъ большую часть средствъ входящаго фермера, который гораздо лучше могъ бы употребить ихъ какъ фермера въ Англіи на улучшеніе земледѣлія; но опытъ доказываетъ всю выгоду *права пользователя*; вездѣ, гдѣ оно существуетъ, земледѣліе находится на лучшей степени развитія. Этотъ фактъ замѣчается не только въ Ульстерѣ (1), гдѣ его можно объяснить иными причинами, но и въ другихъ провинціяхъ. Чрезвычайно убѣдительный примѣръ этого представляетъ помѣстье лорда Портсмута. Въ то время когда это помѣстье управлялось въ Court of chancery было введено *право пользователя* и оно принесло такіе хорошіе результаты, что нынѣшній лордъ, считающійся образцовымъ землевладѣльцемъ, не только не сопротивлялся, но поощрялъ развитіе его, соглашаясь на долгосрочныя аренды. Въ результатѣ земля отлично воздѣлывается, арендаторы счастливы и доходъ удвоился. Трудно порицать систему, которая оказывается для всѣхъ столь выгодной.

Право пользователя содѣйствуетъ введенію хорошей земледѣльческой системы, потому что придаетъ надежность пользованію зем-

(1) Въ Ульстерѣ во времена Артура Юнга 1779 году, поземельный доходъ равнялся 990,000 фун. стер., а въ 1869 году, онъ былъ 2,830,000. Въ остальной Ирландіи онъ достигалъ 5,000,000, а въ 1779 году, а 9,200,000 фун. стер. въ 1869 году Изъ этихъ цифръ видно, что въ тѣхъ графствахъ, гдѣ пользованіе землею не надежно, а землевладѣльцы имѣютъ всего болѣе власти, доходъ удвоился, тогда какъ онъ утроился въ той провинціи, гдѣ пользованіе землею было самое надежное, а землевладѣльцы имѣли всего болѣе власти. См. рѣчь Гладстона 15 февр. 1870 года.

лей. Поселянинъ не можетъ быть удаленъ съ занимаемой имъ земли безъ вознагражденія; онъ на половину собственникъ, а нѣтъ болѣе сильнаго побужденія къ труду, какъ собственность. Входящій фермеръ, покупая *добрую волю* выходящаго фермера, конечно имѣетъ менѣе денегъ для устройства фермы, но онъ платитъ меньшую аренду и такимъ образомъ получаетъ проценты съ своего капитала. Кромѣ того, онъ обезпеченъ противъ *gask-rent* и отъ безграничнаго соперничества, такимъ образомъ онъ можетъ улучшать занимаемую имъ землю, не рискуя потерять всѣ сдѣланныя имъ улучшения или заплатить процентъ съ нихъ въ видѣ увеличенія арендной платы. Всякій, покупающій *право пользователя* дѣлается капиталистомъ; онъ владѣлецъ и имѣетъ его чувства и достоинства, слѣдовательно, онъ избѣгаетъ той унижительной нищеты, которая составляетъ главную причину подраздѣленія арендъ на мелкія части и излишка народонаселенія. *Право пользователя* служитъ преградой дробленію земли и гарантіей акуратной уплаты аренды, такъ какъ землевладѣлецъ можетъ взыскать недоимку съ цѣнности *доброй воли* арендатора. Хотя полная поземельная собственность не достижима для земледѣльцевъ, благодаря нелѣпой сложности англійскихъ законовъ, эта полусобственность передается изъ однѣхъ рукъ въ другія такъ же просто и надежно, какъ всякій движимый предметъ. Во Франціи, гдѣ пріобрѣтеніе поземельной собственности дѣло простое, ясное, и доступное для всѣхъ, *право пользователя* считалось бы недостаточнымъ правомъ; но среди отвратительной организаціи поземельной собственности въ Великобританіи это право представляетъ большія выгоды, такъ какъ земледѣлецъ, благодаря ему, дѣйствительно владѣетъ землею, которую онъ обрабатываетъ. Фактъ что подобное право могло существовать безъ признанія его судебной властью служитъ новымъ доказательствомъ благородства ирландскихъ землевладѣльцевъ; но тотъ фактъ что для оказанія справедливости арендаторамъ, необходимо, какъ парламентъ это и сдѣлалъ, признать законодательнымъ путемъ право столь неопределенное и подлежащее всевозможнымъ спорамъ, доказываетъ только варварство законовъ о поземельной собственности въ Англіи.

Разсмотримъ теперь средства, предлагаемыя для улучшенія настоящаго положенія Ирландіи и особливо тѣ, которыя заключаются въ *поземельномъ билль*, который недавно принятъ палатою общинъ. О'Кенель въ 1843 году требовалъ, чтобъ аренды не могли быть заключаемы менѣе, какъ на 21 годъ и чтобъ арендаторъ имѣлъ право получить вознагражденіе за сдѣланныя имъ улучшенія; но въ настоящее время ирландскіе арендаторы этимъ не довольствуются; ихъ пароль *закрѣпленіе пользованія землею при справедливой рентѣ* (*fixety of tenure at fair rents*). Эта мѣра ровнялась бы экспропріаціи всѣхъ ирландскихъ землевладѣльцевъ, которые преобразились бы въ ипотечныхъ кредиторовъ, доходъ которыхъ былъ бы опредѣленъ экспертами. Право собственниковъ должно быть очень непопулярно, благодаря ненавистнымъ привилегіямъ, чтобы проектъ, который на континентѣ считался бы преступною мечтою безумцевъ былъ бы принятъ всѣми лучшими умами и излагается постоянно въ общественныхъ собраніяхъ. Бутъ, бывший профессоръ политической экономіи въ Дублинскомъ университетѣ, требовалъ въ книгѣ надѣлавшей много шума „Land tenure in Ireland“, освобожденія ирландскихъ рабовъ введеніемъ аренды на 60 лѣтъ, съ опредѣленной судомъ рентою. Серъ Джонъ Грей совѣтуетъ предоставить всѣмъ арендаторамъ *право пользователя*, такъ чтобъ они могли сохранять за собою свои фермы, пока акуратно платятъ аренду. Стюартъ Милль въ своей брошюрѣ „Ирландія и Англія“ (*Ireland and England*) высказываетъ убѣжденіе, что единственное средство умиротворенія Ирландіи это разомъ превратить всѣхъ наемщиковъ ирландской земли въ собственниковъ, подъ условіемъ уплаты бывшимъ землевладѣльцамъ приличной ренты. Эти послѣдніе имѣли бы право требовать отъ государства обезпеченія постояннаго дохода, записаннаго въ книгу государственнаго долга, и кромѣ того вознагражденіе, соответствующее вѣроятному увеличенію цѣнности земли. Профессоръ Торальдъ Роджерсъ защищаетъ ту же идею, но онъ предлагаетъ кромѣ того подвергнуть тройному *подоходному налогу* (*income-tax*) имущество, оставшееся у прежнихъ землевладѣльцевъ, такимъ образомъ ихъ подвергли бы не только экспропріаціи, но и тяжелой пени. Вотъ мѣры, всего чаще предлагаемыя

и надо сознаться, что онѣ поддерживаются духовенствомъ и большею частью тѣхъ, которые могутъ считаться представителями ирландскихъ землевладѣльцевъ.

Если дѣйствительно революціонныя мѣры необходимы для спасенія Ирландіи отъ всѣхъ золъ, обрушившихся на нее, благодаря привилегіямъ, какъ полагаетъ Милль, то я предпочелъ бы способъ, употребленный французской революціей, которая цѣною жестокихъ конфискацій по крайней мѣрѣ установила ясный, опредѣленный общественный порядокъ и создала независимыхъ собственниковъ; но если государство, то есть правительство для вознагражденія бывшихъ землевладѣльцевъ должно собирать съ фермеровъ ренту то оно сдѣлается единственнымъ предметомъ всѣхъ аграрныхъ ненавистей. Всѣ жалуются на отсутствіе землевладѣльцевъ изъ ихъ помѣстій, но въ случаѣ экспроприаціи, они всѣ будутъ расходовать на чужой сторонѣ весь доходъ, даваемый Ирландіей. Въ настоящее время многіе землевладѣльцы посвящаютъ часть ренты на землевладѣльческія улучшенія, а своимъ присутствіемъ и дѣятельностью содѣйствуютъ прогресу земледѣлія и общества. Эти полезныя вліянія исчезнутъ и страна останется отягченной громаднѣе данью въ пользу англійской аристократіи. „Я признаю, сказалъ поэтому поводу Гластонъ:—что зло такъ велико, что нѣтъ положенія, которое не было бы предпочтительнѣе настоящаго; но было бы грустной необходимостью прибѣгнуть для улучшенія поземельной системы Ирландіи къ соціальной революціи, главный результатъ которой состоялъ бы въ освобожденіи богатыхъ собственниковъ отъ ихъ обязанностей и въ увеличеніи того класса, къ сожалѣнію слишкомъ многочисленнаго, праздношатающихся, которые имѣютъ деньги и болѣе ничего, и у которыхъ по видимому нѣтъ другой цѣли въ жизни какъ увеличивать наши потребности и уровень роскоши, тогда какъ мы еще не открыли тайны уменьшать нищету окружающую насъ со всѣхъ сторонъ.“ Въ странахъ, гдѣ *закрѣпленіе пользованія землей* установилось естественнымъ путемъ, какъ въ сѣверныхъ провинціяхъ Португаліи и въ Гренингентѣ, факты доказываютъ, что оно способствуетъ развитію благосостоянія земледѣльцевъ и прогресу земледѣлія; но насильственно введенное

въ Ирландіи при существующихъ условіяхъ оно сопровождалось бы важными неудобствами.

Если, мы полагаемъ, указываетъ на настоящій единственный способъ правильнаго разрѣшенія ирландскаго вопроса. Изучая сельское хозяйство на континентѣ Европы, онъ убѣдился, что въ противоположность англійскимъ предразсудкамъ, поземельная собственность, въ рукахъ земледѣльцевъ самая вѣрная гарантія общественнаго порядка и источникъ благосостоянія сельскаго населенія. Онъ фактически доказываетъ, что мелкая поземельная собственность соответствуетъ климату, обычаямъ и преданіямъ Ирландіи. О'Коннеръ Морисъ, приводящій факты безъ всякаго предвзятаго мнѣнія замѣчаетъ, что вообще крупное хозяйство не столь успѣшно, какъ мелкое. Необходимо создать въ Ирландіи классъ поселянъ собственниковъ, говорилъ Брайтъ во всѣхъ своихъ рѣчахъ; и онъ былъ правъ. *Въ поземельномъ биллѣ* находятся статьи, удовлетворяющія этому желанію; но необходимо измѣнить съ начала до конца всѣ законы, касающіеся до поземельной собственности. До сихъ поръ дѣлали все что возможно для сосредоточенія ея въ рукахъ нѣсколькихъ семействъ, а теперь слѣдовало бы дѣлать все что возможно для ея распространенія между большимъ количествомъ рукъ.

Разсмотримъ наконецъ условія *поземельнаго билля*. Прежде всего, онъ признаетъ силу закона за обычаями *права пользователя*, гдѣ онъ существуетъ въ Ульстерѣ и даже въ другихъ провинціяхъ. Особый трибуналъ, учрежденный для приведенія въ исполненіе поземельнаго билля, долженъ разсматривать право пользователя въ каждомъ помѣстьѣ и заставлять землевладѣльца его уважать. Такимъ образомъ нѣчто въ родѣ совладѣнія, которымъ пользовался арендаторъ по снисхожденію землевладѣльца признается неотъемлемымъ его правомъ. Это значительное благодѣяніе для арендаторовъ, ибо они почти дѣлаются собственниками, но страшно подумать къ какимъ безчисленнымъ затрудненіямъ приведетъ практическое примѣненіе всѣхъ этихъ неопредѣленныхъ неясныхъ правъ, не основанныхъ ни на писанномъ контрактѣ, ни на опредѣленномъ обычаѣ. Рѣшенія суда опредѣляютъ практическое значеніе закона; судьямъ предоставлено все. Ирландія конеч-

но приметъ съ благодарностью подобное законодательство, но на континентѣ его не потерпѣли бы, такъ какъ оно слишкомъ неопредѣленно и предоставляетъ все на произволь судовъ. Это конечно упрощаетъ дѣло законодателя, но чрезвычайно усложняетъ дѣятельность судей.

Въ томъ случаѣ, когда арендаторъ не имѣетъ ни права пользователя, ни аренднаго контракта, билль является ему на помощь, и такъ сказать подвергаетъ пени землевладѣльца, который ему желаетъ отказать отъ аренды. Цѣль этого постановленія заключается въ обезпеченіи фермера противъ ужаснаго зла ненадежности пользованія, которое по словамъ Гладстона, чудовищная язва Ирландіи. Эта пеня уменьшается соразмѣрно увеличенію важности поземельнаго участка. При арендѣ менѣе 10 ф. стер. она можетъ равняться цѣнности семи лѣтъ аренды; отъ 10—30 ф. 5 лѣтъ аренды и такъ далѣе до тѣхъ поръ, что при арендѣ болѣе 100 ф. пеня ровняется годичной платѣ. Всякая сдѣлка, по которой арендаторъ отказался бы отъ этой платы, считается недѣйствительной, исключая тѣ случаи, когда аренда превышаетъ 100 ф. Билль признаетъ, что мелкій земледѣлецъ несвободенъ заключая условія съ землевладѣльцемъ и потому необходимо обезпечить его отъ тѣхъ излишнихъ требованій землевладѣльцевъ, на которыя онъ можетъ быть вынужденнымъ согласиться. Чѣмъ менѣе нанимаемый участокъ земли, тѣмъ сильнѣе покровительство закона. Арендаторъ, передающій отъ себя землю другому или не платящій аренды, теряетъ право на вознагражденіе. Вотъ главныя постановленія новаго билия. Они вторгаются въ область свободы контрактовъ доселѣ священной для англичанина. Они лишаютъ собственника права свободно распоряжаться своимъ имуществомъ, такъ какъ онъ не можетъ отказать арендатору, не заплативъ ему значительнаго вознагражденія. Это энергическая мѣра противъ произвола землевладѣльцевъ. Я не знаю примѣра въ исторіи, гдѣ бы народъ до такой степени пошелъ противъ своихъ принциповъ и инстинктовъ для оказанія помощи несчастному, погибающему населенію. Никакое законодательство современной Европы, насколько мнѣ извѣстно, не допустило постановленій, столь революціонныхъ по своимъ послѣдствіямъ. И однако палата общинъ вотировала этотъ

законъ, потому что она поняла, что настала минута радикальныхъ реформъ.

До сихъ поръ земледѣльческія улучшенія и постройки считались собственностью земледѣльца, который удаливъ арендатора, могъ ими свободно воспользоваться. Впредь они будутъ считаться принадлежностью арендатора, пока не будетъ доказано противное, и землевладѣлецъ долженъ будетъ вознаграждать за нихъ арендатора по оцѣнкѣ суда. Тутъ также нарушена свобода гражданскихъ сдѣлокъ, такъ какъ если въ контрактѣ, арендаторъ откажется отъ права требовать означеннаго вознагражденія, то это условіе считается не добровольно заключеннымъ и потому недействительнымъ.

Если землевладѣлецъ желаетъ избавиться отъ предыдущихъ узаконеній, онъ долженъ заключить аренду на 31 годъ, на тѣхъ условіяхъ, которыя судъ признаетъ справедливыми. Для уничтоженія излишнихъ требованій землевладѣльцевъ и *rack-rents*, судъ можетъ постановить, что неуплата слишкомъ высокой аренды не даетъ права землевладѣльцу требовать удаленія арендатора съ занимаемой имъ земли. Судъ можетъ также признать эти несправедливыя требованія землевладѣльца источникомъ безпокойства и убытковъ для арендатора, а посему можетъ присудить послѣднему вознагражденіе.

Другая часть била имѣетъ цѣлью облегчить арендаторамъ пріобрѣтеніе въ собственность той земли, которую они занимаютъ. Казна выдаетъ имъ въ видѣ займа двѣ трети продажной цѣны, каковую сумму они обязаны уплатить въ 35 лѣтъ, съ процентами 5 на 100. Судъ выдаетъ новымъ покупателямъ законные документы на владѣніе, что чрезвычайно важно, такъ какъ неважность правъ собственности одна изъ главныхъ преградъ къ ея распространенію. Эта часть била не должна была бы возбудить никакихъ возраженій, однако говорятъ, что ее всего труднѣе приметъ палата лордовъ. Это будетъ странное ослѣпленіе. Развѣ лорды не видятъ, что собственность, сосредоточенная въ рукахъ немногихъ привелегированныхъ лицъ, кажется несправедливой монополіей, которую всѣ порицаютъ и которую никто не смѣетъ защищать? Если требуютъ для Ирландіи общей экспроприаціи, если поземельный биль такъ рѣзко нарушаетъ право собственности, то не потому ли это, что страдать будетъ отъ этихъ мѣръ только одно мень-

шинство? Ничто подобное немыслимо было бы во Франціи съ ея 50,000 мелкихъ собственниковъ.

Удовлѣворить ли Ирландію этотъ билль? Повсюду распростра- ненное требованіе закрѣпленія пользованія землею породило такія надежды, что сначала онъ конечно покажется недостаточнымъ; но арендаторы вскорѣ почувствуютъ его благотворные результаты. Если они не будутъ отказываться отъ платежа ренты и не будутъ отдавать отъ себя въ наемъ землю мелкими участками, они обезпечены отъ произвольнаго удаленія землевладѣльцами, такъ какъ послѣдніе въ подобномъ случаѣ обязаны вознаграждать ихъ. *Право пользователя*, существовавшее какъ обычай, въ нѣкоторыхъ графствахъ нынѣ получаетъ силу закона. Они обезпечены отъ *gask rents*. Всѣ улучшения, сдѣланныя ими, признаются ихъ собственностью и оплачиваются по оцѣнкѣ; если же они хотятъ купить занимаемую ими землю, то казна даетъ имъ на это средства. Нигдѣ и никогда не были предоставлены такія чрезвычайныя права и выгоды сельскимъ классамъ, и парламентъ дарующій ихъ Ирландіи не допускаетъ ихъ въ Англии. Конечно зло, происходящее отъ вѣковаго притѣсненія не исчезнетъ мгновенно, но надо надѣется, что въ Ирландіи, умиротворенной и связанной съ Великобританіей узами взаимнаго довѣрія и любви, трудъ, лучше направленный и справедливѣе вознагражденный будетъ въ состояніи обезпечить всѣмъ средства жить какъ подобаетъ человѣку. Зеленый Еринъ можно превратить подобно зеленому округу Голландіи въ громадное великолѣпное пастбище, усѣянное мѣстами роскошными жилищами и небольшимъ количествомъ фермъ съ отличнымъ скотомъ. Этого можно было достигнуть выселеніемъ еще 3,000,000 ирландцевъ, но такъ какъ невозможно было ихъ оторвать отъ родной почвы, то остается только превратить ихъ мало по малу въ собственниковъ, примиренныхъ съ бывшими землевладѣльцами и свободныхъ, потому что у нихъ болѣе нѣтъ господъ, счастливыхъ и богатыхъ, потому что они могутъ безгранично пользоваться всѣми плодами своего труда.

VII.

ПОЗЕМЕЛЬНЫЕ ЗАКОНЫ ВЪ ИНДІИ.

Ст. Джорджа Кэмпбеля.

Не разъ намъ случалось слышать мнѣніе, что объ Индіи нельзя говорить какъ о цѣломъ, такъ какъ она состоитъ изъ многихъ различныхъ странъ. Я не думаю, чтобы это было вполне справедливо. Какъ ни различны были жители разныхъ провинцій Индіи, но ихъ рѣзкія племенные черты были сглажены наплывомъ сперва индусскихъ племенъ, а потомъ магометанскихъ завоевателей и такимъ образомъ эти страны были ассимилированы можетъ быть въ большей степени, чѣмъ страны Европы.

Мы не имѣемъ историческихъ свидѣтельствъ относительно индусскихъ народовъ, но въ этнографіи и въ учрежденіяхъ страны остается еще довольно указаній на то, что эти племена можно раздѣлить, по крайней мѣрѣ, на два разряда: къ первому принадлежатъ первоначальные индусы, поклонники Брамы, а ко второму позднѣйшія племена, болѣе демократическаго характера и ближе подходящіе къ германцамъ, предшественникамъ магометанъ въ управленіи странюю. Не смотря на всѣ перевороты, учрежденія этихъ индусскихъ племенъ до сихъ поръ сохранились въ ея организаціи.

Магометанское завоеваніе и господство были полнѣе и централизованнѣе, чѣмъ завоеваніе и господство какой бы то ни было силы, управляемой Европой со временъ римлянъ. Магометанскія имперіи дважды управляли почти всею Индіей. Въ промежуткѣ между этими двумя имперіями страна не была утрачена для маго-

метанъ, но большею частію была раздѣлена между разными магометанскими династіями, по своему характеру очень похожими одна на другую. Последняя великая магометанская имперія, сплавившая всю Индію въ одну страну, не далѣе какъ въ началѣ прошлаго столѣтія находилась на вершинѣ своего могущества. Ея правленіе было въ высшей степени централизовано, и отъ Пешаура до мыса Коморина съ одной стороны и до Читтагонга съ другой, многое изъ ея официальной системы и почти весь ея официальный языкъ существуетъ до настоящаго дня.

Такимъ образомъ, хотя нынѣшнія обстоятельства различныхъ провинцій Индіи безконечно разнообразны, но источники ихъ учрежденій очень сходны между собою. Я постараюсь объяснить сперва тѣ условія землевладѣнія, которыя англичане нашли въ Индіи при своемъ водвореніи, а затѣмъ укажу на различныя формы, которыя они приняли въ различныхъ провинціяхъ подъ управленіемъ британской администраціи.

Вопросъ о томъ, существовала ли частная поземельная собственность въ Индіи до британскаго управленія принадлежитъ къ числу тѣхъ, которые никогда не могутъ быть удовлетворительно разрѣшены, потому что онъ, подобно многимъ спорнымъ предметамъ, есть, главнымъ образомъ, вопросъ о значеніи словъ. Отрицающіе существованіе собственности разумѣютъ собственность въ одномъ смыслѣ, а утверждающіе — разумѣютъ ее въ другомъ. Мы слишкомъ склонны забывать, что поземельная собственность, какъ отчуждаемый товаръ, состоящій въ безусловномъ обладаніи и переходящій изъ однѣхъ рукъ въ другія, подобно всякой движимости, не есть старое учрежденіе, а новѣйшее развитіе юридическихъ понятій, выработанное въ немногихъ очень прогрессивныхъ странахъ. Въ большей части свѣта, право обрабатывать отдѣльныя части земли есть скорѣе привилегія, чѣмъ собственность; привилегія сперва цѣлаго народа, потомъ — какого нибудь отдѣльнаго племени, или отдѣльной деревенской общины, и наконецъ, отдѣльныхъ лицъ ея. Въ этой послѣдней степени, земля раздѣлена между отдѣльными лицами въ видахъ взаимнаго удобства, а не въ качествѣ безусловной собственности; она долго остается въ подчиненіи извѣстнымъ условіямъ и надзору со стороны общины, кото-

рая не допускаетъ безконтрольнаго отчужденія и соединяетъ съ нимъ извѣстныя общинныя права и общинныя повинности.

Еще болѣе важное различіе состоитъ въ томъ, что въ странахъ, завоеванныхъ чуждыми племенами у народовъ, обработывавшихъ уже почву (т. е. почти во всѣхъ странахъ стараго свѣта), завоеватели, обыкновенно, не могутъ обработывать всю землю сами, и не пытаются обработывать ее посредствомъ другихъ, по новѣйшей системѣ отдачи въ аренду богатымъ фермерамъ, или посредствомъ сельскихъ работниковъ; они охотно оставляютъ большую часть почвы во владѣніи народа, который ее обработывалъ и который привязанъ къ ней многими узами. Отсюда происходитъ очень обыкновенное различіе между привилегією взиманія обычной ренты и привилегією занятія земли. Въ Индіи рента была взимаема, вообще, государствомъ или его непосредственными уполномоченными и представителями; но, не смотря на то, часто можно встрѣтить въ деревенскихъ общинахъ привилегію собственности въ видѣ занятія почвы и распоряженія ею, которая составляла такую же форму собственности какую можно найти вездѣ, за исключеніемъ новѣйшей формы землевладѣнія.

Въ племенахъ индо-германской крови, которыя завоевали и управляли индійскими провинціями, мы замѣчаемъ наклонность учредить феодальную систему чрезвычайно похожую на ту, которая господствовала въ Европѣ. Въ Раджпутанѣ эта система до сихъ поръ остается въ полной силѣ. Маграты и сихи установили подобную же систему. Эта система есть почти необходимый результатъ наслѣдственнаго характера индо-германскихъ учрежденій. Индо-германскіе народы становясь въ положеніе завоевателей образуютъ наслѣдственную армию съ тою градаціей феодальнаго подчиненія, отъ главнаго вождя до простаго солдата, которая необходима для военныхъ операцій. Но система магометанская чужда, можно сказать противоположна, характеру наслѣдственности. Духъ централизованнаго правленія магометанъ противоположенъ феодальной системѣ, и вездѣ гдѣ они управляли вполнѣ, эта система была ими уничтожена. Она удержалась только въ тѣхъ провинціяхъ Раджпуты, жителямъ которымъ снисходительно

было дозволено сохранить самоуправленіе въ начатѣ данниковъ, и у нѣкоторыхъ пограничныхъ племенъ, которыя никогда не были покорены вполне. Говоря вообще феодальная система не преобладаетъ въ англо-индійскихъ территоріяхъ. Правда, есть довольно много платящихъ дань вождей и подвластныхъ имъ владѣльцевъ въ болѣе дикихъ мѣстностяхъ страны, и можно до сихъ поръ найти разные степени леннаго владѣнія въ нѣкоторыхъ провинціяхъ, но ни одна изъ большихъ провинцій не организована по образцу правильной феодальной системы.

Однако же есть много имуществъ пожалованныхъ въ доходъ и состоящихъ изъ отдѣльныхъ кусковъ земли и только къ этимъ свободнымъ владѣніямъ магометане примѣняютъ названіе собственности. Они часто были жалуеты правителемъ на условіяхъ вѣчной собственности, но такъ какъ они почти всегда назначались въ виду какой нибудь опредѣленной цѣли, напримѣръ, для поддержанія какого нибудь религіознаго учрежденія, или за какую нибудь опредѣленную службу, или на время жизни членовъ какой нибудь фамиліи, то на нихъ надо смотрѣть какъ на собственность ограниченную и неотчуждаемую. На практикѣ, однакоже, эти пожалованныя имущества всегда могли быть отобраны обратно по прихоти правителя и при туземномъ управленіи. Это была нескончаемая исторія отобранія старыхъ и пожалованія новыхъ земель. Въ смутахъ, сопровождавшихъ паденіе династій, многія пожалованія этого рода были даны подчиненными начальниками, не имѣвшими для этого достаточнаго авторитета, многія захвачены посредствомъ обмана и узурпаціи; а извѣстная слабость британской системы управленія ко всему, что имѣетъ видъ собственности, такъ же какъ незнаніе мѣстныхъ условій и обстоятельствъ, въ сильной степени поощряли подобныя притязанія и узурпаціи на первыхъ порахъ, когда эти провинціи достались англичанамъ. Отвергнувъ произвольную фактическую власть туземныхъ князей, англичане признали дѣйствительными и обязательными всѣ пожалованія, данныя какою бы то ни было властью, компетентною въ данное время и превратили ихъ въ полное и прочное землевладѣніе, вмѣсто шаткаго пользованія, находившагося въ зависимости отъ прихоти вождя. Всѣ ограниченныя пользованія, имѣющія какое нибудь по-

добіе продолжительнаго владѣнія или другихъ какихъ либо правъ, были укрѣплены за владѣльцами или уступлены имъ на какихъ нибудь, весьма легкихъ, условіяхъ. Мало того, эти снисходительныя правила были введены въ законы, и гражданскіе суды были открыты для всѣхъ желающихъ апеллировать на рѣшенія должностныхъ лицъ исполнительной власти. Къ несчастію, въ нѣкоторыхъ изъ провинцій, пріобрѣтенныхъ въ болѣе давнее время, разслѣдованія, необходимыя для примѣненія этихъ правилъ, были долго откладываемы, вслѣдствіе чего въ высшей степени подложныя и незаконныя владѣнія пріобрѣли нѣкоторую давность и когда, наконецъ, дознаніе было произведено, то поднялось много жалобъ и криковъ, которые повели къ еще болѣе снисходительнымъ сдѣлкамъ.

Въ теченіе общей повѣрки правъ на землю, составляющей часть того что англичане называютъ settlement (организаціей), было рѣшено имѣютъ ли пожалованныя лица полное право на землю или только на ренту или доходъ. Въ очень многихъ случаяхъ—почти по всѣмъ имуществамъ бѣльшаго размѣра—они суть только получатели извѣстнаго дохода, между тѣмъ какъ земля въ дѣйствительности находится во владѣніи другихъ лицъ, которыхъ привилегіи сходны съ привилегіями лицъ, пользующихся ими отъ правительства. Въ другихъ случаяхъ, въ особенности въ мелкихъ имуществвахъ, пожалованное лицо или владѣло землею прежде чѣмъ оно превратилось въ пожалованную собственность, или какимъ нибудь образомъ пріобрѣло владѣніе имъ. Въ такихъ случаяхъ владѣльцы были признаны полными собственниками. Большая часть пожалованій, какъ я сказалъ выше, признала собственностью подъ извѣстными условіями, но многія (и даже слишкомъ многія) избѣгли подобныхъ обязательствъ. Эти послѣднія въ настоящее время могутъ быть свободно отчуждаемы и составляютъ въ Индіи единственную полную поземельную собственность въ англійскомъ смыслѣ этого слова.

Возвратимся теперь къ нормальному положенію земли въ Индіи, т. е. къ тому, когда за нее платятъ ренту или доходъ государству, но занимаютъ и обрабатываютъ ее отдѣльныя лица.

Первоначальная форма подати, получаемой государствомъ съ

земли, разумѣется, состояла въ извѣстной части произведеній. По собраніи жатвы, государство имѣетъ право на извѣстную пропорцію зерна, регулированную согласно обычаю данной мѣстности. Это очень старинное учрежденіе. Въ очень древнія времена взимаемая государствомъ части были гораздо меньше, чѣмъ въ позднѣйшія, когда онѣ изъ подати превратились въ ренту. Дѣйствительно, онѣ достигли обыкновенной ренты, возвышенной до послѣдней степени, до какой только можно ее довести, не возбудивъ бунта или не заставивъ народа эмигрировать. Мнѣ кажется, что различіе между податью и рентой заключается единственно въ суммѣ и что если поземельная подать такъ высока, что она поглощаетъ ренту, то она, въ сущности, становится рентой. Съ этой точки зрѣнія государство въ Индіи можно считать верховнымъ собственникомъ въ томъ же самомъ смыслѣ какъ всякаго другаго собственника, который имѣетъ право получать обычныя ренты, но самъ не обрабатываетъ землю и не управляетъ ею.

Нигдѣ и ни при какой формѣ правленія въ Индіи государство не принимаетъ на себя этихъ послѣднихъ обязанностей или другихъ какихъ либо, сходныхъ съ обязанностями англійскаго землевладѣльца. За исключеніемъ отдачи пустошей въ обыкновенную аренду, тамъ не было никогда никакой системы вмѣшательства въ непосредственное владѣніе почвой, ни предоставленія ея, по конкуренціи, лицамъ, предложившимъ наиболѣе высокую плату, или чего либо въ этомъ родѣ. Владѣльцы принадлежавшихъ къ деревнѣ земель оставлены при своемъ владѣніи, и имъ было позволено распоряжаться своими дѣлами съ тѣмъ, чтобы государство получало принадлежащія ему подати до уборки урожая съ поля.

Такимъ образомъ государство обыкновенно получало если не полную, то почти полную ренту; но въ Индіи рѣдко были дѣлаемы въ обширныхъ размѣрахъ попытки идти далѣе этого пункта, приковывая народъ къ почвѣ и вымогая отъ него податную ренту, высшую противъ дѣйствительной ренты, какъ это происходило въ Европѣ, когда свобода землевладѣльцевъ была остановлена системой рабства. Въ Индіи народъ никогда не былъ *adscripti glebae* (закрѣпощеннымъ землѣ). Неизвѣстно чему слѣдуетъ приписать это, многочисленности ли населенія и дешевизнѣ труда, дѣлающей зем-

ледѣльческое рабство бесполезнымъ, или же справедливымъ законамъ.

Какъ бы то ни было, но при всѣхъ правительствахъ, не смотря на многія тягости, народъ въ Индіи пользовался большою степенью индивидуальной свободы.

Не должно предполагать, что платимая государству рента состояла въ однообразной части продуктовъ, взимаемой въ одинаковомъ размѣрѣ со всѣхъ родовъ жатвы.

Напротивъ того, система взиманія ренты была въ замѣчательной степени принаровлена къ обстоятельствамъ и основана на началахъ, которыя мы назвали бы принципами политической экономіи. Взимаемая часть была различна смотря по различнымъ родамъ жатвы и различнымъ способамъ обработки. Напримѣръ, съ жатвы добытой съ помощью искусственнаго орошенія (произведеннаго не на правительственныя издержки), рента обыкновенно уплачивалась въ меньшемъ размѣрѣ, чѣмъ съ жатвы, для достиженія которой искусственная иригація не была употреблена; такъ въ первомъ случаѣ имѣлись въ виду большіе труды и затраты со стороны земледѣльца. Съ болѣе цѣнныхъ продуктовъ, каковы напр. сахарный тростникъ, хлопокъ и проч. платились денежные подати по пространству земли вмѣсто отдѣленія части натурою и т. п.

Деревня есть хорошо извѣстная единица всякихъ распоряжковъ относительно дохода и то же можно сказать о всѣхъ видахъ поземельнаго владѣнія въ Индіи. Употребляя слово деревня, я разумѣю подъ нимъ деревню не въ нашемъ смыслѣ, а пространство земли, занятое общиной, которая обыкновенно живетъ въ одной деревнѣ. Въ ровной и густо населенной странѣ, можно сказать, вся земля, какъ обработанная, такъ и необработанная, принадлежитъ той или другой деревнѣ. Страна въ дѣйствительности раздѣлена на деревни, границы которыхъ извѣстны, и гдѣ кончается одна деревня, тамъ начинается другая.

Говоря о деревенской „общинѣ,“ я употребляю это послѣднее слово въ обыкновенномъ англійскомъ смыслѣ, не думая обозначать имъ дѣйствительное общинное владѣніе собственностью. Нѣтъ ничего ошибочнѣе, какъ приписывать индѣйскимъ деревнямъ какія нибудь черты комунизма. Правда, что въ раннія времена прежде

чѣмъ общины сдѣлались осѣдлыми и поселились на землѣ для постоянной ея обработки, онѣ весьма часто пользовались землею сообща для пастбы, такъ какъ частная собственность состояла въ скотѣ, а не въ землѣ; и даже послѣ того какъ земля была раздѣлена для обработки, обычай періодическаго исправленія неправильностей посредствомъ передѣла нерѣдко существовалъ до позднѣйшихъ временъ. Но и въ этомъ послѣднемъ случаѣ земля никогда не была распредѣляема поровну, а только регулировалась согласно признаннымъ границамъ владѣній предковъ, причемъ случайныя неравности и захваты были уничтожаемы. По мѣрѣ того, какъ общины становились болѣе и болѣе постоянными и осѣдлыми, этотъ обычай передѣла исчезъ, и можно сказать, что въ новѣйшихъ общинахъ, въ цивилизованныхъ частяхъ страны онъ уже не существуетъ.

И такъ узы, соединяющія деревенскую общину, суть скорѣе муниципальныя, чѣмъ коммунальныя, выражаемая въ общности собственности. Обработываемая земля состоитъ во владѣніи отдѣльныхъ лицъ, а не общины.

Деревенская община состоитъ изъ собранія свободныхъ людей свободной касты, которые произошли отъ одного общаго предка — это суть въ сущности люди принадлежащіе къ одному роду. Деревня можетъ быть раздѣлена на двѣ или на три части, но я описываю здѣсь простую цѣльную деревню, находящуюся во владѣніи разныхъ кастъ или племенъ. Каждый членъ общины имѣетъ свой участокъ, который въ Пенджабѣ обыкновенно выражается въ пахатныхъ земляхъ. Пахатный участокъ не есть какое нибудь однообразное количество земли, а просто доля въ данной деревнѣ, гдѣ можетъ быть напр. шестьдесятъ четыре, сто двадцать пять и всякое число долей; одинъ человекъ можетъ имѣть двѣ пахоты, другой полторы, третій половину и каждый владѣетъ землею, представляющею его часть.

Община управляется совѣтомъ старшинъ, которые правятъ до тѣхъ поръ, пока пользуются довѣріемъ народа, и которые ведутъ всѣ переговоры съ правительствомъ. И такъ въ подобной деревнѣ принадлежащіе къ общинѣ земледѣльцы считаютъ себя собственниками. Они соединены очень крѣпкою связью; они поль-

зуются правами собственности и никто не покушается ихъ беспокоить.

Во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда какое нибудь демократическое общество избирало своихъ начальниковъ, эти начальники относительно своихъ обязанностей были отчасти должностными лицами правительства, частію же главами quasi — муниципалитета. Въ разныхъ мѣстностяхъ они имѣли разныя названія, должность ихъ была полунаслѣдственная, каковой характеръ имѣютъ почти всѣ индусскія должности, т. е. наиболѣе способный членъ послѣдней должностной фамилии наслѣдуетъ съ разрѣшенія управляющей власти, причемъ старшинству, соединенному съ доказанною способностію, отдается предпочтеніе.

Въ чемъ состояли (если только они существовали) права земледѣльцевъ, принадлежавшихъ къ періоду сравнительно недавняго поселенія и не подходящихъ подъ категорію деревенскихъ собственниковъ — это есть вопросъ, который въ послѣдніе годы былъ поднятъ какъ вопросъ большой важности, потому что въ немъ заключалось опредѣленіе взаимныхъ правъ землевладѣльцевъ и ихъ арендаторовъ, но на который не можетъ быть дано положительнаго отвѣта. Общій результатъ здѣсь по видимому тотъ, что нѣтъ точнаго закона для опредѣленія права занятія земли для земледѣльцевъ не собственниковъ, и что права этихъ людей были безконечно разнообразны въ своихъ степеняхъ. Но въ общеупотребительномъ языкѣ страны было различіе между райотами (ryot), поселенными въ качествѣ постоянныхъ осѣдлыхъ жителей, и землевладѣльцами въ деревнѣ, которые поселились послѣ, представивъ ручательство возведеніемъ построекъ, платежемъ и принятіемъ на себя доли общихъ обязательствъ, наконецъ райотами, которые были такъ долго временными обывателями, или которые вовсе не были мѣстными жителями, а пришли изъ другихъ деревень для обработки кусковъ земли.

Поземельные доходы были собираемы туземными правителями. Извѣстно, что въ нѣкоторыхъ изъ болѣе значительныхъ владѣній, были найдены лица стоящія непосредственно между сельскими жителями и правительствомъ, лица, которыхъ положеніе сдѣлалось болѣе или менѣе наслѣдственнымъ и которыхъ права подали по-

водъ къ большимъ спорамъ. Поэтому мы должны разсмотрѣть происхожденіе этихъ посредниковъ, и прежде всего уяснить значеніе, въ которомъ мы употребляемъ слова „зиминдаръ“ и „райотъ.“

Зиминдаръ есть слово персидское, означающее, буквально, „владѣльца земли“. Однако же оно было весьма разнообразно примѣняемо къ различнымъ классамъ, имѣющимъ отношенія къ землѣ. Магометане по видимому употребляли его первоначально какъ слово „туземецъ,“ примѣняя его къ сельскимъ жителямъ, но наконецъ они стали называть этимъ именемъ обложенныхъ данью владѣтелей, которыхъ владѣнія не были покорены вполне. При моголахъ полунезависимыя территоріи постоянно назывались *зиминдарствами*. Великіе раджпутскіе и другіе вожди были извѣстны подъ именемъ *зиминдаровъ*. Въ Бенгаліи и другихъ округахъ этотъ терминъ примѣнялся къ важнѣйшимъ посредникамъ между правительствомъ и народомъ, которые достигли власти въ періодъ упадка имперіи. Но нѣсколько далѣе мы находимъ, что этотъ терминъ примѣняется къ мелкимъ сельскимъ собственникамъ, а еще далѣе на сѣверъ, въ Пэнджабъ даже къ простымъ поселянамъ. Я постараюсь употреблять это слово по возможности въ его обыкновенномъ англійскомъ смыслѣ владѣльца земли, составляющаго ступень между государствомъ и дѣйствительнымъ земледѣльцемъ.

Слово „райотъ“ употребляется еще болѣе ошибочно. Это слово арабское, хотя заимствовано у персіанъ, и значитъ: „покровительствуемый“ „подданный“ или „простолюдинъ“ въ отличіе отъ „раевъ“ или „благородныхъ.“ Туземцы до настоящаго времени употребляютъ его въ этомъ смыслѣ, а не въ смыслѣ содержателя земли. Не только всѣ классы земледѣльцевъ, какъ имѣющихъ на землю наиболѣе прочныя права, такъ и неимѣющіе никакихъ правъ на нее, но даже ткачи, плотники и работники называютъ себя райотами. Для упрощенія терминологіи, я буду примѣнять это названіе къ лицамъ обрабатывающимъ землю — собственникамъ и не собственникамъ, — въ отличіе отъ владѣльцевъ, стоящихъ непосредственно между райотами и государствомъ. Весьма важно замѣтить значеніе этого слова, такъ какъ лица, которымъ даны были очень прочныя права прежними распоряженіями, или послѣдующими законами официально называются райотами и вслѣд-

ствіе неправильнаго перевода этого слова словомъ „tenants“ (содержатели или наниматели) образовалось мнѣніе, будто бы произвольно были даны лицамъ, находящимся въ положеніи англійскихъ арендаторовъ.

Въ старинныхъ браминскихъ описаніяхъ индусскихъ учрежденій, каковыми они должны быть, упоминается объ окружныхъ должностныхъ лицахъ, которыя относительно большихъ пространствъ земли по видимому занимаютъ почти то же положеніе какое старшины въ деревняхъ. Они были начальниками тысячи, ста, десяти, словомъ многихъ деревень и по видимому ихъ должность была наследственна.

Въ то время, когда магометанское управленіе было въ силѣ, между государствомъ и народомъ было мало посредствующихъ степеней; но по мѣрѣ того, какъ центральная власть ослабѣвала, мелкія власти усилились. Въ продолжительный періодъ анархіи, во многихъ мѣстностяхъ страны подъ номинальнымъ господствомъ магометанской имперіи произошелъ поворотъ къ туземному управленію и къ индусской системѣ мелкихъ начальниковъ. Изъ нихъ-то образовались болѣе крупныя новѣйшія властители, извѣстные подъ именемъ зиминдаровъ.

Я прослѣжу ихъ до слѣдующихъ главныхъ источниковъ:

Во первыхъ. Прежніе обложенные данью раи, которые мало по малу были низведены до степени подданныхъ, но не утратили распоряженія своими исконными територіями, которыми они владѣли скорѣе въ качествѣ туземныхъ правителей, чѣмъ въ качествѣ собственниковъ. Они находятся преимущественно въ крайнихъ пограничныхъ округахъ и въ лѣсистыхъ полудивилизованныхъ мѣстностяхъ.

Во вторыхъ. Туземные вожди иногда предводители индусскихъ племенъ, иногда просто авантюристы, достигнушіе власти въ качествѣ воинственныхъ грабителей, взымавшихъ вынужденную дань, которые наконецъ, вступивши въ соглашеніе съ правительствомъ, приняли на себя роль вождей, подъ именемъ зиминдаровъ, полигатовъ и проч. управлявшихъ извѣстными частями страны, за которыя они вносили правительству доходъ или дань, непрочную при слабомъ управленіи, но дѣлающуюся правильнымъ посе-

мельнымъ доходомъ съ установленіемъ сильной власти. Это обыкновенный способъ возникновенія большинства значительныхъ новѣйшихъ фамилій, какъ на сѣверѣ такъ и на югѣ Индіи.

Въ третьихъ. Должностныя лица, которыхъ обязанность состояла въ сборѣ податей и отчетности по нимъ и которые въ смутныя времена часто пріобрѣтали такую силу, что ихъ отчетность была почти номинальная, и на самомъ дѣлѣ они, давая свои вымогательства до послѣдней степени платили ту сумму, какую желало получить правительство.

Въ четвертыхъ. Иногда подати, взимаемыя съ райотовъ, отдавались на откупъ какому нибудь одному лицу. Для слабаго правительства эта система очень заманчива и при упадкѣ имперіи моголовъ предприимчивые капиталисты и другіе спекуляторы, заключивъ подобныя контракты, пользовались властью и передали ее своимъ наслѣдникамъ.

Эти разные роды властей представляютъ безконечное разнообразіе и запутанность; онѣ взаимно принимаютъ значеніе одна другой и переходятъ одна въ другую, такъ что зиминдары могутъ происходить отъ того или другаго изъ указанныхъ нами источниковъ.

При феодальномъ характерѣ индусскихъ учрежденій мы постоянно находимъ, что въ подчиненіи зиминдарамъ находились второстепенныя власти, подчиненные начальники первоначальныхъ райевъ, низшія должностныя лица, субъ-владѣльцы и они, подобно своимъ главнымъ порядкамъ, пріобрѣтали несмѣняемость. Но каково бы ни было свойство этихъ различныхъ классовъ наслѣдственныхъ или полунаслѣдственныхъ посредниковъ, всѣ они суть представители господствующей власти, агенты правительства. Тамъ, гдѣ существовали сильные деревенскіе собственники, они занимали тоже положеніе и подъ властью зиминдаровъ; тамъ гдѣ ихъ положеніе было не такъ прочно, зиминдары отправляли обязанности должностныхъ лицъ правительства.

При туземной системѣ правъ на землю они не продаются и не покупаются. Обо всѣхъ видахъ землевладѣнія до временъ господства англичанъ можно сказать вообще, что земли не могли быть отчуждаемы посредствомъ продажи. Секвестръ и продажа

земли за частные долги были совершенно неизвѣстны; это понятіе было совершенно чуждо воображенію туземцевъ.

Теперь перейду къ поземельнымъ системамъ, которыя были приняты англичанами въ разныя провинціи Индіи.

Поземельная система въ Бенгаліи.

Собственно такъ называемая Бенгалія была первою изъ провинцій, поступившихъ подъ управленіе англичанъ. Позднѣйшія сѣверныя племена едва проникли въ эту страну и сельскія учрежденія не имѣли того демократическаго, независимаго характера, который даетъ возможность сноситься прямо съ народомъ. Агенты Восточной Индійской компаніи были совершенно неопытны въ гражданской администраціи. Найдя тамъ посредниковъ болѣе или менѣе наследственныхъ, — каковы *зиминдары, чудры, талукдары* и проч. англичане какъ чужеземцы, предпринимающіе столь новое дѣло, естественно воспользовались услугами этихъ людей. Въ то время имъ не былъ присвоенъ характеръ собственниковъ. Было вполне понятно, что они могутъ быть смѣщаемы за негодность или злоупотребленія, и въ самомъ дѣлѣ, они были часто смѣщаемы. Правило о наследственности должностей не было положительно установлено; но если кто изъ нихъ поступалъ хорошо, то другой изъ той же фамиліи допускался къ наследованію его должности. Эти люди обязаны были собирать подати и давать въ нихъ отчетъ правительству. Новѣйшая исторія управленія въ Индіи начинается съ регламентаціи 1793 г., которыми была установлена постоянная организація (*permanent settlement*) и кодексъ законовъ, относящихся къ ней. Обстоятельство и свойство постоянной организаціи Бенгаліи были понимаемы весьма ошибочно. Говорили, что англичане были слишкомъ незнакомы съ туземною индійскою администраціей; что британскіе администраторы приняли сборщиковъ податей за поземельныхъ собственниковъ и изданнымъ въ то время законами предоставили имъ право безусловной собственности надъ почвою, съ полнымъ

исключеніемъ правъ и притязаній низшихъ владѣльцевъ. Эти мнѣнія слишкомъ далеки отъ истины. Вступительныя примѣчанія къ бенгальскимъ регламентаціямъ достаточно показываютъ, что британскіе администраторы вполне и безъ преувеличенія понимали дѣйствительное положеніе зиминдаровъ, которые были сдѣланы собственниками не вслѣдствіе признанія за ними права, а по внушенію обдуманной политики. Найдя, что шаткость землевладѣнія зиминдаровъ и другихъ лицъ сопровождается большимъ вредомъ, они сдѣлали зиминдаровъ, въ нѣкоторомъ смыслѣ, собственниками, вмѣсто того чтобы оставить ихъ просто должностными лицами финансоваго вѣдомства. Но эти лица вовсе не были единственными и безусловными собственниками. И другимъ лицамъ нисходя до райотовъ была дана таже прочность владѣнія относительно зиминдаровъ, какая дана была зиминдару относительно правительства. Подчиненныя зиминдарамъ лица были защищаемы въ своихъ правахъ и подвержены платежу установленныхъ податей. Что касается до райотовъ, то все экстренныя налоги на нихъ и вымогательства были уничтожены и на зиминдаровъ возложена обязанность письменно обозначить первоначальную ренту, или окладную подать, которую долженъ былъ уплачивать каждый работникъ. Въ случаѣ спора со стороны этого послѣдняго, дѣло рѣшалось мѣстнымъ судомъ округа. Равнымъ образомъ приняты были и другія мѣры къ предупрежденію злоупотребленій.

Зиминдары были поощряемы въ обработкѣ пустошей и къ тому чтобы они побуждали райотовъ къ обработкѣ болѣе цѣнныхъ продуктовъ; имъ было обѣщано, что все что они прибавятъ такимъ образомъ къ своей выручкѣ, будетъ ихъ собственностью. Всѣ пустыя пространства были отданы во владѣніе зиминдаровъ, исключая отдаленныя мѣстности страны, необработанныя и не населенныя, гдѣ никто не хотѣлъ брать земли и платить съ нея дохода.

Сдѣлки эти впрочемъ не были заключаемы исключительно съ зиминдарами; тамъ гдѣ находились лица, которыя, по мнѣнію англійскихъ администраторовъ, имѣли болѣе вѣскія права, эти сдѣлки заключались съ ними. Такихъ мелкихъ владѣльцевъ было много, а въ одномъ или двухъ изъ восточныхъ округовъ были

признаны имѣющими наибольшее право на владѣніе простыя земледѣльцы.

Въ то же самое время, какъ постановленъ 1793 г. признали поземельную собственность, она была сдѣлана отчуждаемою посредствомъ продажи и поставлена во все условія полной собственности.

Первоначальный кодексъ объявилъ, что существующій въ нѣкоторыхъ большихъ имѣніяхъ обычай перехода собственности къ одному наслѣднику есть магометанское изобрѣтеніе, придуманное для финансовыхъ цѣлей, и отмѣнилъ его, постановивъ, что переходъ всехъ имѣній по наслѣдству долженъ быть опредѣляемъ по обыкновеннымъ индусскимъ и магометанскимъ законамъ, примѣняемымъ ко всякой другой собственности. Но послѣдующій статутъ измѣнилъ это распоряженіе и призналъ право первородства въ нѣкоторыхъ округахъ, гдѣ оно прочно установилось. Индусскіе законы ничего не говорятъ о завѣщаніяхъ; но такъ какъ суды, дѣйствуя согласно англійскимъ прецедентамъ, допустили ихъ, то изъ этого произошелъ тотъ любопытный результатъ, что при отсутствіи всякихъ постановленій, ограничивающихъ право дѣлать завѣщанія, въ Бенгаліи власть индуса связывать свою собственность завѣщаніемъ по видимому почти неограниченна.

Кредиторъ имѣлъ власть продать все поземельныя права своего должника для взысканія долговъ всякаго рода. И такъ какъ по введенной системѣ, были признаны постоянныя права собственности, и доходъ былъ опредѣленъ съ такою точностью, что правительство не могло требовать уже никакихъ прибавокъ, то этотъ доходъ долженъ былъ уплачиваться съ самою пунктуальною регулярностью. Посему, какъ только въ назначенный день платежъ не былъ внесенъ, то имѣніе продавалось съ молотка тому, кто предлагалъ высшую цѣну.

Въ собственной Бенгаліи возникъ обычай отдавать землю въ аренду навсегда подъ нѣкоторыми условіями. Такимъ образомъ большія имѣнія раздробились, и можно сказать, что, фактически, большая часть земли въ Бенгаліи находится теперь въ рукахъ постоянныхъ землевладѣльцевъ средней руки. Многіе райоты и другіе мелкіе пользователи, даже когда они не могутъ доказать сво-

ихъ правъ на основаніи закона о постоянной организаціи, получили вѣчныя аренды посредствомъ извѣстнаго платежа. Такимъ образомъ подъ прикрытіемъ закона о постоянной организаціи возникла обширная система вѣчныхъ арендъ (perpetuities) всякаго рода. Эти вѣчныя аренды или владѣнія большія и малыя могутъ быть продаваемы за просрочку въ уплатѣ ренты.

По индусскимъ законамъ и обычаямъ собственность умершаго лица дѣлится между всеми сыновьями или другими агентами. При неимѣнннхъ сыновей, наследуетъ вдова на весьма ограниченныхъ правахъ. Дочери и другія родственницы тоже наследуютъ послѣ вдовы, когда нѣтъ сыновей. Магометанскіе законы о наследствѣ крайне сложны и порождаютъ большую путаницу въ опредѣленіи частей. Результатомъ этихъ законовъ для многихъ поколѣній было образованіе почти въ каждомъ имѣннн множества интересовъ постоянныхъ и случайныхъ. Законъ даетъ каждому участнику право выдѣла своей части; но тамъ гдѣ нѣтъ никакого плана, никакой описи, никакихъ свѣденій и данныхъ въ рукахъ исполнительной власти, попытка раздѣлить судебнымъ порядкомъ имѣніе, которое не находится въ непосредственномъ владѣннн сторонъ, а состоитъ въ пользованнн райотовъ, и о которомъ сами стороны едва ли знаютъ что нибудь кромѣ количества уплачиваемой ренты, сопровождается огромными затрудненіями на практикѣ. Въ Бенгаліи рѣдко прибѣгаютъ къ судебнымъ процесамъ и еще рѣже эти процессы приводятъ къ успѣшному результату. Такимъ образомъ почти все имѣнія находятся въ нераздѣльномъ владѣнн нѣсколькихъ или многихъ лицъ, а многія другія лица имѣютъ при этомъ наследственные или преемственные права. Удивительный фактъ — какъ много индусовъ, принадлежащихъ къ высшимъ классамъ, умираютъ бездѣтными, и какъ много возникаетъ отсюда вдовьихъ наследствъ. Права индусскихъ вдовъ до крайности странны. Онѣ не имѣютъ права распоряжаться имуществомъ для полезныхъ цѣлей, но по браминскимъ законамъ онѣ могутъ сдѣлать многое въ пользу браминовъ и для цѣлей суевѣрія. Онѣ постоянно находятся въ рукахъ браминовъ и постоянно стараются распорядиться своими имѣніями въ пользу своей собственной родни или своихъ друзей браминовъ, въ ущербъ наследникамъ мужа. Словомъ, вла-

дѣніе вдовъ землями сопровождается очень дурными послѣдствіями и даетъ поводъ къ половинѣ тяжбъ въ Бенгаліи.

Когда такимъ образомъ мы имѣемъ съ одной стороны систему наслѣдства, ведущую къ постоянному подраздѣленію правъ безъ фактическаго раздѣла самой собственности; обширную систему владѣнія, аренды и субъ-аренды во всѣхъ формахъ и степеняхъ и на всякихъ условіяхъ, смотря по неограниченному произволу сторонъ, право владѣнія вдовъ, обставленное вышеуказанными неудобствами; когда все это основано на сложныхъ и неопредѣленныхъ даныхъ, то можно вообразить какое открывается поле для судебныхъ исковъ. Къ этому надо прибавить, что англійская судебная система поощряла до высшей степени самую худшія стороны юридической техники, и обычай, по которому показанія свидѣтелей были скорѣе сосчитываемы, чѣмъ взвѣшиваемы. Игра въ законы была доведена до такой степени, что покупать и содержать землю подъ какимъ нибудь вымышленнымъ именемъ, а не подъ собственнымъ, сдѣлалось обыкновенною вещью. Самый почтенный человѣкъ чувствуетъ, что если онъ не имѣетъ надобности надувать кого нибудь теперь, то онъ можетъ быть будетъ имѣть надобность сдѣлать это впослѣдствіи, что таковъ обычай страны; и такъ онъ записываетъ свое имѣніе по тайному условію на имя бабки своей жены. Когда его тѣснятъ кредиторы или на его имѣніе заявляютъ претензію истцы, то оно оказывается чужимъ; если же бабка его жены измѣняетъ ему, то онъ заводитъ съ ней тяжбу, объ объявленіи заключеннаго съ нимъ условія.

При покупкѣ земли въ Бенгаліи весьма трудно добиться неоспоримаго права. Покупщикъ никогда не можетъ быть увѣреннымъ, что не появится внезапно кто нибудь съ заявленіемъ, что продавецъ не имѣлъ никакого права продавать землю. Дѣйствительно, слишкомъ часто случается, что кто нибудь покупаетъ отъ подставнаго лица номинальную собственность, которая вовсе ему не принадлежитъ. Единственная безопасная покупка бываетъ тогда, когда имѣніе продается за просрочку платежей.

Не смотря на эти неудобства, желаніе обладать поземельною собственностью такъ велико, и въ теченіе ста лѣтъ мира накопилось такъ много капиталовъ, — для безопаснаго помѣщенія ко-

торыхъ на проценты существуетъ тамъ весьма мало способовъ, — что цѣнность земли дошла до очень высокой степени.

Защитники бенгальской системы управленія въ доказательство превосходства ея обыкновенно ссылаются на спокойствіе и вѣрность бенгальскаго народа во время индійскаго возмущенія. Не возможно сравнить страну, удаленную отъ сцены возстанія и населенную невоинственнымъ народомъ, который чуждъ сипаямъ (и лично ненавидятъ ихъ), со странами, которыя были непосредственнымъ театромъ мятежа и населены сипаями. Однакоже несомнѣнно, что обстоятельства того времени, когда англійская власть въ Индіи почти совсѣмъ не существовала, представляли большое удобство для возстанія недовольныхъ во всѣхъ частяхъ Индіи. Населеніе восточной Бенгаліи главнымъ образомъ магометанское, и въ числѣ его есть много изъ тѣхъ реформированныхъ магометанъ, которые вслѣдствіе сколько нибудь настойчиваго притѣсненія могутъ сдѣлаться нашими врагами. При всемъ этомъ хотя Багаръ былъ сильно взволнованъ, Бенгалія оставалась совершенно спокойною во все время мятежа, и когда къ концу кризиса отрядъ сипаевъ, стоявшій въ восточной Бенгаліи, взбунтовался, то народъ дѣятельно ему воспротивился. И такъ, допуская что бенгальская система хороша не во всѣхъ отношеніяхъ, мы можемъ сказать, что тамъ народъ не имѣетъ серьезныхъ неудовольствій противъ британскаго правительства.

Поземельная система въ сѣверо-западныхъ провинціяхъ.

Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ послѣ 1793 г. въ сѣверо-западныхъ провинціяхъ Индіи преобладали тѣ взгляды, которые повели къ постоянной организаціи въ Бенгаліи. Часть мадрасскаго президентства получила тоже постоянную организацію, въ составъ которой входили крупные зиминдары.

Но въ окончательномъ результатѣ все-таки восторжествовали принципы такъ называемой ryotwar system, т. е. системы непо-

средственнаго устройства быта сельскихъ классовъ, права райотовъ, находящихся подъ управленіемъ этихъ зиминдаровъ были обезпечены документами и дѣятельнымъ вмѣшательствомъ правительства.

Въ первые годы настоящаго столѣтія обязанности Аудскаго Наваба къ англичанамъ были опредѣлены раздѣломъ его страны, которой одна половина была оставлена въ его владѣніи, а другая передана имъ британскому правительству. Около того же времени значительная территорія въ той же части Индіи, опустошаемая маратами, была приобрѣтена изгнаніемъ ихъ. Такимъ образомъ Англія приобрѣла господство надъ верхнею частью долины или лучше плоскости Ганга, т. е. надъ собственно такъ называемымъ Индостаномъ. Приобрѣтенныя такимъ образомъ территоріи извѣстны подъ именемъ сѣверо-западныхъ провинцій.

Тотчасъ послѣ ихъ приобрѣтенія, правительство объявило свое намѣреніе дать имъ постоянную организацію по бенгальскому образцу. Но скоро другіе взгляды получили перевѣсъ. Были выражены сомнѣнія насчетъ выгодъ системы постоянной организаціи; устройство сѣверо-западныхъ провинцій по бенгальскому образцу было сначала отложено, а потомъ и совсѣмъ оставлено. Такимъ образомъ между тѣмъ какъ въ нижнихъ провинціяхъ Бенгаліи и Багарѣ упомянутая система была преувеличена и развита въ одномъ смыслѣ, сѣверная провинція пошла по другой колѣѣ и поземельное устройство получило въ нихъ другое направленіе.

Сомнѣніе и несогласіе взглядовъ повели къ цѣлому ряду переходныхъ мѣръ и временному устройству новыхъ территорій, безъ подробнаго изслѣдованія правъ. Земля была отдана во временное пользованіе лицамъ находившимся ближе подъ рукою; и тамъ, гдѣ по видимому, никто не обладалъ никакими наслѣдственными или похожими на собственность правами, селенія были отданы въ аренду фермерамъ. Тамъ гдѣ существовало какое либо подобіе правъ, они были безжалостно предаваемы въ случаѣ просрочки въ платежѣ податей, изъ чего произошли большія злоупотребленія со стороны англійскихъ подчиненныхъ должностныхъ лицъ и ихъ сообщниковъ, которые приобрѣли многія земли пущенныя ими въ продажу. Вслѣдствіе этого была назначена спеціальная коммиссія, которая разслѣдовала и отчасти уничтожила эти злоупотребленія,

но правительство почувствовало необходимость болѣе положительной системы. Такое положеніе вещей привело къ извѣстной регуляціи VII 1822 г. которая служитъ основаніемъ для всѣхъ послѣдующихъ распоряженій во всѣхъ частяхъ сѣверной Индіи. Система установленія неизмѣннаго дохода была остановлена; вмѣсто нея была принята система опредѣленія дохода на продолжительные періоды; но тѣмъ не менѣе частная поземельная собственность была признана вполнѣ. Владѣльцы земли были въ сущности долгосрочными арендаторами съ правомъ возобновленія своего контракта и переоцѣнки дохода при окончаніи срока. Ихъ права были отчуждаемы и вполнѣ гарантированы закономъ. Никто не могъ быть снабженъ этими правами произвольно; для опредѣленія ихъ надлежало производить полное дознаніе и разслѣдованіе; агенты правительства должны были опредѣлить какія изъ сторонъ имѣютъ болѣе сильныя права на собственность и съ этими послѣдними правительство устанавливало поземельный доходъ; въ то же время и болѣе слабыя права всякаго рода должны были быть разслѣдованы, описаны и опредѣлены документальнымъ образомъ. Это было очень важное распоряженіе, такъ какъ тамъ, гдѣ оказывалось, что двѣ или болѣе сторонъ, высшихъ и низшихъ, обладали совмѣстными правами на землю, должностныя лица правительства были уполномочены или сноситься прямо съ высшимъ владѣльцемъ и устанавливать сдѣлки его съ низшимъ, — или устранять одну изъ сторонъ посредствомъ опредѣленія въ ея пользу ежегоднаго процента (въ вознагражденіе за утраченныя его права) и заключать сдѣлку съ другою.

Райоты были раздѣлены на два разряда, на райотовъ поселившихся издавна, которымъ предоставлено было оставаться на землѣ до тѣхъ поръ пока они будутъ платить ренту, и райотовъ не имѣющихъ подобныхъ правъ; но данныя для этого различія и масштабъ для установленія отъ времени до времени размѣра ренты не были опредѣлены съ тою точностью, которую можно было бы желать.

Оцѣнка земледѣльческихъ продуктовъ и долгъ правительства въ нихъ должны были производиться на основаніи самыхъ подробныхъ вычисленій; по нимъ опредѣлялся валовой доходъ, по вы-

четѣ изъ котораго издержекъ и прибыли собственника, вычислялась и опредѣлялась рента, уплачиваемая правительству.

При всемъ превосходствѣ этихъ распоряженій въ нихъ былъ одинъ недостатокъ, именно, положено въ ихъ основу предположеніе, что повсюду существуютъ явственно обозначенныя права собственности, которыя слѣдуетъ только рассмотреть и утвердить официальными документами. Между тѣмъ на самомъ дѣлѣ подобныя права въ строгомъ смыслѣ существовали только въ извѣстныхъ частяхъ страны, въ другихъ они представляли только зачатки, намекъ на право; наконецъ въ иныхъ они ослабѣли или даже совершенно исчезли. Вслѣдствіе этого комисары правительства должны были не только удостовѣриться въ существующихъ правахъ, но и создать цѣлый разрядъ правъ, не существовавшихъ прежде, или, по крайней мѣрѣ, дать имъ форму и содержаніе, которыхъ они не имѣли прежде. Такимъ образомъ былъ данъ большой просторъ личному усмотрѣнію, и при отсутствіи явственныхъ указаній на разные случаи, личные предразсудки слишкомъ увлекали комисаровъ въ ту или другую сторону. Изъ этого порядка вещей произошло много ожесточенныхъ официальныхъ споровъ. Одни поддерживали права аристократіи, другіе стояли болѣе за народъ. Ни та ни другая сторона не получила полного перевѣса, но нельзя отрицать, что въ окончательномъ результатѣ партія, смотрѣвшая неблагоклонно на аристократическія притязанія, была болѣе поддерживаема высшею властію.

По опредѣленіи правъ собственности, было установлено, что двѣ трети дохода съ земли принадлежать правительству, осталъная же треть и всякое будущее приращеніе въ теченіе тридцати лѣтъ принадлежать собственнику. Въ случаѣ несогласія собственника уплачивать установленный окладъ, онъ можетъ отказаться отъ этого обязательства, но въ такомъ случаѣ деревня отдается въ содержаніе арендатору, а собственникъ получаетъ въ вознагражденіе незначительный процентъ. Пустопорожнія земли были обозначены сельскими границами, и включены въ окладъ. Каждое поле, какъ бы ни было оно незначительно по пространству, было измѣрено и снято на планъ съ именемъ владѣльца и обозначеніемъ ренты.

Результатомъ опредѣленія правъ собственности въ сѣверо-западныхъ провинціяхъ было появленіе большаго разнообразія въ разрядахъ землевладѣльцевъ. Къ большей части этихъ провинцій условія были чаще всего заключаемы съ мелкими владѣльцами и деревенскими собственниками — классомъ находящимся непосредственно между крупными зиминдарами и настоящими земледѣльческими общинами.

Легкость продажи и передачи, произведенная установленіемъ отчуждаемой собственности и введеніемъ официальной регистраціи правъ и частые случаи принудительной продажи посредствомъ гражданскихъ судовъ, дали возможность капиталистамъ и людямъ торговаго класса пріобрѣсти много большихъ имѣній. Въ сѣверо-западной Индіи эти люди очень предприимчивы и нѣкоторые изъ нихъ дѣйствительно сдѣлали много для водворенія райотовъ и развитія средствъ страны.

И такъ можно сказать, что нормальное землевладѣніе въ сѣверо-западныхъ провинціяхъ есть землевладѣніе собственниковъ средней руки, съ множествомъ райотовъ, владѣющимъ отъ нихъ землею на правѣ аренды. Прочность землевладѣнія дала сильный толчокъ земледѣлю; повсюду былъ миръ и благоденствіе, страна процвѣтала, поземельная собственность пріобрѣла большую цѣнность, и въ теченіе долгаго періода времени организація сѣверныхъ провинцій была выставляема какъ образецъ совершенства въ управленіи Индіей.

И во многихъ отношеніяхъ это были заслуженныя похвалы, однако же и здѣсь были недостатки; къ числу главнѣйшихъ изъ нихъ принадлежитъ слѣдующее:

Установленіе собственности произвело большую легкость въ пріобрѣтеніи кредита, между тѣмъ какъ возможность прибѣгать безъ всякихъ затрудненій къ продажѣ поземельныхъ правъ за долги и строгость требованій со стороны сборщиковъ податей сдѣлали отчужденія поземельной собственности весьма частыми. Наиболѣе страдали отъ этого обѣднѣвшіе классы, которыхъ имущества безпрестанно продавались съ аукціона. Если такой порядокъ вещей съ одной стороны часто велъ къ экономическимъ выгодамъ, то съ другой въ немъ скрывалась политическая слабость, такъ какъ на

землѣ остались въ большомъ числѣ прежніе собственники, — классъ наиболѣе воинственный въ странѣ — доведенные до положенія нуждающихся и недовольныхъ земледѣльцевъ, и арендовавшіе теперь землю у тѣхъ, которыхъ они презирали какъ простыхъ торгашей и которые были поддерживаемы въ своемъ положеніи единственно силою британскаго могущества.

Сѣверо-западныя провинціи были главною сценою мятежа. Сипаи были почти все индостанцы. На нѣсколько мѣсяцевъ британская власть можно сказать была безусловно и совершенно уничтожена на всемъ пространствѣ этихъ провинцій. Конечно изъ этого возникла анархія, да и не могло быть иначе. Ожидать, что благодарный народъ сохранить для англичанъ страну, значило бы ожидать слишкомъ многого. Однакоже я могу удостовѣрить, что тамъ не произошло ничего похожего на общее народное возстаніе. Послѣ паденія Дэли, народъ возвратился въ свои деревни какъ будто ничего не случилось и совершенно успокоился. Мнѣніе, будто бы событія мятежа доказываютъ нераціональность поземельной системы въ сѣверо-западной Иидіи, не основательно. Если эта система не можетъ считаться образцомъ безусловнаго совершенства, то съ другой стороны никакія обстоятельства мятежа не оправдываютъ мысли, будто бы она основана на ложныхъ началахъ. Мятежь показалъ только что послѣдовавшія за ея установленіемъ дѣйствія судовъ, слишкомъ строго и часто примѣнявшихъ мѣру продажи имущества, принадлежавшихъ сельскимъ собственникамъ, были источникомъ политической слабости, и этотъ урокъ не пропалъ даромъ.

Поземельная система въ Пэнджабѣ.

Значительная часть страны Сис-Сутли-Сиковъ (Cis Sutley Sikh), Джуллундерь-Доабъ, была присоединена въ 1846 г., а Пэнджабъ сдѣлался англійскою территоріей въ 1849. Къ нимъ была присоединена потомъ территорія Дэли и все они вмѣстѣ составляютъ нынѣшнюю провинцію Пэнджабъ. Пэнджабъ былъ организованъ

на тѣхъ же самыхъ началахъ, какъ и сѣверо-западныхъ провинціи. Различія, вызванныя мѣстными обстоятельствами, состоятъ главнымъ образомъ въ слѣдующемъ:

Хотя въ Пэнджабѣ, какъ и во всѣхъ провинціяхъ, организованныхъ по регуляціи VII 1822 г. было найдено значительное разнообразіе формъ землевладѣнія, но изъ этихъ формъ тамъ преобладаетъ землевладѣніе цѣлыхъ деревенскихъ общинъ. Поэтому она должна быть признана нормальнымъ типомъ землевладѣнія въ Пэнджабѣ, на которомъ и основана пэнджабская система. Права собственности общинъ признаны вполне и сдѣлки устроены прямо съ ними. Каждая деревня приняла на себя платежъ наложеннаго на нее дохода, который распредѣлялся между отдѣльными членами общины пропорціонально содержимой и обрабатываемой ими землѣ. Доходъ этотъ вносился при посредствѣ представляющаго деревенскую общину совѣта старшинъ. Такимъ образомъ англичане признали право собственности массы свободныхъ людей, составляющихъ почти повсюду въ Пэнджабѣ большинство населенія и почти всю силу страны. На практикѣ, соглашеніе, сдѣланное съ общиной, есть почти тоже, что соглашенія, сдѣланныя съ отдѣльными районтами, т. е. такъ называемыми *ryotwar system*, съ тѣмъ только различіемъ, что правительство имѣетъ здѣсь дѣло съ единичною корпораціей, а не съ каждымъ лицомъ въ отдѣльности.

Большинство пэнджабскаго народа состоитъ изъ лучшихъ и болѣе зажиточныхъ земледѣльцевъ, чѣмъ раджпуты и подобныя племена, и агенты правительства въ Пэнджабѣ были болѣе разсудительны; отсюда произошло, что продажа правъ собственности за неплатежъ дохода тамъ почти неизвѣстна. Доходъ уплачивается съ крайнею точностью.

Другое въ высшей степени важное различіе сравнительно съ сѣверозападными провинціями состоитъ въ томъ, что въ Пэнджабѣ не допускалось неограниченное вмѣшательство гражданскихъ судовъ, примѣняющихъ техническія формальности закона во что бы то ни стало на основаніи принципа: „*fiat justitia ruat coelum.*“ Было установлено опредѣлительное правило, что поземельная собственность не можетъ быть подвергнута, въ видѣ обыкновенной мѣры, немедленной продажѣ для удовлетворенія частныхъ долговъ; по-

добныя продажи допускались только съ утвержденія высшихъ властей въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, по подробномъ соображеніи всѣхъ обстоятельствъ дѣла и по признаніи этой мѣры какъ справедливою, такъ и удобною. Такъ какъ всѣ были поставлены въ полную извѣстность этихъ условій, то никакой несправедливости не возникало для тѣхъ, которые ссужали деньги: они сами могли обсудить, достаточно или недостаточно обезпеченіе для ссуды. То же самое было и во всѣхъ случаяхъ продажи правъ отдѣльныхъ лицъ. Причемъ другіе члены той же общины имѣли преимущественное право покупки передъ посторонними.

Въ 1857 г. въ Пэнджабѣ квартировала большая армія сипаевъ, и всѣ полки, которые не были обезоружены во время и не содержались почти въ качествѣ плѣнниковъ, возмутились. Мы должны допустить, что пэнджабскій народъ не любитъ сипаевъ. Но большая часть европейскихъ войскъ также шла къ Дэли и при этомъ представлялся почти вполне удобный случай къ мятежу для воинственнаго народа, въ странѣ, пріобрѣтенной только за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ. Невозможно предположить, чтобы при подобномъ случаѣ не высказалось неудовольствіе, если бы оно существовало. Однако же очень хорошо извѣстно, что пэнджабскій народъ не только не взбунтовался, но оказалъ даже въ высшей степени дѣятельную помощь англичанамъ. Ему дано было оружіе; онъ сражался противъ мятежныхъ сипаевъ; деревенскіе жители преслѣдовали ихъ, наскоро организованныя въ Пэнджабѣ войска весьма значительно способствовали къ взятію Дэли. Поэтому можно съ увѣренностью утверждать, что народъ былъ доволенъ системою, принятой въ Пэнджабѣ. Она сопровождалась необыкновеннымъ успѣхомъ, что замѣтно для каждаго, кто путешествовалъ по этой странѣ.

Поземельная система въ Мадрасѣ и Бомбѣѣ.

Говоря о Мадрасѣ, я буду имѣть въ виду систему, преобладающую въ большей части мадрасской территоріи. Эта система есть такъ называемая „ryotwar system,“ при которой дѣло ве-

дета съ каждымъ райотомъ въ отдѣльности, безъ солидарной отвѣтственности общины.

Какъ только приказанія относительно усвоенія бенгальской системы сдѣлались менѣе настойчивыми, мадрасскія власти немедленно обратились къ своей собственной системѣ дѣйствій. На зиминдаровъ и полигаровъ они смотрѣли не болѣе какъ на грабителей и тирановъ, отъ которыхъ англичане освободили народъ. Большинство этихъ людей погибло въ первыхъ войнахъ съ англичанами, а оставшіеся были устранены. Мадрасскія власти не только вели дѣло прямо съ народомъ, но, настаивая на строгой экономической справедливости, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, отвергли старую систему солидарной отвѣтственности деревенской общины.

Если различныя школы бенгальскихъ юристовъ соглашались въ томъ, что правительство ни при какихъ обстоятельствахъ не должно имѣть дѣло непосредственно съ отдѣльными работами, то мадрасскіе юристы, напротивъ, сдѣлали корнемъ и основаніемъ своей вѣры тотъ принципъ, что правительство ни при какихъ обстоятельствахъ не должно держаться никакой другой системы относительно земли. Дѣйствительно большая часть страны находилась въ такомъ положеніи, которое побуждало къ принятію этой, т. е. *ryotwar* системы, такъ какъ тамъ не было лицъ, которыя могли бы имѣть притязаніе на званіе собственниковъ, если бы этотъ классъ не былъ созданъ вновь, какъ это было и въ Бенгаліи и въ сѣверо-западныхъ провинціяхъ. Но изъ отчетовъ администраторовъ ранняго времени ясно видно, что въ нѣкоторыхъ частяхъ юга существовали деревенскія общины, съ такою же полною организаціей какъ и въ Пэнджабѣ, привыкшія платить подати гуртомъ и вести свои собственные дѣла. Эта система была отвергнута, какъ несправедливая и неудобная; и властію правительства, общины, говоря вообще, были раздроблены на индивидуальныя единицы; каждый человекъ въ отдѣльности былъ обложенъ податью за землю, на которой онъ сидѣлъ, хотя въ нѣкоторыхъ случаяхъ деревни сохранили свою систему, вопреки распоряженіямъ правительства.

Въ первые годы энергическаго примѣненія новой системы были сдѣланы измѣреніе и классификація, по туземному способу, всѣхъ

земель страны; каждое поле было записано съ обозначеніемъ слѣдующихъ съ него въ пользу правительства налоговъ. Каждому владѣющему землею райоту обезпечено его владѣніе до тѣхъ поръ, пока онъ будетъ платить налогъ. Было установлено нѣкоторое различіе между мирасдарами, или наслѣдственными и обладающими правомъ собственности райотами, которые имѣли болѣе опредѣленныя и положительныя права и простыми райотами, которыхъ владѣніе было скорѣе дозволеніемъ держать землю въ пользованіи, чѣмъ признанною собственностью; но можно сказать, что это различіе въ концѣ концовъ было сглажено и владѣніе райотовъ землею превратилось въ полную собственность подъ условіемъ уплаты дохода.

Очень важное различіе между этою системою ryotwar и другими описанными нами системами состоитъ въ томъ, что въ провинціяхъ, гдѣ господствовала первая, всѣ пустопорожнія и незанятая земли считались собственностью правительства и будучи оцѣнены въ отдѣльныхъ поляхъ или обмежеванныхъ кускахъ отдавались первому явившемуся, — жителю деревни или постороннему, — который бы пожелалъ ихъ взять на предписанныхъ условіяхъ. При заключеніи условія съ бенгальскими зиминдарами или съ пэнджабскими деревенскими общинами, гуртовая сумма налога заключаетъ въ себѣ всѣ земли владѣемаго каждою деревнею пространства, какъ обработанныя, такъ и необработанныя, и собственники могутъ заключать сами сдѣлки относительно обработки пустошей, безъ вышенія уплачиваемаго въ казну дохода, за исключеніемъ новыхъ населеній. Въ Мадрасѣ и Бомбѣѣ это устроивается иначе; тамъ за каждое новое обработанное поле правительство взимаетъ прибавочный налогъ.

Выгоды и невыгоды системы ryotwar выказывались очень явственно въ Мадрасѣ. Тамъ нѣтъ тиранніи жадныхъ собственниковъ надъ бѣдными райотами. Доходъ устанавливается примѣнительно къ обстоятельствамъ. Съ пониженіемъ въ мирное время поднявшихся во время войны цѣнъ, нѣсколько понизился и взимаемый доходъ; а съ тѣхъ поръ какъ пущенные въ дѣло англійскіе капиталы и другія новѣйшія обстоятельства возвысили цѣны и увеличили средства страны, онъ въ большой степени повысился. Но

измѣреніе было произведено слишкомъ поверхностно и оцѣнки были слишкомъ высоки; такъ что до самаго недавняго времени райоты, говоря вообще, не имѣли достаточныхъ средствъ достигнуть зажиточности и независимаго положенія.

Въ Бомбѣѣ была принята преимущественно система *гуотвар* по мадрасскому образцу. Въ послѣдствіи, когда успѣшная организація сѣверо-западныхъ провинцій относительно этого предмета обратила на себя вниманіе, группа способныхъ и энергическихъ бомбѣйскихъ чиновниковъ придумала улучшенную систему *гуотвар*, которая была выполнена съ успѣхомъ. Были сдѣланы новое и точное измѣреніе и оцѣнка по улучшеннымъ способамъ. Земли были распределены, посредствомъ существенныхъ и постоянныхъ межевыхъ знаковъ, на удобныя поля или на большіе куски и доходъ съ каждаго изъ этихъ участковъ былъ опредѣленъ въ деньгахъ на тридцать лѣтъ. Оцѣнки были установлены чрезвычайно низкія — многіе говорятъ даже слишкомъ низкія — и хотя на первыхъ порахъ обнаружилось стремленіе оставлять прежнія земли для новыхъ, обложенныхъ столь незначительною податью, и забирать больше земли чѣмъ сколько возможно обработать какъ слѣдуетъ, но мнѣ кажется, что при сильной помощи большаго запроса на хлопчатую бумагу и происшедшаго отсюда движенія капиталовъ существенная и постоянная обработка весьма усилились и земледѣльческая предпримчивость развилась. Владѣющій землею можетъ отказаться отъ каждаго поля, по желанію, или взять другое, еще незанятое, но вся находящаяся въ чьемъ либо владѣніи земля объявлена полною и безусловною собственностью и пріобрѣтала такую цѣнность, что тецерь отъ нея рѣдко отказываются. При столь низкихъ оцѣнкахъ плата за землю взыскивается съ строгою точностью.

Однако же должно замѣтить, что и здѣсь не обошлось безъ нѣкоторой доли той гуртовой системы, противъ которой существуютъ возраженія относительно сѣверо-западныхъ провинцій Индіи. Единицею принята не деревня, а болѣе мелкая часть, но все-таки эта мелкая единица въ нѣкоторой степени произвольна и искусственна. Податью обложено не каждое дѣйствительное мелкое отдѣльное поле, а поле искусственное, состоящее часто изъ десяти, двѣнадцати или болѣе акровъ земли. Когда этимъ пространствомъ вла-

дѣютъ нѣсколько лицъ, то на нихъ налагается извѣстная солидарная отвѣтственность. Если одинъ земледѣлецъ отказывается отъ своей части, то остающійся долженъ взять все или отказаться отъ всего. И ему не позволено подраздѣлять цѣлое снова въ видахъ извлеченія дохода. Но не запрещается раздѣлъ земли по наследству, а также между совладѣльцами. Впрочемъ съ одной стороны вслѣдствіе легкости, съ которою можно пріобрѣсти владѣніе новою землею, а съ другой вслѣдствіе большаго запроса на работу по желѣзнымъ дорогамъ, мануфактурамъ и проч., говоря вообще, обнаруживается склонность скорѣе къ упроченію, а не къ подраздѣленію фермъ и говорятъ, что зло сопровождающее иногда мелкую поземельную собственность еще не было испытано въ Бомбѣѣ въ большихъ размѣрахъ.

Изъ всѣхъ свѣденій, которыя мы имѣемъ, видно что бомбѣйская система пользуется чрезвычайною популярностью. Успѣхи ея повели къ подобному же пересмотру и къ исправленію поземельной системы въ Мадрасѣ; но тамъ еще не достигнуто столь же уснѣшннй результатъ. Причины этой неудачи не уяснились, извѣстно только одно, именно что территоріи Мадраса обширнѣе и задача тамъ труднѣе, чѣмъ въ Бомбѣѣ. Мадрасскіе дѣятели говорятъ, что имъ было бы легко доставить популярность своей системѣ, если бы они также всецѣло пожертвовали доходомъ, какъ это было сдѣлано въ Бомбѣѣ; но такъ какъ доходы въ этой послѣдней провинціи увеличились, то такой аргументъ едва ли имѣетъ силу. Сколько я могу судить по бумагамъ, которыя я видѣлъ, мнѣ кажется, что мадрасскія должностныя лица впали въ ту же самую ошибку, которая сдѣлала регуляцію VII 1822 года недействительною, именно они вдаются въ слишкомъ подробныя вычисленія продуктовъ и въ слишкомъ ученые выводы оцѣнокъ для опредѣленія отношеній владѣльцевъ земли къ правительству, вмѣсто того чтобы разсѣчь гордіевъ узелъ приблизительною оцѣнкою и немедленнымъ назначеніемъ налога, на столько низкаго, чтобы поступленіе его было обезпечено, не обращая вниманія на нѣкоторую неравномѣрность. Мадрасскія дѣла о доходахъ всегда было чѣмъ-то въ родѣ священныхъ мистерій для постороннихъ глазъ; до того вся тамошняя система исполнена запутанностей, и до того все от-

четы мадрасскихъ властей испещрены безнадежно-невразумительною терминологіей. Офіціальныя документы таковы, что я, экспертъ по части дѣлъ во многихъ провинціяхъ, отступаю предъ ними; для обыкновеннаго же англичанина читать эти документы все равно что разбирать гвоздеобразныя надписи.

Мадрасскія власти имѣли обыкновеніе распространяться въ громкихъ похвалахъ своей системѣ, но въ послѣдніе годы они по видимому перешли въ противоположную крайность, именно въ пессимизмъ.

Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ споровъ и разслѣдованій, мадрасскимъ правительствомъ постановлены 14 августа 1855 г. резолюція о новой ревизіи и организація поземельныхъ отношеній. Согласно этому документу, все сдѣланное до того времени было дурно; общій результатъ системы состоялъ въ томъ, что не только нанесенъ вредъ доходу, но бѣднѣйшіе и менѣе вліятельные классы страдали въ пользу богатыхъ; и какъ для тѣхъ такъ и для другихъ собственность была не обезпечена и они были поставлены въ зависимость отъ жадныхъ и безцеремонныхъ людей и отклонены отъ честной промышленности.

Мораль этой мрачной картины была та, что правительство должно дать сумму, необходимую для новой повѣрки и устройства; но тѣмъ не менѣе въ ней было много справедливаго, и новая организація была рѣшена.

Мадрасское правительство желало установить доходъ по денежной оцѣнкѣ, рассчитанной по среднимъ цѣнамъ продуктовъ и пересматриваемой черезъ каждыя семь или десять лѣтъ; но правительство метрополии признало за лучшее назначить низкія денежные оцѣнки за одинъ разъ на тридцатилѣтній періодъ.

Поземельный вопросъ въ Аудъ.

Мы упомянули о раздѣленіи аудской территоріи, происшедшемъ въ началѣ этого столѣтія. Въ равной странѣ, безъ естественныхъ границъ, это раздѣленіе было чисто политическое. Народъ страны

оставленной Навабу были почти безусловно тождественъ съ народомъ областей взятыхъ англичанами, по племени, языку и учрежденіямъ; это были индустанцы правильнаго индустанскаго типа.

Первымъ употребленіемъ, которое сдѣлалъ Навабъ изъ могущества даннаго ему сильнымъ англійскимъ контингентомъ, было — привести въ полное повиновеніе оставленныхъ ему подданныхъ и низложить большинство джагирдаровъ и талукдаровъ. Но при его наслѣдникахъ, когда вмѣшательство англійскихъ войскъ во внутреннія дѣла Наваба было запрещено, произошелъ совсѣмъ другой порядокъ вещей. Возникла анархія; мѣстные вожди постоянно оказывали неповиновеніе правительству и со смерти Наваба Саадата Алли до времени присоединенія Буда, эти люди пріобрѣтали все болѣе и болѣе власти. Это былъ періодъ возвышенія новѣйшихъ талукдаровъ. Нѣкоторые изъ нихъ принадлежатъ къ старымъ первенствующимъ фамиліямъ; многіе другіе суть просто новѣйшіе сборщики податей или контрагенты, получившіе власть надъ ввѣренными ихъ управленію округами. Во всѣхъ случаяхъ власть ихъ переходила къ сильнѣйшему или хитрѣйшему изъ членовъ каждой фамиліи, а не къ тому кто имѣлъ наиболѣе законныя права по старшинству.

Возьмемъ въ видѣ примѣра фамилію нынѣшняго предводителя талукдаровъ, извѣстнаго англійской публикѣ подъ названіемъ „начальника аудскихъ барановъ“ Магараджу серъ-манъ-Синга. Эта фамилія вовсе не принадлежитъ къ кореннымъ аудскимъ жителямъ. Дядя нынѣшняго Магараджи, уроженецъ провинціи Багара, изъ касты браминовъ, служилъ въ одномъ изъ компанейскихъ полковъ регулярной кавалеріи. Квартиргеръ въ Лукновѣ, онъ вступилъ въ аудскую службу и достигъ важной должности. Онъ далъ ходъ и своему брату, отцу Магараджи. До времени присоединенія, эта фамилія все болѣе и болѣе возвышалась въ аудской администраціи и пріобрѣла большое имѣніе. Старшій сынъ занималъ важныя мѣста, но сдѣлался извѣстенъ тѣмъ, что своею тиранніею почти разорилъ округи лежащія за Гогрой и поэтому онъ благоразумно былъ отодвинутъ на задній планъ со времени британскаго управленія. Второй сынъ — человекъ съ литературными наклонностями, не заботящійся о политикѣ, и теперь фамилію представляетъ младшій сынъ,

нынѣшній Магараджа, человѣкъ чрезвычайно способный и вполне свѣдущій въ политическихъ дѣлахъ.

Вѣроятно, примѣръ англійскихъ округовъ, которыми была окружена аудская территорія много способствовала къ возбужденію въ талукдарахъ склонности къ приобрѣтенію честными или нечестными путями не только управленія, но и нѣкотораго рода права собственности надъ возможно большимъ количествомъ деревень. Несомнѣнно то, что до самаго времени присоединенія постоянно происходилъ процессъ поглощенія независимыхъ деревень талуками и угнетенія тѣхъ людей, которые по системѣ сѣверозападныхъ провинцій считались бы сельскими собственниками; такъ что, наконецъ, большая часть Ауда была занята крупными талукдарами, соотвѣствующими бенгальскимъ зиминдарамъ.

Не только талукдары постоянно воевали съ правительствомъ, но и самые талуки были терзаемы внутренними распрями. Если мы взглянемъ на исторію большихъ талукъ, то мы почти всегда увидимъ, что нынѣшній правитель умертвилъ своего дядю и вытѣснилъ своихъ двоюродныхъ братьевъ, и что двоюродные братья или ихъ сыновья составляютъ оппозицію, будучи готовы въ свою очередь низложить его при первомъ удобномъ случаѣ.

Райоты тоже, часто по необходимости примкнули къ той или другой изъ враждующихъ сторонъ и подвергались грабежу и угнетенію, когда противная сторона одерживала верхъ. Англійская граница была иногда наполнена ими. Но они повидимому рѣдко имѣли намѣреніе поселиться тамъ; обыкновенно это была только лагерная ихъ стоянка и они были готовы вернуться при благоприятномъ случаѣ.

Общій результатъ этого преобладанія анархіи былъ тотъ, что въ поколѣніи, предшествовавшемъ англійскому господству, всѣ владѣнія и всѣ права были разшатаны и перепутаны, и при существованіи номинальнаго правительства въ Лукновѣ значительная часть страны находилась во владѣніи полунезависимыхъ талукдаровъ, скорѣе данниковъ, чѣмъ подданныхъ.

Официальныя донесенія и англо-индійскія газеты были постоянно наполнены рассказами о тираниннѣ и угнетеніяхъ талукдаровъ. Если англичане въ 1856 г. низложили представителя фамиліи, принадлежавшей къ числу ихъ самыхъ старыхъ союзниковъ и оста-

вавшейся вполнѣ имъ вѣрною цѣлью сто лѣтъ, то это было слѣдано единственно и исключительно въ виду неспособности туземнаго правительства обуздывать талукдаровъ и защищать народъ.

По такимъ обстоятельствамъ неудивительно, что первыя распоряженія, послѣдовавшія за присоединеніемъ территоріи налога къ британскимъ землямъ не отличались особенною справедливостью къ талукдарамъ, которые были причиною всего зла. Вкратцѣ, эти распоряженія состояли въ слѣдующемъ: англійскія должностныя лица должны были прежде всего вести дѣло съ деревенскими общинами, представивъ талукдарамъ доказывать свое право на главное владѣніе, если они имѣютъ ихъ.

Однако же на практикѣ эти распоряженія не могли быть выполнены въ точности. Талукдары слишкомъ неограниченно распоряжались многими изъ своихъ владѣній для того чтобы можно было ихъ игнорировать вполнѣ. Многіе изъ ихъ болѣе недавнихъ пріобрѣтеній были отобраны отъ нихъ и возвращены деревенскимъ собственникамъ; но все-таки они владѣли большими имѣніями и не были лишены своихъ фортовъ, пушекъ и приверженцевъ, когда всныхнулъ мятежъ, въ годъ, непосредственно слѣдовавшій за присоединеніемъ. Извѣстно, что Аудъ былъ однимъ изъ главныхъ театровъ мятежа. Онъ былъ почти исключительно занятъ войсками сипаевъ, изъ которыхъ очень многіе были уроженцами этой страны; и когда они возстали, то небольшой англійскій отрядъ былъ осажденъ въ резидентствѣ. Нельзя сказать чтобы талукдары вели себя исключительно дурно при подобныхъ обстоятельствахъ. Нѣкоторые изъ нихъ помогли англійскимъ офицерамъ спастись бѣгствомъ, и нѣкоторое время они вообще медлили и не принимали рѣшительнаго участія въ бунтѣ. Но съ того момента когда попытка освобожденія, предпринятая Гэвлакомъ и Аутрэмомъ не удалась и освободители были заперты вмѣстѣ съ освобождаемыми, то большая масса талукдаровъ присоединилась къ дѣлу сипаевъ, возстала окончательно и приняла участіе въ осадѣ резидентства.

Какъ только военная сила мятежниковъ была уничтожена вполнѣ, лордъ Каннингъ выступилъ на сцену съ своею знаменитой прокламаціей, въ силу которой конфисковались всѣ худшія земли. Впрочемъ, лордъ Каннингъ не думалъ дѣйствительно и оконча-

тельно конфисковать права талукдаровъ, а только освободиться отъ всѣхъ обязательствъ, которыя приняла на себя англичане послѣ присоединенія, и слѣлать изъ всего *tabula rasa*, что дало бы ему возможность возстановить крупныхъ землевладѣльцевъ и загладить претерѣнную ими, по его мнѣнiю — несправедливость подъ условiемъ ихъ полной и совершенной покорности. Въ сущности, эта мѣра была предпринята съ цѣлю принять систему совершенно противоположную той, которая господствовала прежде и для очищенiя почвы для этого новаго образа дѣйствiй.

Прокламацiя генераль-губернатора была издана и талукдары тотчасъ же были увѣдомлены, что въ случаѣ ихъ покорности имъ будетъ возвращено все, чѣмъ они владѣли до присоединенiя. На первыхъ порахъ они очень подозрительно и недовѣрчиво относились къ крайней снисходительности предложенныхъ условiй; но имъ не оставалось другаго выбора, какъ вернуться или же отказаться въ качествѣ бѣглецовъ; такимъ образомъ, почти всѣ они явились и получили вновь изъ рукъ англичанъ всѣ деревни, которыя какимъ нибудь образомъ подпали подъ ихъ господства до присоединенiя страны къ англiйскимъ владѣнiямъ.

Вскорѣ по умиротворенiю страны, было предпринято устройство доходовъ и при этомъ возникъ вопросъ — слѣдуетъ ли признать низшiя права подчиненныя правамъ талукдаровъ. Сторонники крайней теорiи крупнаго землевладѣнiя сначала говорили, что конфискацiя уничтожила все прежнее, и что теперь талукдары имѣютъ полныя и безусловныя права съ исключенiемъ всѣхъ другихъ лицъ. Но лордъ Каннингъ сохранилъ подчиненныя права, относительно которыхъ было доказано, что они дѣйствительно существовали во время присоединенiя.

Многiе возставали противъ правъ райотовъ, говоря, что старинныя наследственныя работы имѣютъ только право простаго занятiя земли, и что для ренты, которая можетъ быть отъ нихъ требуема не существуетъ другаго предѣла, кромѣ высшей нормы годоваго оброка въ данное время. Нѣсколько позднѣе главный комисаръ объявилъ, что онъ былъ введенъ въ ошибку предразсудками своего воспитанiя въ сѣверо-западныхъ провинцiяхъ, и что теперь исправляя эту ошибку, онъ считаетъ право занятiя

не существующимъ; вслѣдствіе этого онъ постановилъ, чтобы въ актахъ не было дѣлаемо никакого различія между лицами пользующимися землею въ зависимости отъ произвола владѣльца и другими разрядами райотовъ, за исключеніемъ случаевъ аренды по добровольному контракту.

Эти распоряженія не были одобрены генераль-губернаторомъ серомъ Джономъ Лауренсомъ и этотъ предметъ былъ подвергнутъ спеціальному изслѣдованію.

Оказалось, что большинство райотовъ вовсе не думало требовать постояннаго пользованія землею. Даже пожалованіе правъ собственности, — сопровождаемое опредѣленными налогами взыскиваемыми съ строгою точностію, — едва ли цѣнилось въ первые годы англійскаго управленія; и можетъ быть принявъ въ расчетъ какъ часто первые владѣльцы такихъ опасныхъ правъ подвергались продажѣ ихъ имущества и были доводимы до гораздо худшаго положенія, чѣмъ въ какомъ они находились прежде, туземцы въ этомъ случаѣ ошибались не настолько, какъ мы думаемъ. И такъ не удивительно, что большинству аудскихъ райотовъ, которые въ теченіе столь долгаго времени смотрѣли на свободное право бунтовать и уходить прочь, какъ на свое надежнѣйшее прибѣжище, не слишкомъ нравилась мѣра, которая, по видимому, связывала ихъ по рукамъ и по ногамъ, и они совершенно отказались отъ земель, которыя иногда пытались имъ навязать. Такимъ образомъ не существовало пробнаго камня для закона и права, и хотя райоты говорили, что талукдаръ не долженъ ихъ сгонять съ мѣста, но когда ихъ спрашивали имѣлъ ли онъ это право прежде, то они отвѣчали: „разумѣется, имѣлъ: сильный человекъ можетъ сдѣлать все что захочетъ.“ Общій результатъ изслѣдованія былъ тотъ, что ни райоты не доказали своего права оставаться, ни талукдары права сгонять ихъ съ мѣста; но такъ какъ талукдары были признаны прежними собственниками въ силу новаго пожалованія и вся тяжесть разслѣдованія пала на райотовъ, то можно сказать, что этимъ послѣднимъ вообще не удалось представить доказательствъ, необходимыхъ для дарованія имъ какого-либо признаннаго закономъ положенія.

Наконецъ, былъ устроенъ компромисъ, по которому сравни-

тельно малое число высшихъ классовъ райотовъ, потомки старыхъ собственниковъ и господствующихъ фамилій были допущены къ пользованію правомъ занятія земли за плату нѣсколько низшую противъ полного оброка даннаго времени (которая должна была измѣняться по прошествіи извѣстныхъ періодовъ), между тѣмъ какъ всѣ другіе райоты сдѣлались арендаторами, зависящими отъ произвола владѣльца.

Такимъ образомъ аудскіе талукдары суть гораздо болѣе полныя собственники почвы, чѣмъ какіе бы то ни было высшіе земле-владѣльцы во всѣхъ другихъ провинціяхъ; и ихъ права несравненно шире, чѣмъ когда нибудь были права бенгальскихъ зиминдаровъ.

Талукдары были приняты подъ особенное покровительство лорда Каннинга. Они облежены замѣчательно легкими платежами и имъ были предоставлены всякія выгоды. Англійскія газеты стали приписывать имъ теперь столько же добродѣтелей, сколько прежде онѣ приписывали имъ пороковъ. По всей вѣроятности, истину надо искать гдѣ нибудь между этими двумя крайностями. Но до насъ уже доходятъ слухи, что талукдары не стѣсняясь пользуются даннымъ имъ неограниченнымъ правомъ возвышать ренту и изгоняютъ своихъ арендаторовъ въ большомъ числѣ, а съ другой стороны райоты придумываютъ средство противиться этимъ дѣйствіямъ. Правительство нашло себѣ вынужденнымъ придти на помощь аристократической системѣ, ссудить талукдаровъ деньгами, не для того чтобы дать имъ средства улучшить хозяйство въ своихъ имѣніяхъ, а для того, чтобы избавить ихъ отъ кредиторовъ.

Поземельная система въ центральныхъ провинціяхъ.

До очень недавняго времени британскія территоріи въ Индіи были совершенно отдѣлены одна отъ другой, такъ какъ въ центрѣ находилась масса туземныхъ владѣній, которыя раздѣляли ихъ на очень неравныя части. Большая равнина подъ Гималаями раскинувшаяся на пространствѣ болѣе 1,500 миль отъ Бенгальскаго залива до афганскихъ холмовъ содержитъ въ себѣ сто миліоновъ британскихъ подданныхъ и вмѣщаетъ четыре управленія: бенгальское, сѣверо-западныхъ провинцій, аудское и пэнджабское. Мад-

рась занимаетъ южную часть полуострова съ двадцатью четырьмя миліонами жителей, а Бомбэй западную, съ тринадцатью миліонами. Присоединеніе территорій Нагпура, въ самомъ центрѣ Индіи, и уступка англичанамъ берарской территоріи Низама дали имъ звено, соединяющее различныя британскія провинціи, и взявъ по немножку то здѣсь то тамъ англичане образовали центральныя провинціи.

Самая давнишняя по занятю часть этихъ провинцій есть такъ называемая территорія Согора и Нербудды, большая страна, лежащая оп обѣ стороны р. Нербудды и простирающаяся отъ Бондльконда и сѣверо-западныхъ провинцій съ одной стороны до нагпурскихъ границъ съ другой. Эта территорія отобрана въ послѣднюю большую марратскую войну у марратовъ, но марратская по своему населенію долго находилась подъ управленіемъ особаго комисара, а временно была присоединена къ сѣверозападнымъ провинціямъ. Затѣмъ была еще нагпурская территорія, занятая главнымъ образомъ населеніемъ, говорящимъ по марратски. Далѣе на западѣ были присоединены сюда нѣсколько меньшихъ округовъ, прилегающихъ къ бомбэйской территоріи, на востокѣ нѣсколько крайнихъ округовъ Бенгаліи; рѣка Годавери, отдѣленная отъ мадрасскихъ владѣній, и большая дикая полунезависимая территорія между Годавери и бенгальскими границами.

Вслѣдствіе такого устройства территоріи, соединяющей все другія, рѣзко выказались контрасты различныхъ системъ управленія. Казалось страннымъ, почему соль, привозимая въ центральныя изъ одной мѣстности, должна быть обложена однимъ размѣромъ пошлины, а привозимая изъ другой мѣстности — другимъ втрое большимъ. А бомбэйскіе правители, которые не могли открыть никакого слѣда правъ собственности преобладающихъ надъ правами собственности райотовъ на землѣ кандейскаго или другихъ подобныхъ округовъ, съ удивленіемъ смотрѣли на систему, которая въ сосѣднихъ деревняхъ, населенныхъ тѣми же самыми племенами, при тѣхъ же самыхъ туземныхъ учрежденіяхъ, нашла или создала собственниковъ высшаго разряда. Относительно землевладѣнія система центральныхъ провинцій составляетъ въ нѣкоторомъ смыслѣ середину.

На территоріяхъ Согора и Нербудды оставались нѣкоторыя слѣды сѣверо-западной формы землевладѣнія и кое-что изъ болѣе южныхъ учрежденій. Принятая система не признавала никакихъ правъ собственности. Деревенскія земли отдавались на извѣстные сроки арендаторамъ, которые, по возможности, были выбираемы изъ мѣстныхъ вожаковъ или изъ лицъ пользовавшихся мѣстными правами и вліяніемъ. Дозволялся полунаслѣдственный переходъ аренды, подобный переходу индійскихъ должностей: хорошій и дѣятельный членъ семейства умершаго арендатора былъ назначаемъ на его мѣсто; и разумѣлось само собою, что съ истеченіемъ срока контрактовъ аренда остается за хорошими арендаторами и на слѣдующій срокъ. Но такъ какъ право собственности не допускалось, то гражданскіе суды не имѣли права вмѣшиваться въ эти сдѣлки. Частныя передачи были утверждаемы по временамъ; но если арендаторъ оказывался несостоятельнымъ, то земля не была продаваема; агентъ правительства выбиралъ какого нибудь другаго надежнаго человѣка на его мѣсто; и подраздѣленіе разныхъ видовъ пользованія арендою между разными лицами и другія сдѣлки, которыя могутъ быть вредны для хорошаго хозяйства, или опасны для вѣрности дохода, не были дозволяемы.

Плата, которую должны были вносить райоты, была опредѣляема должностными лицами правительства и арендаторъ не имѣлъ права возвышать ее или сгонять райотовъ земли, хотя бы вслѣдствіе лучшей обработки получаемый ими доходъ въ теченіе сроковъ ихъ аренды увеличился.

Эта система имѣетъ свои преимущества. Райоты были вполне защищены отъ произвола и чиновники правительства имѣли возможность поставить надежныхъ людей между самими собою и райотами, вмѣсто того, чтобы подвергаться неудобствамъ, происходящимъ отъ допущенія неспособныхъ или жадныхъ людей и отъ землевладѣнія раздробленнаго, ограниченнаго или сложнаго вслѣдствіе законовъ о наслѣдствѣ и вмѣшательства гражданскихъ судовъ; между тѣмъ какъ въ то же время увѣренность въ правильности и обдуманности дѣйствій правительства въ качествѣ главнаго собственника давало пользованью землею существенную

прочность, которая служила побужденіемъ къ улучшенію обработки по туземному способу.

Сѣверо-западные власти, слѣдуя идеямъ господствующимъ въ той части Индіи, полагали, что слѣдуетъ установить полное право собственности; но во вниманіе къ особеннымъ обстоятельствамъ этой территоріи и исключительно-благопріятному положенію, которымъ пользовались райоты болѣе сорока лѣтъ въ распоряженіи о правильной организаціи, былъ допущенъ благоразумный компромисъ.

Предписанныя правила были слѣдующія:—Повсюду гдѣ дѣйствительное право собственности можетъ быть доказано кѣмъ либо изъ лицъ называемыхъ до сихъ поръ фермерами, они должны быть признаваемы за собственниковъ, а съ райотами слѣдуетъ подумать точно такимъ же образомъ какъ въ сѣверо-западныхъ провинціяхъ. Но въ другихъ случаяхъ надлежитъ старинныхъ наследственныхъ райотовъ оставлять въ ихъ прежнемъ положеніи, считая ихъ какъ бы собственниками занимаемыхъ ими земель, обязанными платить ренту, которая не можетъ быть измѣняема въ теченіе срока сдѣлки, между тѣмъ какъ фермеры были сдѣланы сельскими собственниками съ правомъ сбора ренты съ райотовъ и оставленія въ свою пользу разности между рентою съ старинныхъ райотовъ и установленнымъ въ пользу правительства доходомъ, а равно все что они могли выручить посредствомъ увеличенія ренты съ новопоселенныхъ райотовъ и обработки пустопорожныхъ земель, приписанныхъ къ деревенскимъ границамъ.

Эта страна изобилуетъ необработанными землями. Обширные пустыя пространства были предоставлены каждой деревнѣ, чтобы дать мѣсто для развитія обработки. Оставшіяся затѣмъ пространства правительство удержало за собою для распоряженія ими въ будущемъ. Лучшія лѣсныя земли сохранены для вырощенія и сбереженія строеваго лѣса.

Эти правила, предписанныя первоначально для территорій Нербудды, были примѣнены и ко всѣмъ землямъ центральныхъ провинцій.

Общій характеръ землевладѣнія въ разныхъ провинціяхъ Индіи.

Говоря вообще, въ настоящее время въ Аудъ съ одной стороны и въ Мадрасъ и Бомбѣй съ другой, характеръ землевладѣнія представляетъ двѣ противоположности: въ Аудъ доведена до высшей степени система аристократическая, которая предоставляетъ землю благороднымъ; а въ Мадрасъ демократическая, предоставляющая землю народу. Въ каждой провинціи порознь землевладѣніе представляется въ слѣдующемъ видѣ:

Аудъ.—Крупные талукдары почти полные собственники съ немногими видами подчиненныхъ правъ.

Съверо-западные провинціи.—Собственники средней руки; старые райоты пользуются правомъ постояннаго пользованія, подъ условіемъ платежа умѣренной ренты.

Пэнджабъ.—Очень мелкіе и очень многочисленные собственники; старые райоты пользуются также въ нѣкоторой степени постояннымъ землевладѣніемъ за уплату ренты.

Бенгалія.—Крупные зиминдары, которыхъ права ограничены. Многочисленные собственники различныхъ степеней въ подчиненіи зиминдарамъ. Старые райоты пользующихся постоянствомъ въ землевладѣніи и въ рентѣ. Другіе старые райоты пользуются постоянствомъ землевладѣнія за умѣренную ренту, измѣняемую отъ времени до времени.

Центральныя провинціи.—Средніе собственники. Старые райоты, которые суть собственники своихъ земель и платятъ ренту, устанавливаемую на срокъ каждаго контракта. Другіе старые райоты пользуются постояннымъ владѣніемъ за умѣренную ренту.

Мадрасъ и Бомбѣй. Райоты суть полные собственники почвою, обязанные только платить налогъ.

Пожалованіе пустопорожныхъ земель въ потомственное владѣніе (fee-simple).

Нашъ отчетъ о землевладѣніи въ Индіи будетъ не полонъ, если мы не упомянемъ о системѣ пожалованія пустопорожныхъ земель въ потомственное владѣніе, принятой въ недавнее время.

Первоначально щедро раздавались дѣсистыя пространства предприимчивымъ людямъ подѣ условіемъ разчистки; причемъ за нихъ первые годы не платилось ничего, затѣмъ назначалась очень малая сумма и наконецъ уплачивался обыкновенный доходъ. Такимъ образомъ въ одно и тоже время были обозначены и развитіе страны и увеличеніе дохода и эта система въ примѣненіи къ характеру туземцевъ и къ туземнымъ произведеніямъ можетъ быть есть лучшая, какую только можно принять.

Но когда явилась идея, что нѣкоторыя изъ пространствъ, бывшихъ почти пустыми, могутъ быть употреблены для обработки новыхъ и цѣнныхъ продуктовъ, введенныхъ европейцами, и сдѣлаться въ нѣкоторой степени рассадниками европейскихъ колоній, то правительство почувствовало, что для этихъ цѣлей можно пожертвовать отдаленной надеждой извлекать въ послѣдствіи значительный доходъ съ подобныхъ земель посредствомъ отдачи ихъ по вышеобъясненной системѣ въ пользованье и было признано, что потомственное владѣніе, представленное за дешевую плату, будетъ пригоднѣе и пріятнѣе для европейскихъ поселенцевъ, чѣмъ условная отдача, обязательства которой было бы трудно заставить выполнять. Поэтому было рѣшено, всѣ необработанныя и необложенныя платежи земли въ Гималаяхъ, въ чайныхъ округахъ Ассамъ и Качаръ, въ кофейныхъ округахъ Нейлериса и въ юго-западныхъ горныхъ ущельяхъ въ центральной Индіи и въ другихъ мѣстахъ предлагать всѣмъ желающимъ взять ихъ за низкую цѣну отъ двухъ шиллинговъ за одинъ акръ въ большей части округовъ до шести пенсаовъ за акръ въ нѣкоторыхъ частяхъ центральной Индіи.

Въ первоначальныхъ распоряженіяхъ по этому предмету не было опредѣленности, что дало поводъ къ нѣкоторымъ злоупотребленіямъ. Большинство пустопорожныхъ земель въ Индіи оставались пустыми, потому что вслѣдствіе ихъ недоступности, недостатка населенности или нездороваго климата, было невыгодно ихъ обрабатывать. Но было также нѣсколько цѣнныхъ пространствъ въ населенной странѣ, которыя были скорѣе необработаны, чѣмъ пустопорожны и назначались для пастбы или для дровъ, или ждали какого нибудь другаго назначенія. Первоначальными распоряженіями было предписано, что когда есть двое конкурентовъ на одну и ту же землю, то ее надлежитъ продавать съ аукціона; но нѣкоторыя изъ мѣстныхъ властей по видимому думали, что предложенія конкурентовъ должны быть дѣлаемы въ одно и тоже время и что какъ только предложеніе было принято, то всѣ другіе соискатели должны быть устранены. Вслѣдствіе этого въ нѣкоторыхъ немногихъ случаяхъ земли были отданы первымъ явившимся за низкую цѣну; тогда какъ за нихъ можно было выручить въ нѣсколько разъ больше, если бы на нихъ были опубликованы торги. Поэтому лордъ Гелифаксъ приказалъ, чтобы всѣ назначенныя въ продажу земли были отдаваемы лицамъ предложившимъ высшую цѣну, и нѣкоторыя земли, отданныя несогласно съ условіями первоначальныхъ правилъ, были отобранны отъ пріобрѣтателей и проданы за гораздо высшія цѣны.

Легальность этой послѣдней мѣры была безуспѣшно опровергаема въ судахъ. Было много, не лишенныхъ нѣкотораго основанія, жалобъ на несправедливость распоряженія, по которому всѣ хлопоты человѣка отыскавшаго хорошій клочекъ земли должны пропасть даромъ единственно потому, что болѣе богатый человѣкъ набилъ на нихъ цѣну. Съ другой стороны должно вспомнить, что дѣйствительно цѣнныхъ пустопорожныхъ земель очень мало: легкость пріобрѣтенія была такова, что нѣкоторымъ образомъ открывала путь къ барышничеству землею, столь извѣстному въ колоніяхъ. При всей незначительности цѣны, покупателямъ было дозволено вступать во владѣніе землею за платежъ небольшихъ процентовъ, а остальную сумму покупки уплачивать впослѣдствіи, обезпечивъ платежъ пріобрѣтательною землею. Бывали примѣры, что

большія пространства земли, которыхъ покупатели никогда не видали, пріобрѣтались простымъ взносомъ номинальной суммы на издержки по измѣренію. Цѣлью покупки весьма часто было—продать вновь за большую цѣну эту землю, пріобрѣтенную за бездѣлицу какой нибудь изъ компаній, которыя были въ послѣднее время въ такой модѣ. Такъ какъ манія на компаніи начала проходить, то многія земли были обратно отданы правительству лицами, которыя были не въ состояніи выполнить условій покупки.

Но эти условія легки, и говоря вообще, индѣйское правительство сдѣлало все для облегченія пріобрѣтенія пустопорожнихъ земель европейскимъ поселенцамъ.

VIII.

О ПОЗЕМЕЛЬНОМЪ ВОПРОСѢ.

Статья Джона Стюарта Милля ⁽¹⁾.

Основатели политической экономіи оставили послѣ себя два рода учениковъ: тѣхъ, которые наслѣдовали ихъ методамъ и тѣхъ, которые остановились на ихъ фраззахъ. Первые продолжаютъ дѣло своихъ учителей, вторые полагаютъ, что учителя не оставили имъ никакого дѣла; первые слѣдуютъ примѣру своихъ учителей и стараются открыть какіе принципы примѣнимы къ каждому отдѣльному случаю, анализируя всѣ его условія; вторые увѣрены, что у нихъ въ рукахъ цѣлый запасъ общихъ мѣстъ, которыя они принимаютъ за принципы (напримѣръ: свобода торговли, свобода контрактовъ, соперничество, запросъ и предложеніе, заработный фондъ, индивидуальный интересъ, стремленіе къ богатству и пр.), и примѣняютъ безъ всякаго анализа и дальнѣйшаго труда мысли ко всевозможнымъ случаямъ. По словамъ Лесли, одного изъ лучшихъ писателей по прикладной политической экономіи:— „Школа экономистовъ, отличающихся не малыми претензіями и имѣющихъ многихъ представителей въ парламентѣ, считаетъ себя обладательницею полного запаса формулъ, которые обнимаютъ всю экономическую науку, ясно и удовлетворительно объясняютъ всѣ явленія

⁽¹⁾ Land Systemes and Industrial Economy of Ireland, England and Continental Countries by Cliffe Leslie—London 1870. — (Поземельныя системы и промышленная экономія Ирландіи, Англіи и Континентальныхъ странъ—соч. Елифа Лесли.

богатства дѣлаютъ всякое дальнѣйшее изслѣдованіе причинъ и слѣдствій существующаго экономическаго положенія общества не только не нужнымъ, но вреднымъ, такъ какъ оно можетъ только привести къ сомнѣнію и ереси въ научномъ мірѣ достовѣрности и истины, къ недовольству и смятенію въ социальномъ мірѣ благоденствія и порядка (1).“

Съ тѣхъ поръ какъ паденіе протекціонизма сдѣлало политическую экономію терминомъ уважаемымъ, а не презрѣннымъ въ глазахъ высшихъ классахъ въ политикѣ и обществѣ, этой рутинной школѣ экономистовъ почти всегда удавалось поставить на своемъ; это было для нея тѣмъ легче, что въ ея рядахъ находятся люди недюженныхъ талантовъ и способностей, но которые отличаются обычной человѣческой слабостью — предпочитать, чтобы другіе однажды на всегда обдумали для нихъ все и имъ приходилось бы только ссылаться на готовые формулы. Преобладаніе этой школы однако всегда оспаривалось тѣми, которые считаютъ, что общія положенія могутъ служить подспорьемъ мысли, но не замѣнять ее. Въ настоящее же время обстоятельства выдвигаютъ впередъ для теоретическаго обсужденія и практическаго разрѣшенія такія задачи, которыя окончательно отдѣляютъ другъ отъ друга эти два рода экономистовъ и выставляютъ въ яркомъ свѣтѣ существующее между ими широкое различіе. Въ ряду подобныхъ задачъ первенствующее мѣсто занимаетъ вопросъ о пользованіи земель въ Ирландіи и Англіи.

Ирландскій поземельный вопросъ доказалъ горькимъ опытомъ, что существуетъ по крайней мѣрѣ одна нація, близко касающаяся нашей, которая не можетъ и не хочетъ подчинить свой земледѣльческій строй общимъ аксіомамъ, навязываемымъ нашими экономистами всему міру; въ виду этого мало по малу во многіе умы стало вкрады-

(1) Если далѣе прибавляеть: «Политическіе писатели и ораторы этой школы долго пользовались двойной выгодой: сознавать себя главами трудной науки и обращать на себя милостивое вниманіе сильныхъ міра сего, утверждая санкціей науки все существующія учрежденія и обычаи за исключеніемъ обычаевъ бѣдныхъ. Въмѣсто науки о богатствѣ, они представляютъ намъ науку для богатства».

ваться понятіе, что эти общія аксіомы быть можетъ не общія, а только англійскія и то не аксіомы, а обычаи; нѣкоторые же начали сомнѣваться имѣютъ ли онѣ право на то отвлеченное превосходство, которое имъ приписываютъ. Возбужденъ былъ вопросъ о томъ, составляетъ ли организація поземельныхъ отношеній въ странѣ предметъ, къ которому примѣнимы безъ всякихъ ограниченій ходячіе аксіомы свободной торговли, свободы контрактовъ, абсолютнаго права каждаго распоряжаться своею собственностью и проч., должны ли частные индивидуумы имѣть ту же неограниченную власть, то же *jus utendi et abutendi* надъ недвижимой собственностью, которыми они по справедливости пользуются относительно движимой собственности.

Однажды возбужденный, этотъ вопросъ допускаетъ только одинъ отвѣтъ: различіе между двумя родами собственности лежитъ въ самой ихъ основѣ.

Во первыхъ земля составляетъ монополію не по волѣ человека, а по волѣ природы; она существуетъ въ ограниченномъ количествѣ и неспособна къ увеличенію. А всѣми признанъ принципъ, что когда государство отдаетъ монополію естественную или искусственную въ частныя руки, то сохраняетъ за собою право и не можетъ освободиться отъ обязанности подчинить эту монополію такому контролю, который необходимъ для общественной пользы.

Этотъ контроль особливо необходимъ въ томъ случаѣ, когда государство дозволяетъ частнымъ людямъ присвоивать себѣ источникъ, изъ котораго человечество черпаетъ и должно впредь черпать средство къ существованію. Общество имѣетъ слишкомъ важный интересъ въ томъ, какъ употребляется земля въ видѣ орудія для человѣческихъ потребностей, чтобы признавать за отдѣльными личностями право составлять преграду наименѣе полезному употребленію земли для означенной цѣли. Вездѣ, гдѣ сила не признается достаточной основой права, частная поземельная собственность оправдывается той теоріей, что наибольшая польза извлекается изъ земли на благо всего общества предоставленіемъ полной свободы личному интересу, обеспечиваемому частной собственностью. Но эта теорія, хотя она основана на истинѣ, не можетъ быть признана абсолютной истиной и предѣлы этой истины должны

быть предѣлами ея практическаго примѣненія. Личный интересъ собственниковъ земли при полной свободѣ совпадаетъ съ общимъ интересомъ всего общества до нѣкоторой степени, но не совершенно; бываютъ случаи, въ которыхъ личный интересъ тянетъ въ противоположную сторону. Даже съ точки зрѣнія производства не существуетъ полнаго совпаденія между частнымъ интересомъ землевладѣльцевъ и общественнымъ интересомъ. Съ точки же зрѣнія распределенія богатства чрезвычайно важенъ вопросъ, должно ли учрежденіе частной поземельной собственности обуславливать дозволеніе одному классу обогащаться всѣмъ ежегоднымъ увеличеніемъ народнаго богатства, которымъ въ цвѣтущей общинѣ пользуются землевладѣльцы, благодаря развитію капитала и народонаселенія, безъ всякихъ усилій или пожертвованій съ своей стороны; но этотъ вопросъ Лесли не поднимаетъ и потому мы въ настоящее время также оставимъ его въ сторонѣ. Но личный интересъ землевладѣльцевъ далеко не составляетъ достаточнаго обезпеченія въ томъ, что изъ земли будетъ извлечена наибольшая польза даже въ отношеніи ея производительныхъ силъ.

„Утверждали, говоритъ Лесли: — даже замѣчательные экономисты, что лучшимъ обезпеченіемъ для общества въ хорошемъ распоряженіи земель служить въ личный интересъ частныхъ владѣльцевъ. Стремленіе къ богатству, говорятъ, должно побуждать владѣльцевъ земли, такъ же какъ и владѣльцевъ капиталовъ въ торговлѣ, къ извлеченію наибольшей комерческой и производительной пользы изъ своего имущества. Политическая экономія напротивъ не подтверждаетъ подобнаго предположенія. Стремленіе къ богатству далеко не служитъ производительнымъ двигателемъ во всѣхъ обстоятельствахъ; напротивъ, иногда оно является источникомъ хищничества и основное положеніе политической экономіи въ этомъ отношеніи заключается въ томъ, что люди стремятся нажить богатство съ наименѣе возможными усиліями трудомъ, и пожертвованіями, что кромѣ богатства, они стремятся еще къ пріобрѣтенію спокойствія, удовольствій, общественнаго положенія и политической власти, что наконецъ они соединяютъ насколько возможно удовлетвореніе всѣхъ своихъ желаній съ пріобрѣтеніемъ богатства. Положеніе наследника крупнои поземельной собственности совершенно отлично отъ

положенія торговца, относительно котораго можно дѣйствительно сказать, что лучшее обезпеченіе для общества въ хорошемъ пользованіи его капиталомъ служить его личный интересъ, ибо торговецъ, пріученный къ дѣлу, подверженъ соперничеству и дѣйствуетъ подъ вліяніемъ не только стремленія къ богатству, но и страха быть вытѣсненнымъ съ рынка лучшими производителями. Также противно политической экономіи, какъ и здравому смыслу предполагать, что богатая синекура дѣлаетъ ея обладателя дѣятельнымъ и трудолюбивымъ, и наши землевладѣльцы обладаютъ не только богатыми синекурами, но такими, цѣнность которыхъ постоянно и часто быстро увеличивается безъ всякихъ усилій съ ихъ стороны... Интересъ землевладѣльцевъ, какъ мы можемъ предположить, основываясь на ихъ дѣйствіяхъ, состоитъ въ пріобрѣтеніи какъ можно болѣе денегъ, удовольствій, общественнаго значенія и политическаго вліянія, цѣною наименьшихъ пожертвованій въ видѣ аренды ихъ фермерамъ, улучшенія помѣстій и даже жительства въ этихъ помѣстьяхъ, если въ другихъ мѣстахъ жизнь пріятнѣе. Доказательствомъ того, что они дѣйствительно часто руководствуются своимъ интересомъ въ этомъ смыслѣ, служатъ знаменательные факты, частаго отсутствія землевладѣльцевъ изъ своихъ помѣстій, столь же часто встрѣчающагося недостатка всякихъ земледѣльческихъ улучшеній со стороны землевладѣльцевъ и отказа обезпечить пользованіе землей арендаторамъ увеличеніе парковъ на нѣкогда воздѣлываемой землѣ. Одинъ фактъ существованія годичныхъ арендъ, какъ обыкновеннѣйшей формы пользованія землей въ Англии и Ирландіи, тогда какъ эта форма несовмѣстная съ хорошей земледѣльческой системой доказываетъ, что интересъ землевладѣльца не можетъ служить обезпеченіемъ хорошаго управленія землею при отсутствіи всякаго вмѣшательства законовъ.“

„Богатство, говоритъ въ другомъ мѣстѣ Лесли, не составляетъ главнаго интереса для высшихъ, могущественнѣйшихъ классовъ.“

Но хотя личный интересъ землевладѣльцевъ часто дѣйствуетъ противъ, а не въ пользу интереса всего общества, относительно наилучшаго пользованія производительными силами земли, есть другая касающаяся къ дѣлу сторона, личный интересъ котораго совпадаетъ интересамъ общества: именно дѣйствительный воздѣлыва-

тель земли, если онъ, или мелкій собственникъ или арендаторъ, на условіяхъ вполнѣ обезпечивающихъ ему полное пользованіе всѣми плодами его труда и капитала. „Онъ, по словамъ Лесли: — фермеръ по ремеслу, и подверженъ соперничеству; онъ долженъ добывать себѣ пропитаніе и конечно желалъ бы нажить себѣ состояніе. Поэтому общество можетъ рассчитывать, что пользователь земли извлечетъ изъ нея все что можно, если онъ увѣренъ въ принадлежности ему всѣхъ плодовъ его труда. Но если онъ не можетъ имѣть этого въ виду, то конечно его интересъ работать только для настоящей минуты и употреблять всѣ отложенные гроши и свободное время на что либо другое, а не на улучшенія фермы. А что одинъ контрактъ не можетъ послужить ему необходимымъ обезпеченіемъ ясно доказывается не только интересомъ и дѣйствіемъ землевладѣльцевъ, но и тѣмъ фактомъ, что суды и законодательства нашли необходимымъ обезпечить цѣлымъ рядомъ законовъ права собственности арендаторовъ на произведенныя ими улучшенія.

Большимъ шагомъ впередъ и замѣчательнымъ торжествомъ политической необходимости надъ закоренѣлыми предразсудками представляется намъ то обстоятельство, что англійскій парламентъ принялъ биль, признающій по крайней мѣрѣ въ Ирландіи, что обезпеченіе пользованія землей необходимо для того чтобъ пользователь имѣлъ интересъ въ хорошемъ воздѣлываніи земли, и что это обезпеченіе не можетъ быть въ Ирландіи предоставлено условіямъ частнаго контракта, но должно быть опредѣлено закономъ. Любопытно въ какой наивной формѣ представляется это вмѣшательство закона нѣкоторымъ умамъ, которые, не смотря на сильное нежеланіе, видятъ необходимость его поддерживать. Они говорятъ, что это вмѣшательство закона очень нежелательно, но неизбежно, такъ какъ въ этомъ случаѣ принципы политической экономіи должны быть отложены въ сторону въ виду практическихъ затрудненій. Позволю ли себѣ замѣтить, что нѣтъ такихъ принциповъ политической экономіи, какъ тѣ, которые они въ своемъ воображеніи нарушаютъ? Принципы политической экономіи, какъ принципы всякой другой отрасли науки, совершенно отличны отъ практическихъ правилъ. Одни и тѣ же принципы требуютъ различныхъ правилъ при ихъ примѣненіи, какъ одинъ и тѣ же цѣли достигаются

различными средствами. Если личный интересъ землевладѣльцевъ не доставляетъ достаточнаго обезпеченія для арендаторовъ, то не противно, а напротивъ согласно ученіямъ политической экономіи искать другаго обезпеченія. Что дѣйствительно порицаетъ политическая экономія, такъ это абсолютную власть землевладѣльца надъ землею, и порицаетъ ее въ Англій, также какъ въ Ирландіи, хотя ея вредные экономическіе результаты въ Англій не такъ громадны и явны.

Книга Лесли, которую мы въ настоящее время разсматриваемъ, состоитъ частью изъ статей, появившихся въ журналахъ въ теченіе послѣднихъ трехъ лѣтъ. Но онѣ такъ свѣжи и такъ примѣнимы къ настоящему положенію вопроса, что кажутся писанными вчера; къ тому же, къ нимъ прибавлены другія статьи, доводящія факты и обсужденіе дѣла до послѣдняго времени. Всѣ статьи касаются до разныхъ фазисовъ поземельнаго вопроса и могутъ быть раздѣлены на три отдѣла: поземельный вопросъ въ Ирландіи, поземельный вопросъ въ Англій и земледѣльческое состояніе тѣхъ континентальныхъ странъ, которыя авторъ изучилъ на мѣстѣ. Мы не можемъ дать полнаго понятія о всемъ, что содержится въ этой книгѣ, но въ надеждѣ обратить на нее вниманіе читателей укажемъ на нѣкоторыя самыя важныя мѣста.

Взглядъ Лесли на положеніе Ирландіи (а Лесли ирландецъ изъ Ульстера, изучившій дѣйствіе экономическихъ законовъ въ этой странѣ на мѣстѣ) въ одно и то же время неблагопріятенъ и благопріятенъ. Благопріятенъ онъ относительно земледѣльческой и мануфактурной способности страны и возможности развитія народнаго благосостоянія при болѣе сносной земледѣльческой системѣ; но неблагопріятенъ онъ въ томъ отношеніи, что Лесли считаетъ лишь воображаемыми, а не дѣйствительными, тѣ улучшенія, которыя совершены или совершаются при нынѣшней системѣ вслѣдствіе голода и эмиграціи. Онъ отрицаетъ пользу, какъ эмиграціи такъ и другаго любимаго, англійскаго средства консолидаціи фермъ и не считаетъ ихъ не только радикальнымъ, но даже и не паліативнымъ средствомъ къ излеченію ирландской нищеты. Онъ фактически доказываетъ, что возвышеніе заработной платы, какъ велика она не кажется въ сравненіи съ прежнимъ ея уровнемъ

почти уравнивается съ возвышеніемъ цѣны на предметы потребленія, благодаря открытію золотыхъ приисковъ и распространенію желѣзныхъ дорогъ, значительно увеличившихъ цѣну земледѣльческихъ произведеній даже въ тѣхъ мѣстахъ, которыя по отдаленности рынковъ были самыми дешевыми странами въ мірѣ. Съ точки зрѣнія науки, онъ справедливо критикуетъ общее предположеніе, столь часто высказываемое, что уменьшеніе предложенія на рабочемъ рынкѣ должно пропорціонально увеличить заработную плату, не смотря на вліяніе, которое при нѣкоторыхъ экономическихъ условіяхъ даже незначительное возвышеніе заработной платы производитъ на спросъ. Въ отношеніи этого вопроса онъ ясно показалъ, что необходимо прибавить новую главу или отдѣлъ къ нашимъ руководствамъ политической экономіи; и конечно нельзя ему упрекнуть, что въ книгѣ подобной той, которую мы теперь разсматриваемъ, онъ только указываетъ на этотъ пробѣлъ, а не пополняетъ его (1). Что касается

(1) «Уговоръ о заработной платѣ, говоритъ Лесли: — составляетъ сдѣлку между хозяиномъ и его рабочими; то что можетъ хозяинъ заплатить рабочимъ зависитъ отъ его собственныхъ средствъ и прибыли, а не отъ суммы фондовъ, находящихся въ его рукахъ и рукахъ другихъ.... Общая сумма всего фонда, расходуемаго на заработную плату, нисколько не опредѣляетъ при данномъ числѣ рабочихъ, цѣну этой заработной платы.... Еслибъ въ данной странѣ остался бы одинъ работникъ, то заработалъ ли бы онъ всю ту сумму, которую получили прежніе работники всѣ вмѣстѣ? Конечно нѣтъ; развѣ онъ исполнитъ всю ихъ работу и разомъ будетъ работать на всѣхъ хозяевъ, ибо иначе откуда явятся деньги на его уплату?... Еслибъ одинъ хозяинъ или нѣсколько соединенные вмѣстѣ, имѣли въ своихъ рукахъ всю сумму, платимую рабочимъ въ данной мѣстности, то всѣ рабочіе, которые не могли бы эмигрировать могли бы быть наняты за ту цѣну, которая давала бы имъ лишь необходимый кусокъ хлѣба, не смотря на то, сколько былъ бы въ состояніи уплатить хозяинъ. Точно также если вся сумма платимой заработной платы, какъ дѣйствительно бываетъ на дѣлѣ, распределена между хозяевами неравномѣрно, то заработная плата будетъ неизмѣримо ниже, чѣмъ при равномѣрномъ распределеніи, подобно тому, какъ на аукціонѣ цѣна вещей бываетъ гораздо выше, если покупщики имѣютъ равныя средства, чѣмъ когда бѣольшая часть денегъ сосредото-

до Ирландіи, то онъ высказываетъ мнѣніе, что постоянно распространяющееся замѣненіе полей пастбищами въ теченіе всего періода эмиграціи, которая много этому способствовала, уменьшила запросъ на трудъ вполне пропорціонально уменьшенію предложенія на рабочемъ рынкѣ. Приводимые факты не только въ книгѣ Лесли, но и въ статьѣ профессора Лайона Плефэра „Объ упадкѣ производства человѣческой пищи въ Ирландіи,“ доказываютъ, что это превращеніе и уничтоженіе сельской промышленности, которая сначала только уменьшала производительность полей, а увеличивали производительность луговъ, въ послѣдніе годы уменьшили даже количество скота, и въ виду недостатка зимняго ухода и положительнаго ухудшенія земли, такъ какъ ея оплодотворяющіе элементы вмѣсто возвращенія вывозились изъ страны въ тѣлахъ продаваемого скота.“ Единственное исключеніе въ общемъ уменьшеніи количества животныхъ составляютъ овцы; это единственный предметъ сельскаго хозяйства, который развивается на землѣ, оставленной въ природномъ состояніи и потому въ Ирландіи число овецъ значительно увеличилось. Упадокъ земледѣлія и уменьшеніе

чена въ рукахъ немногихъ. Напримѣръ, если два покупателя имѣютъ каждый по 50 ф. стер, то каждый изъ нихъ можетъ израсходовать всѣ свои деньги, для покупки половины того, что онъ желаетъ купить, но если одинъ имѣетъ 5 ф. ст. а другой 45 то послѣдній можетъ купить все что онъ желаетъ за 5 ф. 5 шил. «Изъ этого слѣдуетъ, что даже при большей эмиграціи возвышеніе заработной платы будетъ ограничено той суммой, которую большинство хозяевъ (а въ Ирландіи они очень бѣдны) могутъ заплатить.» Хотя эмиграція можетъ заставить хозяевъ или болѣе платить работникамъ, или вовсе ихъ не нанимать, она не можетъ заставить ихъ платить на столько болѣе, на сколько можетъ возвысить заработанную плату увеличеніе цѣны на предметы потребленія.... Напротивъ эмиграція можетъ заставить хозяевъ прекратить уже начатое предпріятіе, оставить поля подъ пастбища, переселиться въ другую сторону, или различными другими путями удалить свой капиталъ съ рабочаго рынка. Эмиграція также можетъ заставить ихъ не платить ту же заработную плату какъ прежде, ибо лучшія и способнѣйшія руки удалены съ рынка; и такимъ образомъ эмиграція будетъ причиной, не увеличенія заработной платы, а ея уменьшенія.»

количества земледѣльческихъ произведеній имѣли естественнымъ результатомъ разореніе провинціальныхъ городовъ и селеній; Лесли рисуетъ грустную картину нищенскаго положенія провинціальныхъ городовъ за исключеніемъ находящихся на восточномъ берегу, которые поддерживаются торговлей съ Англіей. Даже возвышеніе цѣнъ, по видимому столь благодѣтельное для фермера при несчастной поземельной системѣ Ирландіи, часто приводитъ къ совершенно противоположнымъ результатамъ. „Возвышенныя цѣны сами по себѣ, по словамъ Лесли, только подвергаютъ арендатора, если онъ ничѣмъ не обезпеченъ, большой опасности, такъ какъ землевладѣлецъ соблазняется сдѣлать измѣненіе въ арендномъ условіи, или вовсе передать аренду другому, а аренда безъ всякаго условія въ настоящее время встрѣчается гораздо чаще, чѣмъ въ прошедшемъ поколѣніи. Естественнымъ слѣдствіемъ этого та несчастная система земледѣлія, которая встрѣчается повсюду кромѣ Ульстера и восточнаго берега. Изъ земли извлекаютъ лишь то, что она сама даетъ цѣною наименьшаго времени, труда и капитала.“

Консолидація фермъ, отъ которой столько ожидали и которую многіе англичане до сихъ поръ считаютъ панацеей для ирландской нищеты, оказалась точно также, какъ эмиграція вполне неспособной къ развитію народнаго благосостоянія.

„Мистеръ Бродерикъ, говоритъ Лесли, въ одномъ изъ очерковъ ирландской поземельной системы, вызванныхъ изъ подъ пера многихъ талантливыхъ англичанъ, указываетъ съ удивленіемъ на фактъ, въ справедливости котораго онъ убѣдился собственнымъ опытомъ, что ирландскіе фермеры, арендующіе 15 и 10 акровъ земли, платятъ высшую ренту, чѣмъ крупнѣйшіе фермеры и по крайней мѣрѣ съ такой же акуратностью. Дѣло въ томъ, что они вообще производятъ болѣе и что консолидація фермъ приводитъ къ уменьшенію жатвы, къ распространенію пастбищъ и рано или поздно къ истощенію почвы. Цифры, приведенныя въ послѣднемъ томѣ ирландской земледѣльческой статистики, ясно доказываютъ, что воздѣлываніе земли уменьшается, а количество луговъ, болотъ и пару увеличивается пропорціонально величинѣ фермъ. Можетъ быть многія изъ мелкихъ фермъ, исчезнувшія въ послѣдніе годы, были относительно земли и положенія слишкомъ малы, но это про-

изошло отъ того, что лучшая земля обыкновенно отдавалась подъ луга и что, благодаря тому же заблужденію, по которому землевладѣльцы косо смотрѣли на мелкія фермы, они перевели ихъ на худшую землю и несправедливо ограничили срокъ аренды и количество земли. Такимъ образомъ консолидація фермъ, вмѣсто того, чтобы быть шагомъ впередъ, привела къ значительному шагу назадъ въ ирландскомъ земледѣліи и въ производительности ирландской земли.“

Когда въ Англіи распространились свѣденія о громадномъ доходѣ, извлекаемомъ изъ неплодной почвы мелкими фермерами Бельгіи и о высшей рентѣ, платимой ими въ сравненіи съ большими фермерами, то лордъ Россъ, лордъ Дуферинъ и нѣкоторые другіе, старались доказать, что опытъ Фландріи въ виду различія климата и другихъ условій не примѣнимъ къ Ирландіи. Лесли напротивъ утверждаетъ, что успѣхъ мелкаго хозяйства во Фландріи достигнутъ не смотря на всѣ невыгоды климата и почвы, что Британскіе острова имѣютъ гораздо болѣе естественныхъ преимуществъ, чѣмъ Фландрія для обезпеченія успѣха фермъ въ 25 акровъ, что наконецъ, едва ли есть въ Европѣ страна, кромѣ Англіи, болѣе приспособленная къ мелкимъ фермамъ, чѣмъ большая часть Ирландіи, не исключая невоздѣланныхъ земель, которыхъ можно превратить въ производительныя посредствомъ фландской системы земледѣлія. Ирландскіе земледѣльцы также по его мнѣнію не лишены (если имъ будетъ предоставлена свобода дѣйствій) тѣхъ способностей, которыя необходимы для успѣшнаго пользованія мелкими фермами.

„Въ одномъ изъ южныхъ графствъ Ирландіи, рассказываетъ Лесли:—нѣсколько лѣтъ тому назадъ считавшимся чрезвычайно отсталымъ по своему уединенію, находится нѣсколько большихъ помѣстій хорошо мнѣ извѣстныхъ, и которыя на моей памяти, особливо же въ послѣднее время, подверглись совершенному преобразованію. Въ этихъ помѣстьяхъ земля воздѣлывалась въ былое время такъ какъ большая часть Ирландіи воздѣлывалась въ моей юности, теперь она воздѣлывается также хорошо, какъ въ любомъ графствѣ Англіи и одинъ торговецъ въ маленькомъ сосѣднемъ городѣ продаетъ искусственнаго одобренія на 25,000 ф. стерл. въ

годъ, тогда какъ вѣроятно онъ не продалъ бы и на одинъ ф. ст. прежнимъ поколѣніямъ. Одинъ изъ крупныхъ землевладѣльцевъ этой мѣстности, человекъ англійскаго происхожденія, самъ способствовавшій къ введеннымъ улучшеніямъ и опредѣлявшій нѣкогда ирландскаго арендатора, какъ существо, котораго инстинктъ побуждаетъ къ размноженію семейства и дробленію земли и котораго люди не могутъ научить хорошо воздѣлывать землю и не вступать въ бракъ, теперь пишетъ мнѣ: — „Арендаторы фермъ въ 20 акровъ держатся отлично, воздѣлываютъ землю гораздо лучше прежняго и не обременяютъ себя, какъ бывало, женами и семействами. Система земледѣлія, примѣняемая этими фермерами, католиками и туземными ирландцами обнаруживаетъ большой шагъ впередъ; ихъ осторожность въ дѣлѣ брака еще замѣчательнѣе; ихъ сестры и младшіе братья часто остаются неженатыми, такъ какъ они не хотятъ выйти изъ своего класса, иначе какъ для улучшенія своей судьбы“... Посѣщая недавно восточныя графства, я видѣлъ также многихъ арендаторовъ, которые слѣдовали хорошему примѣру своихъ землевладѣльцевъ; особливо въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ недалеко англійскіе рынки и гдѣ извѣстны улучшенія, введенныя на англійскихъ фермахъ. Изъ одной же мѣстности, въ которой я лично не былъ, я получилъ письмо отъ фермера, упорнаго защитника правъ пользователя, и въ этомъ письмѣ онъ говоритъ: — „Въ нашемъ округѣ и въ сосѣднихъ, обработываніе земли чрезвычайно улучшается. Нѣкоторые фермеры въ состояніи даже соперничать съ землевладѣльцами на земледѣльческихъ выставкахъ.“

Такимъ образомъ не отъ неспособности и закоренѣлыхъ обычаевъ ирландской расы происходитъ постоянный упадокъ въ производительности и благосостояніи страны, простирающейся между линіей, проведенной отъ Дублина къ ближайшему пункту Луфъ-Свилли на сѣверѣ и линіей, проведенной отъ Дублина къ заливу Бантри на югѣ, и содержащей въ себѣ три четверти всей поверхности острова. Но распространяться болѣе объ ирландской вѣтви поземельнаго вопроса у насъ нѣтъ ни времени, ни мѣста.

Поземельный вопросъ въ Англии, какъ справедливо замѣчаетъ Лесли, ни мало не походитъ на поземельный вопросъ въ Ирландіи; но зло англійской системы не менѣе, хотя и различное по

характеру. Поземельный вопросъ въ Ирландіи составляетъ вопросъ пользованія землей и всего необходимѣе реформа условій этого пользованія. Поземельный вопросъ въ Англіи главнымъ образомъ вопросъ рабочій, хотя пользователи земли также глубоко терпятъ отъ тѣхъ же причинъ, которыя довели работниковъ до ихъ теперешняго положенія. Если повторяетъ грустную исторію отчужденія англійскихъ крестьянъ отъ земли. Въ Англіи не такъ какъ во многихъ другихъ странахъ, потомки рабовъ возвысились до положенія мелкихъ фермеровъ-собственниковъ (yeomen), которыхъ современные лѣтописцы считали главной силой страны въ мирное и военное время. Въ концѣ XVII вѣка число этихъ мелкихъ землевладѣльцевъ все еще превосходило число арендаторовъ-фермеровъ и равнялось 160,000 чел., которые вмѣстѣ съ своими семействами составляли болѣе, чѣмъ седьмую часть всего народонаселенія, но нынѣ:

„Мелкіе поземельные собственники (yeomen) незначительные по числу и политической власти постепенно исчезаютъ; арендаторы-фермеры лишены обезпеченія въ пользованіи занимаемой ими землей, политической независимости и надежды, прежде ихъ всегда поддерживавшей, пріобрѣсть когда нибудь въ собственность уголокъ земли, и наконецъ поселяне не только лишены почвы въ буквальномъ смыслѣ этого слова, и рѣдко имѣютъ какое либо другое отношеніе къ землѣ, какъ право нищаго на помощь, но снизились въ другихъ важныхъ отношеніяхъ до положенія гораздо низшаго, чѣмъ то, которое они занимали въ прошедшія столѣтія. Такимъ образомъ на землѣ, способной отъ природы поддерживать многочисленное и цвѣтущее земледѣльческое населеніе всѣхъ классовъ, живутъ самые несчастные и немногочисленные поселяне во всемъ образованномъ мірѣ; главная же цѣль этой земли въ отношеніи человѣческихъ существъ по видимому заключается въ томъ, чтобы быть колыбелью чрезмѣрнаго населенія и нищеты въ городахъ... Каждый классъ сельскаго населенія понизился; мелкіе собственники почти исчезли; фермера-арендаторы потеряли свою древнюю независимость и интересъ въ землѣ; работники лишены своихъ отдѣльныхъ хижинъ, надѣловъ и доли въ общинной землѣ. Нѣкогда всѣ отъ скромнѣйшаго поселянина до могущественнѣй-

шаго лорда владѣли землей, и кто имѣлъ меньше, могъ со временемъ надѣяться получить больше; но теперь у тѣхъ, которые владѣли меньшимъ, отняли и то, что они имѣли — ихъ хижины, даже отдѣльныя занимаемая ими комнаты. Нѣкогда было восходящее движеніе отъ низшихъ классовъ къ высшимъ; нынѣ же движеніе нисходящее въ каждомъ классѣ за исключеніемъ вышшаго. Нѣкогда земледѣльческій классъ имѣлъ политическое представительство и голосъ въ законодательствѣ, который онъ смѣлъ поднимать противъ поземельнаго дворянства; нынѣ же послѣднее неограниченно распоряжается какъ землею, такъ и голосами ея воздѣльвателей. Однимъ словомъ, болѣе не существуетъ истиннаго сельскаго населенія, способнаго достигнуть тѣхъ политическихъ, соціальныхъ и экономическихъ цѣлей, которыхъ подобное населеніе должно достигать.“

Какимъ образомъ произошли эти грустныя перемѣны, подробно рассказано въ книгѣ Лесли и въ книгѣ Торнтонна „Чрезмѣрное увеличеніе народонаселенія и средство противъ него.“ Причины этихъ перемѣнъ въ отношеніи рабочихъ, Лесли резюмируетъ слѣдующимъ образомъ:

„Главные причины, по которымъ поселяне, самый важный классъ земледѣльческаго населенія, были лишены своихъ древнихъ правъ собственности и своего интереса въ землѣ, слѣдующія:

1) Конфискація ихъ древнихъ, общинныхъ правъ, которыя были важны не только сами по себѣ, но по оказываемой ими помощи къ поддержанію ихъ отдѣльныхъ частныхъ земель.

2) Конфискація въ большей мѣрѣ ихъ отдѣльныхъ частныхъ земель путемъ насилія, обмановъ и притѣсненій, а также вслѣдствіе отнятія у нихъ общинныхъ правъ.

3) Разореніе провинціальныхъ городовъ и селеній, слѣдовательно уничтоженіе мѣстныхъ рынковъ для произведеній крестьянскихъ фермъ и садовъ.

4) Введеніе законодательной системы, основанной на принципѣ феодальной неотчуждаемости земли въ пользу крупныхъ землевладѣльцевъ, и совершенно несовмѣстной съ сохраненіемъ стараго класса или съ возникновеніемъ новаго класса поселянъ собственниковъ.

5) Потеря поселянами вмѣстѣ съ землей и территоріальными правами всякой политической власти и независимости, а вслѣдствіе этого установленіе крупными землевладѣльцами законовъ, противныхъ ихъ интересамъ.

6) Наконецъ такое управленіе крупными землевладѣльцами своихъ имѣній, которое вело только еще къ большому обѣднѣнію поселянъ и отчужденію ихъ отъ земли.“

Всѣ эти причины подробно разсмотрѣны и объяснены въ книгѣ Лесли, который въ заключеніе говоритъ:

„Ирландскій поземельный вопросъ важнѣе англійскаго въ политическомъ отношеніи, но не въ экономическомъ; впрочемъ и въ политическомъ отношеніи онъ важнѣе только въ настоящую минуту. Необходимость экономической реформы гораздо чувствительнѣе въ Англійи, чѣмъ въ Ирландіи; основной поземельный вопросъ въ Англійи относится къ гораздо обѣднѣйшему классу, чѣмъ ирландскіе арендаторы, и въ Англійи существуетъ гораздо большая нищета, причина которой заключается главнымъ образомъ въ ея поземельной системѣ, усложненной поземельной системой Ирландіи и ея естественнымъ слѣдствіемъ—эмиграціей нищеты.

„Недалекъ тотъ день, когда главнымъ вопросомъ англійской и ирландской политики будетъ вопросъ: должна ли земля быть источникомъ власти и богатства немногимъ привилегированнымъ лицамъ или источникомъ счастья и благоденствія всему народу? Тѣсно связавъ съ этимъ вопросомъ и другой: должны ли разрѣшить первый вопросъ эти немногія привилегированныя лица или весь народъ?“

Къ такому несчастному результату, къ такому полному неуспѣху привела англійская земледѣльческая система, если мы будемъ цѣнить ее не по благосостоянію землевладѣльцевъ или по количеству производства всей земли, но по истинному мѣрилу—по положенію массы народонаселенія. Но переходя вслѣдъ за авторомъ отъ картины грустныхъ послѣдствій этой системы къ мѣрамъ для устраненія зла, мы поражены ихъ недостаточностью. Мы увѣрены, что самъ Лесли признаетъ, что онъ въ своей книгѣ только указываетъ на этотъ важный предметъ, но не болѣе.

По словамъ Лесли, причины зла заключаются въ томъ, что поземельная собственность находится въ рукахъ слишкомъ немно-

гихъ лицъ, что движеніе въ пользу образованія большихъ фермъ доведено было до крайности, что наконецъ арендаторы не достаточно обезпечены въ своемъ пользованіи землей. Онъ полагаетъ дѣйствительными только тѣ мѣры для уничтоженія существующаго зла, которыя будутъ стремиться къ увеличенію числа собственниковъ и къ обезпеченію пользователей продолжительными арендами на занимаемую ими землю. Для достиженія первой цѣли, по его словамъ существуетъ въ исторіи три различныхъ способа:— „Первый способъ заключается во французскомъ законѣ раздѣленія семейной собственности между всѣми дѣтьми поровну, система заслуживающая похвалу только потому, что она лучше феодалной системы, которая лишала наслѣдства всѣхъ дѣтей кромѣ одного. Второй способъ, гораздо разумнѣе и справедливѣе, заключается въ ограниченіи количества земли, которому можетъ наслѣдовать каждое отдѣльное лице. Подобная мѣра, какъ поразительно не казалась бы она нынѣшнимъ земледѣльческимъ понятіямъ, не уменьшила бы счастье, можно навѣрно сказать, ни одного человеческого существа въ будущемъ поколѣніи; точно также нельзя поручиться, что зло происходящее отъ долгаго хотя совершенно иного рода ограниченія поземельной собственности не заставитъ прибѣгнуть къ такой мѣрѣ, сдѣлавшейся необходимостью въ виду естественнаго увеличенія народонаселенія. Но эта мѣра въ настоящее время могла бы быть совершена только жестокой революціей... Если же намъ не можетъ послужить образцомъ ни французская система равномѣрнаго раздѣленія земли, ни аграрная система Гракковъ, то мы все же можемъ остановиться на общемъ стремленіи англійской законодательной реформы со времени утвержденія системы, которая ограничивала владѣніе землей извѣстной нисходящей линіей въ извѣстномъ количествѣ семействъ, лишая съ этой цѣлію cadaquo послѣдующаго собственника главныхъ элементовъ самой собственности. Феодалный землевладѣлецъ не имѣлъ права продавать свою землю, оставлять ее по завѣщанію, отдавать ее въ аренду, выдѣлять участки своему семейству, уступать ее за долги; онъ такимъ образомъ былъ лишенъ главныхъ правъ собственности и получалъ въ замѣнъ только право конфисковать собственность пользователей его землей.“

Лесли предлагаетъ возвратить землевладѣльцу эти законныя его права, уничтоживъ всѣ ограниченія, которыя въ настоящее время лишаютъ собственника земли, права ея отчужденія. Онъ предлагаетъ: 1) „Уничтожить обязательную силу *фидеикомисовъ*, за исключеніемъ тѣхъ, которые касаются интересовъ женъ; 2) приравнять семейныя *фидеикомисы* за указаннымъ исключеніемъ, къ завѣщаніямъ, т. е. сдѣлать ихъ *ipso facto* ничтожными послѣ брака и измѣняемыми послѣдующими распоряженіями; 3) постановить, что каждый послѣдующій собственникъ получаетъ наследуемую имъ землю свободную отъ всякихъ ограниченій правъ собственности; 4) подвергнуть продажѣ по смерти собственника всѣ земли, обремененныя долгами для уплаты прежде всего этихъ долговъ; 5) приравнять въ случаѣ смерти собственника безъ завѣщанія раздѣленіе недвижимой собственности къ раздѣленію движимой.“

Для обсужденія этихъ предложеній не надо непременно рѣшать труднаго законодательнаго вопроса о томъ, слѣдуетъ ли и когда позволять *фидеикомисы*, или иными словами, можетъ ли собственникъ имѣть право оставлять послѣ своей смерти имущество въ пожизненное пользованіе одному лицу и въ наследственную собственность другому лицу послѣ смерти перваго. Очевидно, что подобное право можетъ быть предоставлено относительно движимой собственности, а не земли. Было бы достаточно постановить, что всякое распоряженіе завѣщателя, по которому наследникъ не получаетъ полнаго, неограниченнаго права собственности, будетъ дѣйствительно только относительно не самой земли, а капитала вырученнаго отъ ея продажи. Нельзя представить тѣхъ же возраженій противъ ограниченія права отчуждать фонды и другіе денежные знаки, какъ въ отношеніи земли, источника, а не средства производства; такимъ образомъ, если не воспрещая землевладѣльцу распоряжаться своими денежными средствами, у него отняли бы власть удерживать часть отечественной земли отъ обращенія, то онъ или былъ бы принужденъ завѣщать землю своему наследнику въ полную собственность съ правомъ ее отчуждать или если онъ считалъ бы необходимымъ связать руки наследнику, то земля была бы продана по опредѣленію закона и постановленными

въ завѣщаніи ограниченія касались бы только до вырученныхъ отъ продажи денегъ. Мы видѣли, что Лесли предлагаетъ по смерти каждаго наследователя продавать землю на столько, чтобы покрыть долги лежащія на остальной землѣ. Не высказываясь вполне въ пользу такого предложенія, такъ какъ оно требуетъ всесторонняго и основательнаго обсужденія; замѣтимъ только, что если бы оно было принято, то землевладѣльцы не имѣя возможности обременить землю извѣстнымъ доходомъ въ пользу младшихъ дѣтей, должны были бы или завѣщать имъ часть земли или продать часть ея и оставить имъ капиталъ. Эти распоряженія ограничили бы значительно сосредоточеніе большихъ массъ земли въ извѣстной нисходящей линіи, а вслѣдствіе этого произошло бы конечно ежегодное увеличеніе количества земли на рынкѣ.

Но безъ сомнѣнія; Лесли долженъ лучше другихъ знать, какъ мало подобныя мѣры содѣйствовали бы къ переходу бѣльшей части земли къ дѣйствительнымъ ея воздѣльвателямъ. Во Франціи и въ другихъ странахъ континента продажа земли обыкновенно означаетъ покупку ея бѣдными, ибо бѣдный можетъ дать высшую цѣну, а богатые обыкновенно немногочисленные не занимаются обработкой земли и не охотники до сельскихъ удовольствій. Но въ Англіи продажа земли обыкновенно означаетъ продажу ея богатымъ. Ежегодное возрастаніе большихъ состояній въ классахъ мануфактурныхъ и комерческихъ создаетъ постоянный рядъ богатыхъ семействъ, жаждущихъ занять мѣсто землевладѣльцевъ, принужденныхъ продать землю. Если въ Англіи не произойдутъ перемѣны болѣе радикальныя, чѣмъ увеличеніе свободы отчужденія, то почти вся земля, какъ бы она не переходила изъ однѣхъ рукъ въ другія, по всей вѣроятности останется собственностью богатыхъ; и наврядъ ли новыя землевладѣльцы станутъ отдавать въ аренду свои земли на условіяхъ болѣе выгодныхъ для ихъ арендаторовъ, чѣмъ прежніе собственники. Конечно, увеличившееся количество земли на рынкѣ уменьшило бы ея цѣну и сдѣлало бы возможнымъ ея покупку бѣльшему числу людей, такъ что иногда она попадала бы въ руки лицъ, намѣреющихся обработывать ее, а не отдавать въ наемъ, но рѣдко попадала бы она къ тѣмъ, которые собственными руками воздѣлываютъ ее. Если увеличеніе

количества продажной земли должно послужить къ пользѣ рабочаго класса, то должны быть приняты совершенно иныя мѣры; на примѣръ можно время отъ времени покупать на общественный счетъ земли и отдавать ихъ мелкимъ фермерамъ съ должнымъ обезпеченіемъ ихъ права пользованія или кооперативнымъ ассоціациямъ рабочихъ, что не уменьшая, а вѣроятно увеличивая производство земли дало бы прямыя выгоды, вытекающія изъ владѣнія землей тѣмъ, которые обрабатываютъ ее лопатой и плугомъ. Если не включилъ подобную мѣру въ число своихъ предложеній, но она совершенно согласуется съ его принципами и необходима, мы полагаемъ, для того, чтобъ эти принципы имѣли благодѣтельные результаты. Между тѣмъ мѣры имъ предлагаемыя сдѣлали бы возможнымъ множество земледѣльческихъ и промышленныхъ предприятий, ведущихъ къ увеличенію народнаго богатства, и которыя нынѣ немислимы, благодаря ограниченіямъ существующей поземельной системы.

У насъ не осталось ни мѣста, ни времени на разсмотрѣніе третьяго отдѣла книги Лесли, касающагося до поземельныхъ системъ и земледѣльческаго положенія континентальныхъ государствъ. Однако очерки, относящіеся къ этому отдѣлу значительно увеличиваютъ наши свѣденія о тѣхъ странахъ, которыя авторъ самъ посѣтилъ и изучилъ при содѣйствіи высшихъ мѣстныхъ экономическихъ и земледѣльческихъ авторитетовъ; такъ въ Вестфалии и Рюрескомъ Басейнѣ онъ пользовался помощью нѣсколькихъ извѣстныхъ въ наукѣ лицъ, въ центральной Франціи — знаменитаго Леонса де Лаверна, а въ Бельгіи Эмиля де Лавелэ, замѣчательная статья котораго въ Сборникѣ Кобденскаго клуба познакомила англійскихъ читателей съ поучительными выводами его важныхъ трудовъ о Бельгіи, Голландіи и Ломбардіи. Очерки Рюрескаго Басейна и департамента Крезы чрезвычайно любопытны и факты, приводимые въ нихъ, совершенно новы для англійскихъ читателей, но самая замѣчательная статья въ виду цѣли книги Лесли — это его очерки Бельгіи. Статья его о французской поземельной системѣ въ Сборникѣ Кобденскаго клуба доказала что, не смотря на сильное хотя замѣтно уменьшающееся предубѣжденіе англичанъ, владѣніе землей поселянами во Франціи привело къ блестящимъ

результатамъ. Статья о Бельгіи въ его книгѣ отдаётъ ту же справедливость мелкимъ фермамъ и мелкимъ собственникамъ этой страны. Если мы сравнимъ подробныя и основательныя свѣдѣнья, сообщаемыя Лесли и Лавелэ, съ доводами приводимыми противной стороною, даже такимъ авторитетомъ какъ Джемсъ Гоуардъ въ его книгѣ „Континентальныя фермы и поселяне“ (хотя Гоуардъ не абсолютно враждебенъ мелкимъ фермамъ, но выражаетъ желаніе, чтобъ онѣ соединялись между собою), то послѣдніе нисколько не уменьшаютъ значеніе первыхъ. Всѣ факты, приводимыя Гоуардомъ и основанныя на дѣйствительномъ опытѣ, можно признать справедливыми, ни мало не уменьшая важности тѣхъ примѣровъ, которыми Бельгія доказываетъ на что способно *мелкое хозяйство*. Нѣтъ ни одного недостатка *мелкаго хозяйства*, указаннаго Гоуардомъ, который былъ бы неизбѣжнымъ слѣдствіемъ этой системы; къ тому же Лесли и Лавелэ доказываютъ фактически, что и эти недостатки въ Бельгіи постоянно сглаживаются.

СОДЕРЖАНІЕ.

	Стр.
I. Поземельная система Бельгіи и Голландіи	7
II. Поземельная система Франціи.	61
III. Земля и поземельные законы въ Соединенныхъ Аме- риканскихъ Штатахъ	87
IV. Поземельное законодательство въ Пруссіи въ 19-мъ столѣтіи	103
V. Поземельные законы Англійи	147
VI. Поземельный вопросъ въ Ирландіи	175
VII. Поземельные законы въ Индіи	222
VIII. О поземельномъ вопросѣ	265

СОДЕРЖАНИЕ

198	IV. Исследования по физическим свойствам
147	V. Исследования по химическим свойствам
175	VI. Исследования по биологическим свойствам
222	VII. Исследования по фармакологическим свойствам
207	VIII. Заключение

ВУЛГАДЪНІИ И ПЛОДЪБОРЪ СЕМЈИИ

